

ИЭА РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Власова И.В.

РУССКИЙ СЕВЕР

**историко-культурное
развитие
и идентичность
населения**

Москва
2015

ББК 63.5
УДК 39
В 58

Ответственный редактор
А.В. Буганов

Власова И.В.

В 58 Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М.: ИЭА РАН, 2015. – 376 с.

ISBN 978-5-4211-0146-8

Книга посвящена идентичности и культуре севернорусского населения. Рассматриваются этническая история Русского Севера, крестьянская повседневность, особенности мировоззрения, соционормативные представления о землепользовании, семейно-родственные отношения, самоидентификация. Книга является итогом более чем полувековых исследований Русского Севера, осуществленных автором.

Для историков, этнологов, антропологов и всех, интересующихся этнографией и историей русского народа.

ББК 63.5
УДК 39

ISBN 978-5-4211-0146-8

© Институт этнологии и антропологии
РАН, 2015
© Власова И.В., 2015

Оглавление

<i>А.В. Камкин, И.В. Спасенкова. Об идентичности, этничности и гражданственности (И.В. Власова и ее книга)</i>	7
Введение	16
Глава I	Основные вехи этнической истории и судеб народной культуры северян
	25
Роль северян в формировании и развитии русских	29
Трансформации в севернорусской народной культуре в ходе этнической истории	43
Глава II	Культура повседневности севернорусского населения
	68
Крестьянская повседневность и культура сельских поселений	83
Хозяйственная деятельность и представления крестьян о значимости земледельческих работ	98
Сообразность культуры жилища с крестьянским сознанием и менталитетом	112
Отражение крестьянского мировоззрения в культуре народной одежды	131
Глава III	Землепользование севернорусской деревни и соционормативные представления крестьян
	152
Нормы обычного права в крестьянском землепользовании	154
Представления крестьян о земле и труде на ней	167
Представления крестьян о частной собственности на землю	179
Землепользование колхозов и изменение отношения крестьян к земле	191
Правовая культура землепользования конца XX – начала XXI века	198

Глава IV	Семейно-родственное сознание северно-русского крестьянства	219
	Представления северян о родстве и семейно-родовых связях ранних периодов истории	220
	Представления крестьян о значимости брака в жизнедеятельности сельского мира	226
	Строй семейной жизни и представления крестьян о родине – семейном доме	271
	Семейно-брачные отношения и детность семьи	288
	Семейное воспитание детей	298
	Изменения в представлениях крестьян о сущности семьи и семейно-брачных отношений	307
Глава V	Исторические представления и самоопределение северян	320
	Начало становления самосознания северян	323
	Судьбы севернорусской этнотерриториальной общности и ее локальных групп	327
	Соотношение севернорусского самосознания с общерусской и российской идентичностью	345
Заключение		358
Список научных трудов Ирины Владимировны Власовой		362
Список сокращений		374

Об идентичности, этничности и гражданственности (И.В. Власова и ее книга)

Ирина Владимировна Власова (1935–2014) задумала эту книгу как итог полувековой деятельности по изучению этнической истории Русского Севера. Так получилось, что она стала ее последней монографией, работа над которой в буквальном смысле шла до последнего дня жизни.

Книги такого рода всегда читаешь с особым чувством. Каждая мысль ушедшего автора приобретает особую значимость. Каждое слово выношено десятилетиями. И каждое слово становится завещанием.

Русский Север стал главным в творчестве Ирины Владимировны не случайно. Она родилась в Вологде в 1935 году. По линии отца относилась к старинному вологодскому роду Суконщиковых. Представители этого рода веками занимались в Вологде торговлей и ремеслом. Были весьма успешными в своей деятельности. Разные ветви этого рода имели в городе собственные дома, один из которых сохранился до сих пор как памятник городской архитектуры. Среди Суконщиковых – купцы, мещане, генерал (участник Первой мировой войны), петербургский профессор-офтальмолог, талантливая пианистка.

По линии матери известен великоустюжский иконописец Николай Алексеевич Дофин. Он имел академическое образование и как художник работал в этом направлении. Создал свою художественную школу. В настоящее время отреставрированные иконы письма Николая Дофина демонстрируются в музее Великого Устюга.

В 1953 году Ирина Владимировна поступила на исторический факультет Московского государственного университета, стала москвичкой, но свою привязанность к земле предков доказывала всей своей научной биографией.

Уже первая ее статья (о формах сельских поселений Вологодской области, опубликована в 1968 году) была посвящена огромному региону России – Поморью, которое с XV века со-

ставляло едва ли не половину Московской Руси. А монографии «География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв.» (М.: Наука, 1974, в соавторстве с ее научным руководителем по аспирантуре М.В. Витовым) и «Расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX века» (М.: Наука, 1976) раскрывали панорамную картину систем севернорусского расселения, отличались виртуозной картографией и тщательной интерпретацией сложнейших исторических источников. Все это сделало научный дебют Ирины Владимировны весьма успешным, а сами монографии не теряют своего значения до сих пор и остаются для северного региона России единственными в своем роде.

В 1984 году вышла в свет книга «Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв.» (М.: Наука). Это была публикация докторской диссертации Ирины Владимировны. Монография реконструировала сложнейший опыт традиций крестьянского землепользования в двух генетически связанных регионах – Поморье и Западной Сибири – в период активного освоения последнего земледельцами Русского Севера. Важно то, что на примере важнейшей сферы материальной культуры – землепользования – была не только раскрыта тема расширения этнической территории русских, но и показаны способы сохранения ее единства.

И.В. Власова активно участвовала в осуществлении новационного для своего времени научного проекта (идея В.А. Александрова). Суть его заключалась в том, чтобы проследить перенос традиций материальной культуры русского народа на путях «встречь Солнцу». Так появилась коллективная монография «На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII–XX вв.» (М.: Наука, 1989).

Заслуженным признанием научных заслуг Ирины Владимировны Власовой стала Государственная премия Российской Федерации в области науки и техники 1993 года, которой она вместе с В.А. Александровым, М.М. Громыко, М.Г. Рабиновичем и Л.Н. Чижиковой была удостоена за цикл монографий «Традиционная культура русского народа в XVII – начале XX в.».

Наряду с фундаментальными монографическими работами, личными и коллективными, в свет вышло большое количество статей. Именно в них раскрывается многообразие научных интересов Ирины Владимировны. Она исследовала различные вопросы истории русской семьи, тщательно рассматривает вопросы демографии и расселения русских на Севере, формы и типы сельских поселений, традиционное крестьянское северное жилище, формирование этнической территории русских в целом и этнографических групп русских на Севере, севернорусские топонимы, географию систем земледелия, севернорусскую общину и крестьянское обычное право.

Ирина Владимировна – опытный этнограф-полевик. Она совершила более 60 выездов в семнадцать регионов России. Об этом она написала в известной книге «Экспедиционные были. Путевые воспоминания» (М., 2014), вышедшей после ее кончины. Глава об экспедициях на Русский Север названа поразительно тепло – «Русский Север (1956–2014) – любовь на всю жизнь». В книге она пишет об атмосфере экспедиций, о курьезных случаях, о людях и о том, как рождается живая наука о народе. «Экспедиционные были» – яркий пример экспедиционной антропологии. Не пишет она лишь об одном – о том, что со временем душой экспедиций стала она. В поле она научилась соединять строгость с материнской заботой, а искренние дружеские отношения с научной взыскательностью.

Последние два десятилетия научной деятельности И.В. Власовой (ставшей в 1995–2007 годах во главе отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН) связаны с подготовкой фундаментальных обобщающих трудов – «Русские» (серия «Народы и культуры», М., 1997) и «Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века». Книга о Русском Севере завоевала диплом книжного Оскара на XX Международной книжной ярмарке в номинации «Научная и научно-техническая литература». Не частый случай в мире научной литературы – она выдержала два издания (2001, 2004). В книге, а она насчитывает 845 страниц, более 40% текста принадлежит Ирине Владимировне.

Для всех, кто следил за творчеством Ирины Владимировны в начале XXI века, все более очевидным становилось ее растущее внимание к вопросам севернорусского регионального и локального самосознания, религиозным основам крестьянской культуры, реконструкции повседневной культуры. В 2005–2006 годах под ее редакцией в издательстве «Наука» вышли сборники «Мировоззрение и культура севернорусского населения», в 2009 году – коллективная монография «Очерки русской народной культуры».

И вот перед нами ее последняя работа.

На наш взгляд, в ней органично соединились академизм и актуальная публицистичность, предельная конкретность и концептуальные обобщения, меткие наблюдения исследователя и нескрываемая любовь к родному Русскому Северу.

Есть несколько авторских выводов, на которые хотелось бы обратить внимание читателя.

Автор солидарна с научной традицией, утверждающей, что Европейский (Русский) Север един в историко-культурном отношении, а наследие всех населяющих его народов признано, по выражению Д.С. Лихачева, «памятником отечественной и мировой культуры». В обилии и разнообразии местных традиций «есть нечто цельное, придающее этому краю особую ценность для всей русской культуры».

Она очень подробно и крайне интересно пишет о том, когда и почему северяне стали именовать себя не как прежде – *славяне* и *чудь*, а областными (локальными) названиями, отражавшими их территориальное размещение: *двиняне*, *важане*, *белозерцы*, *устюжане*, *тотьмичи*, *вологжане*, *вычегжане*. Такие самоназвания играли в то время роль своеобразных этнонимов. Это самосознание автор выявляет в словесных, речевых, антропонимических (именах, прозвищах) формах, в фольклорных жанрах, в которых и даются характеристики себе и другим.

Крайне важной представляется мысль Ирины Владимировны о природе множества локальных особенностей на Русском Севере. По ее мнению, освоение земель проходило путем адаптации поселенцев не только к природной среде. Оно неизбежно сталкивалось с иной человеческой средой, с другим социокуль-

турным и психологическим контекстом. В таких условиях в каждом конкретном случае формировался свой адаптированный «образ реальности», т.е. локальные варианты общей традиции.

Тем не менее, как утверждает автор, в основе севернорусской культуры были общие, единые мотивы и действия. В этом контексте она выделяет особую роль распространения христианства на Севере. Совместное проживание и постепенная ассимиляция при чересполосном расселении вели к возникновению единого самосознания, и таким образом «севернорусское население в тот ранний период стало осознавать себя не только славянским, отличая себя от чуди, но и, можно думать, православным, да и славянская ассимиляция веси и чуди ускорялась принятием последними христианских норм жизни и обрядности». Приход к одной вере способствовал тому, что у северных народов обнаруживалось все больше общих культурных черт.

Ирина Владимировна рисует образ северянина, взаимодействующего с природой и «покоряющего» ее, выработавшего у себя спокойный, волевой, предприимчивый характер. Самым ценным в таком хозяйствовании было сохранение, а не нарушение исконных традиций, глубокое знание местных природно-климатических условий, природоохранная деятельность, основанная на выработанных веками мерах по сохранению почвенного плодородия.

Глубокое знакомство с народной культурой Урала и Западной Сибири позволило автору утверждать, что «северяне сумели сохранить не только общерусскую культуру, но и выработали ее варианты, живя в северных условиях и перенося их в другие, осваиваемые ими, пространства далеко за пределами региона – на Урал и в Сибирь».

Рассматривая историю культурной повседневности, автор обращается к северной культуре поселений, земледелия, домостроительства и народного костюма. Эти главы книги буквально переполнены образным и конкретным материалом, представляют собой своего рода энциклопедию материальной и повседневной культуры русской северной деревни. При этом в книге вскрыто значение разнообразных факторов, влиявших на механизмы передачи культурно обусловленных опыта и знаний

последующим поколениям. Материальная культура неразрывно связывается с множеством явных и скрытых смыслов, живших в крестьянском мировоззрении. Если автор пишет о северной одежде, то обязательно связывает ее с эстетическими и духовно-нравственными идеалами. Если пишет о землепользовании, то органично связывает его с вековыми представлениями о земле и с взглядами на высокую миссию труда земледельца. Если пишет о крестьянском жилище, то видит в нем проявление крестьянского менталитета.

Нацеленность автора на осмысление единства материального и социального опыта северян с духовными и ментальными основами жизни буквально пронизывают всю книгу. Все жизненные реалии «переплетены между собой, и в них прослеживается характерная черта – сообразность, соотнесенность человеческих действий и мировоззренческих установок с присущими им ценностями».

В книге показано, что «крестьянская культура долго жила, базируясь более всего на “традиции и подражании”. Традиции духовно-нравственного бытия и подвижничества превалировали над “голым экономическим интересом”. Они свидетельствовали об их высоком развитии в культурно-нравственном смысле». Эти выводы Ирины Владимировны имеют важное методологическое значение. Мало того – автор подчеркивает, что сознание крестьян-общинников закреплялось не только их коллективным трудом, но и совместным проведением обрядов, традиций, ритуалов, а также бытовых, религиозных, семейных праздников, деревенских посиделок.

Материальная культура, ментальность, культура повседневности, самосознание, по мнению Ирины Владимировны, переплетены между собой. Но автор жалеет, что их изучение оказалось сегодня методологически разъединенным, обособленным одно от другого. Преодолеть эту разобщенность можно с помощью междисциплинарного (комплексного) подхода при исследовании рассматриваемых явлений, особенно с применением методов этнологии, психологии, социологии.

Существенной чертой последней книги Ирины Владимировны Власовой стали ее размышления о самосознании и само-

определении современных северян, о сложных проблемах, с этим связанных. Десятилетия погружения в исследование этнической истории, исторических представлений и самосознания северян дали ей право высказать эти мысли не в публицистическом или голословном ключе, а в сдержанно-академической манере, всегда присущей ее стилю. Хотелось бы обратить внимание на следующие положения автора.

Первое из них связано с обращением нас, нынешних, к многовековому крестьянскому опыту.

Автор полагает, что с 1930-х годов произошло нарушение связей человека с землей, отторжение от нее хлебороба, утрата крестьянской психологии (любовь к земле, отношение к ней как к живой), которая вела к правильному хозяйствованию на ней. Колхозы не выполнили той роли, которая была присуща русской общине, «а дореволюционная производственная кооперация, основанная на подлинно демократических методах и являвшаяся настоящей коллективизацией, оказалась забытой». В ходе различных реформ советского периода в сельском хозяйстве произошло, например, уничтожение многих культурных угодий, и из памяти крестьян исчезали их названия, дотоле существовавшие веками. А вместе с ними стало пропадать и осознание того пространства и той среды, которая когда-то была освоена и постоянно столетиями находилась в поле зрения хозяйствовавших в ней людей. Разрушение храмов привело к потере духовных ориентиров. Среда обитания пустела и обесценивалась, духовные формы культуры и внутриэтнические связи утрачивались.

Ирина Владимировна одним из условий сохранения севернорусской (да и русской в целом) идентичности называет обращение к опыту русского крестьянина. Самое главное – «надо вернуться к возрождению крестьянского мировоззрения, к крестьянскому пониманию сущности земли, труда на ней, представлению о земельной собственности, проявлявшимся в повседневной жизни, а это может быть достигнуто путем воспитания истинного хозяина на земле, каким было наше русское крестьянство». Вместе с тем автор указывает, что полного возвращения к крестьянским традициям не может быть. «Их надо

знать, изучать, анализировать, т.е. осмыслять творчески и при-способливать к настоящей действительности. Восстановление России и самоощущения ее народа должно стать “новым рождением”, а не реанимацией отжившего. Наше расколотое общество надо собирать воедино обращением к разуму, совести и памяти, из чего и появится будущая Россия и новое российское сознание».

Второе положение автора связано с возрождением интереса к «этническому» в нашей современной жизни.

С конца 1980-х – начала 1990-х годов в среде северян стали заметными проявления самоопределения, как, впрочем, и у других народов. Их этносознание как бы «пробудилось». По этому вопросу позиция автора заключается в следующем. С одной стороны, идет возврат к традиционной России, и иногда в чем-то можно уловить рост русского этнического сознания. С другой – видны размытые традиции, унификация образа жизни, что неизбежно приведет к единообразию народного сознания. Обе тенденции отражают изменения в самоопределении русских и связаны с начавшимся формированием новой российской идентичности. Русские находятся на промежутке между распадающимся советским этническим «сознанием» и не состоявшимся пока национальным российским.

Некоторые из локальных групп русских уже давно «растворились» среди окружающего населения. Другие же, спокойно существовав весь XX век, лишь помнили о собственном своеобразии и происхождении, а в 1980-х годах заявили о своем существовании. Изменения в самосознании происходили у всех таких групп во время «перестройки» и после нее. В качестве примера можно указать на общественное движение в Архангельской области, направленное на признание поморов малочисленным народом Севера. И.В. Власова пишет, что такие крайности происходят в условиях недостатка социальных связей и в отсутствии качественной общегражданской национальной идентичности. Именно тогда и возникает в современном сообществе идея этничности как общности по крови. Их идентичность соответствует, как правило, региональному или локальному сознанию. И такие виды сознания в будущем еще могут сохраняться.

Высказывается автор книги и о современном «этнонационализме». Она категорически против того, чтобы признать «этнонационализм» в качестве спасительной идеи, поскольку он считает нацией только «своих членов», а не всех граждан страны. Автор убеждена, что русский этнонационализм – «это средство для разрушения исторической России, он не имеет отношения к представлению о настоящей русскости. Русскость – это сознание внутренней, глубинной общности, не примитивный национализм, а широкое понятие бережного отношения к своей истории и культуре и призыв к другим уважать их».

Как наказ будущим поколениям звучат слова Ирины Владимировны о том, что подлинно надежным в условиях России может стать «только наше многонациональное взаимодействие, продолжение дела исторического государства. Тогда понятие “русский народ” наполнится реальным смыслом. В этом понятии необходимо равновесие двух равноправных, взаимообусловленных начал – этничности и гражданственности. Пусть каждый, считая себя представителем своего народа, в то же время осознает себя принадлежащим к семье народов России, так как у нас у всех общая история и ценности. Такая многоуровневая идентичность должна оставаться в России».

Для нас, северян, Ирина Владимировна Власова – одна из основателей исторической этнографии Русского Севера. По широте исследуемой историко-этнографической проблематики Русского Севера и добротности результатов ей нет равных. И вышедшая в свет книга – тому убедительное свидетельство.

В подготовке книги к печати участвовали сотрудники отдела русского народа: Т.А. Листова, С.С. Крюкова, О.В. Кириченко, А.В. Фролова. На обложке использованы экспедиционные фотографии А.В. Фроловой.

А.В. Камкин, И.В. Спасенкова

Введение

Территорию от Ледовитого океана на севере до водораздела Волга – Северная Двина на юге, от Карелии на западе до Уральских гор на востоке принято называть «Русским Севером», хотя ее населяют не только русские, но и карелы, коми, вепсы, саамы (лопары), ненцы. В XVII–XVIII вв. существовали и иные названия этой территории: Поморье, Север, Северная Русь. С XIX в. известно название «Европейский Север», в отличие от северных земель за Уральским хребтом. Европейский (Русский) Север един в историко-культурном отношении, а наследие всех населяющих его народов признано «памятником отечественной и мировой культуры»¹.

Освоение Севера с самых начальных этапов шло в тесном взаимодействии славян и местных финно-угорских народов, что способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению этих культур. Вот почему в обилии и разнообразии местных культурных памятников «есть нечто цельное, объединяющее и придающее этому краю особую ценность для всей тысячелетней русской, да и не только русской культуры»². Много веков назад, осваивая Север, земледельцы-славяне принесли сюда знания, опыт и утверждали свою культуру, которая вместе с культурой входивших в состав России народов составила фундамент, обусловивший устойчивость государства. Почти всегда русский земледелец на новых землях становился численно преобладающим этническим элементом, привносил и внедрял свои умения при хозяйствовании на этих землях. Поселение русских рядом с соседями приводило к повседневным связям разного характера, а это, в свою очередь, вело к постоянным этническим взаимодействиям³.

При историко-этнографическом изучении русских регионов вырисовывается проблема распространения и утверждения русской народной культуры в общей динамике исторического про-

¹ Лихачев Д.С., Янин В.Л. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. 1986. № 1. С. 115–118.

² Там же. С. 119.

³ Русские. М.: Наука, 1997. (Серия «Народы и культуры»). Гл. 1.

цесса. Эта проблема имеет несколько аспектов. Один из них – вопрос об общности культуры – органически связан с историей этнической консолидации народа, о степени которой позволяет судить конкретное познание элементов народной культуры. Севернорусское население принимало участие в этом общем процессе формирования и консолидации русского народа. У каждого, особенно крупного этноса, заселявшего обширные территории, под влиянием целого ряда обстоятельств социально-экономического, хозяйственного, демографического, этнического характера в рамках единой культуры существовали локальные особенности, которые могли находиться во взаимодействии тогда, когда на осваиваемой территории переплетались традиции, приносимые переселенцами из разных областей и регионов. История освоения славянами Севера – яркое свидетельство существования таких процессов.

В результате интеграции и консолидации этносов на Севере сложились отдельные историко-этнографические области, из них три наиболее крупные – севернорусская с присущими ей областными особенностями, карельская и коми. При всей ярко выраженной этнической специфике эти области принадлежали к одному хозяйственно-культурному типу, основой которого было пашенное земледелие. Принадлежность к единому типу облегчала взаимодействие русских, карел и коми, что вовсе не исключало особенностей их культурного облика, в своей совокупности обусловивших наличие внутри этнически единого населения отдельных групп, отличавшихся говором и своеобразной духовной и материальной культурой. Степень взаимодействия русских северян с этнически различными соседями зависела не только от необходимости хозяйственно-производственных контактов, но и от характера расселения (дисперсного, замкнутого, чересполосного), а также от длительности соседских связей¹.

Славяно-русское заселение и освоение Севера явилось одним из этапов создания русской этнической территории, а рус-

¹ Александров В.А. Введение // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М.: Наука, 1989. С. 3–7.

ские-северяне стали особой этнокультурной частью народа с присущими лишь им особенностями культуры. Речь идет не только о региональном своеобразии единой в своей сущности русской культуры, но и о межрегиональных и межэтнических контактах и взаимосвязях, отразивших как различия, так и общность в ее отдельных компонентах.

Пристального рассмотрения требует еще одна важная сторона этнокультурного развития регионов. В последние десятилетия в научных изысканиях разного характера ставится проблема народного сознания/самосознания. Не стали исключением и исследования по исторической этнографии и социальной истории русского народа. Это потребовало обращения к сложнейшему и животрепещущему «русскому вопросу». Его постановка стала актуальной в нашей действительности, когда активизировались проявления этнического и других видов сознания всех народов России и бывшего СССР, и не только народов в целом, но и их отдельных локальных групп. Такие проявления вскрыли подчас подспудное сохранение народного сознания и ментальности целых народов или населения регионов, отдельных слоев, групп и сообществ, представлений о своем самоопределении (идентичности, ее разных видах). Именно осознание народом своего характера, образа жизни, своих ценностных установок и нравственных ориентиров, выработанных под влиянием культурных традиций, составляет сущность его миропонимания, мироощущения, его сознания и самосознания, его «культурно обусловленного поведения»¹. Разнообразные стороны жизнедеятельности людей отражают их сознание и сложившиеся у них социально-психологические стереотипы, в них проявляется мировоззренческая и психологическая окраска человеческой деятельности.

Эти мировоззренческо-психологические стороны культуры рассмотрены в настоящей книге на примере населения Русского Севера, в частности некоторых видов народного сознания (эт-

¹ Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала.* СПб., 1994. С. 14.

нического, религиозного, крестьянского) и образа действий (менталитета) северян, отраженных в формах культуры жизнеобеспечения. Для освещения таких аспектов потребовалось остановиться на вопросах этнической истории Русского Севера, формирования и развития как самих северян, так и их культуры, на этих двух взаимосвязанных процессах, а также проследить многовековое этнокультурное развитие региона. Основное внимание было сосредоточено на истории культуры повседневности, на ее динамике и различных трансформациях. Эти вопросы исследовались на материалах из области культуры поселений, земледелия, домостроительства и народного костюма. При этом было важно показать значение разнообразных факторов, влиявших на этнокультурную ситуацию в тот или иной период, особенно на адаптацию людей к окружающей среде и механизмы передачи культурно обусловленного опыта и знаний последующим поколениям. Неблагоприятные условия, в которых жили и трудились в течение столетий северяне, «сделали» их не только труженниками, но и изобретателями, проявлявшими немалую смекалку и находчивость; они не только смогли сохранить общерусскую культуру, но и выработать свои образцы, ставшие целесообразными и у них на родине, и далеко за ее пределами, когда они осваивали обширные пространства Урала и Сибири.

При рассмотрении материалов по всем этим вопросам было важно показать взаимосвязь народного (традиционного) сознания, менталитета и культуры повседневности. Это обусловлено тем, что все эти жизненные реалии переплетены между собой, и в них прослеживается характерная черта – сообразность, соотнесенность человеческих действий и мировоззренческих установок с присущими народу ценностями. Такую соотнесенность удастся проследить и в очень важной области крестьянской культуры – в землепользовании деревни – на протяжении нескольких веков вплоть до наших дней. Обратиться к этому было необходимо ввиду важности проблемы аграрного развития.

«Аграрный вопрос» требует своего скорейшего решения. При всей значимости законодательных, экономических и прочих мер немаловажную роль может играть обращение к опыту

русского крестьянина, применение этого опыта в современных условиях. Самое главное – следует обратиться к возрождению крестьянского мировоззрения, крестьянского понимания сущности земли, труда на ней, к представлениям о земельной собственности, проявлявшимся в повседневной жизни, а это может быть достигнуто лишь путем воспитания истинного хозяина на земле, каким было русское крестьянство. Анализ и учет народных знаний и нравственных ценностей необходимы для совершенствования современного аграрного законодательства, потому что в российских условиях сельский мир и хозяйство – это специфический образ жизни и мыслей. Все эти стороны аграрного развития удастся проследить на примере севернорусского землепользования, трансформаций в нем и соционормативной практики северных крестьян.

Предоставленные нашему вниманию материалы дали возможность обратиться еще к одному виду народного сознания северян – семейно-родственному. В представлениях крестьян о браке и семье, а также в их повседневной семейной жизни видна все та же соотнесенность, сообразность мировоззрения и человеческих действий, понятий о норме и этике семейно-родственного поведения. Несмотря на изменения, происходившие в этом комплексе народной культуры, он до сих пор не утратил значимости главной человеческой ценности. В книге показано, как семейно-родственное сознание северян отразилось в их брачных отношениях, семейном строе и укладе, в демографическом поведении и народной педагогике.

Изучение севернорусского населения с разных сторон в течение многих веков помогает подойти к вопросу о его этнокультурной идентичности. Было важно показать, что самосознание северян, как и любого народа или отдельной его группы, формировалось исторически вместе со становлением и развитием самого этого населения. Как известно, та или иная форма самоопределения была присуща любой эпохе, могла меняться и реагировала на меняющийся мир через традиционные культурные формы, приобретая черты этнокультурной идентичности. Поэтому необходимо было проследить, как эта идентичность, соотнесенность северян с тем или иным видом

народного сознания проявлялись в различные периоды, начиная с формирования самого севернорусского населения и до настоящего времени. При этом можно было подметить виды самотождественности, наличие или отсутствие ее многоуровневости, принадлежности не только к своему народу, но и к региональному или локальному сообществу, т.е. сосуществование одновременно нескольких видов тождественности, а также подмену одного ее вида другим, например, русского самосознания религиозным (православным) и т.п. Что касается самоопределения северян в наши дни, то возникает необходимость показа разных тенденций: сохранение в нем регионально-локальных черт, то или иное его соотношение с общерусским самосознанием и формирующимся сейчас общегражданским российским сознанием.

По затронутым в книге вопросам были использованы разнообразные источники, относящиеся к XVII–XXI вв. Географически эти материалы представлены архивными (XVII – начало XX в.) и этнографическими экспедиционными (1950-е – 2000-е годы) данными по земледельческим районам Севера – территориям бывших губерний – Вологодской, частично Новгородской, Архангельской и Олонецкой. Эти земли составили центральное, юго-западное и юго-восточное Поморье XVII в. (часть Европейского Севера), где развилось специфическое северное земледелие и где основное население было представлено крестьянами, сохранявшими древние традиции земледельческой культуры. По современному административному делению эти районы входят в Вологодскую обл. и южные пределы Архангельской обл. Эта обширная территория охватила три природно-экономические зоны, отличающиеся разной степенью заселенности, различными условиями для сельскохозяйственного и промышленного производства, различной районной специализацией. Наличие таких природно-экономических зон и условий для хозяйственной деятельности населения не могло не отразиться и на этнокультурном развитии, что дает возможность его районирования и с точки зрения культурных ареалов.

Этнографическое исследование Севера началось с XVIII в., со времен М.В. Ломоносова, и продолжается до сих пор. Этот

регион изучался всесторонне и широко¹, чему способствовала хорошая сохранность источников. В значительной степени именно поэтому у разных исследователей сложилось представление о «консерватизме» Севера, ибо еще и в XX в., по их мнению, этот край был «полон архаики». Это мнение лучше всех выразил П.М. Строев: «Двиняне, онежане, пинежцы, важане мало изменились от времени и нововведений; их характер, свободы, волостное управление, образ селитьбы, пути сообщения, нравы, самое наречие, полное архаизмов, и выговор невольно увлекают мысль в пленительный мир самобытия новгородского. Скажу более, Двина и Поморье суть земли классические для историка русского. Только там можно постигать вполне народный дух наших предков и физиономию, естественную и государственную, древней России»².

Это было сказано о Севере XIX в., но и современные исследователи видят его исключительную роль в российской истории. «[Север] в силу своего маргинального положения в пространстве русской культурной традиции испокон веков считался и являлся ее наиболее заповедной частью, ее неприкосновенным древлехранилищем...», здесь до наших дней сохранился «бесценный опыт строительства уклада жизни в новых землях», поскольку русские, осваивая этот регион, принесли сюда «свод правил выведения, развертывания материального тела культуры и ее исходных священных идей и оснований», и здесь «накапливался... опыт сохранения и воспроизводства “русскости” в условиях отрыва от материального (“материнского”) тела русской культуры»³. Значимость Севера и для сегодняшней жизни России бесспорна, ибо он – «уникальный памятник и отечественной, и мировой культуры. Он, может быть, последний со-

¹ Подробную историографию см.: Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001 (1-е изд.), 2004 (2-е изд.).

² Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 198.

³ Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 219.

хранившийся в чистоте и цельности... питающий и поддерживающий русскую культуру...»¹. Русский Север – область сакрального; «в загадке бескрайних просторов, где разворачивается тайна русской веры, истории, национального бытия», таится секрет народной души. В нем находится «пространство сказаний, легенд и архетипов русской жизни»². И действительно, северяне до сих пор сохраняют свои культурные особенности³.

Источниками для изучения начального периода истории Севера явились русские летописи XII–XIII вв., повествующие о славянском заселении Севера и встрече славян с местными племенами⁴. Более поздние летописи XIV–XVI и даже XVII в. зафиксировали следующие этапы освоения северных земель и в основном окончательное его заселение к концу этого периода⁵. О жизни и деятельности северян свидетельствовали иностранные путешественники, побывавшие на Севере в XVI–XVIII вв.⁶ Много материалов по этому периоду содержится в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва), а также местных архивов – Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Государственного архива Архангельской области (ГАОО), откуда получены данные с описанием губерний в различных отношениях. Последующую историю Севера и его населения в XIX в. предоставили документы фондов ряда архивохранилищ в Санкт-Петербурге – Русского Географиче-

¹ Колесников П.А. Наша боль и печаль // Слово. 1992. № 6. С. 20.

² Бочков А.С. Вологодские нестяжатели. М.; Вологда: Луч, 2011. С. 5–6, 161, 168.

³ См.: Русский Север: этническая история и народная культура.

⁴ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I; Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.

⁵ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950; Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1950; Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

⁶ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1905; Путешествие Корнелия де Бруина через Московию (при Петре Великом) // ЧОИДР. 1872. № 1–4; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938; Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.

ского общества, Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, Петербургского отделения архива Академии наук, Российского государственного исторического архива, Рукописного отдела Российской национальной библиотеки, а также ГАВО и ГААО.

Материалы о севернорусском населении в начале XX в. и в первые десятилетия советского периода сохранились в фондах «Вологодского общества изучения Севера» (ГАВО. Ф. 652, 4389), «Архангельского общества изучения Русского Севера» и «Общества изучения Олонецкой губернии» (материалы двух последних взяты из публикаций авторов – членов Обществ). Этнография Севера XX в. рассматривается в книге на основе многолетних экспедиционных обследований: экспедиций 1940-х годов кафедры этнографии исторического факультета МГУ, Севернорусских экспедиций Института этнографии АН СССР 1950-х годов. В 1960–2000-е годы Институт возобновил изучение северных районов, где работали сотрудники: Г.С. Маслова, И.В. Власова, С.И. Дмитриева, А.В. Сафьянова, И.С. Кызласова, И.А. Морозов, Т.С. Макашина, И.А. Кремлева, Т.А. Листова, А.В. Фролова, Т.А. Воронина, И.М. Денисова, Н.В. Ушаков (Ленинградское отделение ИЭ АН СССР, ныне Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН), Г.Н. Чагин (профессор Пермского государственного университета), А.А. Желтов (аспирант ИЭА РАН, ныне доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России).

Данные использованных источников позволяют проследить процесс сложения единого типа в ходе этнокультурного развития населения Севера, выявить его варианты, а также увидеть формирование многоуровневой идентичности северян, соотношение их регионально-локального самоопределения с общерусской тождественностью и формирующимся общероссийским самосознанием.

Глава I

Основные вехи этнической истории и судеб народной культуры северян

С XII в. постоянно действующим фактором в процессе становлении русских и их культуры стали непрекращающиеся миграционные передвижения и как следствие – расширение территории обитания. Это привело к освоению разных природно-климатических зон и, кроме того, к развитию сложнейших этнокультурных и этносоциальных процессов. Восточные славяне при постоянных перемещениях осуществляли сельскохозяйственное освоение новых земель; параллельно этому шли и этнические процессы. Именно в ходе вековых переселений, как отметил В.О. Ключевский, «местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер»¹.

В начальный период при волнообразном характере миграций создание постоянного этнического компонента в тех или иных землях шло постепенно, но не путем безостановочного движения, а своеобразными переливами части населения с одних территорий на другие. Эта особенность существенна для понимания хозяйственной и культурной адаптации переселенцев в новых местах. Но всегда, во все эпохи материальную и духовную основу жизни всего общества составлял труд народа, его инициатива, предприимчивость, определившие развитие и страны, и народной культуры.

Кроме перемещений, еще одной особенностью формирования русских и становления их культуры было взаимодействие с другими народами с самой начальной поры расселения восточных славян. Древняя славянская колонизация вовлекла в свое течение многие местные племенные группы (балтов, финноязычные этносы), позднее соприкоснулась с тюркоязычными и

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч. М., 1987. Т. I. С. 80–81.

другими народами. Межэтнические контакты оставляли отпечаток и на самом русском этносе, и на его культуре.

Для понимания развития русской народной культуры важна проблема ассимиляции народов, до сих пор привлекающая лингвистов, антропологов, этнологов, в частности ассимиляция славянами/русскими финно-угров. Последние оставили в наследство славянским поселенцам отдельные антропологические черты, огромную гидро- и топонимическую номенклатуру, а также черты своих верований, элементы народных знаний.

Первые славянские, а затем русские земледельцы (а именно они передвигались по евроазиатскому пространству), как правило, довольно быстро становились численно доминирующим этноэлементом и на все территории приносили свою, присущую им культуру земледельческого народа. Даже при стихийности переселений русские несли с собой не только свою культуру, но и общественные отношения, свойственные тому или иному историческому этапу.

XIV–XVI вв. были периодом, когда сформировался русский народ, осознавший свою этническую принадлежность. Процессам консолидации в среде русских способствовали миграции. В ходе переселений, приспосабливаясь к новым условиям, они вырабатывали региональные и локальные черты хозяйственно-бытовой культуры и своего психического склада. При дисперсном расселении в соседстве с другими народами формировались и физические особенности их облика. При таком многовековом расселении сложились отдельные обособленные группы русских, у которых наблюдалось как общерусское культурное единство и язык, так и свои особенности этнокультурного свойства¹. Соотношение общего, регионального, локального в культурном развитии народа прослеживается до настоящего времени. Русская земля «способствовала» формированию одинакового мировосприятия, духовной жизни русских людей, расселившихся на огромных просторах. Верования, ценности, моральные и нравственные нормы и составили «начало своеобразного

¹ Власова И.В. Этнографические группы русских // Русские. М.: Наука, 1997 (Народы и культуры). Гл. 4.

культурно-исторического типа устройства общества». Из них проистекают все стороны народной культуры, сохранявшей особенности в каждой русской земле¹.

Миграции происходили во все времена, и они всегда обуславливали те или иные этнические процессы. Шли такие процессы не только в древности и в Средневековье, но и в более поздние периоды истории, и в каждом из них отличались своеобразием. Особая их активность наблюдалась уже в XVIII–XIX вв., когда постепенно размывались отдельные локальные группы народа в центре его расселения и формировались новые на окраинах государства. Ассимиляция, столь характерная для начальных этапов расселения русских, еще долго наблюдалась в пограничных с другими этносами местах и обуславливалась компактным либо чересполосным расселением народов, а также численным превосходством тех или иных. Кроме ассимиляции, в этноконтактных зонах происходили этносмешения².

Итогом миграционных и этнических процессов стало сложение русских как народа и становление их культуры, что на всех этапах этнической истории было взаимосвязано. В зависимости от географической среды, природно-климатических условий развивалась культура жизнеобеспечения, в зависимости от уровня общественного состояния – духовная культура. Не меньшее значение в этом становлении имела человеческая среда: люди, взаимодействующие с природой, принадлежащие к той или иной культуре, творящие, создающие ее, носители присущих им традиций. Именно культура является «созданной людьми искусственной средой», «системой координат, в кото-

¹ Бочков А.С. Вологодские нестяжатели. М.; Вологда: Луч, 2011. С. 5.

² Россия в конце XIX в. СПб., 1900. С. 38–39; Яцуцкий В.К. Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 47–50; Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988. С. 47–62; Русские. Гл. 1; Русско-белорусское пограничье: Этнологическое исследование. М., 2005. Гл. I.

рой действуют сменяющие друг друга поколения» с их ценностной ориентацией или настроем¹.

Миграции и этнические процессы продолжались и в XX в. Отличительные особенности от предшествующих эпох они приобрели в советское время: перемещения земледельческого населения в города в 1920–1930-е годы и их возобновление с 1960-х годов; насильственные миграции (репрессии, промышленная миграция); изменение их направления с 1970-х годов (на север и восток – из Закавказья, Средней Азии, Прибалтики). Активные контакты русских с другими народами в эти периоды вели к некоторой ассимиляции или смешениям и образованию этносмешанного населения, что было характерно не только для основных групп русских, но и для их мелких образований, например, для казаков и даже старообрядцев всех толков и направлений. При смешанном расселении наблюдалось изменение самосознания населения, оказавшегося в меньшинстве (например, в районах русско-украинского пограничья)². В целом характер этнических процессов показал, что русские сохранили «свою доминанту», проявлявшуюся на всем их историческом пути и заключающуюся в «государственном инстинкте» или в «инстинкте общежития» с другими народами. Именно таким характером объясняются их история и этническое развитие³. На это не повлияла деэтнизация, особенно русских, в советское время сопровождавшаяся созданием общности *советского народа*.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, в «постперестроечное» время, обострились проявления самосознания народов, начались межэтнические конфликты, вынужденные переселения русских с национальных окраин в другие регионы страны. Все это отразилось на характере этнических процессов, которые, в свою очередь, влияли на развитие традиционной культу-

¹ Лурье С.В. Русская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия? М., 1996. Вып. 3. С. 257.

² Власова И.В. Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е годы // Русские. Гл. 5.

³ Солоневич И.Л. Дух народа // Наш современник. 1990. № 5. С. 165.

ры. Менялась этноструктура регионов, поток мигрантов, особенно иноэтничных, в основном был направлен в города, а не в села. Если до 1970-х годов ассимиляция оставалась некоторым источником прироста численности русских, то затем ее темпы снизились примерно в два раза по сравнению с 1960-ми годами¹. Постепенно она пошла на убыль. Параллельно шел процесс деэтнизации русских. Остановить такой ход развития, происходящий и сейчас, можно, если укрепится самосознание русских, произойдет восстановление в их памяти «государственного инстинкта» в его историческом, географическом, психологическом аспектах, характерных для народа в течение тысячелетия, когда русскими были освоены 21 млн кв. км земель и создано государство².

Это общий путь этнической истории русского народа, который повторялся и проявлялся при заселении отдельных территорий, и Русский Север тому яркий пример. Все эти процессы в той или иной степени происходили и там. Роль северян в этом развитии состояла в том, что они приняли участие в общем историческом процессе сложения и консолидации русских и стали носителями народной культуры в ее северном варианте.

Роль северян в формировании и развитии русских

Рассмотрим основные этапы этнической истории на Русском Севере. Формирование его населения представляет собой длительный процесс, охвативший время с XII по XVII в., а местами и XVIII в. Этот процесс шел одновременно с освоением северных пространств и отличался в различные периоды большей или меньшей интенсивностью. О древних этапах заселения Севера свидетельствуют археологические находки. Таких находок, относящихся ко времени палеолита (VII–VI тыс. до н.э.), было очень мало (Северное Приуралье, Печора, Сухона, Шексна), но они говорят о миграциях из-за Урала в Восточную Ев-

¹ Русские. С. 132.

² Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 159.

ропу и о смешениях уже тогда европеоидного и монголоидного населения¹. Мезолитические находки также встречаются, но не дают информации об этнической карте региона². По-видимому, население было смешанного происхождения, имевшее связи с Прикамьем, Волго-Окским междуречьем и Прибалтикой³. Основной корпус археологических данных относится к «лесному неолиту» (V–II тыс. до н.э.) – культуре с *ямочно-гребенчатой керамикой*, распространенной от Балтийского моря до Урала (*карельская, каргопольская, беломорская культуры*)⁴. Они принадлежали предкам финно-угорских народов, имевших контакты с населением Верхнего Поволжья, Прикамья, Приуралья. С потомками этих племен, живших уже в железном веке (середина I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) – *пьяноборцев, ананьинцев, дяковцев* – во II тыс. н.э. столкнулись *новгородские словене и кривичи* при расселении в Верхнем Поволжье и на Европейском Севере⁵.

Данные о начальном периоде заселения Севера славянами имеются в письменных источниках. С XII в. сведения о продвижении сюда славян появляются в древнерусских летописях. «Повесть временных лет» (XII в.) и «Первая Новгородская летопись» (XIII–XIV вв.) повествуют о начале новгородского расселения по Северу. Они называют племена, с которыми здесь встретились новгородцы: *меря, весь, пермь, печора, ямь, чудь*

¹ Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. М., 1952. Вып. 29. С. 40; История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. I. С. 22–25.

² Башенькин А.Н. Археологические источники о сельских поселениях // Родословие вологодской деревни. Вологда, 1990. С. 92.

³ Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967. С. 59–68; Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983. С. 266–268.

⁴ Спицин А.А. Древности Севера. Тотьма, 1926; Брюсов А.А. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961; Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР // СА. 1957. № 2; Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.

⁵ Народы Европейской части СССР. М., 1964. Ч. I. С. 33–41; История северного крестьянства... С. 22–36.

заволоцкая, угра, или обозначают их собирательно: *чудь, чудские племена*¹. С середины XII в. наперерез новгородцам шло движение из междуречья Волги и Оки, из Ростово-Суздальских земель – «снизу» по отношению к Новгороду, поэтому выходцев из этих мест называли *низовцами*².

Соответствия данным археологии и письменных источников можно найти в топонимическом материале. Северная топонимия – это различные напластования, связанные с волнами заселения Севера. Древний ее пласт – «пралопарский» – относят ко времени переселений из-за Урала на запад еще в палеолитическую эпоху. Слой названий с «речными суффиксами» (названия северных рек на *-ма, -га, -ша, -да* и т.п.) связан с передвижениями из-за Волго-Окского междуречья во время неолита, финно-угорский – с переселениями с востока с I тыс. н.э. предков современных финно-угров. Самый поздний слой – славянская топонимия – распространился при заселении славянами Севера. Современная северная топонимия несет в себе следы всех этих напластований³.

¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 206, 209; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 23, 74, 97, 161, 209, 347, 355.

² Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. I. С. 60; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 194; *Башенькин А.Н.* Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–VIII вв. // Проблемы источниковедения и историографии Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 15–18, 21; *Макаров Н.А.* Указ. соч. С. 167.

³ *Матвеев А.К.* Историко-этимологические изыскания // Уч. зап. Уральского госуниверситета. Свердловск, 1960. Вып. 36. С. 112–114; *Чайкина Ю.И.* Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988. С. 52, 225, 242; *Она же.* История вологодских фамилий. Вологда, 1989. С. 14; *Угрюмов А.А.* Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992. С. 9; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Р. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 4 об.; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 214. Л. 52; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 220. Л. 3.

Данные диалектологии также свидетельствуют, что в древности на Севере обитали финно-угорские народы – прибалто-финны карело-вепсского типа и древнепермяне, которые не являлись непосредственными предшественниками карелов, вепсов, зырян, а были их далекими предками. Говоры Русского Севера – бесспорное свидетельство происхождения севернорусского населения путем синтеза разных этнокомпонентов. Северные говоры составили *окающее* наречие (в отличие от южнорусского *акающего*), в котором представлены отдельные группы говоров. В каждой группе есть как общесеверные (и, конечно, общерусские) черты, так и местная специфика, которая создавалась еще до XVI в., когда происходило противоборство новгородского, ростово-суздальского и московского говоров одновременно с продвижением их носителей на эту территорию. Позднее северные говоры обособились, сохранив черты тех или других, как, например, оканье, архаическое новгородское *цоканье* или возникший под ростовским влиянием переход одних звуков в другие (*ё* в *е*, *ё* в *о* при произношении *и*) и др.¹

Таким образом, с самого раннего обозримого периода этнической истории Севера были различного рода взаимовлияния и контакты славян с предками финно-угров, что обусловило сложение этнического состава населения как всего Севера, так и его отдельных районов. Хотя такое формирование шло путем синтеза славянских и финно-угорских компонентов, доля тех и других в населении отдельных территорий была разной. Последнее зависело от характера славянской колонизации земель и этнических процессов в них. Когда в XII–XV вв. наряду с феодалными захватами шло массовое крестьянское заселение Севера, происходила быстрая ассимиляция местного финно-угорского населения. Такая ассимиляция финно-угров славянами, а, следовательно, и формирование славянского населения,

¹ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 225, 286–289; *Соболевский И.* Очерк русской диалектологии: Северновеликорусское или окающее наречие // ЖС. 1892. Вып. 2. С. 3–17; *Касаткин Л.Л.* Русские диалекты // Русские. С. 93–94.

характерны для районов по Двине, Ваге, Сухоне, Шексне. Об этом свидетельствует антропологический материал, по данным которого здесь у населения сформировались антропологические типы, присущие славянам: *ильменьско-беломорский* (по классификации М.В. Витова), распространенный в Заонежье, Нижнем Подвинье, Белозерье, а в пределах Вологодчины – в Мологско-Шекснинском крае (по одному из путей новгородцев на Сухону), *верхневолжский* – от Белозерья до Устюгского края на путях проникновения на Север населения с Верхней Волги и из центральных русских районов.

Иным был характер ассимиляционных процессов в местах, где в XII–XV вв. феодальные захваты завершались лишь установлением власти феодалов над местным населением и не сопровождались массовым крестьянским проникновением из Новгородской или Ростово-Суздальской земель. Там шла медленная и постепенная ассимиляция местных жителей. Таким был ее характер, например, в пределах вологодских районов, в местностях по р. Суде, где обрусение потомков древней веси – вепсов – затянулось надолго. Длительность ассимиляционных процессов на водоразделах и окраинных территориях Севера привела к формированию так называемого *онежского* антропологического типа (по М.В. Витову), четко выявляющегося у карел и вепсов, а у русских – по Онеге, Верхней Пинеге, Верхней Тойме, Верхней Сухоне, Вычегде. Этот тип отличается от славянских *ильменьско-беломорского* и *верхневолжского* незначительным наличием монголоидных признаков (уплощенность лица, развитие складки верхнего века, малый волосяной покров лица и др.) – *лапаноидных* признаков (по Н.Н. Чебоксарову). Носителем лапаноидного типа было средневековое чудское население, генетически связанное с неолитическими обитателями лесной полосы, для которых была характерна ямочно-гребенчатая керамика¹.

¹ Витов М.В. Русские Севера в этническом отношении (современный состав и происхождение основных компонентов) // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 162–172; Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 60; Седов В.В. Антрополо-

Ассимиляционные процессы – свидетельство мирного характера славянской колонизации Севера. Она происходила быстрее, когда при хозяйственном взаимодействии возникали семейные связи (при этнически смешанных браках). Географические условия Севера способствовали всем этим процессам. Последние были заметнее у жителей речных бассейнов, где шло освоение земель, позднее – по проложенным трактам, где наблюдалось обрусение северных народов – архангельских и олонекских карел, устюгско-сольвычегодских коми. Сближению этносов способствовали их торговые связи и хозяйственные занятия. В глухих же лесных пространствах ассимиляция почти не происходила, ибо там финно-угры отступали в глубь территорий, не входя в контакты со славяно-русскими пришельцами.

Сближению этносов в XIII–XIV вв. способствовала и религия. Ее общность облегчала взаимодействие народов. Раннее обращение в православие карел и коми, их просвещение, превосходящий культурный уровень у славян – все это сыграло не последнюю роль в «поглощении» предков карел и коми еще древнерусской народностью, а затем в XV в. русскими. Наконец, демографический фактор также содействовал сближению народов. Любой этнос в окружении иного многочисленного этноса неизбежно «поглощается» численно и культурно превосходящим народом, а таким последним на Севере были русские.

Письменные источники с XIV в., фиксируя соперничество новгородских и низовских феодалов на землях бывших чудских племен, отражают перенесение их действий с крупных речных путей в глубинные районы Севера и постепенный захват ими северных земель¹. В борьбу новгородцев и суздаль-

гические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. 1952. Вып. XV. С. 78–79; *Ефименко П.С.* Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 41; *Харузин Н.* Об ассимилятивной способности русского народа // ЭО. 1894. Кн. XIII. С. 45–78; *Макаров Н.А.* Русский Север в XI–XIII веках. М., 1990. С. 125–134; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 206. Л. 19–26; Д. 221. Л. 54.

¹ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950; Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1950; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

цев уже с XIV в. стали вмешиваться московские князья. В 1478 г. они положили конец этому соперничеству, сломив Новгород и включив его земли в состав Московского Великого княжества. Событиям того времени большое внимание уделяли московские летописи, которые отразили увеличение притока населения из центральных районов на Европейский Север¹. Соперничество Новгорода, Ростова, Москвы на этой территории оставило свой след. Оно выражалось в постепенном проникновении носителей разных антропологических типов и определенных комплексов крестьянской культуры в ранние периоды из Новгорода и Ростова, позже из центра Руси к жителям, обитавшим вдоль северных рек, преимущественно по Северной Двине и Ваге. Этот «переход», отражавший взаимное проникновение компонентов, наблюдался главным образом на территории от устья Емцы до истоков Ваги и Северной Двины. Перевес московского проникновения со второй половины XVI в. определил антропологическое и этнографическое своеобразие этих северных районов. Данные истории, языка, топонимические, антропологические, археологические свидетельства не только подтверждают «синтез этнокомпонентов» у населения Севера, но и позволяют выделить отдельные ареалы с местной спецификой, прежде всего запад, центр, восток, этническая история и этнический состав населения которых отличались своеобразием.

Исторические судьбы северных районов, в разное время освоенных русскими, становятся общими в XV–XVI вв., после вхождения их в состав Московского государства. Именно с этого времени начинается новый этап этнической истории русского населения северных областей. В источниках того периода северяне известны под своими областными наименованиями: *двиняне* – жившие по р. Двине, *устюжане* – жители Устюжского края, *важане* – жившие по р. Ваге, *сухонцы* – жившие по р. Сухоне, и т.д. Существование в едином государстве привело к развитию у них общих черт материальной и духовной культуры. Вместе с тем сохранилась и определенная специфика, что

¹ Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 243.

было связано с различным происхождением населения отдельных районов. Двиняне, устюжане, сухонцы, кокшары, важане, южане, вычегжане, белозерцы – это географические наименования групп северян, несколько отличающихся друг от друга в этническом отношении, поскольку во всех этих землях славянский компонент по-разному сочетался с различными финно-угорскими компонентами¹. Локальные различия, появившиеся при формировании культуры жителей в разных районах Севера, зависели не только от особенностей природных условий, сложившейся специфики хозяйства, но и от этнических традиций: в зоне влияния Новгорода – от традиций новгородской культуры; в местах, освоенных ростовцами, – от культуры населения верхневолжских территорий; определенное место в каждом ареале занимали также культурные традиции местных финно-угорских народов.

Итак, в формировании русского населения Севера участвовали компоненты, связанные как с двумя потоками славянского продвижения – с новгородцами и ростово-суздальцами, так и с аборигенами – финно-уграми. Решающую роль в создании местного историко-культурного типа у населения Севера сыграло освоение земель славянами и раннее вхождение в состав Древнерусского государства, а затем в состав Московской Руси. С XVI в. стали нарастать нивелирующие явления во всех сторонах жизни и в языке, что обуславливалось единым социально-экономическим, историческим и этническим развитием этих районов. К тому же в XVII в. закончилось освоение Севера, прекратились массовые миграции, состав населения становился более или менее постоянным и мало меняющимся. К этому времени севернорусское население сложилось в своеобразную этнотерриториальную общность, обладавшую опреде-

¹ *Едемский М.Б.* О старых торговых путях на Севере // Зап. Отд. русской и славянской археологии РАО. 1913. Т. IX. С. 45–49; *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 437; *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 189; *Витов М.В.* Указ. соч. С. 109.

ленными культурно-бытовыми особенностями. Источники того периода уже не фиксируют областные наименования внутри этой общности.

Дальнейшие культурные изменения в XVIII–XIX вв. имели характер развития, деформации отдельных напластований, усложнений, которые не меняли общий облик традиционной культуры северян. У этого населения сформировались общие культурные черты, определились локальные варианты, установились традиционные связи, завершилась адаптация к северным условиям. Формирование севернорусского населения завершилось в то время, когда на всей территории расселения русских уже устанавливались общегосударственные связи и проявлялись особенности народной культуры. Важно, что формирование последней шло не на центральной, а на периферийной территории – в результате продвижения русских в новые районы и их приспособления к новым условиям. В этом смысле сходные процессы происходили и при их миграциях в другие европейские и азиатские регионы. Севернорусское население не является этнотерриториальной общностью только с архаическими особенностями, восходящими к племенным различиям древнерусского периода. Это относительно поздно сформировавшаяся общность, когда в едином этнокультурном развитии народа уже намечалась тенденция к постепенному снятию различий, но этот процесс шел по-разному и с разной степенью интенсивности в отдельных местах и на Севере.

Таким образом, итогом расселения славян в северных районах стало сложение к концу XVII столетия «этнической карты» Европейского Севера, которая не изменилась до настоящего времени. На основной его территории сформировалась русская народность, вернее, одна из составных ее частей – севернорусская группа, а на окраинах параллельно шел процесс сложения ее соседей – народов финно-угорского происхождения. Есть любопытный момент в размещении финноязычных жителей в северных губерниях: они реже встречаются в местах, близких к границе их расселения с русскими (например, коми и русских), и чаще оказываются там, откуда в далекие времена началось

размещение русских и контакты последних с предками современных финно-угорских народов.

В XVIII в. с завершением заселения Севера русскими и их отлива на восток и юг этнический состав населения северных уездов не менялся. Миграции ограничивались перемещениями внутри своих районов. Немногочисленные приселения из соседних с Севером губерний, где к этому времени также сложилось русское население, не меняли этносостав местных жителей и не вели к возникновению новых этнических связей. 94% общей численности северян приходилось на русских, остальную часть составляли карелы, финны, коми, вепсы, лопари, ненцы и другие, более малочисленные народы¹.

По ревизиям населения первой половины XIX в. и подготовительным материалам к Первой Всеобщей переписи населения России 1897 г. изменений в составе северян не происходило, за исключением колебаний в численности народов в тот или иной период. Небольшие изменения начались после реформы 1861 г., когда создались условия для освоения новых территорий и открылся путь для притока населения, что было связано с предоставлением крестьянам права покупки недостающих земель в казенных пустующих дачах. Происходили перемещения крестьян на свободные земли и подселения из других губерний. Эти явления отразила перепись 1897 г. Несмотря на такие перемещения, подавляющую часть населения Севера составляли русские, к тому же среди жителей преобладали местные уроженцы (более 90%)².

Некоторые изменения этнического состава северян происходили в начале XX в. Это было связано со столыпинской реформой, результатом которой явилось хуторское расселение. До-

¹ Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1900. С. 102, 126; АРАН. Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 41. Л. 20 об.

² Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1866. Т. 7. С. XXI; *Штукенберг И.Ф.* Статистические труды. Статья XXIII. СПб., 1858. С. 9, 13; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1901. Т. VII. Тетр. 2. С. 2–3; 1904. Т. XXVII. Тетр. 3. С. 2–3; 1903. Т. XXIV. Тетр. 2. С. 24–25, 66–67; АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 377. Л. 2 об.–9 об.

вольно сильно оно развилось на северо-западе региона, в местностях, примыкавших к крупным рынкам сбыта продукции, и на пустовавших до этого времени землях казны на юго-востоке Вологодской и на севере Вятской губерний. На хутора выходили не только местные крестьяне; произошло довольно значительное приселение из малоземельных прибалтийских и западных русских губерний. Наибольшее число прибалтийских переселенцев составили эстонцы. С 1905 г. 7 тыс. человек из Эстляндской губ. поселились на хуторах в Вологодской и более 3 тыс. – в Новгородской губерниях. В 1908–1913 гг. к ним присоединились литовцы и латыши из Виленской, Курляндской, Лифляндской губерний, белорусы из Могилевской и русские из Псковской, Смоленской и Витебской губерний¹. Прибалтийское и белорусское население размещалось компактными группами и занимало пустующие земли. В отличие от них местное финноязычное население жило там попеременно с русскими. Хуторское расселение способствовало освоению незанятых земель и появлению новых селений с иноэтничным населением среди подавляющей массы русских. Они составляли в населении губерний большинство: например, в Вологодской губ. – 99,5%, Северо-Двинской – 99,3, Череповецкой – 99,7% (приводятся данные начала XX в., но опубликованные на период административного деления в 1920-е годы, существовавшего недолго). Другие народы были представлены в небольшом числе².

Решительные социально-экономические преобразования на Севере, как и во всей стране, начались в годы социалистического переустройства деревни – при коллективизации. Тогда же наступил и новый этап в освоении Севера, что привело к изменениям в размещении населения, которые произошли в результате развития лесной промышленности в 1926–1939 гг. Возникли новые селения – поселки рабочих лесной и лесобрабатывающей промышленности. Вначале они появились на речных по-

¹ Статистические карты России 1912 г. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 558; ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 1969; Ф. 34. Отд. стат. Д. 496; РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 987.

² СПб. архив РАН. Ф. 135. Оп. 3. Д. 188–202.

бережьях, не меня создавшегося размещения населения, но постепенно уходили в глубь пространств. Это вызвало приток населения на Север. То же самое происходило как следствие государственной политики тех десятилетий и связанных с ней переселений «раскулаченных». В Архангельскую и Вологодскую области было выселено 400 тыс. чел. из Центрально-Земледельческого района, Поволжья, Урала, Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов и из Сибири. В 1941 г. на строительстве Рыбинского водохранилища работали содержащиеся в лагерях бывшие раскулаченные. Но эти мероприятия вызвали и отток местных жителей. Знаменитое Рыбинское море «разметало» 730 сел, деревень и несколько районных городов, «заперло» три реки, заставило людей уйти с насиженных мест. Всего из этого края переселилось 220 тыс. крестьян из 17 районов четырех областей¹.

После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжилось хозяйственное освоение Севера, начатое в 1930-е годы. Лесная промышленность развивалась, создавались новые поселки не только в приречных местах, но и на водоразделах. Состав населения в них формировался в значительной степени путем приселений из различных районов страны и нередко людей разных национальностей: русских, украинцев, белорусов, карел, коми, вепсов, татар и др.

Экономическое развитие 1950–1960-х годов, сопровождавшееся притоком населения, привело к увеличению полиэтничности не только городов, но и рабочих поселков и некоторой части деревень, с ними связанных, хотя перепись населения 1959 г. снова отразила преобладание русских во всех северных областях.

В 1970-е годы в этом отношении ничего не изменилось, несмотря на то, что на Север, как и вообще в Нечерноземье, приезжало население по вербовке на работы из республик Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Молдавии, но только малая его

¹ Конквест Р. Жатва скорби. Судьба кулаков // ВИ. 1990. № 1. С. 138–158; Савеличев А. Потоп // Наш современник. 1992. № 10. С. 84, 91; № 11. С. 114, 116–117.

часть осела в этих местах. Перепись 1989 г. отразила демографическое состояние за несколько предшествующих десятилетий и выявила наличие в составе населения Севера представителей 51 народа. Такой итог был результатом миграций, совершавшихся с послевоенных лет, а также расширения брачных связей, происходившего во всех регионах страны. Повсеместно значительными были отток населения из деревень в города и переселение людей по вербовке на разные работы. Немалую «лепту» в обезлюденье Севера внесли государственные проекты и стройки (упомянутое Рыбинское море, а в 1970–1980-е годы проекты «Неперспективные деревни» и «Переброска стока северных рек»). Несмотря на такие мероприятия и их последствия, русские оставались основным населением Севера. Их численность, как и всего населения, по сравнению с данными 1979 г., возросла, но их доля в населении несколько снизилась, поскольку увеличилась численность других народов. Правда, в это время никакой ассимиляции не происходило, да и этносмешения были минимальными.

К настоящему времени отмечается сокращение численности русских в регионах страны, в том числе и на Европейском Севере. Здесь, как и во всем Нечерноземье, в годы советской власти шла деградация сельского хозяйства, пустели деревни и села – «вековые отчины», гибли угодья. Результатом такой экономической политики стала убыль северян – более чем на 2 млн. Но доля русских в населении выросла, вероятно, за счет приселений русских мигрантов из бывших союзных республик с конца 1980-х по 2000-е годы. Переписи 2002 и 2010 гг. зафиксировали среди всего населения региона русских 85,9% и 77,20% соответственно; в отдельных областях доля русских в 2002 и в 2010 гг. выглядела следующим образом: в Архангельской обл. – 94,2% и 95,6%; в Вологодской – 96,6 и 97,3; в республиках Карелия – 76,6 и 82,2; Коми – 59,6 и 65,1; в Мурманской обл. – 85,2% и 89,0%. К последней переписи доля русских увеличилась в населении всех районов Севера и даже в Ненецком АО составляла 61,1% (Всероссийские переписи населения: 2002 г. – Табл. «Численность русских по регионам»

и 2010 г. – Прилож. 7: «Национальность населения по субъектам РФ»).

В советское время со становлением новой общности – *советского народа* – в этническом развитии русских в целом и в отдельных регионах (в том числе на Севере) наблюдалось следующее. Русские теряли свое этническое самосознание и превращались в «старшего брата» среди народов СССР. В XX в. их самосознание становилось все более размытым. Только в «постперестроечное время» с конца 1980-х – начала 1990-х годов стали заметными проявления их самоопределения, как и у других народов. Этническое самосознание русских как бы «пробудилось». В последние десятилетия наблюдаются две тенденции в общественном и этническом развитии русских: с одной стороны, начался возврат к традиционной России, становится заметным рост этнического самосознания, с другой – видны размытые традиции, унификация образа жизни, что ведет к единообразию народного сознания у всех. Это происходит потому, что русские находятся на перепутье от распавшейся советской идентичности к еще несформировавшейся новой национальной общероссийской.

Этническое сознание стало более проявляться у отдельных групп/сообществ, сформировавшихся когда-то среди народа и активизирующихся сейчас. Север в этом отношении не остался в стороне. Мелкие локальные группы северян вернулись к отождествлению себя и с региональной северной, и особенно с местными (локальными) идентичностями. Такие локальные группы сложились в северной историко-культурной зоне в давние времена. Одна, до сих пор наиболее крупная, – *поморы* Беломорского и Баренцева побережий. Кроме них, известны *устыцкельцы* и *пустозёры* на Печоре, *сицкари* по р. Сить (север Ярославщины), *тудовляне* по р. Туд (север бывшей Тверской губ.), *кокшары* по р. Кокшеньге (Вологодская губ.), *ягутки* (восток Новгородчины), *гагары* (в Вятской губ.), *пушкари* (в бывшем Весьегонском у. Тверской губ.), *водлозёры* (в Карелии) и др. Формирование и консолидация в сообщества одних обуславливалась природно-климатическими и географическими фактора-

ми, повлиявшими на их хозяйственные занятия и быт (поморы, водлозёры); других – особенностями социально-экономического развития, позволившего отнести их к определенным словесным категориям (пушкарки, ягутки, гагары); третьих – вовлеченностью в этнические контакты с разными народами (сицкарки, тудовляне, кокшары). Заметное место среди таких групп занимали *старообрядцы* беспоповского толка (поморско-даниловское согласие, федосеевцы, филипповцы, бегуны и др.) и поповского направления раскола (беглопоповцы). Группа усть-цилёмов с их самоназванием по территориальному признаку (Усть-Цильма и ее округа), тем не менее, сформировалась на религиозной основе, ставшей главной в их самосознании. Этой основой было старообрядческое вероисповедание, обособившее их от соседнего иноэтничного (коми) и инаковерующего («мирского») населения¹.

Проявления локальной тождественности этих групп обострились главным образом у поморов и усть-цилёмов в связи с «возрожденческим движением» последних десятилетий. Но если усть-цилёмцы считают себя русскими, то поморы под лозунгами Поморской культурной автономии стали претендовать на статус особого «поморского» народа и на причисление к коренным малочисленным народам Севера. (Характеристику групп и их самосознания, а также их современного состояния см. в гл. 5 настоящей монографии.) Таким было этническое развитие русских на Севере в течение многовековой истории.

Трансформации в севернорусской народной культуре в ходе этнической истории

Рассмотрим, что происходило с русской народной культурой, в том числе севернорусской, в ходе развития этнической истории. На протяжении длительного времени неизменной оставалась одна из ее особенностей – наследие локальной дифференцированности, столь характерной еще для феодального

¹ Власова И.В. О терминах для обозначения этнических категорий // ЭО. 2009. № 4. С. 118–129.

периода, и она давала о себе знать долгое время. Отсюда сложность русской бытовой культуры, известной по источникам середины XIX – начала XX в. Вторая ее важная черта – постоянное формирование локальных групп с их культурными традициями, продолжавшееся до XX в. Еще одной ее особенностью было то, что на русской этнотерритории возникли историко-культурные зоны (ареалы). К ним относятся севернорусская (Русский Север и прилегающие к нему северные районы Верхне-Волжского бассейна), южнорусская (современное Центральное Черноземье) зоны и средняя полоса между ними (Центр Европейской России). Свообразием отличались и русские регионы Поволжья, Урала, Запада Европейской территории, Кавказа, а в Азиатской части России – Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

У населения всех этих территорий в культурном отношении имелись различия как в отдельных регионах и хозяйственных зонах, так и в местах, где русские соседствовали с иными народами. Отличия были разного характера и происхождения и обуславливались этноисторией. Некоторые из них тянули к глубокой древности (дофеодальный и феодальный этапы). Такие культурные особенности возникали уже в X–XIII вв., при расселении восточных славян, а позднее, в XIV–XVIII вв., они появлялись при освоении русскими новых земель.

В XIX в., наряду с адаптацией переселенцев в новых землях и их консолидацией, происходили также взаимовлияния и взаимопроникновения культур народов (аккультурация). К XX в. культурные различия русских разных регионов еще были достаточно глубокими, затем пошло их сглаживание, но до сих пор они не исчезли окончательно.

Особенности севернорусской культуры в этих общих процессах кроются в путях ее становления. Они были обусловлены ее развитием на периферии общерусской культуры. В целом этническая культура русских была культурой земледельческого народа, и именно этим определялось ее своеобразие. Культура северян в своей основе осталась земледельческой, правда, ее черты были свойственны не только культуре север-

ных земледельцев, но и наличествовали у северного промыслового населения, а сама северная культура стала уникальным вариантом общерусской культуры. Несмотря на свою периферийность, она вобрала в себя и долгие столетия сохраняла общерусский характер, и именно культуры земледельческого народа¹. Ее уникальность была обусловлена тем, что она сформировалась у хлебопашцев, живших в условиях северной природной среды. Кроме того, культура русских северян складывалась в иноэтничном окружении и становилась «продуктом межэтнических связей», и таким образом «проделала тот же путь, что и общерусская культура, вобравшая в себя опыт межкультурных связей, ставших достоянием национальной культуры». Сосуществование культурно-исторических традиций, их взаимопроникновение характерно не только для общерусской, но и для региональных культур: и в той, и в других произошло напластование разновременных слоев, отразивших многообразие культурных связей². И для общерусской, и для региональных культур были свойственны и общий путь развития, и общие черты. Возникнув как культура земледельцев, она сохраняла такой характер веками и стала преимущественно культурой крестьянской. К тому же это сословие сберегло ее до кардинальных изменений жизни в XX в. Этого удалось достичь благодаря поразительной способности русских крестьян приспосабливаться к той жизни и среде, которая их окружала. В нелегких природных и сложных социально-экономических условиях путем многовековых проб и неимоверного труда они сумели создать великолепные образцы жизнеобеспечивающей культуры, практичной, рациональной, многие из которых обрели значение памятников культуры. Северяне не только сохранили общерусскую культуру, но и выработали ее варианты, которые были целесообразны и на родине, и далеко за ее пределами, когда они осваивали обширные евроазиатские пространства. Последнее можно про-

¹ *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 6.

² *Судаков Г.В.* Живое русское слово. Вологда, 2002. С. 150–151.

следить на примере освоения севернорусским населением сибирских земель в XVI–XX вв.¹

Особенностью общей этнокультурной истории было влияние народных традиций на развитие профессиональной культуры. К середине XVII в. последняя, вобрав в себя эти традиции, еще сохраняла средневековый характер и структуру. Но с XVIII в. народная культура стала испытывать на себе обратное воздействие профессиональной культуры. Некоторые особенности стали свойственны и той, и другой культуре. С послепетровского времени все явнее выступали в них светские черты, а позднее, в Новое время, произошел социальный «раскол»: культура верхов и городских жителей начинала уходить от традиционного характера, носителем же народной культуры, имевшей этническую окраску, оставалось крестьянство².

Состояние культуры в дальнейшем все более зависело от развития производственной деятельности людей и усложнения их взаимодействия с природой. С конца XIX в. и особенно в XX в., когда не раз менялись условия, необходимые для сохранения традиционной культуры, в ней все чаще появлялись новации, различного рода модификации и трансформации вследствие тех или иных общественных, социально-экономических изменений или адаптации в иной среде.

Изменения в жизни общества, особенно в советский период, также повлияли на культурное развитие. Этническая консолидация того периода вела к исчезновению культурно-бытовых различий у отдельных составных частей единого русского этноса. Оставались различия, связанные с природно-климатичес-

¹ На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989; Русские. Гл. 8–16; Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М., 2012. С. 247–249.

² Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Этнокультурная история восточных славян и современные этнические процессы // Этнография восточных славян. М., 1987. С. 513–515; Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 252.

кими условиями и занятиями людей, половозрастные, городские и сельские особенности¹. Такие изменения можно проследить на конкретных примерах этнокультурного развития севернорусского населения, поскольку оно шло в едином русле с общерусским культурным развитием.

Изменения, прежде всего, видны в культуре хозяйствования. Когда русские крестьяне заселяли Север, они начинали внедрять там земледелие, приспосабливаясь к северным условиям, не всегда благоприятным для такого занятия. Это была многовековая борьба за выживание, и велась она путем применения экстенсивной системы земледелия – сочетания трехполья с перелогом и росчистями. В XVI в., когда трехполье стало господствующей системой земледелия на Севере с характерными в трехпольном севообороте культурами – озимая рожь и яровые овес, ячмень, пшеница, конопля, лен, – основными орудиями для обработки полей стали деревянные *сохи* с железными сошниками (*ральниками*). Крестьяне настолько тонко чувствовали землю и окружающую среду, с которой взаимодействовали, что могли приспособить пахотные орудия к любым почвенным условиям. Со временем они создали много модификаций сох: *двузубая соха с перекладной полицей*, *соха-односторонка*, *коловая соха* (с сошником или без него), *косуля* (соха плужного типа с двумя сошниками, лемехом, резцом, отвалом для обработки плотных почв и целины) и т.д.

Далее до конца XVIII в. заметных перемен в сельском хозяйстве на Севере не происходило. Но с этого времени начали развиваться порайонные типы земледелия. Основу их по-прежнему составляло трехполье с традиционным набором сельскохозяйственных культур, но все чаще крестьяне приспосабливались к новым условиям ведения хозяйства – к специализации районов и рыночному спросу. Под воздействием товарного производства произошли изменения других систем земледелия. Так, сопровождавшая трехполье подсека сохранялась только в лесных

¹ Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Указ. соч. С. 519.

местностях. Перелог (залежь) сходили на нет ввиду занятости удобных земель¹.

Крестьянская аграрная культура Севера вплоть до 1930-х годов находилась на достаточно высоком уровне. Судить об этом позволяет выработанная крестьянами система мер по охране природы и прежде всего почвенного плодородия, что было их постоянной заботой. Для этого предусматривалось правильное применение систем земледелия: рациональное использование земли, смена и чередование культур, неоднократная обработка почвы, ее удобрение, очищение, окультуривание, применение почвозащитных методов обработки, противоэрозийных и мелиоративных работ.

Во всем этом видно антропогенное воздействие на природу, при котором происходило постоянное познание и осмысление почвенно-климатических условий, нового экономического развития и соответственно этому – выработка приемов ведения земледельческого хозяйства. Особенно это сказалось, как указано выше, на приспособлении к местным условиям техники и создании многочисленных ее вариантов. В культурном отношении распространение тех или иных сельскохозяйственных орудий составило целые ареалы, сопоставимые с другими ареалами – такими, как ареалы культуры жилища, поселений, одежды, пищи и т.д.², в свою очередь формировавшихся при осознанном взаимодействии человека с природой.

Поражает умелое хозяйствование северных земледельцев в малоблагоприятных для этого условиях. Не случайно в восприятии людей возник образ северянина, взаимодействующего с природой и «покоряющего» ее, выработавшего у себя спокойный, волевой, предприимчивый характер. Образ такого крестьянина, обладающего знаниями и опытом поколений, жил на Севере веками и даже усматривался позднее в образе кулака начала XX в. Этот «кулак» на самом деле был обычным крестьяни-

¹ АРАН. Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 41. Л. 3; Д. 40. Л. 4–4 об.; Оп. 10-б. Д. 27. Л. 2 об.; Д. 20. Л. 4 об.

² Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. Карты «Земледелие», «Жилище», «Одежда».

ном, умело ведущим свое хозяйство, организованное и нацеленное на получение необходимой продукции. Самым ценным в таком хозяйствовании было сохранение, а не нарушение исконных традиций, глубокое знание местных природно-климатических условий, природоохранная деятельность, основанная на выработанных веками мерах по сохранению почвенного плодородия.

Рациональное и успешное земледелие было свойственно и некоторым коллективным хозяйствам, возникшим в первые послереволюционные 1920-е годы. Особенно ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) пользовались такими традиционными методами, как *ранний* (весенний) *пар* и обязательное применение органических удобрений и компостов (смесей навоза с соломой, мхом, золой и др.)¹.

Все изменилось с наступлением колхозной жизни. Хозяйствование в возникших колхозах привело к тому, что рушились крестьянское мировоззрение и представление о земле, как чем-то живом, о том, что именно труд на земле обеспечивал жизнь, а культура хозяйствования могла быть передана по наследству вместе с самой землей. Народный опыт и аграрные традиции были признаны вредными и рутинными. В результате с 1930-х годов стали нарушаться связи человека с землей, происходили отторжение от нее хлебороба и утрата крестьянской психологии (любовь к земле, отношение к ней как к живой), которая обуславливала правильное хозяйствование на ней.

Сейчас терпят крах попытки возродить крестьянство с его исконным мировоззрением и самосознанием. Для этого недостаточно законодательных мер, к которым прибегают руководители аграрной сферы. Необходим комплекс мер экономического, правового и особенно воспитательного порядка, которые восстановили бы нравственную связь человека с землей, привели к возвращению исконно русских форм труда (кооперативных, артельных). Это поможет вернуть человека к земле, поскольку деревня – это своеобразный организм со своими осо-

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 146. Л. 8–34; АИЭ. ВЭ. 1986 г. Д. 8710. Л. 12; 1987 г. Д. 8334. Л. 14; СО КЭ. 1966 г. Д. 2387. Л. 22 об., 31.

бенностями и традициями, с присущими ей формами взаимосвязи людей и окружающей среды, сложившимися исторически на основе опыта сотен поколений.

В условиях новой жизни были утрачены многие традиции и в культуре народного жилища. Северное крестьянское жилище уже в период Средневековья было довольно внушительных размеров и представляло собой комплекс жилых и хозяйственных строений. Основой усадьбы являлась изба (*истопка, истьба, хормина* по-северному), в XVI–XVII вв. четырех-, реже – пятистенная, сложенная из трехсаженных сосновых или еловых бревен. Это была трехкамерная постройка классического севернорусского варианта – «изба да клеть, а промеж ними сени», хотя еще сохранялась и двухкамерная – изба-сени. Кроме избы и клетки, в усадьбе имелся хозяйственный двор, а в нем хлевы для скота, конюшня, сенник, помещение для хозяйственного инвентаря. Житницы, амбары, овины, гумна находились вне двора. К концу XVII в. окончательно сложилась севернорусская крестьянская усадьба – изба с крытым двухэтажным двором под единой крышей – так называемая *однорядная связь* двора с домом (изба-сени-клеть-двор, стоящие в один ряд)¹. Изба на высоком подклете (приподнятая над землей) – характерная для Русского Севера конструкция, своего рода «изобретение» северян, приспособленное к местному климату. Таким образом, со средневекового периода крестьяне возводили здесь высокие, больших размеров срубные постройки, в которых жилье было объединено с хозяйственным двором в единое целое. По данным источников XVIII в., такие дома-дворы (*хоромы*) были распространены там повсеместно².

К середине XIX в. северяне начали заменять клеть на второе жилое помещение – вторую избу, отапливаемую и с таким же интерьером, как и первая. Постепенно избы стали различаться на летнюю и зимнюю. К 1880-м годам такая замена в крестьян-

¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10441. Л. 7; Ф. 21. Оп. 1. Д. 47. Л. 144–145; Ф. 2810. Оп. 17. Д. 11181. Л. 1.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69, 75, 83, 87, 91, 94, 95, 135, 182–193, 236; Ф. 114. Оп. 7. Д. 2, т. 3. Д. 3, т. 4. Д. 4; Ф. 396. Оп. 1. Д. 32–84.

ском доме стала частой. К изменениям в традиционном строительстве привела необходимость во втором жилом помещении, что было связано с социально-экономическим развитием деревни – внедрением поравнительности в землепользовании и вызванными ею разделами больших крестьянских семей. Стал распространяться также новый тип дома: две избы-сени.

Во второй половине XIX – начале XX в. прежнее жилище изба–сени–клеть уже не встречалось, поскольку холодная клеть стала второй избой или чистой («белой») горницей. Обе избы ставились либо по разные стороны сеней (изба–сени–изба), либо оба их сруба находились рядом, и тогда дом превращался в тип *изба-двойня*, позади них размещались сени, а затем уже двор. В постройках конца XIX в. начали появляться *зимовки*, пристроенные сбоку дома, в них жили зимой из-за экономии топлива¹. Новшеством этого периода стали и избы-*пятистенки*².

Приспособление северянами жилища к различным условиям, его усовершенствование привело к тому, что усадьба на протяжении нескольких веков претерпела эволюцию от типа изба-сени-двор через вариант изба–сени–клеть–двор к ее последнему виду изба–сени–изба (горница)–двор, при сохранении однорядной связи двора и дома.

Оставался неизменным самый устойчивый признак народного жилища, местами сохранившийся до настоящего времени, – интерьер избы, и прежде всего расположение печи, местонахождение переднего угла и той или иной мебели. Из известных типов внутренней планировки дома, характерных для жилища восточных славян, на Русском Севере сложился так называемый *севернорусский план*³, при котором справа или слева от входной двери избы ставилась *русская печь*, обращенная своим устьем (*челом*) к противоположной от входа стене (обычно фасадной). Угол избы по диагонали от печи считался передним

¹ АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2, 105; Р. 25. Оп. 1. Д. 5; Р. 7. Оп. 1. Д. 100.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 2; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 15; АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105. Л. 89 об.–90 об.

³ *Витов М.В.* Этнография Русского Севера. М.: ИЭА РАН, 1997. Карты 21–30.

(красным, большим), в нем находилась божница с иконами. Здесь же в переднем углу стоял стол. Стол в доме (*престол, божья ладонь*) в народном религиозном сознании отражал идею пути. Этот сакральный центр жилища, конечный пункт начала и конца жизни, находился обязательно в углу с иконами. Вдоль стен размещались лавки. От печи над входом к боковой стене настилали *полати*, на которых спали. Вдоль той боковой стены, у которой стояла печь, находилась кухня (*куть, закуток, середа, заборка*). Такой интерьер жилища был возведен в узаконенную народную традицию.

В конце XIX – начале XX в. строительная техника, конструктивные приемы, художественное оформление крестьянских домов совершенствовались и усложнялись. Хотя северное жилище по-прежнему было срубным, а фундаментом его являлись стойки-столбы, реже камни, теперь в нем появилось по две избы, нередко двухэтажных, а значит ставилось два сруба. В них прорубались широкие окна, настилался потолок, встраивались лавки и полати, могла меняться схема входных дверей, а также входов-дверей в подклет, во двор и т.д. Значительными были переделки при оборудовании бывшей клетки в горницу или вторую избу. Появились и другие новшества: печи из кирпича с дымоходами вместо глинобитных, встроенные перегородки между комнатами, новая мебель.

Жилищное строительство в деревнях, прерванное войной 1941–1945 гг., возобновилось в конце 1940-х – начале 1950-х годов. С тех пор и до наших дней крестьянское жилище настолько изменилось, что иногда не напоминает традиционное. Локальные (в данном случае – северные) и общерусские его черты все более стирались, а с ними исчезала граница региональных усадебных комплексов. А ведь эти местные варианты были приспособлены к каждой природной зоне и в то же время имели общее со всей русской культурой жилища. Их происхождение было связано и с различной этноисторией и традициями населения районов, и с различными природно-климатическими условиями, в которых они размещались, и с адаптацией русских переселенцев на Севере. Исчезает вместе со всем этим осознание назначения многих сторон и черт этой формы народной

культуры, слабее проявляется народное мировоззрение (особенно сакральность), понимание, а тем более соблюдение связанных когда-то с жилищем обычаев и обрядов. Остаются лишь чисто практические моменты и стороны этой культуры, происхождение и существование которых обусловлено специфическими северными условиями.

Аналогичные явления, даже более интенсивного характера, происходили и в культуре народной одежды, которая была тесно связана с крестьянским миропониманием, мировоззрением, была сообразна природным, социально-экономическим и прочим условиям и становилась традиционной, а с изменением этих условий приобретала новшества и меняла свои функции. Функции же народного костюма были многообразны: кроме прямого назначения – предохранения человека, его здоровья от воздействия внешней среды (экологическая функция), он приобретал статус повседневного, рабочего, праздничного (функции практические, эстетические, социальные), а поскольку имел знаковый характер, то становился обрядовой одеждой, в элементах которой отразились народно-эстетические и религиозно-магические представления. Это та форма культуры народа, которая более тесно, чем другие, связана с его духовной жизнью. Ее материальные формы и символика были представлены в многообразной обрядовой практике и выполняли в ней свои функции¹.

С течением времени, особенно в XIX – начале XX в., менялись условия жизни крестьян, их хозяйственные занятия, менялся костюм, его смысловое значение, трансформировалось символическое содержание одежды. Однако долговечность празднично-обрядового костюма в изменившихся условиях (он сохранил праздничную или обрядовую роли) была возможна, так как эволюция народного миропонимания, религиозных представлений происходила «не путем смены старых верований (и понятий. – *И.В.*) новыми, а путем наслаивания, добавления нового к уцелевшему старому»².

¹ *Маслова Г.С.* Народная одежда в традиционных народных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 3.

² *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 95.

Все это можно подметить, рассматривая народный костюм северян. Он всецело был приспособлен к тем условиям, в которых они жили и трудились, и менялся с изменением этих условий, т.е. был «сообразен» с любыми условиями, а «духовный аспект» этого костюма усматривался в мировоззренческих представлениях северных крестьян, связанных с их верованиями и обычаями, запечатлевшихся в деталях традиционного костюма и украшений.

Документы XVI–XVII вв. дают возможность понять, что севернорусский костюм, как и в целом костюм русских, сохраняя общие черты, шел в своем развитии по пути дифференциации. Существовали его локальные варианты, в которых прослеживались социальные различия, выражавшиеся не только в применении определенных материалов для изготовления, но и в убранстве, иногда покрое, составе отдельных частей. Это также говорит о приспособленности одежды к условиям жизни.

Северный костюм, как и общерусский, создавался земледельческим народом, издавна занимавшимся выращиванием растительных культур и разведением домашних животных, а поэтому сырье для изготовления одежды, головных уборов, обуви создавалось в домашнем хозяйстве: растительные волокна, кожа, мех, шерсть. В меньшей степени использовались крестьянами материалы, полученные в результате охоты на диких зверей.

Крестьянская одежда, в отличие от городской, долго сохраняла традиционность, обладая устойчивостью форм, ярко выраженным своеобразием, так называемой этнической спецификой. Иногда в костюмном комплексе наличествовали некоторые архаические виды; он был недорогой, нарядность была присуща праздничному убору. Но со временем одежда сельских жителей стала испытывать влияние городской культуры¹. В XVIII–XIX вв. продолжался процесс социальной дифференциации костюма. Городская одежда все более уходила от традиционных норм, крестьянская же еще долго сохраняла устойчивость, хотя и в ней появились различные новшества.

¹ Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские. С. 328.

Костюм северян в XIX в. сохранял свои единые для всех мест традиционные формы, многие из которых вели свое начало с общеславянской древности. В нем был своеобразный синтез архаических и поздних напластований, и в то же время существовал некий стереотип (штамп) и общепринятый эталон, который и сделал костюм традиционным, передаваемым новым поколениям. Этот стереотип проявлялся не только в стойко державшихся формах одежды, отдельных ее деталях, особенно в покрое, но и в выборе тканей и украшений, в манере одеваться, в представлении об облике носителя этого костюма, преимущественно в представлении о красоте, ее идеале и даже в манере поведения облаченного в костюм человека, какое бы назначение ни выполнял тот или иной костюм – рабочий, повседневный, праздничный, обрядовый и т.д.¹

Женский северный костюм составляли рубахи, сарафаны, передники, высокие головные уборы, нагрудная одежда (*душегреи*). В гардеробе женщин, особенно до замужества, имелось, кроме рабочей, еще три вида одежды: повседневная («платицё ежедённё»), праздничная («воскресённё»), свадебная («подвишняшнё»). Северный мужской костюм был менее разнообразным, чем женский. Он отличался сравнительным единством вообще у русских. Нивелировка и выработка общих форм мужской одежды протекала довольно быстро в связи с большей подвижностью мужского населения (уход на заработки, отходничество и т.п.) и принятием костюма, распространенного вне мест своего проживания. Мужскую одежду составляли рубахи, штаны, различного вида головные уборы, нагрудная одежда².

В XIX – начале XX в. на Севере существовало большое разнообразие местных костюмных вариантов, особенно женских, а

¹ АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–36; Д. 105. Л. 10–148 об.; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–4; ВГВ. 1868. № 31. С. 304.

² Полное описание комплекса севернорусской одежды см.: Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. Гл. 6.

также многочисленных названий отдельных предметов одежды, обуви и головных уборов. При этом крестьянский костюм стойко держался при различных нововведениях и сохранял основные общие черты на всем Русском Севере: набор вещей, составлявших комплекс одежды, их вид, материал, из которого ее делали, функционирование костюма – разделение на повседневную, обрядовую (свадебную, крестильную, похоронную и др.), праздничную, рабочую одежду – оставались прежними.

Изменения костюма с течением времени касались его покроя (от архаических форм к новым), появления новых предметов (наряду с рубахой и сарафаном – кофты с юбкой, городского платья), новых тканей для его изготовления (постепенное вытеснение домотканины фабричными тканями). Особенно быстро менялся мужской костюм, так как уже с середины XIX в. мужчины всех возрастов приобретали городского вида пиджаки, жилеты, поддёвки, новые головные уборы – городские фуражки, кепи, картузы. Но в целом народная одежда долго сохраняла «специфику половозрастного кода, основанного на традиционных представлениях о статусе человека»¹.

Развитие костюма с 1930-х годов шло по пути «слияния» одежды городской и сельской, причем влияние моды города особенно увеличилось. Народный костюм «сходил на нет», ибо началось массовое промышленное производство и материалов, и готового платья. В одежде русских, в том числе и севернорусских, развивались формы, которые становились не только общерусскими, но и международными. Из старых же форм сохранялись некоторые местные виды одежды, применявшиеся как рабочая (вместо разнообразных и сложных головных уборов – платки; из мужского костюма – рубахи-косоворотки; носимые всеми тулупы, валенки) или праздни-

¹ *Холодная В.Г.* Символика и атрибутика костюма парня в русской деревне с 40-х годов XIX в. по 20-е годы XX в. // Мужской сборник. М., 2001. Вып. 1. С. 125; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // ИОЛЕАЭ. М., 1887. Т. XXX: Тр. Этнографического отд. Кн. V, вып. 1–2. С. 59, 150.

ная одежда (на Севере она оставалась у пожилых, а у молодых выполняла роль свадебной).

С урбанизацией всей культуры народный костюм ушел на периферию быта, но не утратил своего значения историко-этнической ценности. Он как часть народной культуры связан с историческими представлениями народа и его самосознанием, которое было характерно для предшествующих веков¹.

Гораздо меньшие изменения произошли в традиционной системе питания. В сохранении комплексного полеводческо-животноводческого направления хозяйства кроется устойчивость этой системы. В народной культуре питания, как и в других формах, сложились региональные и локальные черты в результате межэтнических контактов и адаптации в новых природных условиях, а затем происходило включение местных вариантов в общерусское рецептурное богатство. Но любые социальные перемены влекли изменения и в системе питания.

Основу северного регионального питания с древних времен составляли зерновые культуры, из которых приготавлилась пища. Самыми распространенными были рожь, ячмень, овес. Пшеница появилась позднее, когда были выведены озимые ее сорта. В промысловых районах основным питанием были продукты рыболовства и охоты. Северная кухня стала приобретать устойчивый характер к концу XVIII в., а окончательно сформировалась в XIX в. Пищевой комплекс представлял собой сочетание повседневных, праздничных, обрядовых блюд, состоял из определенного ассортимента исходных продуктов для приготовления пищи и имел множество особенностей в зависимости от сезона, трудового процесса, праздничной и обрядовой жизни с их религиозными установками. В целом на Севере преобладала растительная пища².

В XX в. произошло сглаживание локальных особенностей из-за централизации производства продуктов питания и их распространения, создания пищевой индустрии и развертывания сети общественного питания. Тем не менее до сих пор при

¹ Шмелева М.Н. Указ. соч. С. 352–353.

² Русский Север. Гл. 7.

сходстве существуют многие варианты пищевых традиций. В этом видна гарантия сохранения в веках традиционного питания¹.

Изменения с течением времени происходили и в таком виде жизнедеятельности народа, как семья и семейные отношения. Семейно-бытовой комплекс народной культуры имел много общего как в целом у русских, так и у отдельных их групп. Севернорусская семья развивалась аналогично семье населения других русских регионов, правда, регионально-локальные особенности были присущи всем им.

Развитие русской семьи и ее функционирование связаны с историей общества, так как она является основой хозяйственной и производственной деятельности народа. Особенностью ее формирования было обычно-правовое регулирование ее строя и всей семейной жизни, основанное на нравственных воззрениях: семья в глазах земледельца – первое условие благосостояния. Это исходило из функции семьи – обеспечение преемственности многовековых знаний, опыта, всей народной культуры последующими поколениями². Сельская семья была внутренней сущностью крестьянствования. Именно в ней «возникали узы духовного народного единения, памяти народа и общей его судьбы»³. Брак становился не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в общине, но и моральным долгом.

Известная по источникам XIX – начала XX в. традиционная русская семья, севернорусская в том числе, имела простые формы, была преимущественно двухпоколенной, с главенством старшего мужчины, со строгой регламентацией жизненного уклада, с половозрастным разделением труда, с осознанием необходимости иметь детей, наследовавших обычаи, традиции, знания и опыт. Семья имела локальные различия у жителей разных районов, у отдельных сословных групп, различия этнического порядка в контактных зонах, своеобразие в укладе и внутренних отношениях в силу особого экономического и демографического развития. На Севере, по традиции и по необхо-

¹ Русские. Гл. 11.

² Там же. Гл. 17.

³ *Шипунов Ф.* Великая замятня // Наш современник. 1990. № 3. С. 120, 127.

димости, возникали и такие формы семьи, как неразделенные на отдельные семьи, складнические и договорные (с общим хозяйствованием); в двух последних кровное родство членов не было обязательным¹.

При капиталистическом развитии деревни и распространении отхода происходило ослабление внутрисемейных отношений. Постепенно исчезала узость брачных связей: браки совершались не только внутри своей округи, но и с жителями более далеких мест. Но межсословные и межэтнические браки были редкими в силу обычно-правовых норм семейной жизни. Долго сохранялись и другие старые запреты (например, создавать семью близким родственникам); соблюдались старшинство и очередность при вступлении в брак детей.

Самые ощутимые изменения произошли в течение XX в. Они привели к тому, что в современной семье, оставшейся простой по составу, малодетной, преимущественно однородной в социальном и этническом отношении, поменялось понимание главенства в семье, другими становились внутренние отношения ее членов в связи с изменениями в их статусе; оставались отличия от городской семьи, поскольку в деревне резче половозрастное разделение труда, чаще была необходимость в неразделенной трехпоколенной семье, дольше сохранялись принципы народной педагогики. В современной жизни вполне были бы пригодны многие традиции трудового и нравственного воспитания детей, основанные на половозрастной социализации в разных видах деятельности.

Утрату традиций пережила обрядовая культура. Она сложилась и функционировала как постоянное и непрерывное соединение практического опыта и религиозных воззрений. Последние были той канвой, на которую наложено бытие человека и которая корректировала своими рамками мысли и поступки людей. Но не столько религиозные воззрения вели к формированию обрядов, сколько целенаправленный практический опыт, воспитание в нем, включение в активную жизнь каждого чело-

¹ Власова И.В. Семья и семейные отношения // На путях из земли Пермской в Сибирь. М., 1989. С. 194–210.

века в обществе. В обрядности – составной части культурных традиций – кроются особенности человеческих связей и моральных норм, определяющих состояние того или иного сообщества в тот или иной период.

Сложная этноистория отразилась на обрядовой культуре Севера и на таком важном ее компоненте, как свадебный обряд. Северяне явились создателями северного варианта этой обрядности. Как русская свадьба в целом, так и севернорусская в частности не представляют единого в строгом смысле обряда, так как в нем обнаруживается разнообразие локальных черт. У северян нет четкой структуры обряда: например, разделения кануна брака и дня его; иногда свадьбой называли день перед венчанием; девушка-невеста могла облачиться в женский костюм перед венчанием, а не после него. Особенностью севернорусского свадебного обряда был *банный ритуал*. Баня считалась сакральным местом, где отправлялся культ домашних духов, в ней совершалось таинство перехода к важным этапам жизненного цикла. По поверьям, баню населяли мифологические персонажи, главным из них был *банник*. Под влиянием христианства произошло превращение бани в «нечистое» место, а банник из домашнего божества превратился в демонологический персонаж, в нечистую силу.

Своеобразием отличались и некоторые фольклорные произведения, исполняемые во время свадьбы. Так, причитания невесты первоначально имели магический смысл. Вообще в северных причитаниях отмечается много элементов архаики, и им присуща большая степень сохранности¹. Свадебная терминология была многообразна. Ареалы этой обрядности и ее элементов совпадают с разделением Севера на этнокультурные территории (западную, центральную и восточную части), где обнаруживается специфика и в других формах народной культуры. Близкие параллели в обряде существовали у северян с новгородцами и финно-угорским населением региона. Как и другие обря-

¹ Макашина Т.С., Фролова А.В., Тучина О.А. Календарные и семейные праздники Русского Севера: Праздник в селе. Праздник в семье. М.: Звезда и крест, 2011. С. 76–78, 157.

ды, свадьба являлась сплавом культурных традиций разных территорий, возникшим в северной историко-культурной зоне в результате взаимодействия различных этнокомпонентов¹.

Другие обряды жизненного цикла также отличались своеобразием и не оставались неизменными с течением времени. Нормальное воспроизводство населения, сохранность и воспитание подрастающего поколения обеспечивала культура материнства и детства. Эта единая культура у русских не исключала региональной и локальной специфики, обусловленной особенностями климата, питанием, этнокультурными заимствованиями, конфессиональными отличиями у населения той или иной среды обитания. Такая специфика на Севере проявлялась во всем, начиная с периода беременности у северянок (в рекомендациях рационального и иррационального характера), при родах (их места, главным образом, в бане, применения магических средств, особенно в имитации родов), в уходе за роженицей, в именнаяречении детей (при их церковном крещении, в выборе восприемников), в уходе за детьми и их лечении (обращении к заговорам) и, конечно, при трудовом и нравственном их воспитании². Со временем в родильно-крестильном ритуале все более проявлялись практические элементы, хотя в конце 1980-х – начале 1990-х годов происходило возвращение к христианским представлениям в этой сфере культуры.

Особое место в семейных обрядах занимает похоронно-поминальная обрядность. Она более консервативна, чем другие ритуалы. Соблюдение ее считалось моральной обязанностью родственников по отношению к умершему, и это всегда находилось под влиянием мнения и контроля общества. Вся обрядность складывалась издревле, но в основу ее лег православный ритуал, впитавший и дохристианские традиции. В ней были

¹ Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русский Север. Гл. 9.

² Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Гл. 10; Она же. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север. Гл. 12; Она же. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей // Русские. С. 500–517.

различия локальные, социальные, но не принципиального характера, и в разных местностях России эта обрядность была типологически однородна.

У северян было своеобразие в поминальных обрядах, когда они отмечали 40-й день после смерти, родительскую субботу, «банные» очистительные обряды и т.д. Эти особенности были обусловлены контактами с финно-угорским населением в северо-западных районах, влиянием старообрядчества в центральных территориях Севера¹.

С конца XIX в. начались изменения в похоронно-поминальной обрядности, а в советское время обряд стал преимущественно гражданским. Причиной этого было ограничение церковного участия в нем; процессы урбанизации и стандартизации быта также внесли свою лепту. Сейчас отмечается возрождение этой обрядности, растет роль православия в быту; иногда вместе сосуществуют религиозная и гражданская обрядность. Но сохранились и древние обычаи: очистительные действия, вера в магическую силу умерших, поминание на 40-й день после смерти, обычай «тайной милости», когда в гроб кладут вещи умершего, и др. Традиции, направленные на сохранение памяти об умерших, – свидетельство сохранения в обществе здоровых основ.

В целом за долгие периоды перемен в общем культурном и духовном облике народа утрачена вся обрядовая культура, нарушена передача народных знаний, исчезли смысл и суть многих обрядов, за ними остается в основном игровая функция (кроме похоронно-поминальной обрядности).

У русских существовала праздничная культура, основанная на датах календаря, которые были приурочены к аграрным циклам. Эти праздники стали главным образом и церковными (православными) праздниками. В них отразилась связь природы и человека, так как они ориентировались на астрономические явления и фиксировались как переходные природные рубежи.

¹ Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север. Гл. 11; Она же. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. С. 517.

С XVII в. наметилась в этой культуре светская «струя», которая расширилась еще более с эпохи Петра I.

Наряду с общими для всех мест России календарными праздниками на Русском Севере существовало множество местных по происхождению, назначению и времени возникновения праздников – городских, слободских, волостных, сельских, деревенских и даже уличных, а также общественных гуляний. Истоки многих из них уходили в древность. Большинство их приурочивалось к осенне-зимнему сезону, к свободному от полевых работ времени. Особенностью Севера было усечение осеннего и весеннего циклов календарных праздников по сравнению с праздничными комплексами Центральной России. Сдвиги в этих циклах зависели от сроков сезонных работ, которые, в свою очередь, были зависимы от северного климата¹.

Специфика была и в других северных календарных праздниках. В обрядах и фольклорных жанрах (песнях, играх), сопровождавших праздники святочного и летнего циклов, особо подчеркивались темы плодородия, брака, свадьбы. Они могли быть видоизменением еще дохристианских игр периода зимнего и летнего солнцеворотов и фрагментарно сохранились на Севере. В весеннем цикле на масленицу северяне особо отмечали *чистый четверг*, когда совершались обряды охранительной и продуцирующей магии. Особенностью празднования Пасхи были качели, игры и хороводы, во время которых совершались магические действия².

Среди местных праздников везде преобладали церковные (престольные, или приходские). Были и *обетные* праздники – по обету, обещанию, обязательству, принятые из религиозных побуждений. Такие праздники были разнородными по происхождению и времени, по степени стабильности и бытованию на ограниченной территории. Наряду с ними известны *съезжие* праздники – *гостинные*, *гулевые*, *званные* – когда праздновали во всех селениях волости по очереди. Часть их совпадала с престольными. На таких праздниках для деревенской молодежи

¹ Макашина Т.С., Фролова А.В., Тучина О.А. Указ. соч. С. 9, 169.

² Там же. С. 65.

устраивались показы невест – на пинежских *мѣтищах* (сборах молодежи), на вологодских святочных показах, мезенских *петровщинах*; здесь же происходил и выбор брачных партнеров. Во время молений на приходских, обетных и съезжих праздниках в честь местных святых совершались определенные магические действия. Такие празднования несли в себе христианские и языческие черты. К этим датам приурочивали и ярмарки¹.

Широко были распространены деревенские, или так называемые *пивные* праздники, выросшие из древнерусских пиров и братчин. Они совершались во имя местных святых. В этот день на Севере соблюдали древний обычай: в церковь приносили пивное сусло для освещения его во время литургии, после нее пропевали тропарь празднику, а священник читал над суслом молитву. Праздники сочетались с богослужениями и крестными ходами, а также с «пираваньем» в деревнях. Были в северных селениях и *часовенные* праздники, поскольку там было много часовен. Иногда такие празднества проходили и без наличия часовни. Это обстоятельство было связано с потребностью иметь своего покровителя. Наличие же часовен давало возможность совершать праздничные службы там, где не было большого храма, и который за дальностью расстояния не всегда могли посетить верующие². Своеобразие северных праздников обуславливалось особенностями заселения и освоения территорий русскими, природно-географической средой, социально-экономическими условиями. Происходившие в них изменения были направлены на изживание магической основы и ее трансформацию в игровые действия³.

После 1917 г. формировались новые праздники, которые «смыли» некоторые пласты православной и дохристианской культуры. Советские праздники, городские по происхождению, были политическими и идеологическими. Местные праздники в

¹ Листова Т.А. Религиозно-общественная жизнь... С. 720–721.

² Там же. С. 723, 740–741.

³ Фролова А.В. Русские праздники: Традиции и новации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М., 2010. С. 132.

это время заменили, например, Днем Красной Армии, праздниками историко-мемориального характера, в том числе годовщинами городов, сел и т.д., литературными и фольклорно-этнографическими праздниками. Все они в советское время вошли в единую праздничную культуру; в них произошло переплетение разных элементов – традиционных и новых, сельских и городских, русских и общесоветских. Менялась структура праздников, составной их частью стали митинги, демонстрации, сокращались общественные гулянья. Семейные праздничные традиции оставались, так как проходили застолья, гостеванья.

К 1990-м годам народный календарь на Севере сохранялся, а возможно, и восстанавливался в довольно полном виде, православная основа календаря еще была осознанной. Сохранению в какой-то степени этого календаря способствовали хозяйственно-культурный тип, менталитет и религиозные воззрения северян. К началу XXI в. еще можно было уловить в северной праздничной культуре смешение трех пластов – язычества, православия, советской идеологии. Несмотря на это, неуклонно шло изживание магической функции обрядово-праздничной культуры, в ней наблюдалось соединение старого и нового¹. В самое последнее время произошло возвращение к некоторым календарным праздникам (Рождество, Пасха, почитание святых и т.д.), но и их затронули новшества.

Таким образом, приведенные в главе данные свидетельствуют о том, что развитие культурных традиций было обусловлено этнической историей северян. Сравнительно раннее славянское освоение Севера с XI–XII вв. и ставшее массовым с XIV–XVI вв. привели уже в Средневековье к численному преобладанию русского населения, к быстрому завершению ассимиляционных процессов, к незначительным этносмещениям и сказалось на этнокультурном развитии региона. Демографический фактор был не единственным, который привел к формированию своеобразного севернорусского хозяйственно-культурного типа. Географические и природно-климатические условия также

¹ Там же. С. 133; Макашина Т.С., Фролова А.В., Тучина О.А. Указ. соч. С. 169.

влияли на такое развитие и, в известной мере, и на этнопроцессы. Продвигаясь по северным водным артериям и адаптируясь в окружающей природной среде, славяне начинали взаимодействовать с местным населением, быстро ассимилируя его, что приводило к культурным взаимовлияниям.

Массовое крестьянское заселение Севера, незначительная занятость территорий аборигенным финно-угорским населением способствовали тому, что потоки славян, приходившие в регион, имели возможность выбора мест для поселений и нечасто сталкивались друг с другом. Это привело к однородности славянской культуры на этих землях. И хотя здесь не сложилось резких этнографических, антропологических и диалектных границ, севернорусская культура, как и культура любого другого региона, имела свои локальные особенности.

Самые ранние источники по истории северных районов (летописи, археологические данные) с X в. определяют Север или «северные окраины» как территории за пределами центра древнерусских земель, но уже осваиваемые или освоенные славянами («новоосвоенные земли»), связанные уже тогда некоторым единством исторических судеб и одинаковым характером развития, что еще более усугубилось позднее, в XVI в. Культура севернорусского населения уже с ранних периодов приобретала общерусские (сначала древнерусские в XI–XII вв.) черты и со временем превращалась в один из ее зональных вариантов, известных в этнографической науке как севернорусская культура.

Использованные материалы позволяют составить цельное представление об общем историко-культурном развитии Севера и его закономерностях уже на ранних исторических этапах, хотя в севернорусской культурной зоне заметно «присутствие» славяно-русских и финно-угорских культурных элементов. Это явилось следствием вовлечения в общий поток по освоению региона обитающих здесь народов, создавших культурную среду, во многом ставшую единой для всех. В этой единой зоне и образовались отдельные ареалы, происхождение которых было связано с различными процессами исторического, экономического, демографического и этнического характера. Народная культура, которая воссоздается по различным источникам, от-

ражает длительное развитие северных районов при совместной деятельности этносов, участвовавших в этом процессе и оказавших влияние на формирование культурных ареалов.

Севернорусская народная культура стала уникальным вариантом общерусской культуры, сохранив на долгие столетия обиходный характер и свои локальные особенности. Сформировавшись в условиях северной природной среды и при взаимодействии народов, она стала напластованием разновременных слоев, отразивших это локальное многообразие. Северяне сумели сохранить не только общерусскую культуру, но и выработали ее варианты, живя в северных условиях и перенося их в другие, осваиваемые ими пространства далеко за пределами региона – на Урал и в Сибирь.

В современной культуре, не только общерусской или севернорусской, но и мировой, наблюдаются, как отмечает С.А. Арутюнов, три группы тенденций, обусловленных историческими факторами: общего прогрессивного развития, современной социально-экономической обстановки, осознания народами общности судеб всего человечества. Объединение и специализация отдельных сфер культуры привели к сложению двух ее частей: связанной с трудовой, профессиональной деятельностью и связанной с бытом и досугом. Сейчас происходит, с одной стороны, взаимодействие локальных культур друг с другом и, с другой, – локальных культур с общемировой индустриально-городской культурой¹.

¹ Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 250, 277.

Глава II

Культура повседневности севернорусского населения

Для раскрытия настоящей темы требуется обращение к трактовке отечественными исследователями понятий *сознание (самосознание), повседневность, менталитет*. В этнологии утвердилось понимание «самосознания» как этнической идентичности (этнического сознания) того или иного народа. За рамками этнологии, особенно в философии и обществоведении, под самосознанием подразумевается осознание человеком, населением или народом в целом своего мировоззрения, образа жизни, характера, поведения, оценка себя и своего окружения, отношение к себе и к людям, к окружающей среде. И самосознание, и поведенческие стереотипы находятся в состоянии приведения себя в соответствие с социальными условиями жизни, например, с общественным развитием, с существующей системой жизнеобеспечения, т.е. с созданной народом культурой¹. Этносознание как бы «переплетается» с другими видами народного сознания. Ими могут быть крестьянское сознание (тема настоящей работы), коллективное (общинное у русских крестьян в прошлом), религиозное (православное), семейно-родственное, правовое (юридическое) и многие другие. Следовательно, самосознание — это действительно определение человеком или народом самого себя, но не только этническое. К подобному пониманию народного сознания и самосознания мы прибегаем при анализе материалов в данной главе, поскольку это позволяет увидеть сложность и неоднозначность этих явлений. Самосознание нередко проявляется в языковых формах (особенно в речевых), представлениях людей и в этнокультурных традициях. Им пронизаны все человеческие поступки и действия.

В последнее время исследователи обращаются не только к вопросам народного (традиционного) сознания, но и к «куль-

¹ Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 53–54.

турной истории повседневности». Повседневность как жизненная реальность исследуется специалистами по социальной истории и социальной антропологии¹, ее всегда изучали этнографы.

В.И. Даль относил к *повседневности* повторяемость, каждодневность, обыденность². В словаре С.И. Ожегова приводится значение этого понятия как быт, бытовая сторона жизни, будней; *будни*, в свою очередь, – повседневная, обыденная жизнь; *обыденность* – обыкновенность, заурядность, обыденное явление³. Отечественная наука довольно поздно подошла к изучению истории повседневности, в основном в 1990-е годы. Но еще в 1980-х годах А.Я. Гуревич, изучая ментальности, соприкоснулся с этой проблемой. Являясь продолжателем традиции известной французской школы «Анналов», сформировавшейся в 1950-х годах, он вслед за исследователями этого направления утверждал, что при изучении повседневности необходимо воссоздать «картину мира» определенной эпохи, социума, группы. В повседневности сторонники школы видели прежде всего сферу социокультурных представлений. Такая сторона обыденности («картина мира»), по мнению А.Я. Гуревича, может присутствовать как в сознании, так и в подсознании людей (в «памяти культуры») и определять их жизнь. Она наследуется поколениями, «трансформируясь в процессе жизненной практики и дифференцируясь в зависимости от социальной, возрастной и образовательной принадлежности индивидов»⁴.

Н.Л. Пушкарева, рассматривая определение «повседневности» в исторических разысканиях начала 1990-х годов, пришла

¹ Дингенс М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей: Человек в истории. История в сослагательном наклонении? М., 2000. С. 96.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 148.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 66, 440, 528.

⁴ Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // СЭ. 1988. № 6. С. 19.

к мнению, что предметом изучения истории повседневности является «сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах... комплексное исследование *об-
раза жизни и его изменений* у представителей разных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события»¹. Уже появился ряд исторических работ, в которых рассматривается повседневность в ее конкретном проявлении². В них анализируются мотивы человеческого поведения и поступки, корни которых могут уходить в глубину веков и проявляться в действительности разных эпох. Они объяснимы исторической и генетической памятью людей.

В исторической науке понятие «истории повседневности» нередко ассоциируется с этнологией, поэтому многие вопросы исследуются этнографическими методами: например, условия жизни и быта, система жизнеобеспечения (материальная и духовная культура), семейный быт и др. Но в историческом и этнологическом понимании повседневности существуют различия. Этнология понимает под «бытом» устоявшиеся традиционные формы жизни, повторяющиеся, ритмичные, стереотипные формы поведения³. Историки повседневности, по Н.Л. Пушкаревой, изучают не просто быт, а «жизненные проблемы и их

¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // ЭО. 2004. № 5. С. 3, 9; см. также: Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 7–8.

² Миненко Н.А. Введение // Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 3–4; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004; Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2009; Она же. Повседневная жизнь провинциальной дворянки центральной России (XVIII – середина XIX в.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009; и др.

³ Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. М., 1968. С. 6; Этнология / под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994. С. 14.

осмысление», «опосредованные тривиальностью жизни (от ландшафта до распорядка дня, от модели отношений людей до различных представлений)», т.е. разные виды деятельности и «переживания» человека, различные коллизии, механизмы появления новаций в жизни, сближения новых и традиционных норм социального действия¹.

На наш взгляд, это несколько неточно определяет сущность этнографического изучения быта (повседневности) и культуры, так как все перечисленное выше находится в поле зрения не только историков, но и этнографов. В последние десятилетия появилось много этнографических исследований, в которых главное значение придается разнообразным факторам, влияющим на этнокультурную ситуацию регионов, на адаптацию людей в окружающей среде, на их представления обо всем этом, а также механизмам передачи культурно обусловленного опыта и знаний новым поколениям². Не только историк, но и полевик-этнограф имеет дело с «индивидуальным переосмыслением устоявшихся понятий», работая с каждым конкретным информантом³. Он буквально живет в своем экспедиционном поле, так что это не является привилегией историка повседневности. Представители еще одного научного направления – этологии, обращаясь к жестам, поворотам речи, символам-знакам, также погружаются в индивидуальный мир, когда они работают с отдельным человеком. Как видно, размежевание истории повседневности и этнографии пока не состоялось, так как первая в значительной мере базируется на этнографических материалах и исследованиях. Очевидным стало лишь то, что работы по истории повседневности часто посвящаются «меньшей географической и временной локализации», обращаясь лишь к небольшому региону и короткому отрезку времени по сравнению с фундаментальными этнографическими исследованиями.

¹ *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 10–12.

² См., например, исследования по этнографии русских: Русские. М.: Наука, 1997 (Народы и культуры); Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001; Русские Рязанского края. М., 2009; Очерки русской народной культуры. М., 2009 и др.

³ *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 11.

Подтверждение приведенному выше определению повседневности находим в работах историков Екатеринбургского университета, которые определяют «историю повседневности» как акцент внимания «на жизненном мире простых людей, ее интересует, что совершалось с ними и вокруг них, как соотносились перемены с их ценностной системой и каков был механизм внедрения ценностей и ментальность этих людей»¹.

К этнологическому пониманию повседневности, нам кажется, ближе всего подходит ее понимание как каждодневно текущей жизни во всех ее сторонах и проявлениях, и в этом отношении оно близко к пониманию повседневности как сложившегося и постоянно поддерживаемого быта, ритма жизни, традиций и устоев. Иначе говоря, повседневность – это «постоянство, повторяемость, регулярность в масштабе той или иной хронологической категории...»². Такое определение подразумевает изучение не только быта, но и всех *факторов*, влияющих на него, а также *оценок* и *представлений* людей – носителей тех или иных бытовых традиций. Точнее, этнографы занимаются культурой повседневности, историки – историей повседневности. Предмет их исследования может быть один и тот же, вплоть до причин и факторов, обуславливающих различные явления или трактовку их каждым отдельным индивидом.

Во многих научных изысканиях последних десятилетий предметом рассмотрения стала и проблема «менталитета», «ментальности» народов, населения регионов, социальных слоев (классов), отдельных групп и сообществ. Менталитет, как и другие рассматриваемые здесь понятия, не имеет четкого определения. В словаре С.И. Ожегова он трактуется как мировосприятие, умянастроение³. Исследователь менталитета Ю.Л. Бессмертный

¹ Голикова С.В. Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбурга на рубеже XVIII–XIX веков // Уральский город XVIII–XIX вв.: история повседневности. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 35.

² Белова А.В. Повседневная жизнь... С. 27–28.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1992. С. 358.

определяет его как «совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нем»¹. Д. Филд предложил условное определение менталитета: это «устойчивый склад ума... который коренится в материальной жизни... и... оказывает непосредственное влияние на экономические, социальные, политические отношения» и проявляется в деятельности людей². Нет ли в приведенных пониманиях менталитета аналогии с определением сознания/самосознания? Подтверждение такому суждению находим и в других трактовках этого термина. В «Современном толковом словаре русского языка» *менталитет* (склад ума, ум, мышление) определяется как «совокупность психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических и т.п. особенностей мышления народа, социальной группы или индивида, проявляющихся в культуре, языке, поведении и т.п.; мировоззрение, умонастроение». В целом ментальное — это та или иная «характеристика нации, ее картина мира»³.

Некоторые исследователи полагают, что история ментальности помогает раскрыть историю повседневности, так как «в качестве ключевой проблемы» первой «выступают вопросы изменения обыденного сознания и соответствующих ему матриц поведения», поскольку «ментальность раскрывает внутренние логические связи разных систем мышления и поведения, выступая в роли внутрикультурного интегратора»⁴.

Для этнографического аспекта этой проблемы ближе всего сформулированное исследователем социальной истории России

¹ Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1993. С. 9.

² Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 8, 11, 17, 18.

³ Современный толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 342.

⁴ Определения понятий ментальностей см.: Голикова С.В. Указ. соч. С. 36.

Б.Н. Мироновым понимание ментальностей как социально-психологических стереотипов, образа мыслей и действий, ценностных представлений, сформировавшихся при воспитании человека под влиянием культурных традиций. Как некая система менталитет «обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем... Будучи обусловленными культурными традициями... ментальности обеспечивают... человека и... общность глубинной программой деятельности»¹. Выражаться же действия людей могут не только в поступках и поведении, но и в языковых формах, например, в пословицах, преданиях, легендах и других фольклорных жанрах.

С.В. Лурье, анализируя мнения исследователей 1940-х годов о «национальном характере», находит много общего в трактовке традиционного сознания с психологией, с проявлениями поведенческого характера (что составляет сегодня одно из пониманий менталитета) и заключает: под «национальным характером» понимали «культурно обусловленное поведение»². Это близко к определению Б.Н. Миронова.

Из приведенных трактовок видно, что менталитет, народное (традиционное) сознание, культура повседневности взаимосвязаны. Это проистекает из того, что все они как жизненные реалии переплетены между собой³. Н.Л. Пушкарева, определяя историю повседневности, также подметила ее переплетение с психологическими проявлениями. Историк, анализируя обыденность, обращает внимание на восприятия, рефлексии, переживания людей, становясь близким социальному психологу⁴. Благодаря этой связи между рассматриваемыми понятиями и отражаемыми ими реалиями социальные историки пришли к

¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. I. С. 327.

² *Лурье С.В.* Указ. соч. С. 14.

³ Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб.: Алетейя, 2011. С. 5–6.

⁴ *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 13.

выводу, что история повседневности, история быта – это «важнейший базис в изучении проблем ментальности и психологии»¹. То же можно сказать и о традиционном сознании, поскольку в понимание менталитета у социальных историков и психологов входят и умственные, и духовные факторы (сознание), влияющие на экономическую и социальную жизнь. К тому же нередко проявляется сословный или даже региональный характер ментальностей.

Отечественные исследователи менталитета тесно соприкасаются с этнологией (культурной антропологией), так как, в отличие от западных ученых, у них проявляется особый интерес к материальной культуре именно своих, российских, народов, и существует тесная связь с исторической наукой. И это несмотря на то, что, как писал в «Анналах» антрополог-структуралист К. Леви-Стросс, «этнологии принадлежит народная жизнь, нравы, верования, основные отношения» людей, а истории – «правлящие классы, подвиги воинов, царствования, розни»².

Еще ранее эту связь менталитета с психологией и сознанием людей отметил А.Я. Гуревич, предложивший несколько трактовок «ментальностей»: 1) как «установок сознания, присущих людям определенной эпохи и культуры и... дифференцирующихся в зависимости от их социальной принадлежности, образования, возраста»; 2) как совокупности «человеческих эмоций и *повседневных* (курсив мой. – *И.В.*) жизненных установок, особенности *мировидения*, ... способы осознания... самих себя и природного и социального окружения» (здесь решающую роль играет *обыденное сознание*). Для определения ментальностей, по А.Я. Гуревичу, необходим некий «исторический синтез понятий», который может объединить «социальное и духовное, материальную жизнь и культуру в концептуально объемлемую целостность». Необходимость синтеза вытекает из того, что исследователь имеет дело прежде всего с сознанием, с мировосприятием, присущим и «определенной группе людей, слою об-

¹ Милов Л.В. Предисловие // Менталитет и аграрное развитие... С. 5; Филд Д. Указ. соч. С. 11.

² Цит. по: Филд Д. Указ. соч. С. 17.

щества, либо обществу и цивилизации в целом». Любой текст, а также предмет, созданный человеком, может «говорить» о его сознании, о представлениях людей о мире и о самих себе, которыми они пользуются в повседневной жизни. Все человеческие поступки и действия «обуславливаются той системой мировидения, которая присуща данной культуре и стадии общественного развития». Определение ментальности А.Я. Гуревича очень близко к пониманию традиционного сознания и мировоззрения, при которых главным считается «понимание места человека в общей структуре мироздания». Причем такое понимание должно прийти к исследователю не из своих установок, а из рассмотрения предмета, явления изнутри, из системы понятий, присущей изучаемым группам, сообществам и т.п.

Не последнее место при изучении менталитета занимает социально-культурный и социально-психологический уровень человеческого общения. Даже рассмотрение таких частных, как символика, ритуалы, традиции, правовые обычаи и др., дает ключ к раскрытию механизмов «включения индивида в коллектив», ибо они «налагают отпечаток и на его (индивида. – И.В.) поведение, и на его самосознание»¹.

Некоторое отличие менталитета от сознания все же можно подметить. Он более связан с бытовой будничной жизнью и проявляется в действиях людей, тогда как самосознание основано на представлениях, установках, понятиях, осмыслении жизненных явлений. Сознание может быть «закодировано» в человеческие действия, поступки, в те или иные формы и элементы народной культуры, но нагляднее выражается в языковых формах (речевых, фольклорных, ономастических и т.п.).

В своих жизненных проявлениях ментальность, культура повседневности, самосознание, как уже указывалось, переплетены между собой. Но их изучение оказалось методологически разъединенным, обособленным одно от другого. Такая расчлененность препятствует восстановлению целостной картины образа мыслей, поведения, действий и вообще единства человеческого существования и сознания. Преодолеть эту разоб-

¹ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 16–19, 23.

щенность можно с помощью междисциплинарного (комплексного) подхода при исследовании рассматриваемых явлений, особенно с применением методов этнологии, психологии, социологии¹.

Связь культуры повседневности (быта), традиционного сознания и менталитета становится очевидной и понятной, если обратиться к рассмотрению системообразующих факторов этих жизненных проявлений. Следует заметить, что такие факторы оказываются идентичными для всех трех категорий и существуют во множестве. Среди них важное значение имеют факторы исторического, культурного, экологического, этнопсихологического характера. Так, для интересующих нас крестьянского самосознания, менталитета, крестьянской культуры повседневности такими факторами оказываются: условия природно-географические (почвенные, погодные и т.п.), социально-экономические (землевладение, землепользование, общинное устройство), религиозные (для русских крестьян – официальное православие или старообрядчество), традиционный уклад жизни (культурно-историческое развитие), производственная деятельность, просвещение, соотношение профессиональной культуры с народной, праздничная и обрядовая культура с их социальными функциями, экономика (например, рыночные отношения), политика (политическая структура, взаимоотношения власти и крестьянства) и др.² (Конкретное рассмотрение влияния этих факторов см. ниже при анализе материалов по крестьянству Русского Севера.)

Для раскрытия поставленной в настоящей главе проблемы необходимо еще обратиться к вопросу – что собой представляли русское крестьянское самосознание и менталитет и как они

¹ Там же. С. 25; *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 9, 16.

² Менталитет и аграрное развитие... С. 5, 22–24, 40–56; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 10–34; *Гуревич А.А.* Указ. соч. С. 19, 24; *Власова И.В.* Народное сознание и культура севернорусского населения // *Очерки русской народной культуры.* М., 2009. С. 113–196.

проявлялись в повседневной бытовой жизни. Сознание и менталитет русских крестьян связаны с бытием и хозяйствованием на земле в общении с природой. Культура, которую русское крестьянство создавало и передавало новым поколениям, – это культура земледельческого народа, каковым являлись русские уже на заре своего формирования. Она в корне отличается от кочевой, скотоводческой и др. культур. Крестьянство стало носителем определенных культурных ценностей благодаря своему положению «на границе между социумом и природой», которое и формировало особый тип поведения и духовную составляющую их сознания. Отсюда крестьянский мир и вся аграрная сфера – это не только производство, но и образ жизни и мышления¹.

Мировоззрение крестьянина с его представлениями об окружающем мире и своем месте в нем складывалось в коллективе, каким была сельская община. Она регулировала внутреннюю жизнь крестьянского сообщества, устанавливала связи с внешним миром, хранила и транслировала производственный и социальный опыт и всю систему крестьянских ценностей², т.е. была для крестьян неким «мини-государством», а весь народ – «большим миром». С полным правом можно называть крестьянское самосознание и менталитет (восприятие мира, нравственные ориентиры и ценности, психологию, поведенческие стереотипы и т.п.) коллективными (общинными). Они были обусловлены природой крестьянской экономики и жизни, тесным взаимодействием внутри своего малого коллектива. Как бы ни менялись со временем крестьянские представления, действия и

¹ *Никольский С.А.* Деколлективизация как раскрестьянивание: современная бюрократия и крестьянская ментальность // Менталитет и аграрное развитие... С. 351–352.

² *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие... С. 22; *Лурье С.В.* Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия? М., 1996. Вып. 3. С. 139–141, 255; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерк истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. С. 614.

осознание таковых в зависимости от экологических, культурных, исторических и иных условий, во все периоды крестьянским сообществам был присущ коллективизм¹. Наиболее сильно общинное сознание у крестьян выражалось в период господства традиционной аграрной экономики. Но что удивительно, оно удерживалось в крестьянском образе жизни, в поведении и при различных общественных, экономических, исторических новшествах и катаклизмах на протяжении длительного времени вплоть до окончательного разрушения русской сельской общины в 1930-х годах.

Так и вся крестьянская культура долго жила, базируясь более всего на «традиции и подражании». У русских крестьян традиции духовно-нравственного бытия и подвижничества преобладали над «голым экономическим интересом». Они свидетельствовали об их высоком развитии в культурно-нравственном смысле². Сознание крестьян-общинников закреплялось не только их коллективным трудом, но и совместным проведением обрядов, традиций, ритуалов, а также бытовых, религиозных, семейных праздников, деревенских посиделок. Во всем этом проявлялись социализирующая и воспитательная функции празднично-обрядовой и досуговой культуры, благодаря этому укреплялись соседские, дружеские, родственные связи.

Столь долгое сохранение крестьянского сознания и культуры объяснимо наличием определенных видов сознания и действий (хозяйствования) – сопричастностью каждого индивида к делам и интересам всего коллектива, солидарностью, сотрудничеством, взаимопомощью³. Коллективно-общинное сознание пронизывало поземельные отношения в русской деревне, и все формы этих отношений были результатом осмысленных действий и труда на земле, составлявшего главное содержание крестьянской жизни. Отношение к земле, понятия видов земельной

¹ Лурье С.В. Русская крестьянская колонизация... С. 252; Никольский С.А. Две стороны огады // Родина. 1993. № 5–6. С. 43.

² Никольский С.А. Указ. соч. С. 41–42.

³ Данилова Л.В., Данилов В.П. Указ. соч. С. 23; Милов Л.В. Велико-русский пахарь... С. 556, 566–571.

собственности и землепользования были «окрашены» сформировавшимися взглядами на землю – от ее сакрализации до выработки обычно-правовых норм, т.е. правосознания у общинного коллектива¹.

Именно коллективизм в сознании и поведении русских крестьян иногда трактуется в научной литературе как черта национального характера с его ценностями – общинностью или соборностью². Духовность и соборность находятся в прямом соотношении с крестьянским самосознанием и даже с этносознанием всего народа, который столетиями оставался крестьянским, поэтому в нашей национальной психологии «скрыты» эти крестьянские черты³. Общинное начало проявлялось в российских общественных отношениях и давало о себе «знать в массовом сознании, в экстраполяции особенностей общинного сознания на социум в целом (на национальное самосознание)». Общинное сознание присутствовало в менталитете крестьянства и всего общества⁴.

Крестьянство, составлявшее основную часть русской нации, было источником ее «физического, материального и духовного благосостояния». Если характеризовать русских крестьян в различных регионах страны, то выявляется, что на западных окраинах России они стойко держались православия, несмотря на соседнее европейское католическое и другое зарубежье, в центральных районах сохраняли чувство «государственного строительства, остановившее [не единожды] угрожавший России распад», на востоке сконцентрировали «исконную... форму православия» в лице старообрядчества. Разнохарактерность крестьян в регионах не противоречила тому,

¹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 327–342.

² Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировоззрения // Менталитет и аграрное развитие... С. 57–58.

³ Обсуждение доклада А.В. Гордона «Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировоззрения» / Сокращенная стенограмма Международной научной конференции «Менталитет и аграрное развитие России» // Менталитет и аграрное развитие... С. 375.

⁴ Данилова Л.В., Данилов В.П. Указ. соч. С. 23.

что русские крестьяне были не только самым большим слоем населения, но и хранили «в наименее испорченном виде государственное и религиозное сознание»¹ и всю народную культуру.

Почему так важно изучать во взаимосвязи крестьянское сознание, менталитет и повседневную культуру? Культура отражает «духовное состояние» любого сообщества (в данном случае крестьянства), ибо она есть «тот образ мира, каким его [оно] представляет» в ту или иную историческую эпоху. На любой сотворенной людьми форме культуры (материальной, духовной) «лежит [их] печать», поскольку через эту культуру выражено познание себя и окружающего мира².

Остановимся подробнее на конкретных проявлениях крестьянского самосознания, ментальности и отражения их в повседневной культуре на примере севернорусских крестьян. Становление их культуры происходило вместе с развитием самого народа в ходе его этнической истории. Одновременно с этим шло формирование его самосознания и менталитета при воздействии мощного фактора – православной веры, которая пронизывала всю жизнь и деятельность русского народа, севернорусских в том числе, начиная с освоения ими земель, адаптации в этих землях, с выработки своего опыта и традиций, становления своего самосознания. Подтверждение этому находим, обращаясь к материалам по освоению территорий, антропогенному взаимодействию северян с природной средой.

Сразу же при заселении Севера (XII–XVII вв.) освоенная земля получала религиозное осмысление, «включаясь в сакральную географию Святой Руси», возникала ее «христианская топография», благодаря которой Русский Север воспринимался как часть общей картины мира русских. В центре этого мира северные православные крестьяне видели себя, на его окраинах – язычников-«нехристей» (неславянские народы Се-

¹ Солоневич И. Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12. С. 153–154.

² Судаков Г.В. Живое русское слово. Вологда, 2002. С. 150.

вера), которые были для них антимиром¹. В деятельности этих крестьян по освоению пространств, созданию всей системы жизнеобеспечения была заложена идея устройства земли, своего малого мира, обозначенного христианскими символами-объектами, – крестами, часовнями, храмами, монастырями. Созданная этими людьми культура до сих пор являет «образцы» взаимодействия природной и человеческой среды. В таком взаимодействии формировались характер, волевые черты северян, их ментальность.

В ходе заселения и освоения Севера крестьянство не только «сберегло» общенародное самосознание, но и выработало при этом разные виды идентичности – региональную и локальные (местные) варианты. «Природосообразность», «соотнесенность» с нею «мировоззренческих представлений и поведенческих стереотипов» людей с их характерными чертами, поступками запечатлелись в тех оценках, которые северяне давали себе и своим ближайшим соседям². Это – не что иное, как местные варианты локального самосознания.

Об этом можно судить, рассматривая земледельческую деятельность крестьян. Природные условия лесного Нечерноземья, Русского Севера в том числе, способствовали формированию множества локальных хозяйственных массивов, где общие погодные явления проявлялись с местным своеобразием, отчего результаты хозяйствования на них получались разновеликими. Осмысленное ведение хозяйства в таких условиях вело к разным стратегиям, в которых проявлялся своеобразный северный менталитет³.

Расселение русских, в том числе севернорусских, освоение ими земель и адаптация путем выработки особенностей регио-

¹ *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // ИОЛЕАЭ. М., 1887. Т. XXX: Тр. Этнографического отд. Кн. V, вып. 1–2. С. 186.

² Подробнее об этом см.: *Орфинский В.П.* Заключение // Древняя Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 353; *Власова И.В.* Население центральных районов Русского Севера // Русский Север: этническая история... С. 127–130.

³ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 569.

нального и локального характера отражают «весь культурно-исторический процесс в его хозяйственных, экономических, бытовых, межэтнических и морально-психологических ракурсах»¹. Локальная специфика есть не что иное, как результат адаптации народа/населения к условиям, в которых он живет и трудится, а его сознание – также результат приспособления к реалиям окружающего мира². *Общерусское – региональное – локальное* на всех исторических этапах присутствовало в повседневной культуре северян, в их крестьянском сознании и менталитете. Рассмотрение такого соотношения способствует созданию целостной картины историко-культурного развития регионов, их населения и обнаружению изучаемых явлений в повседневности.

Крестьянская повседневность и культура сельских поселений

Обратимся к анализу конкретного материала по севернорусскому крестьянству. Оно формировалось под мощнейшим воздействием природно-климатического фактора. Естественно, что создаваемая им культура, в которой отразилось его сознание, весь образ жизни и деятельность, испытали на себе воздействие природной среды. Рассмотрим одну из форм материальной культуры северян – сельские поселения, которые возникали в процессе хозяйственного освоения территорий и взаимодействия с этой средой. Природные условия (главным образом почвенно-климатические) всегда оказывали влияние на состояние поселений. Это влияние осуществлялось в двух направлениях: во-первых, на людей, создающих селения, на их хозяйственную деятельность и расселение; во-вторых, на сами селения, их местоположение, социально-экономические разновидности, планировочные формы, конструктивные приемы и материалы строительства в них³.

Действие природного фактора на поселения и расселение

¹ Александров В.А. Кто мы, русские? // Русские: историко-этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 13.

² Лурье С.В. Метаморфозы... С. 34–36, 54.

³ Ковалев С.А. Сельское расселение. М., 1963. С. 100–101.

бесспорно, но не всегда одинаково, так как в процессе трудовой деятельности люди научились приспосабливаться к природным условиям, использовать их в том или ином направлении. Так, топографическое положение селений в раннюю пору заселения Севера всецело определялось наличием естественных водоемов (рек, озер), лесных и прочих массивов. Сначала это были одиночные или немногочисленные поселки пришельцев-славян (X–XII вв.). С течением времени, осваивая пространства, крестьяне обустраивали побережья, возникали «цепочки» селений по крупным рекам, а с XIII–XIV вв. начался их выход в бассейны мелких рек.

Особенность расположения селений по побережьям осталась запечатленной в местном фольклоре:

...Та привольна сторона.
Разливалась, растекалась
Быстра реченька по ней,
С крутым бѣрежком ровна...

Или:

Село искони Росляковым зовут...
Вон Белое озеро плещет вдали...¹

Северные топографические типы – в долинах рек и по берегам озер – стали результатом осознанного взаимодействия людей с природной средой. В культуре поселений вырабатывалась характерная черта – природосообразность, соотнесенность человеческих действий с теми природными условиями, в которых они оказались, заселяя новые земли. Эта особенность нашла отражение не только в фольклоре, но и в других языковых формах, в частности в местной гидронимии. Последовательность вживания в природное окружение оставила о себе память в названиях северных рек: все крупные реки, давно освоенные, по берегам которых уже в раннюю пору существовали селения местных финно-угорских народов, имеют названия нерусского происхождения (*Двина, Онега, Печора, Мезень, Пинега, Сухона*

¹ Цит. по: *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М., 1850. Ч. I. С. 98; Ч. II. С. 61.

и т.п.), мелкие же, в древности не заселенные, а освоенные позднее русскими, получили русские названия (*Устья, Паломница, Медведица*).

Этот путь развития северных топографических типов был обусловлен и наличием земельных массивов в речных и озерных долинах, пригодных для создания сельскохозяйственных угодий. Выбор мест для поселения был осознанным: пришельцы ставили деревни на высоких берегах, чтобы избежать разливов рек; далее за деревней разрабатывали пригодные под поля участки – и все это «окаймлялось» естественными границами – лесами¹.

Расположение деревень на высоких берегах вошло в поговорку в д. Село бывшего Тотемского у.: «Что ни гора, там изба, что ни горушка, там деревушка»². Такое расположение селений воспринималось как обычное, принятое и жителями тотемской Кокшеньги, что нашло отражение в свадебном фольклоре этой деревни. «Запорученная» (просватанная) невеста из с. Кокшеньга в причете говорит:

Стоит наша-то деревня
На красе, на угорышке,
На припеке-то солнечном...
И осуждает деревню жениха:
И деревня неславная,
Не на красе-то поставлена,
Не на красе и угорышке,
Не на припеке-то солнечном;
Стоит в длину-то от солнышка
К западу-то от месяца,
В стороне от добрых людей³.

Из последнего высказывания видно, что местонахождение такой деревни воспринимается как «неправильное». Но тут может скрываться и такой момент, что деревня жениха была ста-

¹ Макарий, архимандрит. Описание Ферапонтовской волости. СПб., 1854. С. 3; Воронов П. Верховажский Посад (Вельского уезда) // Вестник РГО. 1860. Ч. 29. С. 122; ВГМЗ. Ф. ВОИСК. Д. 60. Л. 2.

² ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 157. Л. 3, 5.

³ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–1 об.

рообрядческой, коих в этих краях было достаточно. Тогда становится понятным это расположение деревни вдали от постороннего глаза.

Когда в XVI–XVII вв. с увеличением населения возникла нехватка удобных массивов вблизи селений, северяне выходили на водоразделы-волоки, в «черный лес», в «суземье», где и возникали новые деревни. Водораздельный топографический тип также отразился в местной топонимии: появились названия типа *д. Наволок, д. Подволочье, д. Скрыбино на суходоле, Починок в четвертном лесу из той же деревни на суходоле*¹. Освоенные речные долины и водоразделы постепенно становились территорией целых общин-волостей (северных погостов), в советское время они примерно совпадали с сельсоветами, а теперь – с сельскими поселениями. Названия многих из них происходили от гидронимов: в Устюгском районе – *Верхне- и Нижне-Варжужинский* (от р. Варжа), *Шарденгский* (р. Шарденга), *Луженгский* (р. Луженга), *Марденгский* (р. Марденга). Из приведенных примеров видно, что локальные гидронимия и топонимия (а если рассматривать шире – северная региональная и даже общерусская) наполнены мировосприятием людей, взаимодействующих с окружающей природной средой.

Исторически сложившееся заселение речных и озерных берегов на Севере существовало веками, ибо население осознавало, что реки и озера являлись «экономическими нервами», почти единственными путями сообщения, источниками рыбных богатств и средоточием в их долинах удобных для земледелия участков. Прибрежное заселение с очаговым размещением населения по рекам, озерам, морям; безлюдье водоразделов, возникшее еще в период продвижения славян по северным пространствам, сохраняются и в настоящее время.

Северная топонимия «хранила» и другие стороны сельских поселений. К ним относятся, например, их социально-экономические разновидности, которые определяются по их хозяйственным функциям. Таковыми для Севера являлись многочис-

¹ АИЭА. ВЭ. В-КО.1972 г. Д. 3978. Л. 4; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 200. Л. 15, 50 об., 65 об.

ленные деревни, редкие села, существовавшие в древности погосты, заимки (займища), починки, слободы, выставки, печища, селища и др. Основными из них стали деревни и села с характерными для северных поселений чертами малодворности, хозяйственной направленности (сочетание земледелия и промыслов), выполнением определенных административных и других функций (центры волостей, общин, приходов, торговые и ремесленные центры и т.п.). В топонимии и фольклоре запечатлелась осознанность жителями характерных сторон созданных ими селений. Об их разнообразии на разных исторических этапах говорят деревенские названия, которые со временем не оставались неизменными, вернее, менялась структура названия каждого селения¹. В них осталась память об этапах хозяйственного освоения земель и изменениях, происходивших с деревнями как типами сельских поселений. Самый ранний пласт северной топонимии, дошедший до нас и существующий поныне – названия одиночных селений по берегам рек, образованные от гидронимов или названные по характеру местности и заимствованные из языков предков финно-угров (в форме – где деревня): *Деревня при реке Оште; Печище при реке Пичуге*. Но уже к началу XVIII в., когда закончилось основное заселение Севера, названия в такой форме вытеснялись топонимией типа – чья деревня, означавшей принадлежность. Рост численности населения и появление многих владельцев земельных массивов (какими и были ранние деревни как комплекс жилья и угодий) привел к таким переменам. Деревни получали названия от имен

¹ Об изменении структуры северной топонимии см.: *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 184–189; *Власова И.В.* Русские и субстратные основы топонимов междуречья Северной Двины и Волги в XVIII – начале XX в. // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2; *Она же.* Топонимия Устюжского края и типы сельских поселений XVIII–XX вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984; *Она же.* Сельская топонимия северо-востока Европейской части СССР // Этнос – имя – история. М., 1989.

или прозвищ жителей и могли иметь двойные, тройные названия: *д. Тихоновская, а Барановская тож*. Эти топонимы уже, как правило, происходили из русского языка, что свидетельствовало об освоении глубинных территорий русскими крестьянами. Как видно, с изменением типов селений происходило и изменение топонимической системы.

Об этом же говорят топонимы и другого типа. Многовековое развитие деревень и разнообразная деятельность людей отразились в появлении названий, свидетельствующих о различных формах землевладения на Севере и сословном разнообразии населения. Даже в XIX в. оставались топонимы типа *д. Царева, а Гора тож; д. Монастыриха*, возникшие в местах дворцового или монастырского владения. Там, где жило *половническое* население, зависимое от владельцев (работавшее на них *исполу* – из половины урожая), появились топонимы типа *д. Богородишная, а Половниково тож*. Более ранние поселения периода княжеско-боярского землевладения продолжали существовать в XIX в. и далее, но уже с другими функциями, а свидетельства их бывшего статуса сохранялись лишь в названиях: *д. Княгинино; д. Большой Двор; д. Великий Двор*.

В XIX в. появилось много деревень, к первоначальным названиям которых добавились слова: *Верхняя, Нижняя, Новая, Старая, Другая, Вторая* и т.п., а также с двойными, тройными названиями: *д. Перхушково (Левонтьевская); д. Новопоставленный Починок; д. Выставка на отъезжей Кременской пашне; д. Васильевская, Филимоновская под Сосновским Городком*. Это – свидетельство увеличения численности населения и возникновения новых деревень.

Самым убедительным доказательством роста числа деревень и их населения явились данные о «переходе» в деревни других типов селений – погостов, сел, починок, слобод, выставок, древних займищ, селищ и др. В деревни превращались селения, в которых крестьяне создали полный комплекс сельскохозяйственных угодий (пашенных, сенокосных, выгонных, лесных, водных), а об их прежнем статусе напоминали лишь названия: *д. Брызгаловский Выселок (Мыгра); д. Распаханная Холмовская Выставка (Лимониха), д. Телеговский Починок, д. Сергиевская*

Слобода; д. Брусенка Городок; д. Городище (Красная Гора); д. Погоская (Выставка из д. Кобылина).

В сельской топонимии нашли отражение и характеры жителей, и их разнообразные занятия, главным образом земледельческие. *Гари, припашы, кулиги* появились в составе того или иного топонима: *д. Бутова Кулига, д. Вновь поселенные Гари, хутор Новая Роспашь.*

Специфическими были селения, крестьяне которых занимались торговлей. Их образ жизни, поведение приобретали отличительные черты. Так, про крестьян зажиточного села Устья Кубенского (Кадниковский у.), которые были предприимчивы, богаты, говорили: «живут на городской манер». Они не знали праздности, любили разные нововведения¹. Богатые земледельческие деревни, а часть их была центрами производства товарного хлеба еще в XVII в. и продолжала в какой-то степени быть таковыми и в XIX в., нередко по своим функциям приближались к селам – волостным и торговым центрам, где проходили крупные торгово-ярмарочные мероприятия и сделки и которые посещались не только местными купцами и торговцами, но и приезжими, даже иностранными. Такая деятельность крестьян жила в их сознании и выражалась в местном фольклоре. Так, в народной свадебной песне, бытовавшей на Кокшеньге (Тотемский у.), о богатой деревне говорилось, что она:

... стоит по-посадному,
Слывет по-базарому,
Как в нашей-то деревне
Три города славные:
Треть Москвы,
Да треть Вологды,
Да уголок славного Питера².

Здесь чувствуется осознание своего превосходства по сравнению с остальными деревнями, что проявлялось в образе жизни, повседневном быту, особом поведении и восприятии себя и других.

¹ ГАВО. Ф. 883. Оп.1. Д. 214. Л. 1–67.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

Различные понятия, заключенные в топонимах, «рассказывают» о судьбе селений, особенно о трансформациях в их социально-экономическом типе, о соотношении села и деревни, их статусе, о «переходе» в деревни древних типов поселений, их изменении в течение веков¹. Так, понятие *село* в Северной Руси до XIV в. относилось к новгородским боярщинам (то же, что княжеско-боярские владения Московской Руси). По историческим документам XV в. известно, что это понятие означало участок земли («село земли»), владение, а в XVI в. оно почти везде вошло в названия обычных деревень: *д. Село*, *д. Красное Село*, так как с присоединением Севера к Москве село в старом понятии перестало существовать. К этому времени такой тип селения превратился в деревню, а немногочисленные оставшиеся села на Севере заменили бывшие погосты – центры округов, волостей. То же случилось и со многими другими типами селений – древними погостами, посадами, починками, селищами, займищами, выставками, слободами, которые становились деревнями, а память о себе оставляли в своих названиях: *д. Державино*, а *Семеново Займище* *тож*; *д. Вахромеево Печище* *при реке Пичуге*; *д. Дороховская*, а *Максимовский Починок* *тож*; *д. Тарасовский Починок*; *д. Выставка* из *д. Алексеевской*; *д. Относная Ананьинского Великого Двора Выставка*; *д. Сергиевская Слобода*; *д. Городок Брусенка*; *д. Городище*, а *Красная Гора* *тож*; *д. Займище Черное*.

Деревни по своему статусу представляли собой селения с постройками и комплексом хозяйственных угодий (пашенных – ближних и дальних, сенокосных, пастбищных, выгонных, лесных, водных и т.п.). Превращение в них не только других типов селений, но и отдельных местностей и даже видов угодий зафиксировано в тех названиях, которые давали им крестьяне, и в них, как правило, отражался характер их деятельности. Такими были бывшие лесные рощисты, со временем ставшие селения-

¹ Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье. Поморье / Первый тематический выпуск докладов семинара «Культурный ландшафт». М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 23–26; *Власова И.В.* Топонимия Устюжского края... С. 114–120.

ми: *д. вновь поставленные Гари; д. Бутова Кулига*. То же самое было и с отдельными концами в деревнях, бывшими околками селений, которые из прежних видов ландшафта – урочищ, лощин, пустошей в результате хозяйствования превращались в части селений, сохраняли свое имя и нередко заселялись жителями, носившими одну-две фамилии: *хутор Новая Роспашь, д. Пятринская Пустошь*. Даже существовавшие в советский период колхозные поля совпадали с границами семейно-родовых угодий, колхозные бригады – с околками (урочищами), а их названия хранили память о далеком прошлом, о жизни и деятельности здесь людей. Все это свидетельствовало об изменении в хозяйствовании, а следом за ним и в самосознании.

Таким образом, возникающая в регионе «понятийно-географическая система» была обусловлена своеобразием этнокультурных традиций и природных ландшафтов, что и вошло в топонимию, говоры, фольклор, исторический материал. Объяснения крестьянами значения топонимов, существовавших веками, даже с точки зрения ложной народной этимологии, – это свидетельство «простодушного внимания к своей местности, желание интеллектуально освоить ее, наполнить содержанием». Примеры таких топонимов не единичны. Так, названия финно-угорского происхождения некоторых селений объяснялись с их позиций следующим образом: г. Тотьма означает «тó тьма» (темные люди); г. Вологда – происходит от слов «волок» и «Заволочье»: «мол, будет волок да еще волок и будет река Вологда» (на самом деле, с финских языков – Белая/Светлая вода); река Сухона, по мнению насельников ее берегов, – от «Сухая река» (из-за суши за перекатами); г. Череповец («Череповесь») – от диалектного «череп» (твердость, возвышенность) или от древневепсских «чери» (рыба), «еп» (гора), что означает – «племя весь Рыбьей Горы»¹. Это говорит о том, что люди находились в «системном единстве со своей территорией»².

¹ Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988. С. 52, 225, 242 и др.

² Рогачев С.В. О происхождении названия Устюг // География. 2002. № 25–26. С. 49.

На протяжении веков по разным причинам могло происходить исчезновение некоторых культурных традиций, что влекло за собой изменение традиционного сознания, определенных действий и поведения. Так, утрата крестьянского сознания происходила в конце 1920-х – 1930-е годы сначала при НЭП'е, а затем при коллективизации, которая была связана с масштабными переменами в аграрной сфере – с национализацией земли, а со временем – с созданием колхозной формы производства. В советский период в результате реформаторской деятельности в сельском хозяйстве произошло, например, уничтожение культурных угодий, и из памяти крестьян исчезали их названия, дотоле существовавшие веками, из-за чего пропадало и осознание того пространства и той среды, которая когда-то была освоена и постоянно столетиями находилась в поле зрения хозяйствовавших в ней людей¹. У крестьян появились новые взгляды, изменилась вся жизнь и хозяйство на этих землях, менялись мировосприятие и умонастроение (подробнее об этом см. в разделе о хозяйственных занятиях).

Природно-ландшафтные изменения, например, стихийные бедствия, также могли менять образ жизни, направленность занятий, результатом чего могла стать утрата традиций, следовательно, менялась культура населения, что также происходило не без влияния на самосознание, ибо появлялись другие мотивации, ценностные ориентиры, менялось понимание и осознание всего происходящего, своей деятельности и отношений с природной средой и что, самое главное, терялась связь с землей².

Утрата традиций происходила, главным образом, в переломные моменты жизни. Когда в советское время начали рушить храмы, наступило безверие, крестьяне потеряли «духовные ориентиры», а раньше их жизнь была немыслима вне связи с природой, с землей, с храмами. С этой разрухой пустела среда обитания и обесценивались, по выражению Д.С. Лихачева, традиции «духовной оседлости», утрачивались формы духовной культуры и внутриэтнические связи. Исчезновение крестьян-

¹ Культурный ландшафт... С. 10.

² Лурье С.В. Метаморфозы... С. 20.

ского восприятия православия вело к дегуманизации общества, изменению ментальности, общественного и индивидуального сознания людей¹.

Связь людей с местами, где они обосновались, выявляется, если обратиться к рассмотрению планировочных форм селений. Как известно, на Русском Севере наиболее ранними были так называемые *рядовые планы* деревень, когда дома располагались в один или несколько рядов, стоящих параллельно друг другу и следующих друг за другом, «смотрящих» фасадами в одном направлении – на реку или на озеро, по берегам которых они стояли. Так ставили свои дома первопроходцы-новгородцы, продвигаясь на Север по рекам и озерам на своих судах. Эта планировка селений стала традицией и у потомков первых насельников. В прибрежьях крупных водоемов такие планы встречаются и сейчас. Постепенно роль удобных путей сообщения переходила к прокладываемым дорогам-трактам, особенно в местностях, где протекали мелкие малосудоходные или пересыхающие реки. Крестьяне, сообразуясь с «введением» таких новшеств в ландшафт, стали застраивать деревни по-иному. Тогда и появились варианты рядовой их формы: ряды располагались перпендикулярно реке вдоль трактов, а фасады стоящих в несколько рядов домов уже ориентировались на дорогу; или ряды стояли одновременно и вдоль рек, и вдоль дорог, когда направление тех и других совпадало.

Так же, как и рядовые деревни, немногочисленными остаются до сих пор селения без плана. Возникновение таких деревень в местах продвижения славян относят ко времени, когда при слабой заселенности был возможен свободный захват земли (норма обычного права), и дворы ставили, по выражению северных жителей, «бороной» (как кому захочется), выбирая подходящее и наиболее удобное место. На водоразделах также возникли деревни с дворами, поставленными без плана и повернутыми фасадами в разные стороны. Иногда можно уловить стремление ориентировать избы на «теплую сторону» – на юг или восток².

¹ Тульцева Л.А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие... С. 304.

² АИЭА. ВЭ. ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101.

С течением времени планы селений усложнялись и приобретали чаще всего уличный вид. На Севере это происходило в XIX в., чему способствовало повсеместное проложение сухопутных дорог и переход к колесному транспорту. Крестьяне быстро переориентировались, поняв выгоды и удобство уличного расположения домов. «Бывшие узкие улицы, тесная застройка как прикрытие от ветров, огороды сзади домов» перестраивались, и деревни меняли свой облик¹. Многодворные деревни в местах «густого заселения» «вытягивались» вдоль дорог, дома ставились перпендикулярно улице-дороге по обеим ее сторонам и «смотрели» на улицу – «встреча на встречу»². Такие формы селений остаются самыми многочисленными до сих пор.

Не только направление дорог влияло на то, как выстроить улицу. Крестьяне учитывали и расположение угодий. Например, в бывшем Кадниковском у. по Вожеге (Огибалово-Тигино) ставили избы «“по проселку” в одну улицу, а потому поля их и сенокосы начинаются тут же, сбоку от самих построек, и для обработки удобны». Так же в устюжских деревнях «пахотные участки находились по одну сторону улиц, по другую – выгон»³.

Среди уличных деревень существовали разновидности, к чему вела предусмотрительность и деятельность крестьян, учитывающих всевозможные обстоятельства. Улицы могли образоваться путем слияния нескольких деревень. Разросшаяся улица приобретала *концы*, каждый из которых получал свое наименование: в д. Блудново нынешнего Никольского р-на Вологодской обл. от центра ее, где была часовня, отходили концы – *Угор, Мелентьева, Подгора, Хутор*; или в тотемском с. Брусенце и лежащей рядом в левобережье Сухоны д. Монастырихе находилась *Сергиевская Слободка*, в правобережье – *Савватиевская Пустыня* и *Бережная Слободка*, на косогоре – *Заручье*,

¹ Титов В. О старинном расположении домов в северных краях России в сравнении с нынешним // Маяк. СПб., 1842. Т. V, кн. IX. Смесь. С. 4–5.

² АИЭА. ВЭ. ВО. 1966 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101.

³ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 146. Л. 12–13; Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Л. 20.

Заболотье, в другой части села – *Посад*¹. В этих названиях выражено осознание крестьянами этапов возникновения того или иного плана деревни или ее частей – первоначально от характера местности до функционального назначения какого-либо объекта селения (село, деревня, посад, слобода, пустыня, хутор). Были еще названия деревенских околотков, связанные с характеристикой жителей. Так, в каргопольской д. Ольсиево один из концов назывался *Безбожники*, поскольку его насельники сохраняли много языческих верований в отличие от остального православного населения².

С ранних времен в деревнях имелись места религиозного почитания, а также сооружались храмы, часовни. Последние часто были центрами, вокруг которых возникало само селение. С ними связаны и остатки архаического кругового плана, который в самостоятельном виде почти перестал существовать. Так, в Халезском Городке бывшего Никольского у. вокруг часовни св. Георгия, позднее ставшей церковью, были поставлены избы, и еще долго оставался ров («перекоп»), охватывавший старый городок, и место это называлось *Дворищами*³. Для церквей выбирали самые высокие и видные места, иногда их ставили на древних городищах, курганах или высоких берегах рек: «на усть реки Черные на Вычегде на старом городище – храм», «на высоком берегу напротив с. Шаталово (Кадниковский у. – *И.В.*) – церковь»⁴.

С языческих времен оставались в деревнях *священные места*, которым поклонялись довольно долго. Это были рощи, отдельные деревья, родники, у многих из них ставились *обетные кресты*⁵. Как видно, не только ландшафт определял тот

¹ АИЭА. ВЭ. В-КО. 1972 г. Д. 2871. Л. 46 об., 49; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 338. Л. 2.

² Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. С. 231.

³ ВГВ. 1845. № 11. С. 116; 1849. № 45. С. 452.

⁴ ВЕВ. 1881. № 14–24. С. 301; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 276. Л. 4.

⁵ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 48. Л. 1; Чекалов А.К. По реке Кокшеньге. М., 1973. С. 23, 29; Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 80, 111.

или иной план селения, но и религиозные воззрениях людей. Это свидетельствует о включенности сельского жителя в природное окружение, в котором он видел проявления светлых, а иногда и темных, сверхъестественных сил и вступал в контакты с этими силами природы. Такое видение отразилось на крестьянском менталитете, и хотя крестьяне стали православными, в их религиозных воззрениях оставались элементы язычества¹. Нареканиями со стороны священников об уклонении крестьян от церковных служб «пестрят» документы местных консисторий.

Места около часовен и церквей предназначались главным образом для сборов молящихся, но иногда возле них возводили торговые ряды, лавки, там устраивались базары, ярмарки, общинные сходы и праздничные гуляния².

Как видно, многовековое развитие селений и вся жизнь их создателей отразились и в планировочных формах. Несомненно связь планировок с физико-географическими условиями территорий, их зависимость от социально-экономических процессов (хозяйственной дифференциации районов, создания рыночных связей, путей сообщения, развития общинного и других видов землепользования, естественного роста населения, истории крестьянской семьи и семейных разделов). Многообразные связи отражены в этих формах селений, и все они прошли через понимание в сознании крестьян, через их определенные действия и поведение, о чем и находим свидетельства в выраженных ими речевых, фольклорных, топонимических, антропонимических (особенно прозвищных) и тому подобных формах (см. гл. 5).

Такое же отражение и в тех же формах находим, если обратимся к пониманию северянами особого типа сельского расселения – *гнезд деревень*. Гнездовое расселение во многих местах было вызвано освоением удобных для земледелия массивов семьями родственников или складников (совладельцев) еще в

¹ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие... С. 51.

² ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 214. Л. 2–3 об.

XVI–XVII вв. В Сольвычегодском у. гнезда превратились в группы небольших селений, составлявших целые сельские общества. В Тотемском у. в Агапитовой Пустыне (Тарногский Маркушевский монастырь) крестьянские дворы стояли вокруг храма и именовались *Никольщина* (по имени церкви), что относилось к целому сельскому обществу в Лондужском приходе¹. «Гнездовым» способом расселялись из-за недостатка хороших почв и лугов². Зависимость гнезд от наличия пригодных для земледелия земель чувствуется в тарногско-нюксенских местах и по правому берегу Сухоны. Почти все местные гнезда находились по берегам рек. При заселении же холмов, возвышенностей (*сележный тип*) гнезда были окружены полями и лугами (современные Маркушевский и Раменский сельсоветы Тарногского р-на) или тяготели к колодцам и источникам (Бабушкинский р-н)³.

Сохранившиеся к концу XIX – началу XX в. гнезда деревень уже не имели ничего общего, кроме своих названий, с древними гнездами, совпадавшими с волостями. Еще в северо-западных районах Вологодчины и в старых новгородских землях, примыкавших к поморским владениям Новгорода, можно было выявить архаические гнезда. Древние их названия имели, как правило, собирательную форму и происходили от имени первооснователей деревень – *Верговичи, Давыдята*. Расселение родственных семей постепенно стало сосредотачиваться не по всей деревне или гнезду, а в отдельных местах, чаще в концах разросшихся со временем селений, образуя расселение однофамильцев, находящихся в дальнем родстве. Иногда жители гнезд сохраняли свои прозвища и даже целые волостные прозвания.

В поздних же прозвищах людей, особенно в названиях деревенских концов, нет связи с древним происхождением жителей от общего предка. В них запечатлелось понимание других сто-

¹ ВГВ. 1845. № 11. С. 116.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 101. Л. 27.

³ Музей деревянного зодчества Вологодской области / Проект реставрации. М., 1983. Т. IV, кн. I. С. 13–16.

рон жизни, и еще одно свидетельство менявшегося восприятия и поведенческих стереотипов. Все чаще появлялись названия улиц или их концов не от прозвищ предков или их потомков, а по расположению в деревнях или по той функции, которую выполняло то или иное место в деревне: в кичменьгско-городецкой д. Шолыгино ее южный конец назывался *Наугорье* (на горе); в д. Ивановской на Суде – северный конец *Долгособоровский* (собор – храм и собор – сельский сход), южный – Кеблицкий (от прозвища); в бабушкинской д. Горка – на юго-западе ее концы *Палки* или *Палошники* (прежнее деление полей на полосы, принадлежавшие отдельным хозяевам); а в д. Заборье – концы *Угор* и *Поднизье* (по характеру местности); в никольской д. Блудново – *Угор*, *Подгора* (по ландшафту), *Лалький тракт*, *Хутор* (по функциям этих частей деревни), *Мелентьева* (от имени крестьянина)¹.

Таким образом, в повседневной культуре северных сельских поселений остались запечатленными многие стороны деятельности людей, их поведения, отношения к себе и к соседям, определения своего освоенного пространства и его границ, понимания (осознания) периферийного положения своей земли, по которой прошли транзитные маршруты разных потоков переселенцев в поисках новых земель и, наконец, объяснения специфики своих культурных традиций.

Хозяйственная деятельность и представления крестьян о значимости земледельческих работ

Если обратиться к другому виду повседневной культуры – к хозяйственным занятиям северных крестьян, – то можно увидеть, как материальные формы этой деятельности были связаны с крестьянским осознанием значения и необходимости земледельческих работ, с выработкой в этой сфере традиций на основе своего трудового опыта и знаний. Северная земледельческая полоса занимает часть лесного Нечерноземья, где преобладают

¹ АЭ МГУ. 1956–1957 гг.; АИЭА. СО КЭ. 1966 г. Д. 2387. Л. 3 об. 27 об., 46–48 об.

малоплодородные и неплодородные почвы и суровые погодные условия. При освоении Севера и знакомстве с новой природной средой крестьяне постепенно осознали, как надо здесь хозяйствовать. Знание земледелия они принесли сюда и стали внедрять эти знания, приспособливаясь к новым условиям, и таким образом создавать новые традиции. В этом заключался тот механизм приспособления, который вел к выработке локальной вариативности традиций, а это, в свою очередь, поддерживало непрерывность историко-культурного развития.

Крестьяне при всей приверженности опыту и традициям предков, применяя на новом месте свой хозяйственный опыт, убеждались в необходимости новшеств. При этом менялись крестьянские стереотипы мышления и поведения. Короткий сезон для сельскохозяйственных работ приводил почти к круглосуточным тяжелым физическим нагрузкам, к напряжению моральных сил, поэтому весенне-летний рабочий сезон назывался «страдой», «страдной порой». В этих условиях и формировались у северных крестьян трудолюбие, расторопность, поворотливость, смекалка, инициатива, за счет которых можно было выжить в неблагоприятных условиях и обеспечить себя всем необходимым.

Пашенное паровое земледелие, которое пришельцы-крестьяне стали внедрять на Севере, потребовало не только поиска земель за своими границами (соотношение – свое/чужое, освоенное/неосвоенное), но и совершенствования пахотных орудий. Со временем развился своеобразный северный тип обработки земли – *лесной перелог*, когда расчищенный от леса участок уже на второй год пахался с помощью характерных для лесной зоны орудий – *сох*, а также *рал*; после нескольких лет он забрасывался на отдых. Приспосабливая пахотные орудия к разным почвенным условиям, крестьяне создали несколько видов сох: *двузубая соха с перекладной полицей*, *соха-односторонка*, *коловая соха* (с сошником или без него), *косуля* (для обработки плотных почв и целины; это соха плужного типа с двумя сошниками, лемехом, резцом, отвалом) и т.д. Все типы сох просуществовали до 30-х годов XX в.¹

¹ Карты распространения сельскохозяйственных орудий см.: Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.

Несмотря на традиционализм, русские крестьяне всегда и везде умели приспособиться к любым условиям. Приспосабливаемость была чертой их ментальности. Традиционализм был «устойчив не в силу консервативности, а в силу необходимости», так как из-за непредсказуемых погодных условий и игнорирования каких-либо обстоятельств можно было лишиться урожая или нарушить все хозяйство. Умелое применение своих знаний и опыта, внедрение новшеств вели к адаптации в создавшейся обстановке, а апробированный новый положительный опыт превращался в традицию. Все это совершалось не только благодаря упорному труду и массе экспериментов и проб, но также изобретательности и находчивости крестьян, осмысленности их действий¹.

Так, во второй половине XVIII в. северные крестьяне стали приспособляться к новым условиям ведения хозяйства – к специализации районов и рыночному спросу². Под воздействием товарного производства произошли изменения в системах земледелия. Сопровождавшая трехполье подсека сохранилась только в лесных местностях. В рощистях, благодаря смекалке и изобретательности крестьян, зарождалась новая система земледелия – плодосмен с чередованием яровых, иногда и озимых культур (*обороты*): лен – ячмень и овес – озимая рожь; летом землю парили, и, кроме такого старого способа поднятия плодородия, стали сеять репу как яровую культуру. Таким образом, вместо кратковременных рощистей переходили к плодосмену (будущим севооборотам), расширяя площади трехпольных угодий, в свою очередь, необходимых при увеличивавшемся народонаселении³. Новшества в социально-

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 33–385.

² АРАН. Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 41. Л. 3; Д. 40. Л. 4–4 об.; Оп. 10-б. Д. 27. Л. 2 об.; Д. 20. Л. 4 об.

³ Кен Ф. Агрономическое путешествие по некоторым уездам Вологодской губернии в 1854 г. // ЖМГИ. СПб., 1856. Кн. 2, ч. 59. С. 261–275; Услар П.К. Вологодская губерния // Военно-историческое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. II, ч. III. С. 13, 299–330.

экономическом развитии повлекли за собой некоторый отход от традиционализма.

Осознание крестьянами своей хозяйственной деятельности и ее специфики отразилось в диалектологическом и антропонимическом материалах, которые говорят о том, что пашенное земледелие, распространившееся и у русских, и у финских народов Севера, является «русским земледелием». Уже с XIV в. в говорах и тех, и других существовала русская земледельческая лексика, особенно та, которая связана с подсекой и лесным перелогом: *нива, поляна, новина, лядина, сеча, осек, лемех, соха, сошник, пожня, паскотина* и т.д., и менее были распространены финские слова – *мянда* (болото), *кулига* (росчисть), *пал, тыл, дерба* и др.¹ Приемы земледелия, техника, аграрный календарь у всех народов в земледельческой полосе Севера стали одинаковыми. О «русскости» сельского хозяйства свидетельствует и антропонимия – фамилии и прозвища северян, известные с XVII в., в которых отразились занятия земледелием, скотоводством, промыслами. К ним относятся фамилии, произошедшие от профессиональных прозвищ: *Овсянниковы* (Овсянник – производит из овса муку, крупу и торгует ими), *Овчинниковы* (Овчинник – скорняк), *Огородниковы* (выращивают овощи), *Пахариковы* (от «пахать»), *Пахотины* (от «выпаханных пашен»), *Пшеничниковы* (торговля зерном, хлебом – от «пшеничный хлеб», «пирог»), *Сальниковы* (вытопка сала и продажа его), *Свинобоевы* (разведение свиней и торговля ими), *Солениковы* (торговля солью); *Солодовниковы* (содержание солодовни), *Солоносовы* (погрузка и выгрузка соли с судов), *Хомутниковы* (изготовление конской упряжи), *Чечулины* (диалектное – большой кусок хлеба или пирога-чечуля), *Мясниковы* (убой скота) и др.²

Умелое хозяйствование северных земледельцев в малоблагоприятных условиях породило образ северянина с его мен-

¹ Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975; Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984.

² Чайкина Ю.И. История вологодских фамилий. Вологда, 1989. С. 39–65.

тальностью: взаимодействие с природой и «покорение» ее (вернее, сообразность, соотнесенность с нею), выработка спокойного, волевого, предприимчивого характера. Местные жители, в генетической и исторической памяти которых сохранилось знание о своем происхождении от первопроходцев из Новгорода именно с такими чертами характера, неизменно повторяли, что у них «все это от Новгорода»¹.

Главное, что осознали крестьяне, — для выживания необходим коллективный труд, составивший основную черту менталитета северян. Только коллективизм, артельность приводили к нужному результату и были гарантией устойчивого, стабильного порядка, не нарушаемого жизненного и рабочего ритма. Это выразилось здесь, как и везде у русских крестьян, например, в своеобразных трудовых формах. Одной из них были традиционные *помочи*, которые на Севере совершались по принципу работы «все у всех» — с поочередным трудом у каждого деревенского хозяина. В помочах проявилось групповое общинное сознание, освященное традицией и обычным правом. Такая взаимопомощь охватывала все виды сельскохозяйственных работ: пахота, вывоз навоза на поля, жатва, уборка льна (и нередко его обработка), молотьба, сенокос, возка леса, дров, строительство изб, сооружение в них печей (главным образом глинобитных); существовала она и в промысловых занятиях крестьян (рыболовство, звероартельный промысел и пр.). Обязательность коллективного труда осознавалась крестьянами при обработке

¹ ВГВ. 1846. № 13–14. С. 139; 1847. № 35. С. 343–345; 1848. № 36. С. 408; 1855. № 27. С. 235; 1857. № 21. С. 127; № 46. С. 436; 1885. № 44. С. 8; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 об.; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 221. Л. 54; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; *Финченко А.Е.* Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, усьян и ваганов в конце XIX – первой трети XX в.: Общие черты и некоторые локальные особенности // *Русский Север: Ареалы и культурные традиции*. СПб., 1992. С. 34–35; *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // *Русский Север: К проблеме локальных групп*. СПб., 1995. С. 229–232; *Н.П. Никольский уезд* // *Вологодский сборник*. Вологда, 1887. Вып. V. С. 2, 11.

мирской пашины (общинной запашки) и в различных мирских работах по прокладыванию дорог, строительству мостов, огораживанию полей, паскотин, других видов угодий и т.д.

Образ северного крестьянина-труженика в понимании людей сохранялся веками, когда же с социально-экономическими переменами второй половины XIX – начала XX в. стало сильно развиваться отходничество, появились и другие работы. Отход и особенно работы на промышленных предприятиях нарушали строй сельской жизни, отвлекали крестьян от деревенских занятий, меняли психологию людей, а иногда придавали не лучшие черты их характеру. Так, крестьяне Устюжского у. уходили работать в город. В одной из местных народных песен говорилось о работниках Грибановской льнообрабатывающей фабрики:

Как на этом на заводе
Избалован весь народ,
Исплутован весь народ...¹

Об отходниках в столицу складывались деревенские частушки, в которых отразилось, как с переменой занятий менялся облик, психология, привычки крестьян.

Мой милой мастеровой
В трактире первый половой... (уже не крестьянин. – *И.В.*).

Или:

На завод люблю ходить –
Любимая дорожка...,

– говорилось о новых ценностях в частушках из Устюжского у.²

Не только трудолюбие, выносливость, сообразительность вырабатывались у крестьян при взаимодействии с природой в нелегких условиях для хозяйствования; все это требовало и

¹ *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // ИОЛЕАЭ. М., 1890. Т. LXIX: Тр. Этнограф. отдела. Т. XI. Вып. I–II. С. 21.

² *Судаков И.* Несколько замечаний об особенностях говора в Устюженском уезде Новгородской губернии // ЖС. 1903. Вып. III–IV. С. 444.

психологического напряжения, которое могло привести к нервным срывам и выработке противоположных качеств, не являвшихся основными чертами русской крестьянской психологии. Несоответствие между затратами труда и мерой полученного урожая иногда приводило к чувству обреченности, вело к небрежности в работе, к безразличию к себе и своему хозяйству¹. Но такое состояние крестьян и их отрицательные психологические черты, к счастью, не были массовыми явлениями. Д.Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «Лётные» подметил ту силу вдохновения, воодушевления, которая возникала при коллективном труде: «В крестьянской страде таится великая трудовая поэзия, которая охватывает даже самых ленивых... их захватывает общий поток, и в каждом [говорит] мужицкая кровь»². Восприятие коллективного труда как праздника подметил и другой писатель – Ф.А. Абрамов. В романе «Братья и сестры» он описывал совместный труд на пожне крестьян-северян: «Бывало до войны отправлялись на пожню как на долгожданный праздник – с песнями, с весельем. А народ-то какой! Мужики да парни чуть не за крыши головой задевают, разряженные девки, поскрипывая новыми сапогами, млеют от радости, которую сулят им встречи с милыми в короткие бессонные ночи...»³. А уж в религиозном сознании людей жил образ умелого земледельца, представление о «совместимости земледельческого труда с делами благочестия». Православие не в меньшей степени, чем другие факторы, влияло на земледельческую и природоохранную практику, определив «всю систему взаимоотношений человек – природная среда». Оно же способствовало и выработке строгого добросовестного отношения к земледельческому труду на основе представления, что «труд благословен Богом».

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 430–431; Сухова О.А. Указ. соч. С. 613, 617.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Лётные // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10 т. М., 1958. Т. 3. С. 416; Сухова О.А. Указ. соч. С. 616.

³ Абрамов Ф.А. Собр. соч. Л.: Художественная литература. Ленингр. отд., 1990. Т. 1. С. 120.

Кроме того, на всю крестьянскую жизнь, в том числе и на трудовую деятельность, наложила отпечаток религиозная этика. Внешне это нашло проявление в обрядовой культуре крестьян: всевозможные крестные ходы, молебны, обеты осуществлялись с целью сохранения плодородия земли, получения богатого урожая и создания благополучной жизни. Это не значит, что древняя аграрно-магическая обрядовая практика была «прикреплена» к определенным датам аграрных циклов, которые легли в основу церковного календаря. С принятием христианства произошло переосмысление содержания земледельческого труда с христианских нравственных позиций¹.

Крестьянским знаниям и умению хозяйствования поражались чиновники-агрономы и ученые аграрии. Так, в 1914 г. на Сельскохозяйственном съезде в Вологодской губ. в одном из докладов прозвучало: «Каждый крестьянин является до некоторой степени метеорологом, в частности предсказателем погоды, что он производит без всяких приборов, пользуясь знанием местности, характером последовательности атмосферных явлений и имея огромный практический опыт наблюдений, как отзывается животный мир и растительный на изменения погоды – все это по преданию передаваемых из поколения в поколение примет, не проверенных научным путем»².

Крестьянское восприятие метеорологических явлений – это постоянное бдительное наблюдение за ними, отслеживание изменений в них, фиксация всяких примет и сигналов о грозящей опасности (поведение растений и животных, космические представления о солнце, луне, звездах и наблюдение за ними). Достигнутое многовековым опытом глубокое знание природных явлений позволило крестьянам приспособиться к ним. Правда, не обходилось и без религиозного осознания этих явлений – представлений о Господе Боге и его всемогуществе, применения магических обрядовых действий, которые также были обусловлены природно-климатическими факторами. «Православ-

¹ Кузнецов С.В. Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские. С. 189; Сухова О.А. Указ. соч. С. 614.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

ные иконы в “красном углу” избы и ежедневные молитвы, и даже посещение церкви не мешали ему (крестьянину. – *И.В.*) питать многочисленные суеверия и соблюдать языческие обряды, за которыми стояла могучая вера в силы природы»¹. Существование многочисленных примет, поговорок, заговоров, различных приемов ворожбы ничем не нарушало христианских представлений крестьян, их веру в Бога, стремление обращаться к нему с молитвами и просьбами о благополучии и т.п. Именно православие с его соборностью стало отвечать потребностям крестьян, их стремлению к коллективизму и общинной организации, консолидации при взаимодействии с природой. Отсюда изучение крестьянского хозяйства и традиций является не только исследованием крестьянской экономики, но и постижением духовной жизни народа².

Необыкновенную стойкость и способность приспособляться к любым условиям продемонстрировали старообрядцы. Они проявили и настоящую «хозяйственную жилку». Наличие «особого духа промышленного и предприимчивости», а также концентрацию в руках некоторых из них, более зажиточных, торговли и даже ростовщичества, отмечали исследователи еще XIX в. именно у северных старообрядцев³.

В столыпинское время произошло некоторое «ослабление» крестьянского общинно-коллективного сознания, когда со стороны правительства были предприняты попытки выхода крестьян из общины на хутора и отруба и ведения там индивидуального хозяйства. Это по существу был отказ от коллективной ответственности за неизбежное и широко распространенное в условиях общинной организации трехполье. Индивидуализм крестьян, проявлявшийся в тот период при необходимости выкупа из казны своих наделов (условие отмены крепостного права у государственных крестьян Севера) и развитию в связи с этим отходничества, входил в противоречие с традиционным

¹ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 569; *Кузнецов С.В.* Указ. соч. С. 189–190.

² *Кузнецов С.В.* Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие... С. 293.

³ *Ефименко П.С.* Указ. соч. С. 217–218.

коллективизмом. Противоречия наблюдались и в отношениях стариков-общинников и молодых хозяев, которые старались вырваться из оков семьи и общины, приобретая землю на стороне, требуя семейных разделов и все более влияя на совместные общинные дела и решения. Еще до реформы П.А. Столыпина около трети крестьян проявили стремление приобрести землю в личную собственность¹. Расширялись в то время и права женщин в отношении их участия в делах общины. Но пока это касалось лишь вдов или женщин, замещающих мужей при их отсутствии². Женщины, правда, сохраняли верность общине. Да и в целом на традиционном общинном праве хозяйствовало две трети русских деревень.

Серьезно менялись межличностные отношения крестьян, так как рушились соседские и родственные связи. Это вело к исчезновению нравственных отношений между общинниками. Если до реформы 1861 г. эти связи строились на основе привязанности, душевной склонности, то после нее появлялся прагматический расчет и рационализм. В XVIII – первой половине XIX в. крестьянин, идя на помочи, помогал соседу, родственнику в его делах, в начале XX в. его одолевала мысль – угоститься после работы, особенно если работали у влиятельного человека³.

Новшества в крестьянском менталитете проявлялись вследствие разрушения корпоративного права и ослабления контроля за каждым общинником. Крестьянин становился свободнее, у него было больше возможности проявлять инициативу и предприимчивость, он все более вступал в юридическую (гражданскую) «зону», отходя от довлеющего семейно-общинного патриархального коллектива, стремясь к благополучию и укреплению своего хозяйства. В этих условиях и менялся статус молодежи и женщин⁴.

¹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 480.

² Сборник материалов для изучения общины. СПб., 1880. С. 172–173, 249.

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 483–486; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 119. Л. 22–26; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 784. Л. 54 об.

⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 66. Л. 6; Д. 25. Л. 1–3 и др.; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала

Еще больше изменений в крестьянской экономике, а вслед за этим и в крестьянском сознании произошло после Октябрьской революции 1917 г. Национализацией земли был перекрыт путь капиталистическому развитию сельского хозяйства, начавшемуся еще с реформы 1861 г., стали возникать его социалистические формы. Появились первые совхозы, а также первые коллективные хозяйства в виде коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ'ы). Наибольшее распространение получили последние. Как земледельческая кооперация с ее общественной организацией труда они явились истинной коллективизацией, какой не стала позже коллективизация 1930-х годов с ее принудительностью. В этих новых формах работало корпоративное сознание крестьян. Первые коллективные хозяйства дали очень важный результат – был накоплен некоторый опыт экономического, а не административного хозяйствования, распространялись прогрессивные методы труда и велась пропаганда коллективных видов хозяйствования, апробированных на протяжении всей истории российской деревни. Кооперативы взяли на себя функцию, которую раньше выполняла община – поддержание культуры земледелия: происходило внедрение новых его систем (многопольных севооборотов), но в то же время использовались оправдавшие себя традиции.

С 1918 г. по «Положению о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» крестьяне могли выбирать любую форму землепользования – общинную, индивидуальную, артельную, хуторскую, кооперативную и др. Надежды крестьян того периода были отражены поэтом А.Т. Твардовским в его поэме «Страна Муравия»:

И при хозяйстве, как сейчас,
Да при коне
Своим двором пожить, хоть раз,
Хотелось мне¹.

XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 260, 270.

¹ Твардовский А.Т. Страна Муравия. М., 1940.

Но сельская община, тем не менее, оставалась еще устойчивой.

Вызванная гражданской войной и разрухой политика государства – «военный коммунизм», когда по продразверстке у крестьян отбирались все сельскохозяйственные продукты, не способствовала развитию сельского хозяйства и превращению его в товарное производство. Необходимость перехода на «свободу оборота» привела к введению «новой экономической политики» (НЭП'а) и замене продразверстки продналогом. Путем товарообмена между городом и деревней предполагалось выйти из кризиса в аграрной сфере. В условиях мелкокрестьянского хозяйства и слабости промышленности это был единственный выход из катастрофы. НЭП вызвал усиление «кулацкой» прослойки в деревне, сумевшей вести хозяйство на основе новых рыночных отношений. В какие-то десять лет при меняющейся повседневной культуре происходило формирование новых ментальных черт крестьянского сознания.

Тем не менее создавались предпосылки для перехода к массовой коллективизации.

Применение агрономических новшеств тормозилось при старой структуре землепользования (чересполосица, мелкополосица, неповсеместное многополье, наличие залежей), но все начинания рухнули с наступлением колхозной жизни. Надежды крестьян на «страну Муравию» не сбылись. Поскольку коллективизация была осуществлена сверху, а не самими крестьянами, то она и не стала подлинной коллективизацией. Она означала переворот не только в сельском хозяйстве, но и во всей крестьянской жизни, в сознании и менталитете. Произошла полная ликвидация традиционных методов хозяйствования и земельного владения. Рушились мировоззрение крестьян и представление о земле как о чем-то живом, труд на которой обеспечивал жизнь, и культура труда на которой могла быть передана по наследству вместе с самой землей. В колхозное время произошло нарушение связей человека с ней, отторжение хлебороба от нее, утрата крестьянской психологии (любовь к земле, отношение к ней как к живой), которая могла бы вызвать инициативу крестьян и привести к правильному хозяйствованию на ней.

О нарушении связи с землей говорили крестьяне вологодских деревень:

Не космос погодой правит –
Народ поохладел к земле.
Вот она, Матушка, и остывает¹.

А ведь для крестьян земля, ими обработанная, очень долго сохраняла «святость», и определяли они эту освоенную землю понятием «куда рука ходила». Крестьянам было присуще «творческое начало», исходившее «от постоянного общения с живой землей, живой природой – Божьим творением. Поистине сыновнее отношение к родной земле»².

Отрицательные стороны хозяйствования проявились с самого начала колхозной жизни, поскольку произошел полный отказ от народного опыта, который был объявлен «вредным и рутинным», а хозяйство везде велось по шаблону без учета местных условий. Примеры различных нарушений в земледелии многочисленны: была забыта зябь (осенняя вспашка), скирдование и обмолот зерна зимой на гумнах были отнесены к «правому уклону», сократились площади пара и внесение органических удобрений – основной меры сохранения плодородия почвы. Система приготовления и внесения в землю навозного удобрения стала утрачиваться, а русские крестьяне знали множество таких способов. Изменился состав полевых культур, вводились неприемлемые для многих мест культуры. Стала применяться одна и та же техника для разных почв. В смысле организации труда колхозы не выполняли той роли, которая была присуща русской общине, а дореволюционная производственная кооперация, основанная на подлинно демократических методах и являвшаяся настоящей коллективизацией, оказалась забытой. Не способствовало правильному хозяйствованию и уничтожение при раскулачивании и раскре-

¹ Тутунджан Д. Листы-разговоры из серии «По правде, по совести» // ВГМЗ. Экспозиция 1991 г.; АИЭА. ВЭ. ВО. 1986 г. Д. 8710. Л. 16–18; 1987 г. Д. 8334. Л. 12.

² Яшина Н.А. «Из распутия, из бездорожья...» // ЛГ. 2003. № 37. С. 14.

стягивании лучшей части земледельцев – хранителей исконно русских аграрных традиций.

Новые потери крестьянство понесло в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., когда наступила разруха и произошла убыль населения. Некоторый подъем начался в конце 1950-х годов, но в последующие годы проводились сплошные эксперименты в сельском хозяйстве (знаменитые «реформы» Н.С. Хрущева, внедрение «безотвальной пахоты» Т.С. Мальцева, непригодной в условиях Севера, государственная политика «Ликвидации неперспективных деревень», «Проект переброски вод северных и сибирских рек»), которые продолжают и сейчас. Это привело к краху аграрной сферы. Особенно пострадало северное Нечерноземье: колоссальные потери почвенного плодородия, исчезновение земледельческого производства и селений во многих районах. Об этих потерях говорили в одном из вологодских районов:

Сколько ведь земли паханой ране было – страсть!..
А топере всё позаросло...
До чего мы дожили, что и ножки съежили...¹

Образное описание «неперспективных деревень» оставил Ф.А. Абрамов: «И в войну тоже совесть знали. Не загорали..., – писал он в повести “Вокруг да около”. – Пойди-ко по новинам-то – еще теперь мозоли с полей не сошли... А теперь все заросло. Лес вымахал – хоть полозья гни». В повести «Мамониха» он продолжал: «Нового дома ни одного на весь конец, а старые разваливались на глазах... Полей нет. На полях шумит и лопочет густо разросшийся осинник»².

Приведенные материалы о хозяйствовании земледельцев свидетельствуют о том, что крестьянское мировоззрение и самосознание северян формировалось, как и вообще на Руси, под мощным воздействием природно-климатического фактора; «русские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками природы». Их жизнь и земледельческий труд

¹ Тундунджан Д. Указ. соч.

² Абрамов Ф.А. Собр. соч. Л., 1991. Т. 3. С. 217, 269, 276.

были поистине героическими. Только выработанные под этим влиянием умение, сноровка и трудолюбие выручали их, хотя среди крестьян и появлялись отдельные личности с другими поведенческими стереотипами, обусловленными сведением на нет огромных людских затрат при неблагоприятных климатических условиях. У подавляющего же числа крестьян перевешивали идеи коллективизма и взаимопомощи как повсюду в России, так и в отдельных русских регионах. Идея принадлежности земли Богу соотносилась в их представлениях с принадлежностью ее обществу в целом. Такое понимание было фактором формирования общинного (коллективного) сознания и психологии.

Сообразность культуры жилища с крестьянским сознанием и менталитетом

Продолжим рассмотрение вопроса о сообразности крестьянского менталитета и практики с природными условиями Севера на примере такой формы народной культуры, как традиционное жилище. Такое рассмотрение вполне оправданно и возможно, так как жилые и хозяйственные строения, околосадовые пространства – это часть среды обитания и жизнеобеспечения и вместе со всеми деревенскими строениями, улицами, дорогами и околоселенческими местами они составляют «единую ландшафтную зону»¹. И хотя дом построен человеком, а не создан природой, он «не нарушает, а дополняет и углубляет гармонию окружающей первозданной природы, подчеркивая красоту ландшафта, объединяя духовное и материальное начала нашего бытия»². Это уже наглядно выявилось в настоящей главе в разделе о культуре сельских поселений. Знакомство с материалами по северным крестьянским усадьбам показывает, что их сооружение было нацелено на обеспе-

¹ Мамсик Т.С. Непосредственная среда обитания сибиряков на рубеже XVIII–XIX вв.: народная культура и просветительский реформизм // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 10.

² Бочков А.С. Вологодские нестяжатели. М.; Вологда: Луч, 2011. С. 179.

чение бесперебойного жизненного и рабочего ритма, на поддержание безопасности и здоровья их обитателей, то есть прежде всего на экологию человека, его физических, трудовых возможностей и морально-психологического состояния. Как и любая другая форма народной культуры, жилище создавалось путем проб и переосмысления, иногда ошибок, отбора наиболее целесообразных вариантов. Все это жило в устной фиксации и передавалось новым поколениям, приобретая статус традиции. Деревянные дома Севера стали «символическим знаком» для традиционной России, для ее «основательного, добротного, гармоничного народного быта»¹.

Северное жилище, как и в целом жилище русских крестьян, материал, из которого оно строилось, его сложившиеся типы-варианты были подчинены природно-географическим условиям. Жилище северян представляло собой образец деревянного зодчества и в очень незначительной степени строительства из камня не только потому, что дерево – основной подходящий строительный материал на Севере. Каменные строения в условиях долгих осенне-зимних холодов требовали много топлива – дров, заготовка которых в больших количествах с помощью единственного инструмента – топора (пилы появились поздно) для крестьянина была нелегкой работой. К тому же дерево хорошо удерживало тепло. Северные избы строились из сосны или ели. Крестьяне на своем опыте убедились, что хвойные деревья – наиболее подходящий строительный материал, так как из них получают толстые, длинные, прямослойные, смолистые и прочные бревна, легко обрабатываемые, и, кроме того, хвойные безвредны для здоровья человека, тогда как жилье из других пород дерева, например, березы, могло вызывать различные болезненные ощущения².

Северяне называли свои усадьбы *дворами-хоромами*, в чем отразилось их видение своих построек как чего-то величественного, крепкого, того мира, в котором возможно их существование. Усадьба (двор-хоромина) состояла из разных по назначению

¹ Там же. С. 194.

² Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 300.

и размерам жилых и хозяйственных строений. По ранним источникам – многочисленным актовым документам XVII в. – можно найти свыше сорока названий отдельных помещений усадьбы¹, в которых выражено крестьянское понимание назначения каждого строения, дифференцированного друг от друга по функциям.

Изба составляла основу усадьбы. Неотапливаемая *клеть* использовалась для хранения зерна, скарба, в летнее время для спанья. В XVII в. в жилище зажиточных крестьян, промысловиков-предпринимателей, вотчинников, которые могли себе позволить такое «усовершенствование» в силу своих материальных возможностей, клеть порой превращалась в *горницу* (чистую комнату). В хозяйственном дворе располагались помещения для скота и инвентаря, вне двора – *житницы*, *амбары*, *овины*, *гумна* (подробнее см. гл. 1).

В XVI–XVII вв. усадьба имела свободную планировку: изба стояла в глубине ее, хозяйственные постройки – позади. С начала XVII в. на Севере началось «объединение» всех дворовых строений. К концу XVII в. окончательно сложилась севернорусская крестьянская усадьба – так называемая *однорядная связь* двора с домом: «хоромное строение изба с сенми и с клетью, а возле них позади вплотную двор», «дом деревянный в одной связи изба, сени, напротив одного клеть, а вдоль них позади двор»; «в линию... изба с сенми и клеть..., против всех оных сзади двор»; «а во дворе хором изба на подклете, а под избою погреб, а против избы сенник на хлеву, да под сенником же анбарец»².

¹ Громов Г.Г. Русское крестьянское жилище XV–XVII вв. по письменным источникам // Вестник МГУ. История. 1965. № 6. С. 44–45; Рабинович М.Г. Русское жилище в XVII–XVIII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 165; Чагин Г.Н. Жилые и хозяйственные постройки // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 95.

² РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10441. Л. 7; Ф. 21. Оп. 1. Д. 47. Л. 144–145; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11181. Л. 1.

Такие крестьянские усадьбы были ранним усадебным типом на Русском Севере. Его органичным развитием был вариант с так называемой *двухрядной связью* хозяйственного двора и трехкамерного жилья, когда изба и хозяйственный двор ставились в два ряда, параллельно друг другу и под разными крышами. Этот тип усадьбы развился в немногих местах¹, ибо изба–двор под одной крышей были наиболее удобны в северных условиях: и в смысле строительства единого деревянного сооружения, и для лучшего сохранения тепла в холодное время, и для нахождения людей и скота зимой поблизости при обслуживании последнего. Такой тип жилья влиял и на застройку всей деревни. В пределах нее усадьбы с однорядной связью (длинное сооружение) ставились перпендикулярно улице или берегу реки, на котором располагалась деревня, фасадами такие избы обращались на улицу или реку, и этим достигалась экономия мест, удобных под застройку. Усадьбы с двухрядной связью ставились вдоль улицы (реки), в них трехкамерное жилище «выходило» на улицу длинной стороной. Для Севера это было менее удобно и не прижилось здесь.

Расположение вне усадеб овинов, гуменников, мельниц, мякинниц, иногда и амбаров (житниц), бань было целесообразно, ибо их строительство требовало обширных площадей или соблюдения мер безопасности. Овины (для сушки снопов) и гумна (для молотбы) находились возле полей, где собирали урожаи. К тому же в овинах разводили огонь и держать их вблизи жилища было опасно. На гуменниках (особо огороженных местах) хранили необмолоченные снопы и солому, в мякинницах – различные отходы. Зерно мололи на мельницах–*мутовках*. В XVI–XVII вв. мельницы ставились обязательно у воды (у озера или реки с запрудой), ибо они приводились в рабочее состояние силой падающей воды. Ветряные мельницы появились гораздо позднее.

¹ Бломквист Е.Э., Ганицкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 153; Осипов Д.П. Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотма, 1924. С. 9–10.

При описании конструкций изб в документах XVII в. называются такие их виды: *на взмосте, на подклете, поземная*. Поземные избы, ставившиеся прямо на землю, были очень редкими в суровых северных условиях. Плотники старались поднять избу над землей на 1,5-2 м; между полом и землей образовывалось высокое помещение – *подклет (взмост), подъизбица*, которое очень продуманно обустраивалось для содержания скота, хранения продуктов и утвари, а иногда подклет делали жилым.

В трехкамерном жилище рядом с избой (в одну связь) находились сени, а за ними клеть: «да против избы клеть на погреб»; «клеть на подклете», иногда она была двухэтажной: «перед избыю клеть о двух жирах». Клетки строили не только двухэтажными, но и из двух половин. Использовали их, как и все в крестьянских усадьбах, очень рационально. В верхних помещениях хранили скарб, продукты, летом там спали, в нижнем этаже размещали погреб и склад с хозяйственным инвентарем¹.

Кровли изб и большинства хозяйственных построек были двускатными, *самцовой* конструкции, с покрытием тесом или дранкой, наиболее приемлемыми для северных домов, да и в целом для комплекса изба–сени–двор. Кровля *на самцах* была характерна еще для древнерусских срубных построек, когда слуги крыш укреплялись на бревенчатом фронте (*на самцах*), а снизу доски тесового покрытия держались загнутыми сучьями-*курицами*.

Двери изб были маленькие для удержания тепла, однополыми, из досок, скрепленных брусьями – «двери в деревянных пятах». Они вставлялись в косяки и имели порог.

Волоковые окна прорубались каждое в двух соседних бревнах, задвигались изнутри щитом-*волоком* (снова для сохранения тепла), располагались треугольником на торцовой стене (через среднее выходил дым из избы). В XVII в. среднее окно иногда становилось *косячатым, красным (с колодой)*, т.е. имело раму, и со слюдяным оконцем, стеклянным оно стало в первой половине XVIII в.

¹ Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 102.

Потолки в избе не всегда присутствовали, правда, кое-где уже в XVII в. стали появляться потолки из досок, брусьев или плах с центральной балкой – *матицей*, которая, как и многое другое в избе, имела сакральное значение, была символом «удержания мира на своих плечах». Об этом говорит и ее название, и «фигурирование» в разных фольклорных жанрах. Глинобитные печи ставили в углу избы на рубленом *подпечье* (*опечке*). Они не имели труб-дымоходов, топились *по-черному* (такой способ быстрее давал тепло). Уже в XVII в. в избах были дощатые полы, положенные на лаги, врубленные на уровне второго или третьего снизу венца. Высота сруба при такой конструкции достигала 3 м.

Двухэтажные дворы под двускатными крышами примыкали к жилью. В нижнем этаже двора в XVIII в. уже устраивали рубленые теплые хлевы для скота. Двое ворот вели во двор – со стороны улицы и огорода. На верхнем этаже – *повети* держали корм, хозяйственный инвентарь, средства передвижения, там же для хранения домашнего имущества строили *клет*и и *горенки*, в которых летом спали. Сюда наверх поднимались либо по лестнице из сеней, либо с улицы по помосту (*взвозу*, *въезде*), по которому могла пройти и лошадь с телегой.

Таким образом, в средневековый период крестьяне на Русском Севере возводили высокие, больших размеров срубные постройки, представлявшие собой единый комплекс жилья с хозяйственным двором. Проведенное в 80-х годах XVIII в. подворное обследование 2581 деревни в уездах Архангельской губ.¹ показало, что 63,14% крестьянских домов (7595) относилось к типичному севернорусскому трехкамерному жилищу – изба-сени-клеть; довольно много к тому времени оставалось и двухкамерных изб – 26,66% (3207), но уже заметным становился тип жилища, в котором вторым помещением вместо клетки стала чистая горница (9,19% – 1106); а иногда и две горницы (1,01% – 121). К этому времени можно уже говорить об оконча-

¹ Подсчеты сделаны по архивным материалам: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69, 75, 83, 87, 91, 94, 95, 135, 182–193, 236; Ф. 114. Оп. 7. Т. 1. Д. 2; Т. 3. Д. 3; Т. 4. Д. 4; Ф. 396. Оп. 1. Д. 32–84.

тельном приспособлении жилища к северным условиям и создании традиционных его типов. В строительной культуре сохранялись как общие черты русского народного жилища, так и множество локальных особенностей, частью уходящих своими корнями в глубь веков, к периоду Древней Руси.

В XIX в. произошли большие перемены в северном крестьянском жилище. С развитием производственной деятельности крестьян начались усовершенствования всей системы жизнеобеспечения, в том числе и культуры жилища. К 80-м годам XIX в. замена клетки на второе жилое помещение – вторую избу – стала повсеместной. В крупных деревнях и селах появился тип дома: две избы-сени, иногда вместо второй избы еще сохранялась *светёлка* (горница). В таких домах под избой устраивали чуланы-*гульбища*, в высокие хозяйственные дворы вели помосты-*съезды*. Но еще не всегда клали печи из кирпичей, оставалось много глинобитных печей, топившихся по-черному.

С 50-х годов XIX в. можно говорить о переходном периоде в развитии народного жилища на Севере. В центральных его районах появилось жилище, которое состояло из одной избы, к которой пристраивалась горница, чистая, без печи, нежилая, использовавшаяся как чулан. У зажиточных крестьян были уже дома из двух изб: одна – как горница с печью. Встречались и двухэтажные избы, нижнее помещение которых служило *зимовкой*. Интерьер всех изб был одинаков: с печью в углу у входа, с полатами над ним, с божницей в переднем углу по диагонали от печи, но пол в избах существовал не всегда. В этих более южных районах Севера теплее, и там пол и высокие подклеты иногда не сооружались. Здесь долго сохранялись черты древнего жилья. Крыши таких изб были двух видов: двускатные и четырехскатные, крытые соломой, редко тесом, так как здесь в ту пору чувствовалась уже нехватка лесов. Окна по фасаду украшались росписью, роспись была и в горнице. Печи оставались глинобитные, топились по-черному. В подпол вел спуск-*голбец* (дверь возле печи с лестницей, уходящей вниз).

Восточнее этих центральных районов в селениях по р. Сухоне, где климат, особенно по мере удаления на северо-восток, был холодным, строились двухэтажные избы, но дом сохранял

старый тип изба–сени–горница. Последняя была без печи и полатей. И здесь избы отапливались глинобитными печами по-черному. В богатых же селениях, например, в с. Шуйском, дома отличались от изб других деревень внешним видом и внушительными размерами, их красили, устраивали на фронтонах мезонины. Нижние этажи использовались под хлевы для скота.

В верховажских деревнях, тяготевших к центральным районам, черные избы уже были редки, так как над печами устраивались дымоходы. Здесь дома были представлены несколькими видами: старыми – изба-горница на подызбице и новым видом – *изба-двойня* на подызбице. Сени таких изб вели на *повить*. Во дворе находились хлевы, на усадьбе располагались амбар, погреб, баня, гумно.

В соседних с этими деревнями Шенкурском у. в 1850-х годах наличествовали *круглые (крестовые)* избы на высоких подполях, в которых имелись клетки-кладовые, где зимой содержали скот. Сени в таких домах переделывали в теплые помещения, получая дополнительные жилые комнаты. В подполье вел вход из избы – *голбец*. Печи топились по-черному. В этих северных деревнях скотные дворы утепляли мхом¹.

Все эти примеры свидетельствуют о том, как крестьяне приспособливали свое «обиталище» и к природным, и к менявшимся экономическим условиям, как они выбирали все целесообразное и проверенное на практике, чтобы обеспечить надежность жилища. В результате в этот переходный период северное жилище постепенно обрело тот вид, который позднее распространился повсеместно: две избы – сени – двор. Но, несмотря на новшества, в нем сохранялись черты прежних времен: наличие клетки, использование горницы в назначении клетки, глинобитные печи, топившиеся по-черному, и др.

¹ *Пушкарев И.* Описание Вологодской губернии // Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. СПб., 1846. Кн. IV. Раздел II. С. 32–33; АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 13; Р. 7. Оп. 1. Д. 62. Л. 30; Р. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 7; ВГВ. 1875. № 99. С. 9; 1866. № 31. С. 303, 305; 1854. № 33. С. 350; № 34. С. 360; 1857. № 20. С. 428.

Во второй половине XIX – начале XX в. прежнее жилище изба–сени–клеть превратилось в избу–сени–избу (горницу) (см. гл. 1). В известных с конца XIX в. *зимовках*¹ не было подклета, они покрывались двускатной крышей, их размер зависел от численности семьи. Зимовка обычно пристраивалась сбоку дома, и тогда весь он в плане был похож на букву Г (Вельский, Грязовецкий, Сольвычегодский уезды).

С конца XIX в., сначала у зажиточных крестьян, появились избы–*пятистенки*. Пятая стена в срубе делила дом на комнаты, ранее разделенные перегородкой или занавеской. Дом делился на две половины: собственно изба и чистая комната (Тотемский, Вельский уезды). Если пятистенок был двухэтажным, то верхние его комнаты были чистыми, иногда без печи (*белая изба*), нижние – с глинобитной черной печью, с полатями, голбцем (Кадниковский у.)². О появлении новых помещений в жилище того времени – *светлицы* (столовых горниц), о сохранении наряду с ними старых сеней, клетей и их назначении говорилось в местном фольклоре:

...Уж вы позвольте повыдти, повыступить
Среди светлой-то светлицы,
Середь столовой новой горницы...
...Уж я ходила, молодёшенька,
В синики да в клетки новые,
В сундуки да всё кованыё...³

Хозяйственный двор всех типов изб на Севере оставался двухэтажным: наверху, где было меньше сырости, помещался сеновал и чуланы-клетки для хранения различных вещей, внизу – теплые хлевы, конюшни. На верхний этаж двора, как правило, вел высокий помост-въезд. Амбары, погреба, бани чаще выно-

¹ Шустиков А.А. Тавреньга Вельского уезда // ЖС. 1895. Вып. 2. С. 172; АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2, 105; Р. 25. Оп. 1. Д. 5; Р. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 2; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 15; АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105. Л. 89 об.–90 об.

³ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 15, 31.

сились за пределы усадьбы: амбары стояли либо перед окнами дома (так можно было лучше их охранять – Сольвычегодский, Тотемский, Великоустюжский, Вологодский, Вельский, Никольский уезды), либо сзади изб, где они надежнее скрывались (Каргопольский, Вологодский, Грязовецкий, Устьысольский уезды); бани могли находиться на краю деревни у воды – у реки или озера.

Итак, развитие жилища от типа изба–сени–двор через вариант изба–сени–клеть–двор привело его к последнему виду изба–сени–изба (горница)–двор. Сохранилась удобная для северных мест однорядная связь двора и дома. Дом своей фасадной стороной (чаще узкой) «выходил» на улицу. Такой же путь развития жилища можно отметить на разных территориях как самого Севера, так и в местах, осваивавшихся севернорусскими крестьянами – в Вятской и Пермской землях, на Урале и в Сибири.

Устойчивый признак народного жилища, своего рода его маркер – интерьер избы – местами сохранился до настоящего времени (см. гл. 1).

В конце XIX – начале XX в. процесс развития жилища не прекращался (подробнее см. гл. 1). Плотницкий инвентарь пополнился различными инструментами и приспособлениями как своего кустарного, так и заводского изготовления. Благодаря этому можно было применять новые способы строительства. Так, появилась обшивка сруба тесом. Исчезла самцовая конструкция крыши, она заменилась стропильной, элементы же безгвоздевой конструкции сохранились при возведении хозяйственных построек. На самцах, слегах и желобах крепились двускатные крыши *конём*, а верхний стык скатов скрепляло *охлупное бревно*. Стропильные крыши могли быть двух- и четырехскатными. Ранее всего они появились над горницами или чистыми избами, затем над всеми постройками. На деревенских постройках в Грязовецком у., например, встречались трехскатные крыши *лбом*. Четырехскатными крышами покрывали пятистенки. Покрытие крыши повсеместно становилось тесовым, лишь там, где леса было недостаточно, их крыли соломой (вообще последняя черта свойственна южнорусскому жилищу). Окна везде становились *косячатыми* (с рамами), растворными.

В пятистенках по фасаду было от трех до пяти окон. В дом вело крыльцо, как правило, с лестницами, поскольку дома были высокими. Об отдельных конструктивных элементах той поры можно найти свидетельства в местном фольклоре:

...Уж я возьму двери за скобу,
Отворю да двери на пяду,
Зайду в светлу светлицу.
...Вы не гнитесь-ко половицьки,
Не ломайтесь переводицьки (балки под полом. – *И.В.*)...¹

В самых северных и северо-восточных районах еще строили дома, на фронтонах которых имелись балконы, мезонины. «...Диковинка в доме... мезонинчик или чердак, по-здешнему, – писал о таких домах Ф.А. Абрамов в повести “Вокруг да около”, – да не просто какой-то там курятничек дощатый под крышей (такие теперь не редкость в новых домах), а настоящая комната с бревенчатыми стенами, с двумя окнами и балконом... и даже перильца у балкона...»².

Печи в избах становились кирпичными и с дымоходами. Такое новшество также нашло отражение в фольклоре. Так, в свадебных причетах невест Кадниковского у. говорилось:

...Пойду я на кирпишну середу
Ко родимой своей матушке...
...Уж вы позвольте повыйти...
...Да со кирпишной середи...³

Середа-кухня стала называться *кирпишной*, так как в ней была печь из кирпича.

Севернорусской чертой в жилище было наличие особого спуска в подклет – *голбца*, размещавшегося возле печи у входной двери. Это был дощатый шкаф вдоль печи, с торца его возле печного шестка была дверь, от нее шла лестница, по которой спускались в подпол. Такие спуски были еще в *курных* избах,

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 4, 15.

² Абрамов Ф.А. Собр. соч. Л., 1991. Т. 3. С. 209.

³ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 4, 15.

топившихся по-черному. При строительстве белых изб крестьяне стали усовершенствовать этот спуск: шкаф убирался, на его месте появлялся деревянный короб, также вдоль печи, высотой 30–40 см от пола, в него встраивалась задвижная крышка, закрывавшая вход в подклет (*западня, карзина*). Иногда печь выдвигалась из угла избы, и голбец переносился в запечье. Это более поздний вариант спуска, нежели *западня*.

Появились и другие новшества в крестьянском жилище – встроенные перегородки между комнатами, новая мебель. Наряду с лавками и полками, а также *грядками* – платяными брусьями – в домах стояли стулья, сделанные по городскому образцу, выдвижные скамейки, шкафы и др. В пятистенках в чистых половинах вместо русских печей появились *голландки*, убирались полати, стены оклеивались обоями.

Хотя в целом севернорусское жилище сохраняло общие черты, в нем осталось локальное своеобразие, в котором отражалась приспособленность строительства к изменяющимся условиям. Исследователь Севера А.А. Шустиков, описывая крестьянское жилище Вельского, Кадниковского и Тотемского уездов, отмечал его специфику. Так, в местности Тавреньга сохранялись дома «старинной архитектуры»: в «передках» (летних избах) окна делали небольшие, с разрисованными наличниками; возле этих изб сбоку пристраивались зимовки. Но встречались и большие «хоромы» в 5–6 сажень по лицу, а двор в 12 сажень. По переду избы было шесть окон, в них вставляли стекла. В горнице клали печь с лежанкой из кирпича и ставили ее в задний угол. Горницу делили заборкой на половины, в заборку вделывали посудный шкаф. Зимовки по сравнению с «передками» были низкими, пол их находился прямо на земле, печи в них были *курные*, окна прорубались маленькие¹.

В присухонских деревнях, по данным местного исследователя Д.П. Осипова, также существовали локальные различия в жилище. Среди крестьянских домов он нашел пять типов-вариантов² крестьянских усадеб, описанных в настоящей главе выше.

¹ Шустиков А.А. Тавреньга... С. 172, 359–360.

² Осипов Д.П. Указ. соч. С. 1–20.

В бывших олонекских уездах в Белозерье сооружали много просторных двухэтажных (*двухстройных*) изб. Немало там было домов, состоящих из передней (для жилья) и задней (горница) половин. К ним пристраивались холодные боковушки, служившие летом жильем, зимой кладовыми¹.

Своеобразным был декор северного жилища – внешнее и внутреннее украшение дома. В символах декора нашло отражение миропонимание не только крестьянское, но и общенародное. Наиболее распространилось украшение больших косячатых окон. К их рамам приделывались *наличники* – обкладка из досок с прямым карнизом. Сначала резной узор (трехгранно-выемчатым способом) наносился на карнизы, затем появился на всем окладе. На Севере распространилось украшение наличников в виде солнечной розетки (общеславянский солярный символ). С применением способа накладной резьбы орнамент усложнился – появились узоры в виде геометрических фигур или их частей, растительные орнаменты и изображения птиц, которые также находили трактовку в народном мировосприятии.

Резьбой нередко украшались крыльца, фронтоны изб, балконы, ворота усадеб. Особенно красивы были высокие крыльца с точеными столбиками и перильцами, крытые остроугольной формы крышами, а также с крышами в виде полубочек и бочек. У самых старых изб крыши крылец оставались резными – *в чешую*. Округлые концы выступающих слег и бревен избыной крыши (охлупня, куриц, повалов, водоспусков) могли украшаться скульптурной резьбой. На концах охлупней-*князьков* (треугольных брусков на верху крыши) вырезались деревянные *коньки* и другие украшения (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Вельский, Кирилловский уезды). Если крыша была двускатной, то конек находился на одном конце князька, если четырехскатной – то на обоих его концах. Иногда коньки делали двухголовыми. На крышах построек в Грязовецком и Вельском уездах вместо конских голов вырубали головы птиц, а в Никольском у. – олени рога. Своеобразным было украшение

¹ Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1900. С. 112.

всего князька в постройках Сольвычегодского у.: из железа вырезались фигурки-*мужички*, они скреплялись по головам проволокой и располагались вдоль князька.

Резьба присутствовала и во внутреннем убранстве изб. Резные коньки можно было встретить на божницах, на верхней доске печного шестка, иногда к печке приделывали два резных конька. Коньки были и на оконечностях лавок. Резьбой украшали столы, стулья и различную домашнюю утварь (конские дуги, прялки, швейки, коромысла и т.п.).

Кроме резных украшений, в декоре северной избы существовала и роспись, к которой стали прибегать с появлением белых изб. Раписывались и раскрашивались отдельные детали интерьера: опечки, припечные и подшестковые доски, перегородки комнат, лавки, шкафы, полки-грядки, брусья полатей, столы, божницы. Как правило, кистью наносился растительный узор, особенно *древо жизни*, реже изображения птиц и других животных (из последних часто – лев, по-местному *лёвушка*, в игривой позе), были изображения людей и даже жанровые сценки.

Росписью украшали дома и снаружи: либо красили фронтоны, карнизы, наличники, либо разрисовывали их узорами. По художественным особенностям были близки росписи архангельские, вологодские, костромские и вятские; в них сохранялись архаические черты, свойственные росписи севернорусской зоны, а также связанные с местным искусством предшествующих времен – расписными печными изразцами, деревянной скульптурой, книжной миниатюрой. Это также запечатлелось в аналогичных орнаментах вышивок и кружев¹.

¹ Суворов Н.И. О коньках на крестьянских крышах в некоторых местах Вологодской и Новгородской губерний // Изв. АО. СПб., 1863. Т. IV, вып. 2. С. 170; Берг Ф.Н. Нечто о древности типов деревянных построек и резьбы в Важском крае // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1882. С. 3–4; Барадулин В.А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. Свердловск, 1982. С. 10–13, 43; Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 135.

Еще более, нежели в декоре, народное мировоззрение отразилось в обрядовой практике крестьян, сопровождавшей строительство жилья, его использование при соблюдении разных обычаев, обрядов, семейных и общественных мероприятий, в хозяйственных занятиях – во всем том, что составляло жизнь людей. Это выявлено многими исследованиями¹.

Можно продолжить рассмотрение вопроса о том, как приспособляли севернорусские крестьяне свое жилище к меняющимся условиям на примере хозяйственных построек усадьбы. Основными из них, как уже указывалось, были овины и гумна. Ко второй половине XIX в. овины из земляных-ямных превращались в более усовершенствованные наземные-*верховые*. Они представляли из себя два сруба, поставленные один над другим. В нижнем срубе на земле клали очаг-*каменку*, входная дверь в нем выполняла и роль поддувала. В этом срубе устраивали отверстие-*пазух* для прохода горячего воздуха в верхнее помещение.

Между срубами настился бревенчатый пол-*подовин*. В верхнем срубе над полом высотой до одного метра приделывались жерди-*колосники*, между которыми оставалось свободное пространство. На них клали снопы вниз колосьями (если зерно затем шло на муку) или вверх – для зерна на посев. В этой части овина повыше пола прорубалось окно, через которое закладывали (*садили*) снопы для сушки или выбрасывали высохшие снопы. Через двускатную крышу овина выходил дым. В земляных (ямных) овинах нижний сруб с каменкой был опущен в яму. Верховые стали самыми распространенными на Русском Севере, и такой же конструкции овины сооружались в местах севернорусского продвижения на Урале и в Сибири.

Гумна располагались рядом с овинами. Это были также постройки, а не открытые площадки, что стало, по понятию крестьян, необходимым в северных условиях. Стены гумна, как правило, были сложены из полубревен в *заплот*, крыши кры-

¹ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Баня и печь в русской народной традиции. М.: Intrada, 2004 и др.

лись драницей или жердями и соломой. Пол гумна (глина) утрамбовывался и поливался водой. Здесь на *долони* в зимнее время молотили зерно вручную.

Кроме построек сельскохозяйственного назначения, крестьяне возводили сооружения для своей кустарно-ремесленной и промысловой деятельности. Это прежде всего были кузницы, частые в юго-западных и северо-западных местах Севера (Череповецкий, Устюженский и Кирилло-Белозерский край), где население издавна добывало руду и занималось кузнечным делом. По устройству кузницы не отличались от известных в других регионах страны. Но занятие кузнечным делом отражалось на характерах и поведении людей. Недаром про кузнецов-расковщиков Устюжны Железнопольской говорили: «Устюжна железная, а люди в ней каменные»¹.

В таежных местах у охотников и рыболовов были хозяйственные сооружения соответствующего назначения. Охотники строили в лесу избушки, в которых жили во время охотничьего сезона, хранили продукты и добытую пушнину. Летние избушки-*истопки* были срубными, низкими, с глинобитными печами, с дымоходом через окно в стене, без пола, с нарами для сна вдоль стен, со входом из жердей вместо крыльца, в окна вставлялись бычьи пузыри. Истопки были образцом примитивной жилой постройки. Сооружались на охотничьем становье и срубные кладовые-лабазы (*щамы*)². Такие же избушки строили и рыбаки; от охотничьих они отличались тем, что ставились на столбах, приподнятыми над водой для безопасности от половодья.

Для севернорусских крестьянских хозяйств было характерно еще одно сооружение бытового назначения – баня. В жизни северян она играла очень важную роль, выполняя множество функций: кроме прямых гигиенических – мытья, бани имели профилактическую и лечебную функцию, в них совершали и различные обрядовые действия. Баня «прошла» многовековую историю, стала севернорусской традицией и сохранилась до

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 877. Л. 8.

² Шустиков А.А. Тавреньга... С. 174.

наших дней¹. Как постройка она была довольно простой: это был сруб с очагом-каменкой, на котором в котле нагревалась вода, имелся *полок* для паренья, стояли емкости с холодной водой и лавки, где мылись. Бани предшествующих веков топились по-черному, а в XIX в. появились белые бани, ставшие затем самыми распространенными. О значимости бани в жизни северных крестьян говорилось в свадебном фольклоре, ибо в свадьбе она также играла определенную роль. В причетах невесты из Кадниковского у. есть такие сведения о бане-*паруше*:

...тебя рубили, паруша, ...
...Все полоцьки дубовые,
Потолоцьки кленовые,
Все лавоцьки дорожёные.
Каменка хрустальная.
Ушатицёк медненькой,...
Обруцёе железное,
Зацерпалка серебряна!
Во тебе, тепла паруша,
Три окошка косещеты,
На первом на окошецьке
Лежит брус мыла белово...²

Как видно, у построенной в виде сруба с косячатыми окошками *паруши* были потолок, полки и лавки, сделанные из разных пород дерева, что имело смысл, когда на пару появлялся от них особый «дух», оказывавший профилактическое и лечебное воздействие. В бане женщины рожали детей, в чем заключался гигиенический и охранительный смысл: роды считались нечистыми, и нельзя было роженицу оставлять в избе, кроме того, в бане можно было нагреть много воды. С банями связаны раз-

¹ Желтов А.А. Русская баня и старинный северный быт // Русские. С. 280–300; *Он же*. Бани и банные традиции северной и центральной России // Баня и печь... С. 14–65; Макашина Т.С. Баня в вологодском свадебном обряде (по материалам XIX – начала XX в.) // Там же. С. 199–235.

² ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 11–11 об.

ные поверья: одно из них – там жила нечисть и «хозяин» ее – *баннушко* (*банный, банник*), которого, как и домового, надо было умиловать, чтобы он хорошо относился к людям, не допускал порчи.

Таким образом, в хозяйственных постройках, как и в жилых, все было продумано до деталей, все строго отвечало своему назначению и стойко держалось (становилось традицией), пока не наступили коренные изменения в жизни крестьян и страны в целом.

Сильные перемены крестьянское жилище претерпело в советское время. После гражданской войны и разрухи в 1920-е годы строительство оставалось еще без значительных изменений видов и качества построек. Но и при появлении новшеств жилище разных районов сохраняло локальные черты, которые не могли исчезнуть, так как жизнь и хозяйствование людей проходило в прежних природных условиях, своеобразных в каждом районе.

С 1930-х годов, с коллективизацией, происходили изменения во всей народной культуре. Тогда менялись строй старой деревенской жизни, сам труженик-земледелец, его характер и психология, «теряла» свои традиционные черты культура жилища. Изменения, прежде всего, касались хозяйственного двора: произошло резкое сокращение его размеров, ибо основное хозяйство теперь велось в колхозах, а не на крестьянской усадьбе. Постепенно стали исчезать постройки для содержания скота, обмолота зерна, хранения орудий, транспорта, утвари. Сократилось число хлевов, амбаров, сараев. Многие дворы в те годы разбирались на дрова. Иногда летним и зимним жилищем стало служить одно помещение, разделение же его на ряд комнат устилось. Преобладающим оставалось жилище, состоявшее из *кухни* и *зала* (горницы).

К концу 1940-х годов в крестьянском домостроительстве осталось мало традиционных черт. И все же и в современном жилище можно найти элементы, формировавшиеся в далеком прошлом. Сохранность всего старого наблюдается в постройках первой половины XX в., но иногда старое, передаваясь от поколения к поколению, возникало и при новом строительстве. На

Севере, как и во всем Нечерноземье, судя по этнографическим наблюдениям, из-за сильного оттока сельского населения в города в 1950–1980-е годы новых домов строилось сравнительно немного, в основном в центральных усадьбах колхозов и совхозов, а мелкие селения в результате правительственных «реформ» уничтожались.

Сельское жилище изменялось в 1960–1970-е годы: появлялись многоквартирные дома, сооруженные по стандартам, правда, на Севере их было мало. Там по-прежнему преобладающим был одноквартирный индивидуальный дом, имевший дворовые постройки и приусадебный участок. При возведении домов использовались как усовершенствованные строительные приемы, так и рациональные навыки, опыт местного жилищного строительства, выработанный в течение многих веков. Это касается использования строительных материалов. Рубленые дома на Севере строят с помощью традиционных приемов обработки леса, возведения сруба и т.д. Сохраняется «высотность» северного жилища; оно приподнимается над землей, хотя прежних высоких подклетов теперь нет.

Крыши домов в разных районах не различаются по их конструкции и покрытию. Прежде двускатные крыши были наиболее распространены на постройках северных районов России, четырехскатные – в южных. Кровельными материалами везде стали железо, шифер, черепица, реже тес (в лесных районах Севера). Деревянный дом почти всегда обшивают тесом, тенденция окраски дома стала преобладающей. Дома по старинке украшают резьбой как старой, выполненной когда-то еще прежними мастерами, так и новой; и в той, и в другой видно наследование традиционных приемов.

Старинный внутренний план избы сохранился лишь в постройках далекой провинции и преимущественно не в новых домах. Развитие многоквартирности привело к нарушению планировки жилища. Усовершенствовалась и русская печь, к которой нередко пристраивали плиту или лежанку. Печь старого образца становилась ненужной, ибо хлеб стали печь сельские пекарни, корм скоту готовили на колхозных фермах.

Таким образом, локальные и общерусские черты крестьянского жилища все чаще «стирались», и исчезала граница региональных усадебных комплексов.

Отражение крестьянского мировоззрения в культуре народной одежды

Обратимся еще к одной форме народной культуры, входящей в систему жизнеобеспечения – к костюму и посмотрим, как она была связана с крестьянским миропониманием, мировоззрением, как сообразовывалась с природными, социально-экономическими и прочими условиями и становилась традиционной, как с изменением этих условий приобретала новшества и меняла свои функции.

Изготовление костюма было всецело женским делом: шитье, ткачество, украшения (вышивка, кружево) и т.д. В деталях костюма и его декоре было заложено восприятие мастерицами мира, только они хранили смысл и понятия символики, которая была запечатлена особенно в орнаментике украшений, в отдельных деталях – поясах, элементах головных уборов и пр. Женщины становились хранительницами крестьянского понимания смысла окружающего их мира, старинных представлений народа о мире.

Крестьянское самосознание, понимание назначения одежды ощутимо во многом. Это, например, общественная оценка труда, затрачиваемого на изготовление «ладного» костюма, т.е. качественно изготовленного, удобного. Такое умение получало высокую оценку деревенского общества, а трудолюбие и сноровка в этой работе рассматривались как важные качества мастерицы. Особо бережно крестьяне относились к той одежде, которая досталась от старших поколений. Наследование тоже было определено крестьянским к ней отношением, пониманием ее предназначения. Это, в свою очередь, способствовало сохранению традиционного костюма. Бережное отношение к нему, как и ко всему окружающему (к природе, дому, земле), было одной из составляющих системы мировосприятия и мировоззрения крестьян, их уважения ко всему, что человек творит, как

создает ценности и как воспитывает такое же отношение в новых поколениях¹. Бережливость сказывалась и в разделении одежды на повседневную, рабочую и праздничную; при выполнении каких-либо ритуальных действий костюм или его детали могли стать обрядовыми. Во всем этом усматривается сообразность одежды с обстановкой, реалиями жизни.

В костюме «сочеталось» несколько функций, одни могли сменять другие, появлялись новые, или одновременно каждая выполняла свое предназначение². Конечно, с течением времени, особенно в XIX – начале XX в., менялись условия жизни крестьян, их хозяйственные занятия, менялось смысловое значение обрядовой жизни, а вместе с этим трансформировалось символическое содержание одежды. Но тот факт, что народная одежда (даже с новшествами) выполняла свои функции, а к некоторым событиям, мероприятиям, обрядам шилась новая одежда по старым образцам – свидетельство не только появления «вторичных форм бытовой культуры»³, но и сохранения народного самосознания. По документам XVI–XVII вв., севернорусский костюм, обладая общерусскими чертами, шел в своем развитии по пути дифференциации⁴, особенно заметной в XVIII–XIX вв.

Сырьем для изготовления одежды, как уж было указано, служили в основном растительные волокна, кожи, мех, шерсть. Уже археологические находки на Русском Севере XII–XIII вв. дают основание судить о производстве у славян тканей для одежды. Распространение найденных в раскопках шиферных пряслиц говорит о существовании прядения и ткачества⁵. По

¹ *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 20.

² *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 95, 308.

³ *Чистов К.В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры // *Русы и народы*. М., 1975. С. 32–50.

⁴ *Шмелева М.Н.* Русская одежда // *Русские*. С. 328.

⁵ *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 39, 47.

данным XVI–XVII вв. известно, что тканями, из которых шилась одежда, были домашнего производства сукна, холсты (льняные, пеньковые, бумажные), использовали и *крашенины*, а среди них и ту, что шла на изготовление холста-*пестряди*. Применяли и холст с набивным узором – *выбойку*, шерстяную некрашеную ткань – *сермягу*, шерстяную и полушерстяную с льняной или пеньковой основой *сукманину*. Известны были разновидности сукна – *летчина*, *настрафиль*. На рынках приобретали восточные ткани, которые не могли производить сами и которые шли на праздничную одежду¹.

Самые многочисленные свидетельства о севернорусском костюме остались в документах XIX – начала XX в. Из них становится ясно, что, как и в предшествующее время, в домашнем хозяйстве производились ткани и другие материалы, которые шли на изготовление одежды. Основными из них оставались холст, сукно, полусукно. Холст получали из волокон льна и конопли: *хрящем* называли грубый холст, *портном* – холст средних и лучших сортов. Сукно изготавливали из шерстяных ниток, а полусукно – на основе льняной или конопляной пряжи с шерстью. Сукно было *сермяжным* (грубое) и *пониточным* (средних сортов). Холсты были однотонными и узорными-*пестрядинными* в полоску и клетку. Пестрядь отличалась сочетанием красного, зеленого, желтого и синего цветов. Крестьяне использовали природные красители – настои коры ольхи, ивы, березы, травы зеленицы и даже железных предметов. Процесс крашения природными красителями был длительный, требовал паренья пряжи в русской печи. С конца XIX в., с усовершенствованием технологий, этот процесс ускорился благодаря применению анилиновых красок. Шерстяные ткани обрабатывали дополнительно: их замачивали в кипятке и мяли, чтобы они становились

¹ *Просужих С.Б.* Одежда населения Великоустюжского края в XVII в. // Вологодская старина: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 76–78.

мягкими, а шерстяная пряжа равномерно затянула холщевую основу¹.

Еще с XVII в. крестьяне производили набивные ткани. Способ *набивки* рано вышел из домашнего производства, в отличие от ткачества, и сосредоточился в ремесленных мастерских-*красильнях* (*синильнях*). Ткани-*набойки* шли на праздничную одежду. Их рисунки и расцветка были одинаковыми на всем Русском Севере². В различных исследованиях высказывалось мнение, что Русскому Северу не присуще многоцветье и яркость красок тканей (южнорусская черта), что основными цветами там были красный и белый. Если же встречалось многоцветье, то его относили к «нерусским истокам» на Севере. Но, как было выяснено, существовали «гнезда» северного многоцветья в ряде районов: в пределах вологодских земель, особенно в Великом Устюге и прилежащих к нему местах, в архангельском Приозерье (сельсоветы Архангельский и Чурьег) и в Каргополье (Ошевенский сельсовет). Происхождение многоцветья в северном ткачестве Г.С. Маслова отнесла к позднему времени, когда русское население здесь сформировалось окончательно и стало превалировать везде, т.е. эта черта не могла быть древним «нерусским истоком»³. Со второй половины XIX в. с изменением хозяйственных занятий (отход, промыслы) крестьяне стали широко использовать фабричные ситец, сатин, сукно, батист, миткаль, китайку, кисею, грезет. Покупали не только ткани, но и фабричную пряжу, и применяли ее в домашнем производстве для праздничной одежды и нарядных поясов.

Помимо производства тканей, на Севере существовали различные ремесла по изготовлению украшений для костюма. К таким ремеслам можно отнести само узорное ткачество, а

¹ Хозяйственное обозрение Северного края России // ЖМГИ. 1841. Ч. III. Кн. 5–6. С. 64.

² Кожевникова Л.А. Особенности узорного народного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 107–121.

³ Маслова Г.С. Узорное тканье на Русском Севере // КСИЭ. 1950. XI. С. 10.

также распространенный в северных деревнях *кушачий* промысел. Было развито вышивание золотыми нитками – *золотое шитье*. Мастерские золотого шитья издавна существовали в Сольвычегодске в имении Строгановых, в деревнях по Сухоне (Тотемский, Устюгский уезды), где в крестьянских избах и монастырских кельях шили золотом пелены, покровы, плащаницы, украшения для крестьянской и городской одежды и головных уборов¹.

В костюме северян XIX в., сохранявшем свои единые для всех мест традиционные формы, был своеобразный синтез архаических и поздних напластований, и в то же время существовал некий общепринятый эталон, который и сделал костюм традиционным. Эстетические идеалы в отношении костюма ориентировались также на общепринятые нормы морали и нравственности. Скрамное, сдержанное поведение, по общественным деревенским понятиям, соответствовало и «некричащему» наряду, в целом спокойному по колориту и деталям исполнения, создававшим силуэт, который не выявлял форм тела, скрывал его. Отсюда – определенная длина подола платья и рукавов, высота ворота, а для головных уборов – «сокрытие» волос. В костюме усматривались не только социальные различия (в крестьянском – различия разных слоев крестьянского населения, что также свидетельствует о приспособленности костюма к определенным условиям, образу жизни, занятиям), но и половозрастные (существовала раздельная не только мужская и женская одежда, но и наряды женщин, девушек, мужчин, юношей, детей, пожилых людей)².

Особой строгостью отличались костюмы представителей старшего поколения деревенских жителей, что свидетельствовало о присущем им чувстве меры. Возрастные различия могли указывать и на социальные, так как переход из одного возраста

¹ Макаренко Н. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Пг., 1918. С. 94–96.

² Фурсова Е.Ф. Указ. соч. С. 25; Маслова Г.С. Народная одежда... С. 127; Мужской сборник. М., 2001. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. С. 125–136.

в другой сопровождался сменой наряда и изменением общественного положения человека. Это заметно по костюму женщин и девушек, особенно когда девушка становилась невестой, а затем «молодухой», хозяйкой семейства и, наконец, достигала пожилого возраста. Отличительные знаки были присущи не только нательному платью, но и головным уборам.

Перейдем к конкретному рассмотрению всех этих моментов. Севернорусский комплекс женской одежды, каким он стал известен по источникам XIX в., составляли рубахи, сарафаны, передники, высокие головные уборы, нагрудная одежда (дупрегги и др.)¹. Нагляднее всего его можно рассмотреть на примере одежды крестьян земледельческих районов Севера – Вологодской земли, бывших новгородских и частично архангельских уездов. Нательная рубаха из белого холста – *исподка* состояла из двух частей: верхней – *рукавов* и нижней – *становины* (или: верхней – *воротушки* и нижней – *подставы*, *станушки* – Белозерский, Грязовецкий уезды). Если ранние формы рубахи, известные с XVI–XVII вв., имели упрощенный, туникообразный покрой, прямые рукава со скошенными клиньями и прямоугольными вставками-*ластовицами*, то в XIX в. стан рубахи сшивали из нескольких продольных полотнищ, она имела наплечные прямые вставки-*полики* (*наплечники* – Великоустюжский у.), пришитые по утку, или цельный бесполиковый рукав, а также сборки у ворота. Еще более поздний вариант северной рубахи имел так называемые *слитные полики*, выкраиваемые вместе с рукавами. Но это уже достигалось путем кроя из широкой покупной ткани, а не из домотканого холста. Менявшиеся условия жизни меняли и костюм. Девичьи рубахи конца XIX – начала XX в. могли иметь кокетку без прорези спереди. Этот вариант рубахи «пришел» в деревню из города (северо-запад и северо-восток Вологодчины). Обычно рубахи богато украшались. Вышивку, а иногда и тканый узор наносили на плечевые полики (*наплечники*), подолы, кокетки (Сольвыче-

¹ АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–17; Д. 105. Л. 10–148 об.; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998.

годский, Белозерский, Вытегорский, Тотемский, Устюжский, Череповецкий уезды). Рукава у запястья собирали в сборку или пришивали к ним оборку (Устьсысольский, Кадниковский уезды), рукава с *обишлагами* были характерны для рубах пожилых женщин. В начале XX в. рукава нередко шились из ситца, а станина – из домотканины (Сольвычегодский, Белозерский, Вытегорский, Череповецкий, Устьсысольский уезды). Известен еще вариант рабочей женской рубахи у населения Устьсысольского у. – *дудник*, который шился как длинная мужская рубаха из грубого желтого сукна.

Рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку, носили с *сарафаном*. Этот комплекс одежды стал общерусским. Сарафан, появившийся еще в древнерусское время как одежда феодальной знати, постепенно распространился у всех слоев населения. В петровское время с переходом знати к западноевропейским формам одежды сарафан продолжал быть принадлежностью костюма крестьян и части горожан. Его носили и на Севере, и в Средней полосе, и на Юге. В течение XVII–XIX вв. появились различные его модификации, иногда существовавшие одновременно, а в XIX – начале XX в. отдельные его виды различались по покрою, ткани, расцветке, названиям¹. На Севере в XIX в. еще встречался архаический сарафан – *глухой*, сшитый из шерстяной домотканины белого или темного цвета, с цельным центральным полотнищем, перегнутым на плечах. Он назывался *шушуном* (Череповецкий, Каргопольский, Устьсысольский уезды), *сушуном* (Белозерский у.), *шушпаном* (Кадниковский, Вельский уезды) и был частью костюма старых женщин, иногда девиц. Древний шушун существовал еще в новгородское время и распространился во многих землях новгородского влияния. Сохранялись в XIX в. свадебные и праздничные шушуны-*атласники* у крестьянок Кадниковского и Устюжского уездов: «...на ее могучих плечах дорогой-от атласничек»².

¹ Шмелева М.Н. Указ. соч. С. 339.

² АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105. Л. 32–35 об.; Протопопов М. Свадебные песни Вологодской губернии // ЖС. 1903. Вып. IV. С. 511.

Глухой сарафан уступил место *косоклинному*, широкому, распашному, просуществовавшему до середины XIX в., когда он почти повсеместно стал вытесняться *круглым*, или *московским* сарафаном прямого покроя из нескольких полотнищ (до 5–6 у сарафанов из вельских, устюжских, устьсысольских деревень), на лямках или с *лифом* (*намышиники*, *нарушники* – в Вельском и Кадниковском уездах, *накапники* – в Кадниковском, *нарукавники*, *сажёнки* – в Белозерском)¹. Северные сарафаны имели разные названия в зависимости от материала, расцветок, покроя: *пестрядинники* (Вытегорский, Каргопольский уезды), *крашенинники* (Тотемский), *с намышиниками* (Вельский, Кадниковский), *ситцевик* и *набивник* (Каргопольский). Так в названиях (речевых формах) отразилась соотнесенность/сообразность этого элемента культуры со способами его изготовления.

Если повседневные сарафаны были шерстяными или холщевыми, то праздничные шились из дорогих шелковых или ситцевых тканей и богато украшались парчовыми лентами, позументами, иногда пуговицами (олонецкие, череповецкие, белозерские, кирилловские, вельские, кадниковские). О праздничных нарядах вспоминали деревенские жители-герои повести Ф.А. Абрамова «Мамониха»: «...в старом-престаром сарафанишке аглицкого ситца, какой, бывало, надевала ко великим праздникам»². О нарядных сарафанах есть упоминания и в местном фольклоре. В игровой песне крестьян Кадниковского у. говорилось:

Сошьем Дуне сарафан...,
 Сарафанчик со пером,
 Со широким кружевом...
 Коробейку запирай,
 По праздничкам надевай³.

¹ АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105. Л. 10–148 об.; Д. 2. Л. 4–17; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; Р. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 74; Р. 27. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об.

² Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 265.

³ Попов Н. Указ. соч. С. 384.

Поверх сарафана надевался передник. Ранний его вид – на завязках, крепился выше груди, иногда к нему пришивалась *грудка* с тесемками, завязывавшимися на шее. С конца XIX – начала XX в. стали известны *фартуки* новых покроев, закрывавшие перед сарафана от талии вниз. Само название *фартук* прижилось в Никольском и Устюгском уездах («...каждый праздник фартук разной...»), в остальных уездах его называли по-старому – передник. Праздничные фартуки украшались кружевами, прошивами, лентами.

На сарафаны надевали нагрудную одежду. Из таких предметов в вологодских и новгородских уездах в конце XIX в. встречались: *душегреи* и *свитки* (Белозерский, Череповецкий, Кирилловский, Устюгский уезды), *шугаи* (Вытегорский, Вельский уезды). По покрою душегреи напоминали куртку, шились из дорогих тканей, расшивались золотом, выстегивались на вате или кудели. Носили их в основном горожане или зажиточные крестьяне. Шугаи кроились как кофты, но на лямках, носились еще с косоклиным сарафаном в XVIII в. Плисовые шугаи встречались в Вельском у. и в конце XIX в. К нагрудной одежде относились и *нарукавники* в виде прямой куртки с рукавами, являвшиеся принадлежностью северного *сарафанного комплекса*. До конца XIX в. бытовали нарукавники из сукманины со сборками ниже талии у крестьянок Вельского у.

Принадлежностью сарафанного комплекса были северные головные уборы – *кокошники*. Первые упоминания о них относятся к XVII в. Они делались из твердой основы, украшались вышивками, парчой и особенно жемчугом, которым изобиловали северные реки. Формы кокошников были многообразны, в них таился сакральный смысл. Кокошники происходили от более ранних уборов *кичкообразного вида* (*кика* – в Грязовецком, Тотемском, Яренском уездах), бытовавших почти везде. Свадебные кокошники иногда имели особые формы. Так, у вытегорских крестьянок они были в виде клинообразных шапочек из позумента, с приподнятыми передами, к которым пришивали *поднизи*.

Северо-восточные районы были зоной распространения других форм головных уборов (что осознавалось как местная «осо-

бость») – *шамшур*, *повойников* (*наборников* – вельск., *дерушек* – устьысольск., *самшур* – сольвычегодск., *борушек* – тотемск., устюгск.). Повойники и шамшуры (у последних был стеганный верх) шились из шелковых тканей, праздничные – украшались золотыми и серебряными узорами. Эти уборы шились в виде круглых шапочек, были и повойники-*колпаки* (Кокшеньга, Сольвычегодск). В конце XIX в. они заменились *сборниками-волосниками* (Белозерье, Кадников) и носились уже с другим комплексом одежды – с юбкой и кофтой. Сборники шили из ситца (редко из шелка), на вздержке со шнурком, спереди собирали сборки. Этот убор носился в основном на работу. Встречались и *зборники*, шитые золотом, спереди к ним пришивалась бисерная поднизка, а сзади – ленты до колен.

Из ранних форм северных головных уборов известны еще женские шапки – *кораблики*, *чебаки*, *треухи*, носимые в сельской местности. Девичьими уборами были *коруны* или *венцы*, богато украшенные и входившие в свадебный убор (женская *корона* с оборкой и поднизью у олонецких и белозерских крестьянок). Девушки повсеместно носили *повязки* из парчовой ленты или сложенного платка (*чельник* – олонецк., *почелок* – вельск.), заменившие древние полотенчатые уборы. У зажиточных олонецких крестьянок имелись такие жемчужные повязки-*чельники*. Существовала и *перевязочка* – обруч на твердой основе, обшитый пестрядью или парчой. Спереди у него была *поднизь* из бус (олонецк.). В косы девушки вплетали ленты.

Девичьими и женскими уборами были *фаты* (платки). Фата известна и как предмет свадебного костюма и ритуала. Особым изяществом она отличалась у устюжанок. В Белозерье фату носили с другими уборами. Зимой поверх фаты надевали шапку-*чебак* с ушками, шитую золотом и серебром по шелку или бархату, опушенную мехом, с пришитыми сзади лентами. Летний сборник (повойник) покрывали фатой. Так обычно ходили в церковь: «...без сборничка – нехорошо под образа вставать». Все эти уборы со второй половины XIX в. стали заменяться платками, шальями, косынками¹. Разнообразие женских голов-

¹ Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. Карты 52, 54, 55.

ных уборов, отдельных их деталей и украшений свидетельствует о сложном миропонимании мастериц, делавших эти уборы, осознававших их различное предназначение и применение.

Во второй половине XIX в. сарафанный комплекс стал вытесняться юбкой с кофтой¹, появившимися в деревне под влиянием городского костюма. Юбки и кофты стали носить наряду с сарафанами. Ранее всего они появились в местах, близких к городам, и постепенно стали бытовать во всех северных уездах. Сначала это была принадлежность девичьего костюма: легкие кофты-*оттянушки* надевали с юбками девушки-сольвычегодки. Эта одежда стала и будничной, и праздничной. Последняя была более нарядной. Юбки шили из однотонной или пестрой домо-тканины, но чаще из клетчатой. Первые юбки (*подол* – Череповецкий, Кирилловский, Белозерский, Тотемский уезды) по покрою были прямыми, затем их стали шить с косыми клиньями, нашитыми на подол под углом. Подолы юбок могли украшать лентами. С конца XIX в. юбки шились из фабричных тканей, их покрой был аналогичен покрою прямых холщовых юбок. Существовали и шерстяные полосатые юбки-*сукманки*, происхождение которых на Севере до сих пор окончательно не выяснено, но преобладает мнение о их появлении с запада – из Белоруссии, Смоленщины².

Наряду с юбкой и кофтой появились в деревне и платья городского вида. Их носили девушки и молодые женщины. Сначала эту одежду «занесли» в крупные села и в близлежащие к городам деревни. В бывших помещичьих имениях они были известны и ранее, так как дворовые женщины и горничные их носили давно, а деревенская молодежь стала перенимать их «моду». Девицы из помещичьих имений приходили на поси-

¹ Там же. Карта 40; АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–17; Д. 105. Л. 10–148 об.; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.

² *Маслова Г.С.* Об особенностях народного костюма Верхнедвинского бассейна в XIX – начале XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 84; *Слепцова И.С.* Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север: этническая история... С. 346–360.

делки в кисейных и ситцевых платьях с фартучками, в коленкорых юбках, шелковых мантильях, а крестьянки «брали с них пример», так что иногда их трудно было отличить по одежде от дворовых девиц. В кадниковских деревнях «форсистые девицы» (*славнухи*-модницы – Вологодский и западные уезды) стали носить «платьица цветные» «в тороцьки» (в строчку) да «на завязоцьки» (со шнурками)¹. Бытование таких видов одежды говорит не только о социальных различиях, в данном случае о различиях разных категорий крестьян, но и о переосмыслении ими сути старого костюма и возможности перехода к новым его формам. Появление городского платья сразу нашло отражение в фольклоре:

...во всю скруту (одежду. – *И.В.*) добрую
Добрую, самолутшую...
...моё платьё цветное... (Кадниковский у.).

Я гуляла в Раменье
В сарафане малине...
Бело платьице одену,
Опяшу ремешок... (*Устюжна*)².

Юбки, кофты и платья не вытеснили окончательно старый костюм с сарафаном. Его продолжали носить на Севере до 1930-х годов.

Северный мужской костюм был менее разнообразным, чем женский. Его составляли рубахи, штаны, различного вида головные уборы, нагрудная одежда³. Почти повсеместно носили рубахи-*косоворотки*, прямого покроя (древние – туникообразного), со стоячим воротником (*каблук* – тотемск., а прямой ворот – *наполок*) или без него и с застежкой на пуговицы на левой стороне груди (в старину – на шнурке – сольвычегодск., тотемск., устьысольск.). Их шили из белого холста, первона-

¹ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 65. Л. 5; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 173. Л. 6; Д. 147. Л. 26.

² ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 211; Вып. IV. С. 444.

³ АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–36; Д. 105. Л. 15–144 об.; Д. 13. Л. 3–4; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; ВГВ. 1866. № 31. С. 304.

начально с перегибом центрального полотнища на плечах, позднее со срезом на них, со скошенными бочками, округлыми проймами для рукавов.

Рубахи XIX в. были менее длинными, чем в предшествующее время, к рукавам пришивали обшлага с пуговицами, применяли ситцы, кумач, цветной кашемир; подолы рубах выпускались поверх штанов и подпоясывались. У поздних рубах исчезли вставки на рукавах – *ластовицы* (Череповецкий, Белозерский, Устьсысольский уезды). В некоторых местах еще встречался род рубахи без ворота – *шабур* (устьсысольск.), использовавшийся как рабочая одежда. Нередко рубахи украшались вышивкой (*кондырь* на вороте, *нахлестка* на груди – Никольский у.).

Штаны или *порты* к XIX в. «потеряли» свой *широкий шаг*. Они шились из холста (летние) или *сукманины*, сотканной из шерсти (зимние), и имели две трапециевидные вставки в шаг, на теле удерживались шнурком или застегивались на пуговицы, а в середине XIX в. к ним пришивали пояса с застежкой. С конца XIX в. для шитья штанов стали использовать фабричные ткани, и носились они с ремнем.

Уже с середины XIX в. мужчины и молодые, и старших возрастов приобретали городского вида пиджаки, а иногда и жилеты, поддевки с рукавами и без них (Череповецкий, Кадниковский, Тотемский уезды).

Мужские головные уборы обладали большой традиционностью во всех русских районах. В Вологодской земле повсеместно носили *грешневики* (известны и в XVIII в.) – валяные из шерсти высокие цилиндрические шапки, изготовленные ремесленниками. Зимой надевали шапки из овчины – *треухи*, *малахаи* (северо-запад, север региона), меховые шапки с *наушниками* (белозерск.), *папахи*, *ушанки* (никольск.), *долгоушки* из оленьего меха (север Вельского у.), летом – полотняные головные уборы-*кукелы* (олонецк.) для лесных и полевых работ, а в конце XIX в. появились городские фуражки, кепи (в центральных, южных и северо-западных вологодских районах), с середины XIX в. были в употреблении и *картузы*.

Локальное многообразие отдельных предметов, составлявших комплекс костюма, их разнообразные названия – признак

приспособленности к условиям, адаптированности людей в них. С изменением жизненных и природных условий неизбежно менялись сознание и поведение крестьян, и постепенно это находило отражение в костюме. По традиционному костюму определялся статус человека. Так, с переходом подростка к юношескому возрасту, изменением поведения в связи с осознанием себя взрослым (более разумный, самостоятельный и т.п.) становилась другой и манера говорить и держаться, появлялись новые привычки (иногда и неприглядные – курение табака, питье водки), приходило осознание, что надо следить за своим обликом, стремление надевать одежду и обувь получше, а иногда замечалось и щегольство¹. С приходом в деревню городской моды у молодежи появились различные вещи, которые не были принадлежностью традиционного костюма, да и не всегда были необходимы в быту. О таких новшествах говорится в вологодском деревенском фольклоре:

На моем на миленьком
Сапоги с калошами,
На дворе три лошади:
Перва бура, друга будет,
Третью ладят купить.
Вы молодчики молоденькие,
Сюртучки на вас коротенькие;
На гуляньеце идут,
В руках тросточки несут,
Во устах сигарочки...²

Чтобы выглядеть наилучшим образом, надо было иметь средства, поэтому появлялось осознание того, что надо зарабатывать деньги. Это осознание, соответствующее поведение и действия возникали и у девиц, и у парней, особенно при подготовке к браку и семейной жизни. Девицы готовили себе приданое (пряли, ткали, шили, вышивали, вязали), часть продуктов свое-

¹ *Холодная В.Г.* Символика и атрибутика праздничного костюма парня в русской деревне с 40-х годов XIX по 20-е годы XX в. // Мужской сборник. Вып. 1. С. 125; *Ефименко П.С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 59, 150.

² *Иваницкий Н.А.* Материалы... С. 19, 21.

го труда (пряжу, холсты) продавали и на деньги могли купить необходимое себе. В их «искусстве» изготовления приданого и костюма, унаследованного от матерей и бабок, проявлялся сакральный уровень – освоение «своего внутреннего пространства», в котором будет проходить их замужняя жизнь. Парни соответственно зарабатывали деньги при разных хозяйственных занятиях и тратили их на покупку вещей, которые, в отличие от девичьего внутреннего мира, отражали внешний (чужой) мир и служили доказательством, что они могли освоить «мир мужского пространства и деятельности»¹.

Разница между поведением юношей-отходников и деревенских девушек и их костюмами особенно поражала в начале XX в., поскольку мужчины уже предпочитали городскую одежду, и особым уважением пользовались столичные отходники, у которых, по деревенским понятиям, был самый модный костюм, а поэтому на них обращали больше внимания. Изменения отмечали не только в наборе вещей, составлявших костюм, в его деталях, украшениях, но даже и в покрое, этом стойком элементе одежды, всегда служившем маркером традиционного костюма.

Все эти изменения можно увидеть и на примере верхней одежды северян, которая мало различалась у мужчин и женщин, так как набор и покрой многих вещей, носимых на улицу, в основном был одинаков. Эти вещи были также приспособлены к северным условиям, к жизни и деятельности крестьян. Повседневной верхней одеждой были *зипуны* и *понитки* из домашнего сукна и легкие холщевые *шабуры*. Они шились двубортными, в талию с перехватом и боковыми клиньями. Такими же были *балахоны*, *сермяки* (без талии), *бекеши* (зипуны в талию) у тотемских и вельских крестьян. Носили в деревнях и *кафтаны*, иначе *камзолы*, сшитые в талию (никольск., тотемск.), и *сибирки* – тужурки типа жилета (устюгск., никольск.), у вытегорских мужчин они назывались *пятишйёвки*. Кафтан-*дукёс* (мужской и женский, он же – *зипун*) носили в Устьысольском у., а устюжане его называли *казакиной*. У женщин еще были покупные *кофты* на вате, длиной до колен (Сольвычегодский, Тотемский, Яренский, Устюгский, Вельский уезды,

¹ Холодная В.Г. Указ. соч. С. 127.

Кокшеньга), они же назывались *пальтюшками* у вытегорских крестьянок, *жакетками* у белозерских и устьысольских, *гей-шами* у белозерских. Зимой носили полупальто на вате или на меху, сшитые без талии (сольвычегодск.), овчинные шубы со сборками по талии, длиной до колен, крытые материалом и называвшиеся *казакинами* (сольвычегодск.), *кошулей* (тотемск.); шубы, крытые бархатом или сукном (вологодск.), впрочем, в тотемской Кокшеньге и в Никольском у. казакин-кошуля был кафтаном. Девицы носили пальто-*сак*, городского вида, без талии, на вате, крытый материей (Вытегорский, Устьысольский, Вологодский, Грязовецкий, Яренский уезды).

У мужчин, кроме общих с женщинами предметов верхней одежды, были *рядовки*, сшитые без пол, как рубахи, надевавшиеся через голову (сольвычегодск.), *педжаки*, крытые сукном (сольвычегодск., устьысольск.), поддевки-*оболочки* типа жилета, но с рукавами (сольвычегодск., каргопольск., белозерск., череповецк.); пальто-*визитки* из сукманины (сольвычегодск., устюгск., тотемск.); полупальто, прямые, без талии (вытегорск.), длиной выше колен; они, как и пальто, вытесняли кафтаны, которые теперь носили только старики. Мужские шубы и тулупы были одинакового покроя с женскими, что было результатом приспособления к холодным условиям, когда такая одежда была необходима всем. Некоторые виды верхней одежды нашли отражение в фольклорных формах. В припевах крестьян Кадниковского у. говорилось:

Как по тропке, по тропинке бежав лёгонькой детинка
Не в тулупе, не в кафтане, бежав в нанковой сибирке...

Или в частушках Устюженского у.:

...Попросила я у батюшки
Суконного пальта...
...У меня сударушка богата,
Носит в талию пальто...¹

Рабочей одеждой были холщовые или суконные *армяки* (*азямы*) в Устьысольском, Тотемском, Устюгском, Яренском

¹ ЖС. 1903. Вып. III. С. 365–366; Вып. IV. С. 444.

уездах, а жители Вельского у. азымом называли халатообразную одежду; рабочими были и зырянские *совики*, *малицы*, *лузаны*. Поверх полушубка надевали *совик* из оленьей шкуры, сшитый шерстью вверх, без талии, без застежек, к воротнику его пришивалась шапка, а рукавицы были продолжением рукавов. *Малицы* шились мехом внутрь, без талии, длиной ниже колен. Защитой от дождя служили *лузаны* (*лазы*), бывшие одеждой лесовиков; они напоминали плащи или широкие жилетки, шились из грубого сукна, без рукавов с отверстиями для головы, иногда их делали из кожи или нашивали кожу на плечи, за спиной приделывали петлю для топора. Существовала и специальная рабочая одежда для сенокоса. У девушек таковыми были *чекмени* (вид шерстяного кафтана), у парней – нанковые или суконные *сюртуки* (Кадниковский у.), у женщин – сарафаны и рубахи-*покосницы*; головы девушки покрывали платками, женщины надевали *сборники-волосники*, мужчины – *картузы*¹.

Обязательной принадлежностью женского и мужского костюма был пояс. У севернорусских крестьян пояса подразделялись на *кушаки*, *покромки*, *тельники*. В XVII–XVIII вв. все они назывались *опоясками*. В основном пользовались поясами собственного изготовления, а в начале XX в. и покупными (*гарусными*). Кушаками подпоясывали верхнюю одежду: мужчины завязывали их на любой стороне, женщины – на левой. Покромки (*покрюмочки* – тотемск.) носились с сарафанами; тельниками подпоясывали мужские рубахи. Обычно кушаки ткали на *кроснах* (ткацком стане) или при помощи *бердечка*; покровки – на специальном приспособлении – *ниченках* (нитках) с помощью *швейки*; тельники плели вручную. Существовали и так называемые *выкладные пояса*, которые, в отличие от покровок, ткались на *тапочках*-дощечках, и чем больше было дощечек, тем сложнее получались узоры. Пояса были сакральными предметами-талисманами, охранявшими от зла, а использование их в свадебных обрядах означало соединение двух миров в одну семью. Правда, к тому времени уже забывали магическое

¹ Русский традиционный костюм...; АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–17; Д. 105. Л. 10–148 об.; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; *Иваницкий Н.А.* Материалы... С. 16–19.

значение поясов, особенно их апотропейную (охранительную) функцию. Все это было скрыто в символике украшений, расшифровать которую в XX в., как правило, уже не могли.

Пояса имели сложные узоры, в которых и скрывалась эта символика: рельефными геометрическими узорами отличались кушаки и тельники. Мотивы орнаментов были общими для поясов Севера. Узоры выкладных поясов были другими, нежели на покроях: гладкие в виде прямоугольных и треугольных фигур. Выкладные пояса, как и в целом традиционный костюм, долго бытовали у старообрядцев, иногда на них были вытканы имена или надписи-пожелания. Из поясов у жителей вологодских районов большой известностью пользовались *красноборские кушаки*. Это был промысел, продукция которого реализовалась далеко за пределами Красноборска (Сольвычегодский у.). Другим таким центром был Череповец, где *дерганьем, бердечком, на нитку, на кружках* (дощечках) ткали разнообразные пояса. Дольше всего – до 1930-х годов – не выходили из употребления полосатые пояса¹.

Крестьяне носили кожаную, валяную, плетеную обувь. В вологодских деревнях кожаные сапоги – *кожаники* (*бахилы* – сольвычегодск., каргопольск., белозерск., яренск.), валяные – *катаники* (*напаголенки* – сольвычегодск., каргопольск., *чупаки* – устюгск.) носили с *онучами* (портянками), иногда со *скутами* – чулками из шерстяных лоскутов (Никольский у.). Пользовались и *пимами* (меховыми сапогами), заимствованными у финно-угорского населения, их делали выше колен (Сольвычегодский, Устьсысольский, Яренский уезды); *тобаками* – тоже меховыми сапогами, но ниже колен (Устьсысольский у.); валенками – *тюнями*, у которых голенища из сукна подвязывались ремнями (Устьсысольский у.).

Из плетеной обуви здесь были известны берестяные лапти, реже – липовые. Здешние лапти-*нитерики* с большой выемкой привязывались *оборами*-шнурками к ногам. Носили и *ступни* – род галош из берестяного лыка, надевали их с портяными или шерстяными чулками. Лапти были рабочей обувью. Их носили

¹ Маслова Г.С. Узорное тканье... С. 17.

и зимой, приспособлявая к холодной погоде. С двойными онучами они сохраняли тепло лучше, чем сапоги.

И мужчины, и женщины имели кожаные башмаки – *чарки* в виде галош (Устьсысольский, Яренский уезды), *коты* (летние башмаки с портяными голенищами – сольвычегодск.), *чушни*, плетенные из суконных покровок (кадниковск.), *шоптаники* (плетенные из веревок – кадниковск., вологодск., устюгск.), *морины*, или *порини* (тотемск.), рабочие *уледы* (то же, что и *чарки*, но из белой кожи с суконной опушкой или с холщовыми голенищами – устюгск., грязовецк.), *бранченые катаники* с кожаным верхом (сольвычегодск.), они же – *упаки*, или *чупаки* (череповецк.), *тюфни* – холщовые туфли (устюгск.), *итиблеты* – башмаки с галошами городского образца (устьсысольск.), *цеблеты* – праздничные полусапожки с резинками на боках (вытегорск.), сапоги на *подборах* (на высоких каблуках у жительниц Тотемского у.), свадебные сафьяновые сапожки (Грязовецкий у.). Как видно, обувь, как и костюмы, имела много вариантов, но в них все было продумано и предназначено для разных целей¹.

Главные функции одежды, головных уборов и обуви были направлены на охрану здоровья, сохранение безопасности человека и обеспечение его нормального физического состояния и трудовых возможностей. Все это «усматривается» и в обрядовой одежде, о чем свидетельствует ее семантическая символика и отдельные компоненты, а также способы и обстоятельства ее ношения. Например, святочные переодевания и маски, действия людей в этих костюмах символизировали победу добра над злом, а атрибуты последнего обязательно уничтожались. В символике свадебного костюма многое было направлено на предохранение молодоженов от порчи, вреда (частая перемена платья во время свадьбы – Белозерье; или, наоборот, запрет на раздевание в постели в брачную ночь – Усть-Цильма, Ижма) и для сбережения их здоровья (венчание в одном и том же традиционном костюме всех членов семьи по очереди, а иногда и нескольких жителей деревни – Холмогоры). Продуцирующее значение символизировали некоторые предметы одежды и головные уборы. Мировоззренческую окраску имели детали одежды

¹ Иваницкий Н.А. Материалы... С. 19.

и весь костюм в поминально-погребальной обрядности. Вообще нательная одежда, по народному понятию, лечила и предупреждала болезни, защищала от различных инфекций и даже психических расстройств, а значит, сохраняла в целостности крестьянский мир. Об этих свойствах и значимости обрядовой одежды говорится в многочисленных разработках исследователей¹.

Общее и различия в севернорусском костюме, его сообразность с действительностью можно также выявить, если рассматривать одежду старообрядцев. В конце XIX – начале XX в. ее составляли те же предметы, что и крестьянскую: армяк, тулуп, по праздникам синий суконный кафтан, из обуви – кожаные сапоги, коты-калоши, из головных уборов – поярковые шапки, меховые треухи. Женщины-старообрядки носили сарафаны из крашенины (праздничные с золотыми и серебряными позументами), шушуны из кумача и китайки (у богатых из шелка), на голове – сборники или повойники, по праздникам кокошники, зимой треухи и чебаки. Правда, яркие («цветистые») костюмы и особенно платья, как считалось, носить было грехом. Покрой их одежды сохранял много архаических черт (туникообразные рубахи, глухие сарафаны и др.), темные цвета («честное платье»), старые конструкции головных уборов (шапки без козырька), не прижилась застежка на левой или на правой стороне одежды, ибо была, по их понятию, грехом². Как уже отмечалось выше, новшествам они не были подвержены ввиду своих вероисповедальных принципов, а поэтому у них сохранялись подлинные образцы русского традиционного костюма.

В целом же в конце XIX – начале XX в. на деревенскую жизнь начинала сильно влиять городская культура, что, в частности, ускоряло переход к новым видам одежды. В 1920-е годы, например, в деревне распространились некоторые вещи военного периода. У крестьян, оторванных от деревни, видевших

¹ Фурсова Е.Ф. «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. История, филология и философия. 1992. № 1. С. 54; Она же. Традиционная одежда... С. 31, 118; Маслова Г.С. Народная одежда... С. 35, 36, 126, 127.

² АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 71–71 об.; Ефименко П.С. Указ. соч. С. 217.

жизнь в других местах России и за границей (пленные в войну 1914–1918 гг.), появились новые потребности, особенно в жизни «по-походному»; и в мирное время они довольствовались вещами и предметами военного быта. Так, в некоторых деревнях распространилась военная одежда – брюки, гимнастерки, а шинель стала рабочей одеждой даже и у женщин (Вологда, Череповецкий край). Менялись прически, и в деревне у женщин появилась короткая стрижка, они стали носить красные платки. Дети стали играть в новые игры с применением военных предметов¹. В этом снова видно умение крестьян приспосабливаться к создавшимся условиям.

Последующее развитие с 1930-х годов все более «сближало» городской и сельский костюм, причем влияние городской моды усилилось. Народный костюм «сходил на нет», ибо началось массовое промышленное производство и материалов, и готового платья. В одежде русских в целом развивались формы, которые становились не только общерусскими, но и международными.

Рассмотренный в настоящей главе материал по формам народной культуры (сельские поселения, хозяйственные занятия, крестьянские усадьбы, народный костюм) дает возможность понять, что в них можно найти отражение народного самосознания, особенно крестьянского, и проследить, как происходили осознание человеком себя и окружающего мира, своего образа жизни, оценка себя и этого мира, своих поступков, поведения, действий, а главное – как формировались отношение к окружающей природной и социальной среде, к своему месту в ней, соразмерность с этой средой, механизмом чего стала адаптация в ней. Результатом именно такой умственной и физической деятельности и явилась повседневная культура, выработавшая свои традиционные формы на основе народного понимания, морали и нравственности.

¹ Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Русский музей: Материалы по этнографии Этнографического отдела музея. Л., 1926. Т. III, вып. I. С. 145.

Глава III

Землепользование севернорусской деревни и соционормативные представления крестьян

Ментальную и психологическую стороны культуры можно плодотворно изучать на примере культуры населения Русского Севера, что объяснимо положением и значимостью этого региона в общерусском культурном пространстве. Попытаемся проследить, как «работало» крестьянское сознание в условиях поземельного обычного права на Севере, начиная со становления разных видов крестьянского землепользования и до некоторого народного понимания поземельной соционорматики в нынешнее время.

Оговоримся, что изучение северного поземельного обычного права имеет давнюю историю – еще с исследований XIX в., имеются описания региональной правовой практики в фундаментальных исследованиях XX в.; к этой теме многие специалисты обращаются и сейчас. Разбор и интерпретация разных направлений и школ по этому вопросу были даны в недавней статье С.С. Крюковой¹, которая проследила изменение понимания в науке крестьянской правовой культуры от присущего еще в XIX в. юристам, историкам, этнографам признания ее обычным правом, реже (у юристов) – крестьянским, постепенного их слияния в историографии XX в. как синонимов и закреплении в таком значении термина *обычное право*. Кроме того, ряд историков подчеркивал его сословность, поскольку оно относилось к крестьянству и его практике².

Сама исследовательница дала свое понимание этого права как *крестьянского*, под которым она понимает «динамичный синтез правовых идей, ценностей, взглядов и представлений,

¹ Крюкова С.С. Правовая культура русских крестьян в России XIX в.: проблемы и интерпретации // ЭО. 2003. № 1. С. 98–123.

² Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII–XIX вв. М., 1984; Пушкаренко А.А. Обычное право позднефеодальной эпохи // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 6–18.

институтов и учреждений, норм, отношений и действий, обычаев крестьянского сословия как *особого ментального социума* (выделено мной. – *И.В.*) и официального “цивилизованного” права государства с его инструментарием...»¹. Становящийся весомым в последнее время новый подход к изучению крестьянского права не только как к совокупности земельно-хозяйственных отношений, а как к системе «морально-этических, религиозных, юридических представлений, ценностей, норм и поведения»², способствует раскрытию правосознания крестьян, а в целом и ряда сторон их мировоззрения и миропонимания.

В связи с этим обращение к поземельному обычному праву и крестьянскому сознанию севернорусского населения вполне оправдано. Обычное право северян формировалось в ходе становления крестьянского землепользования и развития взглядов на землю. Нашей науке хорошо известно, что мировоззрения разных народов отличаются, например, их отношением к земле³. Представления русских крестьян о земле, особенно «своей», начинались с понимания «ничейной земли» (неосвоенной никем) и заканчивались ее обживанием и закреплением в общеславянском речевом выражении – «куда топор, соха и коса ходили». Это происходило одновременно со становлением постоянного земледельческого населения, созданием сельских поселений на осваиваемой территории и внедрением там земледелия. С развитием последнего оформлялась и вольно-захватная форма землепользования, основанная на нормах обычного права, и на Севере она держалась очень долго⁴. Крестьянское право пользования землей у северян формировалось «из заимочного и трудового начала»⁵.

¹ Крюкова С.С. Указ. соч. С. 99.

² Там же. С. 118.

³ Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 18.

⁴ Рыблова М.А. Граница в реальной жизни, обрядах и представлениях донских казаков // ЭО. 2002. № 4. С. 3–4.

⁵ Горемыкина В.И. Об общине и индивидуальном хозяйстве в древней Руси // История СССР. 1973. № 5. С. 134.

Разнообразный исторический и этнографический материал дает возможность проследить северную обычноеправовую практику. Но нет нужды рассматривать ее в деталях, поскольку становление крестьянского землепользования на Севере в ходе его заселения исследовано одним из крупнейших знатоков истории и культуры северного крестьянства П.А. Колесниковым, который реконструировал многовековое освоение земель Севера, показав создание хозяйственных угодий с XV в. и отметив своеобразие хозяйственных комплексов северных деревень и особенности крестьянского землепользования¹. Научная литература об общинном крестьянском землепользовании Русского Севера (Поморья) еще с дореволюционной историографии насчитывает несколько сотен исследований².

Нормы обычного права в крестьянском землепользовании

Сущность крестьянского землепользования у северян состояла в следующем. Государственной собственности на землю там долгое время противостояло потомственное пользование и распоряжение земельными участками, основанное на обычном праве. Каждая волость имела определенное количество земли, которое находилось в пользовании отдельных дворов. Закрепленные за дворами участки соответствовали объему тягла, положенного на каждый двор. Тягло – крестьянская повинность и способность нести эту повинность – определялось хозяйственными и трудовыми возможностями семей. «Тягло по силе» –

¹ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. Гл. IV.

² Историографию см.: Колесников П.А. Указ. соч.; Покровский Н.Н. О поземельной структуре крестьянской общины Русского Севера XV – первой половины XVI в. // Бахрушинские чтения. 1966. Новосибирск, 1968. Вып. II; Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976; Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1984. Гл. III; Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII в. Вологда, 1990.

такое понимание существовало в XVII в. Признаками «силы» считались семейный состав двора, размер запашки, общее число угодий, промыслы и т.п. У каждого крестьянского двора был свой объем тягла. Тяглом облагались постоянно распахиваемые пашни, иначе: «пашня паханая» – это участок, состоящий в окладе. Сохранились описания XVII в. окладных участков северных крестьян или паев-жеребьев, которые составляли земельные владения общин-волостей.

Крестьянские пай можно рассмотреть на примере жеребьев в деревнях Сольвычегодского у. XVII в. Так, одна из крестьянских семей в д. Гурья Стрелка (1636 г.) владела жеребьем – четвертью деревни, куда входила не только четвертая часть угодий (сенные покосы, поля, «чистая земля», леса, пожни), но и часть хозяйственных построек (овин, половина гуменника), часть дворовых строений (хоромы и двор) и «подворная земля». Другой крестьянский двор в д. Анисимовой (1634 г.) составлял треть деревни, куда также входили угодья, хозяйственные и дворовые строения: земля, приведенная в культурное состояние; лес; земля, засеянная рожью; треть усадьбы и подворной земли (в хоромах, сеннике, погребе, бане, овине, гуменнике). Кроме этого, у деревни имелась «расчисная от леса» пожня на острове. Все перечисленное относилось «к той трети деревни исстари по тягло», «опроче пожни»¹. *Расчисные* крестьянские пожни нередко были либо дополнительно наделенной землей, и за них крестьяне не несли тягла, либо землей, которой владели издавна, приобретенной когда-то путем захвата, разработанной и составлявшей наследственные *печищные* земли. Помимо росчистей, тяглом не облагались земли *арендные, купчие* и т.п. Таким образом, крестьянские наделы и тягло соответствовали друг другу. «Земля по тяглу» – таков был официальный принцип наделения крестьян угодьями². Принцип же пользования землями поморскими крестьянами был основан на обычном праве (на праве наследования и приобретения земель).

¹ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 2. Л. 1.

² Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. 189, 191.

Крестьянские жеребьи в силу установившихся обычно-правовых норм становились потомственными и передавались наследникам, ибо зачастую они создавались из участков, которые попадали крестьянам по праву захвата, а затем приводились семьями в культурное состояние и превращались в угодья. В Благовещенском приходе Шенкурского у. у крестьянской семьи в таком «вечном и потомственном владении» держался «тяглой жеребей» из четырех десятин пашни и сенокоса до 1782 г.¹, и основанием этого держания был первоначальный захват пустой земли.

Наследственность жеребьев крестьяне выражали понятием *вотчина*, особенно, когда подчеркивалась неразделенность жеребья между родственниками, как это было, например, в одной из деревень упомянутого Сольвычегодского у.: там в «вопчей» жеребей племянников с дядей, их «вотчину», входили земли из разных волостей (1703 г.)². Вотчина крестьян – это не феодальная вотчина, под ней сами крестьяне понимали свое право наследственного пользования семей. Несколько поколений родственников, вложивших труд в определенный участок, «психологически воспринимали его как свой собственный»³, о чем свидетельствуют и принятые в документах словесные формулы: «и та штина (вотчина. – *И.В.*) от дедов от наших и от отцов к ним шла», или «исконь вечная наша вотчина»⁴. Но называя жеребьи своими «вотчинами», крестьяне никогда не забывали, что собственником всей земли являлось государство. Это знание (осознание) также выражалось в словесных формах. В крестьянских челобитных рядом со словами «наша вотчина», «наше владение» стоит: «а твоя царева», «государева земля»⁵.

¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 263. Л. 1.

² РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 3.

³ Швейковская Е.Н. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII в. (по материалам Сольвычегодского уезда) // История СССР. 1985. № 2. С. 99.

⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 5; Д. 27-II. Л. 322.

⁵ Богословский М.М. Указ. соч. С. 56.

Государство же, в свою очередь, как верховный собственник этих земель считало черносошных крестьян Поморья лишь держателями, пользователями его земли. Не случайно еще в XVI в. занять пустые земли можно было только с разрешения их верховного владельца – государства, для чего надо было получить специальную грамоту. Государство в таких случаях учиняло «сыск» (проверку), чтобы не допустить самовольного, без грамот, занятия земель.

Были случаи, когда крестьяне по причине долгого держания одних и тех же участков и наследственного их перехода во многих поколениях приходили к мысли «о собственности на владеемую ими черную землю», о «вотчине как родовом владении» (по наследству) в отличие от «благотриобретенного», например, купленного, арендованного и т. п.¹ Поскольку обоснования владения тем или иным участком содержались в писцовых книгах (своеобразная фиксация сельского населения и его хозяйства, положенного в тягло), то крестьяне «отлично понимали закрепляющее значение записи земли в писцовой книге за кем-либо»². Таким образом, правосознание поморских крестьян в отношении владения землей «опиралось» на писцовые книги (о наследственной земле-вотчине) и на документы о купле, закладе, дарении земли.

Всю полноту прав по распоряжению землей на местах (фактического владения земельными угодьями) государство передавало крестьянской общине. Крестьянские вотчины представляли собой лишь «наследственное владение» семей в виде долей в общинном земельном фонде. Захватное обычное право вело к такому долевному владению (треть деревни, четверть и т.п.) присельными пашнями, на которых всеми был внедрен трехпольный севооборот, и к индивидуальному владению удаленными от селений участками (заимками), где на расчищенных от леса массивах существовало подсечное земледелие или сенокос-

¹ Там же. С. 55, 132.

² *Копанев А.И.* Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России / Труды ЛОИИ. Л., 1972. Вып. 13. С. 135.

сы. Долевое землепользование сохранялось в XVI–XVII вв., да и в начале XVIII в. оно еще встречалось. Из-за такого его характера были очень затруднены разделы паев-жеребьев (если в этом случалась надобность) и разрешение земельных споров.

Не всегда раздел осуществлялся путем деления угодий и дворовых строений между дольщиками. В Яренском у. Шеномской вол. (1678 г.), деля отцовскую вотчину – общее владение двух братьев, община присудила одному из них жеребей деньгами, другому, с которым оставались племянники, два жеребья, состоявшие из двора, хозяйственных построек, из пашни, пожен, ему же отдавался весь скот и купленная деревня¹.

Иногда раздел не мог быть окончательным, так как земельные отношения между дольщиками были слишком запутанными. Чаше это случалось, когда делились не семьи, а совладение *складников*. Так, в д. Старое Завражье Ратмеровской вол. Сольвычегодского у. (1649 г.) была разделена четверть деревни между братьями. Общинники установили четкую границу их новых владений: «...межа с владениями брата» шла «от сальника с переднего угла... на избу брата на задний угол». Они не могли поделить пожню (росчисть), так как ею пользовались совместно со складником².

Поскольку при подобных разделах оставались, по обычному праву, в общем пользовании не только некоторые угодья, но и хозяйственные постройки, то размеры вновь образующихся паев определяла община. Так, произведя раздел двух совладельцев в Яренском у. (1657 г.), община присудила одному на его жеребей «среднее поле..., гуменова поля задний конец, подсеки задний конец, избу..., на дворном поле гоны дворные, четверку ячменю, часть подсеки, часть пожни на подсеке» (нижний ее конец)³. Другому совладельцу – все остальное. Общими у них остались: гуменник, телятник, пожни, путики (охотничьи угодья), рыбные угодья, баня и огородец. В Лальской вол. Сольвычегодского у. (1703 г.) при разделе жеребья дяди с племянника-

¹ РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–3.

² Там же. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³ Там же. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.

ми община присудила пользоваться им всем этим пополам¹. При подобных семейных разделах размер вновь образовавшихся паев-жеребьев определялся близостью родства к родоначальнику – снова соблюдалась обычно-правовая норма². Первоначальный раздел происходил по числу детей у владельца, независимо от того, сколько у делящихся было своих детей. Последующие разделы происходили уже между внуками, и тогда, чем больше было внуков, тем меньше были новые жеребьи.

Такие разделы бывших «отцовских и дедовских вотчин» совершались в Поморье и в XVIII в. Но поверстание земли осуществлялось все чаще сообразно правам владельцев, при малоземелье же учитывалась способность нести повинности (земля по тяглу)³.

Обращение крестьянских земель часто происходило в форме купли-продажи. Такая форма земельного отчуждения была связана с древним обычаем – с правом преимущественной продажи и покупки земель родичами, с правом выкупа отчужденной земли также в основном родственниками. Родовой выкуп существовал еще и в XVII в. Он был известен в Сольвычегодском у.: в 1625 г. в д. Гурья Стрелка продавалась четверть деревни, в д. Анисимовской – треть деревни (1634 г.), в д. Старое Завражье – четверть ее (1649 г.), в д. Моисеева Гора – два жеребья. В Яренском у. такие упоминания о продаже земельных участков также нередки. В Ленской вол. крестьянин, продав свою пожню, купил пашню, сенокос и поскотину в другом месте (1661 г.), а еще один крестьянин продал половину своего жеребья (1670 г.)⁴.

Распоряжение землями в XVII в. было настолько неограниченным, что крестьяне, продавая свой пай, могли прихватить при этом земли родственников, как, например, в Шеномской

¹ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 3.

² Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 46–47.

³ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Ч. II. С. 339.

⁴ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2; Д. 2. Л. 1; Д. 3. Л. 1; Д. 7. Л. 1; Ф. 1178. Оп. 1. Д. 85. Л. 2; Д. 104. Л. 4.

вол. Яренского у. (1678 г.), где после семейного раздела братьев один из них продал свой пай и жеребей племянников (деревню и сенные покосы)¹. В Чюшевинской вол. (Устьянские волости) один из крестьян купил участок двоюродного брата и присоединил к своему жеребью (1659 г.)². Отчуждению частей деревень способствовали долевое землепользование и разбросанность долей-участков в разных местах. Сплошных массивов удобных земель в северных деревнях не было³.

Сделки по продаже угодий совершались не обязательно между крестьянами. Иногда угодыя в результате продажи попадали в руки посада. Так, посадский человек из Великого Устюга (1642 г.) купил пожни с двумя третями деревень у усольских крестьян⁴. Как видно из описания, продавался жеребей, составлявший две трети деревни вместе с расчистой пожней. Последняя была дополнением к жеребью. Посадские люди, приобретая земли в деревнях, не вводили новых порядков в ведение хозяйства. Община не допустила бы серьезных изменений при общем трехполье. Так, хозяйство посадского человека из Устюжны Железнопольской (1613 г.) не изменилось с продажей одного поля в четырех полосах другому человеку, где по измерении в 1628 г. по-прежнему было четыре полосы в три четверти «в поле, а в дву потому ж» (словесная формула, означавшая трехполье)⁵.

Купленные угодыя наравне с другими могли поступать в раздел, если таковой случался. В Яренском у. Цылибинской вол. в д. Поговской (1657 г.) проданная крестьянином земля была разделена между двумя покупателями, но раздел был частичным. Остались общими пожни (сенокосы), подсеки (пашни) и пожни (сенокосы) на подсеке⁶. Надо думать, что полеводство в таком случае изменений не претерпевало. Таким обра-

¹ Там же. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–3.

² Там же. Ф. 141. Оп. 3. Ч. 4. Д. 65. Л. 2–20.

³ *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 118.

⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Ч. 5. Д. 18. Л. 18.

⁵ Там же. Оп. 1. Ч. 3. Д. 43. Л. 2, 6.

⁶ Там же. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–5.

зом, в условиях трехпольного хозяйства при совершении купли или продажи участков в общинах происходило своеобразное перераспределение земли.

Отчуждение угодий, кроме их продажи, могло идти и путем закладов. В д. Чигры Ратмеровской вол. Сольвычегодского у. (1659 г.) закладывался «шестой жеребей деревни» с пашенной и непашенной подворной землей, санными покосами, огородом, с овином и гумном и с «печищными пожнями» в наволоке и ложках¹. В д. Большой Двор Орловской вол. Устюгского у. (1615 г.) крестьянин отдал в заклад имеющуюся у него деревню с «присадой» двум другим лицам, одному из них полтрети деревни с полприсадой, другому – полприсады, а в 1626 г. вся эта земля оказалась у третьего лица, которое, в свою очередь, заложило ее еще двум лицам пополам². В подобных закладах, когда были заложены все угодья, вряд ли происходили изменения в общинном крестьянском землепользовании.

Как в случаях продажи угодий, так и при закладах сделки могли совершаться между разными слоями населения. Нередкими были заклады земель крестьянами посадским людям. В д. Заборное Вилегоцкой вол. Сольвычегодского у. (1644 г.) крестьянин заложил пожню посадскому человеку из суконной сотни (купцу одной из высших гильдий), а в 1650-х годах ею владели по наследству дети и племянники купца³.

Насильное завладение землей также практиковалось в поморских общинах. В 1613 г. крестьянин из Устюжны Железнопольской отобрал у брата землю, проданную ему когда-то. В 1618 г. община отдала эту землю жене и сыну пострадавшего брата, после чего возник земельный спор между братскими семьями⁴. В Устюгском у. Окологородской вол. в д. Шертемы крестьянин завладел жеребьем другого крестьянина (1646 г.)⁵. Были случаи коллективного завладения жеребьями: в Шангаль-

¹ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

² Там же. Ф. 141. Оп. 1. Ч. 3. Д. 36. Л. 6.

³ Там же. Оп. 3. Ч. 4. Д. 114. Л. 3–4.

⁴ Там же. Оп. 1. Ч. 3. Д. 43. Л. 1–8.

⁵ Там же. Оп. 2. Ч. 4. Д. 91. Л. 1.

ской вол. Устюжского у. (1659 г.) крестьянин «с товарищи» из д. Микулинской завладел шестью четвертями д. Давыдовой Горки, бывшей в совладении у нескольких крестьян¹.

Отчуждение угодий несельским категориям населения происходило и в форме передачи их от крестьян в поместья. Правда, на Севере это совершалось редко, так как помещичье земле- владение там не было распространено. Такое отчуждение про- изошло в Устюжне в 1626 г., когда у крестьян Углецкого у., приписанных к Устюжне, отобрали земли в помещичье имение. Из десяти деревень было отдано 225 четей «худой» и 150 четей «доброй» земли².

Иногда земля отчуждалась по несколько раз, переходя от одного владельца к другому. Показательна в этом отношении история д. Селище Ратмеровской вол. Сольвычегодского у. В 1608 г. она состояла из трех жеребьев, взятых двумя крестьяна- ми соседнего Устюжского у. на оброк. В 1627 г. один из них продал треть своего жеребья сольвычегодцу, а остальное лежа- ло «впусте». В 1646 г. две трети пустого жеребья захватил насильно еще один сольвычегодец³.

В XVIII в., как и в XVII в., угодья могли переходить из рук в руки по несколько раз. Отчуждение их совершалось в разных формах. В Нижнедемской вол. Шенкурского у. заложенная крестьянином росчисть была выкуплена им обратно (1752 г.), а в 1777 г. в нее «вступился» еще один крестьянин, добываясь от общины отвода ее себе. В 1779 г. мир постановил прибегнуть к разделу росчисти пополам⁴. Это неоднократное отчуждение росчисти не изменило, как показывает источник, характер ее использования. Еще один пример многочисленного отчуждения земли зафиксирован документом по Сурской вол. Пинежского у. (1796 г.), где д. Агафоновское имела два двора, населенные двумя братскими семьями. Одна из семей переселилась в Верх- неприлуцкое селение, в котором у братьев были земли их жен. Сначала часть угодий в первой деревне эти крестьяне променя-

¹ Там же. Оп. 3. Ч. 4. Д. 126. Л. 3.

² Там же. Оп. 4. Ч. 3. Д. 214. Л. 226–393.

³ Там же. Оп. 2. Ч. 4. Д. 53. Л. 1.

⁴ ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 138. Л. 2–7 об.

ли в чужие руки, затем община их отвела родственникам первого двора, а по наследству они попали владельцам из другой деревни, и, наконец, дело дошло до раздела земель по душам между потомками-родственниками прежних двух дворов, владевших когда-то деревней¹.

Аналогичные многочисленные отчуждения земель происходили в Шенкурском у. в Предтеченском приходе (1787 г.) и Борейской вол. (1788 г.)². При передаче своей земли другому лицу, независимо от того, в какой форме происходило отчуждение, на нового ее пользователя переносились и платежи (подати). В крестьянском понимании это выражалось следующим образом: чья земля, того и подати. Такая связь земли и платежей с нее в их сознании оговаривалась в поземельных актах: «А купили если мя и потуги»³.

До XVIII в. права крестьян в отношении пользования земельными участками были почти не ограничены. Хотя государство уже в XVII в. запрещало самовольные распоряжения землями, община разрешала отчуждение угодий на сторону, и тем самым у крестьян сохранялось обычное право в отношении пользования землей. Такая практика северных крестьян во второй половине XVIII в. окончательно пресекается государством. Межевые инструкции 1754 и 1756 годов отменяли как право распоряжения, так и наследования⁴. В случае смерти владельца земля попадала в волость, считалась ее имуществом. Волость могла отдать такие участки другим крестьянам в пользование или оставить наследникам. После этих инструкций какое-то время еще существовало отчуждение крестьянских участков. Но после проведения Генерального межевания в 80-х годах XVIII в. и особенно с внедрением земельных уравнильных переделов такая практика закончилась.

Кроме урегулирования землепользования внутри селений при размежеваниях приходилось разрешать спорные земельные

¹ Там же. Д. 737. Л. 1–8 об.

² Там же. Ф. 51. Оп. 4. Т. 2. Д. 1598. Л. 1; Д. 1674. Л. 1.

³ Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 101.

⁴ Богословский М.М. Указ. соч. М., 1912. Т. II. С. 5.

вопросы между общинами, поскольку нередко сохранялось совместное общинное пользование угодьями. Так, в Шенкурском у. размежевывались земли Борецкой и Пинежской волостей (1780 г.): на 920 душ в Борецкой вол. приходилось 1445 дес. угодий (по 1 $\frac{1}{4}$ дес. на душу), на 712 душ в Пинежской вол. – 1905 дес. (по 2 $\frac{1}{2}$ дес. на душу). Так как в первой волости угодий было недостаточно, то она оспаривала у второй оброчные острова с сенокосами на 177 дес., а вместе с неудобными землями – 362 дес., из них 103 дес. считались за Борецкой вол., 74 за Пинежской¹. Другие волости того же уезда – Селецкая и Заостровская – размежевывали угодья в 1785 г.: на 261 душу в Селецкой вол. приходилось 366 дес. (185 пашни, 169 сенокоса, 12 леса под пашнями), на 438 душ в Заостровской – 653 дес. (290 пашни, 339 сенокоса, 23 леса), т.е. по 1 $\frac{1}{4}$ дес. на душу в первой волости, по 2 $\frac{1}{2}$ – во второй. Из-за недостатка угодий в первой ей отвели спорные острова (163 дес.), которыми до размежевания владели сообща².

Несмотря на размежевания, обеспеченность земель крестьянских дворов в Поморье к XIX в. осталась небольшой. Не всегда их можно было наделить дополнительной землей, так как малоземелье к тому времени становилось повсеместным. По-прежнему сказывалась и неравномерность наделов, потому что у крестьянских семей было разное количество наследственных росчистей, которыми они владели по обычному праву.

Незначительность площадей, удобных для хозяйства, трудность отвоевывания их у леса привели в Поморье к пользованию землей, особенно в пожнях, как и другими угодьями, совместно *складниками*. Северное складничество – *со товарищи* – это ранняя форма коллективного труда по освоению земель и их использованию. Примером этого может служить пользование землей, дворовыми и хозяйственными строениями в одной из крестьянских «вотчин» – совместном складническом дворе (Сольвычегодский у.), где хозяйствовали родственники (дядя с племянниками). У них в «вопчем жеребье» в одной волости имелись земля с дворовыми и «хоромными» строениями, заим-

¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 2. Л. 12 об.–13 об., 36–36 об.

² Там же. Оп. 7. Д. 183. Л. 3, 27 об., 31.

ки, в другой волости – полдеревни с «отхожей пашней», восьмая часть еще одной деревни с полями и пожнями, в третьей волости – две деревни с дворами, с подворной пашенной и непашенной землей, с сенокосами, пожнями, борами и черными лесами, с прикупными пожнями, да в «печище» (родовом наследственном гнезде) четвертая часть да пожня, еще в одной волости – полдеревни с пашенной землей (1703 г.)¹. Совместное пользование пожнями у складников отмечается и в волостях Чаронды (1670 г.)².

Складничество, особенно в отношении *расчисных* сенокосов, было настолько распространено, что даже при разделах жеребьев сенокосные угодья нередко оставались в общем пользовании бывших складников. Так, в д. Старое Завражье Ратмеровской вол. Сольвычегодского у. (1649 г.) при разделе складников осталась «не в разделе» одна из пожен³. В другой деревне этой же волости в крестьянском жеребье была пожня-островок, которая находилась не в разделе со складником (1634 г.)⁴. В Тотемском у. Старототемской вол. (1670 г.), несмотря на урегулирование спора общиной, в пожни одной деревни «вступились» соседи-складники из другой деревни⁵.

При описании хозяйства поморских деревень в источниках часто указывалось, что землей «владеют складники» (Шангальская вол. Устюгского у., 1659 г.)⁶ или что в деревне земля «со складником не в разделе» (д. Анисимовская Ратмеровской вол. Сольвычегодского у., 1634 г.)⁷. Если же раздел уже был осуществлен, то о наличии складнических хозяйств в прошлом остаются упоминания: например, относительно д. Большой Двор Орловской вол. Устюгского у. отмечалось, что здесь к 1628 г. все складники уже были «за межами»⁸.

¹ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 3.

² Там же. Ф. 141. Оп. 4. Ч. 4. Д. 647.

³ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 4. Ч. 6. Д. 712. Л. 1–2.

⁶ Там же. Оп. 3. Ч. 4. Д. 126. Л. 3.

⁷ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Ч. 3. Д. 36. Л. 4.

Разделы складников, как правило, не меняли порядок ведения хозяйства, так как часть угодий (сенокосы, покотины), хозяйственных построек (овины, гумна) оставались общими, а это требовало согласования сроков выполнения хозяйственных работ при развитом трехполье. Такой раздел складников был осуществлен в упоминаемом примере в д. Большой Двор. Община пресекла попытки складников менять заведенный порядок в землепользовании. В д. Головинской Старототемской вол. Тотемского у. переложной землей «среди скоцкого выпуска в припаши» пользовались совместно складники с 1626 г. В 1646 г. соседи-складники из другой деревни «вступились» в эти земли с целью обратить их в перелог. Община не разрешила им «запустошить» угодья, чтобы не нарушить хозяйство¹.

Состав складников был разным. Ими могли оказаться родственники, как в одной устюженской деревне, где совместно «владели пашней два брата» (1669 г.)², либо в складнические отношения вступали жители деревни, как в упомянутой д. Головинской, где два крестьянских двора с «соседями» и с «товарищи» совместно «вступились» за переложные земли (1670 г.)³.

В XVIII в. складничество в поморских деревнях не было изжито, хотя участились разделы хозяйств. В Каргопольском у. в Княжостровской вол. продолжали существовать в 1728 г. совместные хозяйства дядей с племянниками (д. Лингостровская)⁴. В Шенкурском у. сохранялось совместное использование из оброка сенокосов на островах складниками двух волостей (1784 г.)⁵. В Предтеченском приходе Шенкурского у. (1787 г.) при разделе росчистей одна из сторон оспаривала свое право на эти угодья в противовес другой стороне, отдававшей свой участок «на сторону» «за прибыль», при этом выдвигался мотив – совместная расчистка земель в прошлом⁶. Такие отношения –

¹ Там же. Оп. 4. Ч. 6. Д. 712. Л. 2.

² Там же. Ч. 3. Д. 214.

³ Там же. Ч. 6. Д. 712. Л. 1.

⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 6. Д. 2. Л. 12 об.

⁶ Там же. Ф. 51. Оп. 4. Д. 1598. Л. 1.

это еще один вид обычно-правовой соционорматики, бытовавшей на Севере и позднее занесенной за Урал в Сибирь при освоении там севернорусскими выходцами новых земель.

Представления крестьян о земле и труде на ней

Анализ приведенного материала о крестьянском землепользовании и правах северных крестьян отчуждать свои земли свидетельствует о том, насколько широко бытовало там поземельное обычное право. Подобные порядки и нормативная практика развились у северных крестьян на основе их взглядов на землю и труд, существовавших с древности. Сохранилось много крестьянских документов не только ранних веков, но и начала XX в., в которых выражено сознание крестьян, понимание значения земли в их жизни и роли своего труда на ней. Так, крестьяне Панфиловской вол. Грязовецкого у. в приговоре сельского схода в 1905 г. так сформулировали свои взгляды: «Земля – не создание рук человеческих, а дар божий, ее продавать и покупать не следует. Она должна принадлежать всему русскому народу, пользоваться ею должен тот, кто обрабатывает своим трудом... Получить ее каждый может столько, сколько обрабатывает...», а поэтому, по их понятию, «надо передать землю в пользование народу». Подобное же решение принял сельский сход Реважского сельского общества Удимской вол. Великоустюжского у.¹

В чем состоит важность таких документов? Они «сохранили» извечные взгляды крестьян на землю и труд. Даже в начале XX в. крестьяне полагали, что земля не может быть ничьей собственностью, поскольку дарована людям, и только труд на ней определяет право пользования ею. Такое же мнение сохраняется у крестьян и сейчас. С ним можно «столкнуться», наблюдая современную повседневную практику в землепользовании. Недавно в открытом письме В.В. Путину работники животноводческого хозяйства Всеволожского района Ленинградской обл. сообщали: «У нас... отбирают землю, а наше хозяйство, с таким

¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 50. Л. 155–156; Оп. 1. Д. 667. Л. 19–21.

трудом поднятое из руин, теперь хотят развалить и отобрать. Самое смешное, что отъем земли производится по надуманному предлогу – нецелевое использование земли сельскохозяйственного назначения»¹. Мотив использования земли по прямому назначению всегда был непреложным при различных изменениях в землепользовании (см. выше). И хотя в письме нет прямого указания на то, что земля «дарована людям», представление многих предшествующих поколений о сущности крестьянского бытия здесь заложено.

Из этих взглядов на землю и труд исходит то творческое начало при взаимодействии с природной средой, которое при-суще крестьянину, «постоянно общающемуся с живой землей, живой природой – Божьим творением. Поистине сыновнее отношение к родной земле»². Такое понятие земли и отношение к ней было выработано на основе воззрений еще древних славян: земля – «не столько почва, сколько благодать, исходящая от нашей намоленной предками земли». Ее почитание было почитанием «родового корня», вообще истории русских³. Земля фигурировала в практике крестьянского правосудия как хранилище нравственной истины – святой правды. Это проявлялось при соблюдении определенных обрядов и принесении клятвы во время судебных мероприятий⁴. Фигурировала земля и при разрешении крестьянских поземельных споров: давая клятву, человек мог съесть кусок земли⁵. Такую глубинную связь крестьянского сознания и повседневной практики усматривали не только исследователи жизни крестьян прошлого, но и современные бытописатели, и в частности так называемые де-

¹ Открытое письмо В.В. Путину // Мир новостей. 2008. № 51. С. 8.

² Яшина Н. «Из распутия, из бездорожья...» // ЛГ. 2003. № 37. С. 14.

³ Бочков А.С. Вологодские нестяжатели. М.; Вологда: Луч, 2011. С. 109.

⁴ Листова Т.А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 723–724.

⁵ Панне А.С. О доказательствах на волостном суде // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 61.

ревенские поэты и писатели. Об этом можно найти высказывания у Д.М. Балашова: «Дом – когда семья, земля. Когда своя земля, когда своя семья и уж знаешь, веришь, что своя навек... само слово Родина, за которое идут на смерть, начинается здесь, в избе... Все из этого корня, от дома. Своего. Отцова. Прадедовского (своей “дедовой отчины” XVI–XVII вв. – *И.В.*). Сработанного своими руками и на своей земле. В своей (и только тогда и своей!) стране»¹.

О крестьянском любовном отношении к земле писал и Ф.А. Абрамов. Это выражалось, как он замечал, даже в том, какие имена давали крестьяне каждому бугорку, перелеску, тропке, деревне: «...у стариков нашлось свое имя, свое название. Любили люди свою землю, свои родные места. Пахомкова Гарь, Мамина Зыбка, Поречье, Антохины Раскопки – вкусно выговорить!» – говорится в его повести «Мамониha». Или в той же повести: «Густо стояли селенья в их лесном крае, по душе пришлась дедам и отцам поднятая из-под корня земляница... а названия селениям давали сытные, хлебные. Ржаново, Овсянники, Ржище, Калачи...»². Во время войны поэт А.Я. Яшин писал в своих военных дневниках, сопоставляя землю-пашню с землей-полем, на котором осуществлялся воинский труд во имя сохранения пашни: «Эх, полюшко, Поле боя!.. / Теперь-то оно другое. / Но мне не уйти от сравнений, / Добытых ценой войны»³. Не случайно в древности существовал обряд «Исповеди земле», который совершался перед церковной исповедью. В молитве просили прощения у земли за грех перед ней, за разорение и небрежение ею. Чувство вины и покаяния выражено в этой исповеди⁴.

Такие взгляды крестьян были тем сильнее и крепче, чем более они опирались на их религиозное сознание. Вся их жизнь была немыслима без связи с землей, окультуренной ими природной средой, «концентрированным выражением» которой был храм, ибо он являлся «центром, к которому вели все доро-

¹ Цит. по: *Коняев Н.* И скорбь, и слава // ЛГ. 2004. № 30. С. 15.

² *Абрамов Ф.А.* Собр. соч. Л., 1991. Т. 3. С. 294, 302.

³ Цит. по: *Яшина Н.А.* Воин Александр // Лад. 2006. № 1.

⁴ Там же.

ги, тяготели вспаханные земли и вся микрооколица»¹. А.Я. Яшин подметил, что любовное отношение к земле крестьяне переносили и на родину. Благодаря своей вере в Бога они относились к земле как к «земной благодати» (божьей благодати. – *И.В.*), а через это чтили и Россию «как святыню души», молились на нее. В своих стихах он писал:

Тянет в край, где я родился,...
...Северная средь лесов, болот,
Наша нелукавая природа
Всей Отчизной для меня встает.
...Здесь каждая деревня так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И когда, вспоминал поэт, в деревнях провожали солдат на войну, то сразу обнажалось чувство единения всего народа, и «уже не одно село, а вся Россия клялась солдату сохранить и вырастить его сына». В советский период истории, когда кардинально менялась жизнь, рушились прежние людские связи, чувство своей малой родины и России по-прежнему жило в русском человеке, о чем он также красочно писал:

Радуюсь обновам животворным –
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
Дёма я!
И сердце бьется с силой...
Что кому,
А для меня Россия –
Эти вот родимые места².

¹ Тульцева Л.А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 304.

² Яшин А.Я. Для меня любые расставанья // Слуга народа. Вологда, 2003. С. 325; *Он же*. Только на родине // Там же. С. 326; *Он же*. Проводы солдата // Там же. С. 429; *Он же*. Москва – Вологда // Там же. С. 53–54.

«Чудным образом любовь к родной стране переплеталась у них с верой в Бога», – писал он. И если человек был отринут от земли, в этом было и «сиротство земли», и «сиротство людей, оторванных от Творца»¹. Понятие святости родины и земли, подчеркивал А.Я. Яшин, оставалось у крестьян всегда:

Может в родном краю
Давно иная жизнь...
И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маста и мечта,
Мои святые места!²

То, как образ родной земли в представлениях крестьян переплетался с чувством родины, получило освещение у А.П. Платонова в его «Котловане». Он говорил о земле, о ее страданиях, муках умирания, воскресении с точки зрения крестьян: когда их «лишают земли, они ощущают и утрату чувства родины»³.

Религиозные представления, лежавшие в основе отношения крестьян к земле и труду, природе и родине, оказали воздействие на формирование норм обычного права, регулировавших всю крестьянскую жизнь⁴. Эмоциональная связь крестьян с землей подчеркивалась во многих исследованиях по русской аграрной истории. Это явление сформулировано в работе В.П. и Л.В. Даниловых: «Он (крестьянин. – *И.В.*) и земля – это единое целое. Труд на земле составляет для крестьянина главное содержание его жизни. Слабая расчлененность социального и природного начал на стадии господства аграрной (а не индустриальной. – *И.В.*) экономики предполагала сакрализацию земли. Право каждого члена сельского общества трудиться на

¹ Цит. по: Яшина Н. «Из распутия...». С. 14.

² Яшин А.Я. О моей святыне // Слуга народа. С. 129–130.

³ Цит. по: Корниенко Н.В. «Я против тех, кто губит нашу страну» // ЛГ. 2007. № 27. С. 6.

⁴ Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие... С. 286.

земле священо. Это по существу право на жизнь. Оно дается от рождения...»¹. У традиционных крестьянских обществ, в данном случае севернорусских, права распоряжения, владения, пользования землей были едины, и самой существенной их особенностью являлась их связь с трудовым принципом, что распространялось лишь на обрабатываемые массивы. Выше показанное отчуждение земельных участков (иногда целых наделов) – это, как осознавали крестьяне, была не сделка с фактической землей, определенной территорией, а сделка, во время которой отчуждался вложенный ими в землю труд.

Трудом обуславливались все обычно-правовые нормы распоряжения и пользования землей, которые у северян жили столетиями. Отголоски этого права проявлялись и в начале XX в. (как в упомянутых приговорах сельских сходов 1905 г.), и во время революции 1917 г., когда крестьяне составили свой наказ I Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов, в котором сформулировали свои взгляды на землю: «Вся земля... отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней, – говорилось в наказе. Право пользования землею получают все граждане... желающие обрабатывать ее своим трудом... и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися... по трудовой или потребительской норме...»².

Происхождение таких взглядов и действий (ментальности) русского крестьянина, северного в том числе, обусловлено, как считал Л.В. Милов, природно-климатическим фактором, который сыграл в истории народов России, населяющих Русскую равнину и особенно Нечерноземье, «далеко не позитивную роль», превратив эту историю во «многовековую борьбу за выживание». Суровые, неблагоприятные условия хозяйствования закаляли земледельцев, формировали из русского человека труженика, достигавшего нужного результата упорным трудом,

¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие... С. 27, 31.

² Там же. С. 30.

изобретательностью и находчивостью. Трудолюбие, поворотливость и проворность стали для основной массы крестьян «важнейшими чертами русского характера и психологии».

Конечно, их поведенческие и психологические стереотипы были неоднозначны. Наблюдались и противоречащие всему этому свойства (скепсис, обреченность, лень, безразличие, ожесточенность, нервные срывы), вызванные несоответствием трудовых затрат и результата труда в неблагоприятных условиях, а в некоторых регионах – тяготами крепостничества, сохранявшиеся в ментальности крестьян долгое время. Играла роль и витавшая в умах крестьян идея всемогущества Бога («Не земля хлеб родит, а небо», «Бог – что захочет, человек – что сможет»); оставались в крестьянском менталитете и «чисто языческие эмоции локального поклонения объектам природы», силу которых питали все те же «могучие природно-климатические факторы». Особенно это нашло наглядное выражение в обрядовой практике крестьян, в праздничных ритуалах и т.п. Тем не менее многочисленные свидетельства документов говорят об искренности христианского исповедания русских крестьян. Поэтому при тяжелых испытаниях – голоде, разрухе, войне – они находили в себе и в своей вере силы преодолеть все это¹.

Крестьянская духовность была основной составляющей общероссийской духовности. Русская деревня, крестьянство были «краеугольным камнем в жизни всего государства, народа – его духовной, культурной и экономической жизни», о чем говорилось в записях к неосуществленному роману А.Я. Яшина «Для кого строился дом»: «Крестьянин, что Савелий – богатырь святорусский, походил на атланта, который держит на себе не просто балкон, дом, а больше – всю страну нашу, весь шар земной»². Все свойства, характер и психология русских были «типичны для народа, который до позднейшего времени оставался крестьянским». В индустриальную эпоху, и даже при советском

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 17, 381, 430–431, 556, 568–571.

² Цит. по: Яшина Н.А. «А есть еще: совесть, честь...» // Слуга народа. С. 17–18.

социалистическом планировании хозяйства не были преодолены культура и психология «ускоренной ритмики земледельческого труда»¹, особенно присущие крестьянам в страдное время. (Вспомним авралы при выполнении плановых работ на советских предприятиях и в колхозах.)

Трудовая этика, способность к интенсивному труду, христианские заповеди у большинства российских крестьян не претерпели радикальных изменений вплоть до 1917 г., о чем есть свидетельства в исторических документах. Несмотря на суровость климата в своем регионе, северяне в XIX – начале XX в. достигали неплохих результатов, главным образом за счет своей инициативности, коллективизма и необыкновенного трудолюбия². В селениях Русской равнины крестьяне могли противостоять всем невзгодам лишь благодаря своему «союзу»-общине, игравшей роль двигателя жизни на протяжении всей тысячелетней русской истории. Именно наши условия обусловили «неизбежность существования крестьянской общины». Общинная психология (не только крестьянская, но и всероссийская) имела важное значение в судьбах народа, «определив... целый ряд существеннейших проявлений национального характера и культуры»³. Специфика России и состояла в существовании общины, коллективизма в ней и связанной с ним духовности⁴.

Северные крестьяне не представляли себе другой жизни, кроме общинной. Вот как жители с. Улома Череповецкого у. определяли значение общины: «Когда мы живем вместе, у нас все есть: и пашня, и покос, и лес, и выгон. А расселились мы по разным местам, так у одного будет поле, но не найдется покосу,

¹ Сокращенная стенограмма Международной научной конференции «Менталитет и аграрное развитие России» // Менталитет и аграрное развитие... С. 375.

² *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. С. 314–317.

³ *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 571.

⁴ *Кузьмин А.Г.* Истоки русского национального характера // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 36.

а у другого есть лес, а не достанет пашни, или нет выгону. Угодья надо наживать, а для этого требуется много времени»¹.

Значение общины для крестьян хорошо определил исследователь народной жизни Севера 1920-х годов А.А. Шустиков. По его мнению, община «возвращает, воспитывает, сохраняет общественность между людьми, взаимопомощь и любовь; в общине в большинстве случаев нет места эгоистическим чувствам, чувству зависти»². Общинное землепользование занимало большую часть площадей на Вологодчине – это бывшие «родовые земли». «Родовыми тенденциями [были] пропитаны» все существо и душа северных крестьян, как подмечал исследователь общинного землепользования в России П.А. Соколовский³. Для крестьянина община была самой «целесообразной формой человеческого общежития», и вне ее он себя не мыслил, все свои надежды связывал лишь с ней: «Никакой мирянин от мира не прочь»⁴.

Синонимом слова община для крестьян был *мир*. Это «центральное понятие в сознании русских крестьян». Они чувствовали себя членами этого мира (а не индивидами), а свою общину воспринимали как некое «мини-государство», поэтому у них и развилось чувство государственности, т.е. «дух мирской, государственной, общинной» имели одну основу, отсюда – отношение к России становилось таким же, как к миру⁵. Эти кре-

¹ Антипов В. По вопросу об общине // ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 248; Капустин С.Я. Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей. СПб., 1877. С. 76–78; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 106, 119, 163, 166, 212, 331, 332, 693, 847; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 750, 784, 815; АИЭА. СО КЭ. 1966 г. Д. 2387. Л. 4–4 об., 7, 10 об., 37; АИЭА. В-КО. 1972 г. Д. 2871. Л. 43–43 об.; Дневник тотемского крестьянина А.А. Зама-раева. 1901–1922 годы. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 23, 78.

² Шустиков А.А. Общинное землевладение // ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 241.

³ Соколовский П.А. Новые данные об общинном землевладении в России // Слово. СПб., 1878. № 2. С. 112–115.

⁴ Цит. по: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 331.

⁵ Лурье С.В. Указ. соч. С. 140–141.

стьянские союзы с имущественной точки зрения к XVII в. превратились в поземельные общины. Северная община стала «классической поземельной организацией общерусского типа, зафиксировав в своем развитии разностадийные пласты коллективного опыта вплоть до архаических»¹. Она прошла несколько этапов. Ее начало относится ко времени стихийного заселения славянами Севера, где стали необходимыми коллективные трудовые усилия при хозяйственном освоении земель. Постепенно она приобрела сложные формы: община – приход – волость, но коллективный труд осознавался крестьянами как единственно необходимый и возможный на всем протяжении ее существования². Действительно, главной чертой общинного сознания стало коллективное умонастроение. Коллективизм, артельность были присущи русским (их ментальности), в каком бы регионе они ни жили, так как исходили из сути ведения хозяйства в российских условиях. Артель являлась господствующей формой труда у русских крестьян, «проникнутая насквозь справедливостью, совестью»³.

Такие трудовые принципы существовали в русской деревне всегда и проявлялись в различных видах деятельности. Это и освоение новых земель, и работы в поле (общественные запашки), на покосе, жатве, вывозе навоза на поля, постройке дома, главным образом деревенские *помочи* – своеобразный коллективный труд и взаимопомощь⁴. Так, совместные работы всегда существовали в сельвычегодских деревнях при освоении новых

¹ Там же. С. 126; Рыблова М.А. Указ. соч. С. 4; Горемыкина В.И. Указ. соч. С. 134.

² Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII – начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 99–100; Вдовина Л.Н. Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от средневековья к Новому времени) // Русский народ... С. 13–14.

³ Соколовский П.А. Указ. соч. С. 112.

⁴ Якушкин Е.И. Обычное право. М., 1908. Вып. 3; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Буганов А.В., Громыко М.М. О воззрениях русского народа. М., 2000; Крюкова С.С. Указ. соч. С. 117; Милов Л.В. Указ. соч. С. 430, 556, 571.

земель, особенно первоначальные заимки без артельного труда были невозможны¹. Обработку новин при помощи артели из 3–10 домохозяев у вологодских крестьян отмечали многие исследователи этого явления². Совместная обработка земли – *товарищество (сябры)* встречались на Севере везде³.

Известны деревенские помочи разных видов. Самые распространенные из них – коллективные земледельческие работы. Особенно часто случались *дожинки* – своеобразное объединение сил для жатвы. Жатва была женской и девичьей работой и происходила в определенные и часто сжатые сроки. Чтобы снять урожай вовремя, крестьянки шли на коллективные дожинки. Так, в Кадниковском у. Корбальской вол. (1899 г.) придерживались правила: жница, дожиная хлеб на своей полосе, переходила на соседнюю, и таким образом все жали во всех полосах. Эта работа заканчивалась «пирушкой» (по-местному – *кружок*). В Архангельском у. (1877 г.) коллективная жатва под названием *борода* (завивали первый сжатый сноп бородой) существовала у богатых людей, способных устроить угощение, а в Холмогорском у. считали, что работают за *бородно* (за это угощение). В Пинежском у. (1924 г.) на жатву шли соседи, при этом женщины жали, мужчины возили хлеб в *остожья*. Многие такую работу воспринимали как праздник, поэтому помочи проходили весело, с песнями, а на угощение специально варилось пиво. Последнее было связано с еще одной коллективной традицией на Севере – знаменитыми пивными праздниками. Работа и угощение происходили в один день, поэтому для пинежских крестьян, например, *помочи* и *каша* – это «одно и то же» (коллективные работы и угощение после них). С *игрищем* и ужином устраивались дожинки в Великоустюжском у. (1886 г.)⁴.

¹ Щербина Ф. Сольвычегодская земельная община // Отечественные записки. 1879. № 7–8. С. 61.

² К.Щ. Из Вологодской губернии // Русские ведомости. 1880. № 8.

³ Приклонский С.А. Народная жизнь на Севере. М., 1884. С. 48, 121–122.

⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 245. Л. 6 об.; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 163. Л. 19; Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Л. 32; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 779. Л. 11, 24, 65.

Кроме жатвы, совместно производили пахоту (Тотемский, Череповецкий, Холмогорский, Мезенский, Устюженский уезды), «досев» хлеба (Белозерский, Устюженский уезды), сенокосение (Кадниковский, Великоустюжский, Яренский, Тотемский, Череповецкий, Никольский, Устюженский, Вологодский, Холмогорский, Повенецкий, Грязовецкий уезды), вывоз навоза на поля (Кадниковский, Тотемский, Никольский, Устюженский, Шенкурский, Грязовецкий уезды), расчистку новых полей в лесу (Яренский у.).¹ Если деревня была большая, то на помочи шли свои жители, если маленькая, то приходили и из соседних деревень (Белозерский у.). В некоторых деревнях было принято выполнить всю работу у одного хозяина, затем у другого, и так поочередно всем жителям (Яренский, Никольский уезды). Помочи устраивались либо в воскресенье, либо в праздники (Тотемский и Никольский уезды).

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля².

— писал о совместных полевых работах поэт А.Я. Яшин.

Известны были и коллективная возка заготовленных дров зимой из леса (Белозерский, Устюженский, Тотемский, Череповецкий, Никольский, Грязовецкий уезды), строительство изб и особенно «битьё» глинобитных печей в избах (Кадниковский, Устюженский, Грязовецкий, Тотемский, Великоустюжский уезды) и многочисленные женские домашние работы, связанные с обработкой льна, — мять лен (Великоустюжский, Никольский, Вологодский, Устюженский уезды) и прясть пряжу из него — *супратки* (Череповецкий, Никольский, Грязовецкий, Вологодский уезды) и *попрядушки* (Великоустюжский у.).

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 163, 212, 245, 289, 297, 310, 351, 394, 397, 695, 791, 838; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 779, 784; АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 48; Р. 25. Д. 5; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144, 163; Ф. 652. Оп. 1. Д. 65, 100.

² Яшин А.Я. Каждый год весна как чудо // Слуга народа. С. 314.

Таким образом, помочи были формой хозяйствования, при которой трудились сообща в один день, без платы. Это был «обряд общественной крестьянской жизни»¹. К 1920-м годам от помочей осталось немного. Они превращались в батрачество у середняков, а у бедняков применялись для срочной работы. Помочи при строительстве изб и битвы глинобитных печей или кладке кирпичных оставались долго, их можно было наблюдать и в конце XX в.² Понимание крестьянами значимости таких работ, их сути осталось и сейчас, что свидетельствует о сохранении коллективного крестьянского сознания и памяти (см. ниже примеры представлений о земле у современных северян).

Представления крестьян о частной собственности на землю

Рассмотрим подробнее, как согласовывались общинное сознание, ментальные действия северных крестьян и развившаяся у них повседневная обычно-правовая практика с пониманием ими земельной собственности. Выше уже указывалось, что в Поморье существовало сочетание общинных форм землепользования с индивидуальным владением разного вида угодьями. Крестьянские общины являлись носителями прав, предоставленных государством. Община, ее исполнительные органы осуществляли линию государства в отношении пользования землей, являвшейся его собственностью. Отводы земли селениям и отдельным крестьянским хозяйствам, официальное закрепление земли за ними и охрана земельных владений были основной функцией общины в земельных делах. Но эта деятельность была ограничена, ибо община должна была считаться с нормами обычного права. Государственной собственности на землю противостояло потомственное пользование и распоряжение ею, основанное на обычном праве. Официальные земельные отводы уживались со свободным захватом земли. За-

¹ Капустин С.А. Указ. соч. С. 20.

² Свистунов М.А., Трошкин Л.Л. Междуречье: Очерки и документы местной истории (1137–1990 годы). Вологда, 1995. С. 127–128; АИЭА. ВЭ ВО. Д. 8334 (1987 г.), 8710 (1986 г.).

хватное право в Поморье существовало с ранних времен и до XVII – первой половины XVIII в. Со второй его половины, как указывалось выше, оно было ограничено законодательствами и мероприятиями государства, внедрявшего в поморскую общину уравнительные переделы.

Многовековое свободное распоряжение землями на Севере позволило некоторым исследователям видеть в крестьянах собственников земли, а государству отводилась эта роль только в поземельных актах. Крестьянский взгляд на государство, особенно на царя, обосновывался «верноподданническими отношениями и не более того»¹. Фактической же крестьянской частной собственностью XV–XVI вв. признавались этими исследователями зѐмля под двором и постройками, полевые земли, расположенные чересполосно с землями всех других таких же «собственников», сенокосы, промысловые угодья, а в общей их собственности были выгоны, рыболовные и охотничьи угодья. «Право собственности» распространялось только на обрабатываемые участки. В действительности же частная собственность на землю появилась позднее, после крестьянской реформы, при развитии рыночных отношений. Оборот земельных участков, передача актов на землю при ее отчуждении как бы приводили к преемственности «права собственности» (на деле права пользования), что государство было вынуждено закреплять специальными документами.

Крестьянской поземельной собственности в ее обычном понимании все же не существовало, о чем свидетельствует практика общины по регулированию распоряжением земель. Постепенно именно захват и заимка (по обычаю – собственные участки) ограничиваются государством, и все чаще такие земли становятся общим достоянием; со второй половины XVIII в.

¹ *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 137; *Раскин Д.И., Фроянов И.Я., Шاپиро А.Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения... С. 8–36; *Носов Н.Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в северо-восточной Руси в XV–XVI вв. (К постановке вопроса) // Там же. С. 67–70.

они поступают в поравнения, размежевания и даже в переделы. Как общее достояние крестьяне рассматривали землю, принадлежавшую общине. При различных сделках эта общая собственность не наследовалась и не завещалась, как индивидуальная собственность, лишь передавалась одними членами общины другим во временное пользование, причем не отдельным крестьянам, а крестьянским дворам, хозяйствам, семьям, и лишь до поры, пока члены хозяйства на ней работали. Итак, в крестьянском правосознании «собственность», «владение», «пользование» земель зачастую были идентичны.

Такое осознание не исчезло и в период развития капитализма, и уж, тем более, не появлялось у крестьян взглядов на землю, аналогичных буржуазному взгляду на собственность как на источник богатства и власти¹. Подобные представления в глазах крестьян были греховными, ибо у них оставалось понятие, что источником существования был личный труд, а не богатство или власть, получаемые с помощью собственности, в том числе и земельной. Богатство (собственность) и бедность воспринимались ими как Божий дар (первое) и наказание (второе). Понимание крестьянами права собственности на землю соответствовало их религиозному сознанию². Поскольку православная вера давала крестьянам понятие равенства всех перед Богом, то и внутри своих коллективов-общин, по их пониманию, все должны были быть равны. Отсюда у крестьян формировались мысли о «поравнении», которые и приводили, начиная со второй половины XVIII в., к уравнительному землепользованию, более широко внедрившемуся в XIX в.

Уже в XVII в. в поморских волостях были освоены почти все удобные для хозяйства земли. Начинала сказываться их недостаточность. Все чаще стали совершаться разделы паев-жеребьев с целью их поравнения и урегулирования земельных споров. Эти «разделы» находились в ведении общины. Но они

¹ Миронов Б.Н. Указ соч. Т. 1. С. 328–331.

² Солоневич И. Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12. С. 151.

еще не были уравнительными переделами, каковые стали внедряться на Севере путем правительственных мер с конца XVIII в. Землей, как и раньше, владели «по жеребью», «повытно», «по делу». У некоторых были излишки земель, у других – увеличился недостаток угодий, почему в XVII в. отмечались, например, случаи раздела лугов. Пустоши, подсеки, перелог по-прежнему не делились и нередко находились в общем пользовании, составляя земельный резерв общины. При таких уравниниях крестьяне и сами стремились проводить принцип соответствия земель и тягла. К этому взгляду склонялись собственно те крестьяне, у которых было мало земли. Требуя ее поравнения, они указывали на то, что *черная земля* (общинная) – это общая земля, отдаваемая им государством по тяглу. А известные в XVI–XVII вв. переделы были простым выделением отдельным членам семей или складникам доли, на которую они имели право в общем землепользовании. Действующее еще захватное право вело к долевному владению присельными пашнями с трехпольным севооборотом и к индивидуальному владению займами с подсеками¹.

Показательны примеры разделов угодий в то время. Так, в д. Васильевской (Устьянские волости) в 1652 г. два брата делили свое «отцовское владение», находившееся в двух деревнях. Одному из них община присудила треть жеребья, состоявшую из покупной деревни, другому – две трети жеребья в своей деревне, где было полторы осмины пашни с двором². В Ленской вол. Яренского у. (1670 г.) общинники делили землю, пожни и двор пополам между двумя родственными семьями и даже решили одной из них продать свою половину³. Такой же раздел с разрешения общины осуществили два крестьянина в д. Чюшевинской (Устьянские волости) в 1659 г., деля «общие три жеребья» своих дедов. У одного оказался жеребей, у другого – два жеребья. Но тут же возникли разногласия, так как второй купил у двоюродного брата участок, и у него оказалось «влиш-

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. 1. С. 190.

² РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Ч. 2. Д. 11. Л. 1.

³ Там же. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 104. Л. 4.

ке» 1^{1/2} жеребья. Первый потребовал у общины ликвидировать этот излишек и уравнивать жеребьи¹. Эти разделы представляли собой перераспределение тяглых земельных наделов. Нетяглые земли (особенно росчисти) перераспределению и уравниванию не подлежали.

Ко второй половине XVIII в. стала острее сказываться земельная необеспеченность крестьянских семей, чему способствовали не только увеличение населения, разработанность пригодных для хозяйства угодий, но и сложность, и запутанность земельных отношений. Все чаще мотивом разделов крестьяне выдвигали неравномерность их паев в бывших «вопчих владениях». Так, в Борецкой вол. Шенкурского у. (1788 г.), прося разрешения общины на раздел пашен, купленных когда-то совместно тремя семьями, крестьяне потребовали их поравнения². Во время Генерального межевания (80-е годы XVIII в.) местами проводилось уравнивание земель. Учитывалось фактическое землепользование селений, наделы четко распределялись на ревизские души.

Подобные размежевания земель, проводимые в Поморье путем правительственных мер, принимались всем «миром». Крестьяне осознавали необходимость этих мер и требовали раздела земель на ревизские души. Так, когда при размежевании в одной из деревень Архангелогородской округи оказалось, что бывшие мирские угодья (пожня и польцо) находились во владении одного крестьянина с 1725 г., мир решил разделить их, как уже принималось повсеместно, на души³.

Наследственные росчисти все чаще начинали становиться предметом споров и объектом для разделов на души. В вотчине вологодского архиепископа *расчисные* земли стали включать в состав тяглой пашни еще в начале XVIII в.⁴ Известны разделы росчистей в Нижнедемской вол. Шенкурско-

¹ Там же. Ф. 141. Оп. 3. Ч. 4. Д. 65. Л. 2–21.

² ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Д. 1674. Л. 1.

³ Там же. Д. 1675. Л. 1.

⁴ Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. С. 153.

го у. (1787 г.), где за росчисть боролись два двора: в первом было 4 души муж. пола и 4 дес. земли (по 1 дес. на душу), во втором – 4 души и 15 дес. (почти по 4 дес. на душу)¹. В Сольвычегодском у. пожни, «прикупные» совместно дядей с племянниками, делились, наравне с прочими угодыями, при разделе всей «вотчины» (1703 г.)². В Ухтоостровской вол. Каргопольского у. проданная крестьянином пожня не возвратилась его семье при выкупе им земель, так как мир пустил ее в раздел³. Разделы наследственных пожен широко распространились в XVIII в.

Постепенно зарождалась идея регулярных переделов, поскольку наделы при подушном обложении оставались неравными. Все зависело от наличия мужских душ в крестьянских семьях. В конце XVIII в. в практику общин стали входить переделы земли, имевшие целью устранить неравномерность наделов. Но переделы в Поморье не стали всеобщими (коренными переделами), когда «перекраивалось» деревенское землепользование и крестьяне могли лишиться своих «исконных» участков, получив взамен другие. «Вековая мечта земельного передела»⁴, жившая у крестьян, на деле приняла форму именно уравнительного распределения земельных участков, принадлежавших коллективу-общине. Все сводилось к простым перераспределениям – добавлениям земли при ее недостатке, урезании – при излишке. Пойти на коренной передел мешало крестьянское сознание и представление о своей земле, на которой трудилось не одно поколение семьи. К тому же практика трехполья была связана с постоянным удобрением почвы, и лишиться удобренного своими силами участка при переделе крестьянин не мог. Он всеми силами его отстаивал, и это представление о вековом начале в основе владения участком община разрушить не могла.

¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 138. Л. 2–2 об.

² РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 3.

³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101176. Л. 1.

⁴ *Ильин И.* Основная задача грядущей России // Ильин И. Собр. соч. М., 1993. Т. II, кн. 1. С. 269.

Мирские переделы в виде добавок или урезок прижились на Севере. Когда Указом 9 ноября 1906 г. предполагалось ликвидировать общинное землепользование с его переделами и крестьянам вменялось брать землю в собственность, они воспротивились этому. Вот что писали они из д. Засорина Езекиевской вол. Никольского у. в своем заявлении в III Думу: «Указ... по нашей Вологодской губернии, а особенно Никольскому уезду, вовсе неподходящий. Потому что он... упраздняет мирские переделы навсегда, а... вымежованные наделные участки земли качеством неодинаковые». Земля к тому времени делилась по едокам. Общий передел в волости был в 1892 г. на 18 лет, и в этот период предполагалось «полосами не передвигаться с места на место». Через каждые 6 лет в общине составлялись проверочные приговоры с условием – «что кому от другого соседа отходит,.. землю [мог] получить полосами или концами по добровольному своему согласию». У этих крестьян «была одна надежда» дожидаться передела земли, когда на детей дадут земли. Они писали: «Так было с незапамятных времен. Иначе будут малоземельные». Если бы разрешили передел, хотя бы как было через 12 лет, то «[мы] безбедно прожили бы 40 лет»¹. Крестьяне сами дошли до понимания необходимости всеобщего поравнения. Именно такой образ «общей уравнительности» был взращен народным сознанием².

При всем том деятельность северных общин по урегулированию землепользования уживалась с обычно-правовыми представлениями крестьян. Община не могла сразу уничтожить веками выработанные традиции: коллективное пользование землей, наследование определенных видов угодий (заимочных, расчисных, выбылых, выморочных). Она должна была считаться со всеми этими обычаями как при всевозможных перераспределениях земель, так и при хозяйствовании, требующем поддержания строгого порядка в полеводстве и использовании угодий.

¹ Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 24.

² *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. I. С. 136–138, 142, 171–179.

Урегулирование земельных споров, практика отводов, размежеваний, земельных разделов составляли одну сторону функций крестьянской общины в Поморье. Не менее важной стороной ее деятельности являлось регулирование крестьянского землепользования при поддержании порядка в полеводстве. Эта функция общины приобретала особую значимость в условиях развитого трехпольного хозяйства. Если учесть, что трехполье в поморских деревнях сочеталось с долевым землепользованием, то становится понятной деятельность общины по упорядочению пользования угодьями: установление одинаковых сроков использования тех или иных видов угодий, одинаковых сроков высева и снятия урожая, внедрения принудительных и одинаковых севооборотов, одновременного использования поля после жатвы для выпаса скота и т.п. Решая земельные споры, распределяя земли, община должна была следить, чтобы не нарушался заведенный в трехполье порядок. Использование наряду с присельными пашнями других угодий – пустошей, заимок, происходившее, как правило, по обычному праву, и заставляло общину при регулировании земельных дел следить, чтобы не было изменений в трехпольном хозяйстве, составлявшем основу земледелия поморских деревень. Когда община начала регулировать пользование заимками, ограничивая его во времени (с течением времени заимки начали поступать в передел), то при этом она определяла характер пользования угодьями в заимке¹. Регулируя порядок пользования непашенными угодьями – сенокосами, выгонами, община также стремилась не допустить никаких нарушений.

Итак, все существовавшие формы перераспределения земель отражали правосознание северных крестьян, основанное на представлении о собственности на землю, в которую вложен труд². Рассмотрение конкретных вопросов правосознания севе-

¹ *К.Щ.* Обычай свободной заимки земель в Вологодской губернии // Вологодский сборник. Вологда, 1881. Т. 2. С. 65, 74, 76; РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Ч. 1. Д. 32; Оп. 4. Ч. 4. Д. 647; Ф. 1161. Оп. 1. Д. 9 и др.

² *Власова И.В.* Традиции крестьянского землепользования... С. 119; *Крюкова С.С.* Указ соч. С. 115.

рян, во многом аналогичного сознанию русского крестьянства регионов, где не было развитого крепостничества, приводит к мысли, что его правовая культура основывалась на традициях обычно-правовых норм, обрядов, на правотворчестве, позволявших регулировать и хозяйственную деятельность, и всю деревенскую жизнь. Несмотря на это, трудно представить себе образ архаичного крестьянина, ибо в изобретательности, сообразительности, трудолюбии, в способности мыслить правовыми категориями и оперативно принимать решения при различных обстоятельствах ему нельзя отказать. Именно такой образ крестьянина предстает перед нашими глазами в трудах о русской деревне М.М. Громыко¹, подчеркнувшей эмоционально-психологические черты крестьянского мира и морально-этические представления крестьян, составлявших основу и их правовой практики. Крестьянское мировоззрение в описании М.М. Громыко выступает как система моральных норм и тесно связанных с православным миропониманием мер, регулируемых общественным мнением и постоянно воспроизводящих правовую практику. Такое развитие правосознания черносошных крестьян Севера увидел и другой исследователь – А.В. Камкин, который отметил характерные черты их правового мировоззрения и способность к правотворчеству².

Если до второй половины XIX в. наблюдалось соответствие крестьянского менталитета идеалам православия, то после 1861 г. во взглядах и системе ценностей крестьян произошли изменения: в условиях капиталистического развития и товарности хозяйства появились рационализм, прагматизм, расчетливость, усиливался индивидуализм крестьянина. Менялись взгляды на богатство и даже на труд, возникало ощущение, что

¹ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975 и др.

² Камкин А.В. Крестьянское правосознание и правотворчество по материалам второй половины XVIII в. // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.

многое зависело от собственных усилий, а не от судьбы и божественного провидения, правда, такие новшества в крестьянском сознании укоренились не сразу. Пока же в условиях нарождающихся капиталистических отношений общинное правосознание было прочным, а при малоземелье и утяжелении тягла становилась все привлекательнее для крестьян идея уравнительности, ибо уравнительные переделы обеспечивали права крестьянских семей на труд и существование. Такое упрочение крестьянско-общинного самосознания не было возвращением к архаике, так как в раннем Средневековье не существовало уравнительности и переделов, а при капитализации деревни в конце XIX в. уравнительные переделы были «реакцией общины на изменившиеся условия существования» (имущественное неравенство, рынок и т.п.)¹.

В пореформенное время существовало четыре вида крестьянской земельной собственности: общинная, общая (отдельных объединений – групп), семейная и личная; последняя – в минимальном объеме. Земельные указы 1906 г. и Столыпинская реформа (1910 г.) предусматривали ликвидацию общины, что должно было совершиться путем замены собственности двора (семейно-трудового объединения) собственностью индивида – домохозяина. Собственность двора должна была исчезнуть вместе с общиной. Крестьянское правосознание оказало этому сопротивление. Община после 1910 г. продолжила практику семейно-трудовых объединений в деревенских мирах, распоряжаясь и владея земельной собственностью, а самое главное – частная собственность на землю оставалась неприемлемой для крестьянства России.

Примером такого «крестьянского сознания» могут служить обращения крестьян в I–III Думы с требованием равного трудового права на землю в тех традиционных нормах, которые были свойственны семейным и общинным коллективам. Так, крестьяне д. Засорина Никольского у., критикуя указ 9 ноября 1906 г., писали в Земельную комиссию Думы в 1908 г. о том, что им надо «землю делить самим по местным обычаям, по числу

¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Указ. соч. С. 28.

наличных едоков». Они выражали недовольство постановлением о «выходе их в собственники»: «...кому охота свою землю оставлять тем, у кого и без того ее много, и ехать куда глаза глядят. Да и где найти всем места...»¹.

Понятие частной собственности на землю не укладывалось в крестьянском сознании, так как без общины невозможно было компенсировать потребности в земле растущих семей, а введение единонаследия разрушило бы равенство в семейно-трудовых объединениях. Сразу после Октября община с ее навыками коллективного землепользования, основанного на вековых устоях народной морали и крепко спаянного единством хозяйственных интересов, продолжала существовать. Когда революция освободила крестьянский мир от фискальных, судебных, рекрутских и прочих повинностей, «общинные заповеди стали моральной основой крестьянской взаимопомощи» в новых условиях². «Быть вместе с миром – не значило быть как внутренне, так и внешне похожим на всех... Ни физическое, ни духовно-эстетическое разнообразие членов русской крестьянской общины не противоречило ее внутреннему единству... такое разнообразие лишь содействовало ему и было главным условием этого единства»³.

Община как бы «возродилась» после реформ начала XX в., хотя и она, и крестьяне уже не были столь патриархальны, как прежде, ибо в то время шло мощное кооперирование сельского хозяйства, а трудовые крестьянские кооперации продемонстрировали агрикультурный прогресс. К 1917 г. в России до 70% населения состояло в кооперации, насчитывалось 63 тыс. всех видов кооперативов, объединивших 24 млн чел.⁴ О кооперативном движении на Севере свидетельствует тот факт, что кооперированные хозяйства северо-западных районов РСФСР к

¹ Крестьянские истории... С. 25.

² Салуцкий А. Артельные люди // Наш современник. 1988. № 12. С. 141.

³ Белов В.И. Раздумья на родине // Москва. 1987. № 8. С. 192.

⁴ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 36; Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 107.

1926 г. составили 38% крестьянских хозяйств¹. Кооперативы – союзы, товарищества, артели – стали создаваться в районах, где была развита льнообработка и товарное молочное производство. Не избежали кооперации и северные охотничье-рыболовецкие хозяйства. Традиционные лов рыбы и охота сообща – *слогом* (артелями) привели к кооперированию этих работ². Значительной стала и торговая кооперация, а развитие кустарных промыслов способствовало появлению фабрично-заводской промышленности.

Изменения в аграрной сфере шли вместе со становлением гражданского общества в России, с развитием законодательства. В частности, превращение крестьянской общины в организацию другого типа, в кооперацию, свидетельствовало о преодолении архаических соседско-родственных связей. Менялась не только сельская организация, но и сам крестьянин, иными становились отношения между коллективом и человеком, между людьми, их взаимоотношения с государством, т.е. отношения общинного типа менялись в сторону рациональности, индивидуальности, в условиях рынка они становились все более гражданскими отношениями³. Правда, возникавшие коммуны, артели, ТОЗ'ы, в отличие от подлинной кооперации, сохраняли принципы дореволюционной передельной общины. Но они могли держаться до тех пор, пока «не были исчерпаны ресурсы коллективизма, общинности, ... народного энтузиазма»⁴. В то время, при прежней общинной артельности с ее коллективной формой труда, у этих новых объединений существовал демо-

¹ Семенов И. Кооперативное движение в Вологодской губернии // Вестник кооперации. СПб., 1911. Кн. 1. С. 108; *Большаков А.М.* Очерки деревни СССР: 1917–1927 гг. М., 1928. С. 81; Северный край и Вологодская губерния // Ежегодник Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914. С. 11–13; Северное хозяйство. Вологда, 1920. № 37–38; ВГМЗ. Ф. ВОЙСК. Д. 68. Л. 1; Дневник тотемского крестьянина А.А. Замираева. С. 167.

² АИЭА. ВЭ ВО. 1986 г. Д. 8334. Л. 10; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 164. Л. 23–34.

³ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 286–291.

⁴ Там же. С. 334.

кратический принцип распределения и труда, и продукта по труду. Но сельская община оставалась устойчивой и даже расширяла свои земельные резервы. 98–99% крестьянских земель находились в общинном землепользовании, в районах Европейского Севера в том числе¹.

С наступлением НЭПа в 1920-х годах, с появлением в деревне капиталистических элементов хозяйственные принципы общины, ее нравственные и психологические ценности «оказались на задворках общественного внимания». И когда «пришла» коллективизация, то общинники-середняки вступали в колхозы, увидев в них сначала возрождение на новый лад народных традиций. Но именно колхозы нанесли удар по общинному духу, так как вместо подлинного коллективизма, вместо вольной артели со свободным сбытом пришла командно-административная машина, которая уничтожила в земледельце хозяина, поскольку «мораль и традиции общины были повержены». Этим был нанесен удар по правосознанию и психологии крестьянина-общинника².

Землепользование колхозов и изменение отношения крестьян к земле

Сплошная коллективизация конца 1920-х – 1930-х годов была переворотом в сельском хозяйстве, полной ликвидацией традиционных методов хозяйствования и крестьянского земельного владения. Колхозы, куда насильно загонялось крестьянство, стали основными аграрными производителями под контролем местных органов власти. Если раньше постепенные изменения в общине происходили под влиянием социально-экономического развития в течение длительного времени, то резкая смена крестьянских умонастроений, как и всей жизни, произошла после коллективизации. Большой ошибкой, сопровождавшей коллективизацию, была ликвидация общины, в которой

¹ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1927. С. 120–124; *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 107.

² *Салуцкий А.* Указ. соч. С. 142, 152.

люди давно сработались, следили за плодородием земли. Даже при Столыпинской реформе были сохранены общинные коллективы, наряду с появлявшимися хуторами и отрубам. В этом была мудрость учредителей реформы, ибо такая ситуация давала свободу переселенцам для освоения новых земель, для налаживания поземельных отношений со старыми деревнями. Это совершалось без надзора и администрирования; никто не относился к существующим деревням как пережиткам прошлого, не нарушался природный сельскохозяйственный календарь¹.

С организацией колхозов изживались извечный коллективизм, инициативность и оперативность в принятии определенных решений при хозяйствовании на земле, не принадлежащей никому. В крестьянском понимании в отношении собственности остались две неравные половины – колхозное и свое (они – мы): первое – что было когда-то у крестьян, а теперь отнятое у них, и второе – участок (то, что осталось), и на нем они работали, не жалея сил. Действительно, в 1929-м – 1930-е годы приусадебные участки обрабатывались интенсивно. Но со все поглощающим колхозным строем уходило «настоящее земельное самочувство и собственническое правосознание»². В смысле организации труда колхозы не выполняли той роли, которая была у русской общины, а дореволюционная производственная кооперация, основанная на демократических методах и являвшаяся настоящей коллективизацией, была забыта. В колхозах игнорировались экономические методы регулирования работ. Не способствовало правильному хозяйствованию и уничтожение при раскулачивании и раскрестьянивании лучшей части крестьян, являвшихся хранителями исконных русских аграрных традиций.

Агрикультурные и демографические результаты и последствия этого государственного мероприятия ощутимы до настоящего времени, ибо произошла полная деградация сельского хозяйства. Особенно в этом отношении пострадало российское

¹ *Распутин В.* Деревня сегодня мешает // ЛГ. 2009. № 9–10. С. 3.

² *Ильин И.* Русский крестьянин и собственность // Ильин И. Собр. соч. М., 1993. Т. II, кн. 1. С. 279–282.

Нечерноземье, Русский Север в том числе, так как в суровых северных условиях хозяйство существовало только благодаря огромной «спайке» крестьянина и земли и невероятного вложения труда в нее.

Изменилось отношение нового крестьянина к земле, поскольку было подорвано в корне представление о крестьянской земельной собственности. Оно было заменено принципом работы на ничьей земле, которую нельзя было передать по наследству потомкам, поэтому личная ответственность за землю окончательно исчезла. Предпочтение в этом обезличенном пользовании было отдано «социалистической общине, в которой ни земля, ни труд, ни продукты не принадлежали личности»¹, как это было в исконной русской общине. Рушилось крестьянское мировоззрение и представление о земле как чем-то живом, одушевленном, труд на которой обеспечивал жизнь, и культура хозяйствования на которой могла быть передана по наследству вместе с самой землей.

Начиная с 1930-х годов происходило нарушение связей человека с землей, отторжение хлебороба от нее, утрата крестьянской психологии. Реформирование и эксперименты после войны 1941–1945 гг., особенно со времен Н.С. Хрущева и до 80-х годов XX в., привели к губительным результатам. В Нечерноземье, в частности на Русском Севере, произошла «гибель» земли, был нанесен и нравственный урон, ибо безнаказанно распоряжались земельными богатствами. Крестьянство было «подрублено под корень», так как уничтожался его генофонд, а для нормальной жизнедеятельности крестьянам нужно самостоятельное хозяйствование на только им принадлежащей земле.

К какому результату в своем существовании пришла российская деревня, севернорусская в том числе, к настоящему моменту? Наступил кризис в аграрной сфере. В 1991 г. был издан указ о земельной реформе, по которой осуществляли раздел колхозной собственности, но переход к частному и коллективно-договорному владению происходил несколько последующих лет. К 1995 г. возникшие 280 тыс. фермерских хозяйств произ-

¹ Шипунов Ф. Великая замятня // Наш современник. 1989. № 9. С. 152.

водили только 1,9% продукции. Сельское хозяйство было существенно нарушено. В деревне, словно в «радиоактивной зоне», все вымирало. За два последующие десятилетия исчезло 20 тыс. населенных пунктов¹. «Лихими девяностыми» называют этот период истории деревни, когда ее довели до состояния коллапса². Ее уничтожение, правда, шло и ранее, начиная с 1917 г. Образную картину этого нарисовал в свое время Б. Можжев: «...огненная стихия добралась до станового хребта государства, до его ствольной опоры – до мужика... в обмолот пошло... неистребимое и самое многочисленное племя хлеборобов, пуповиной связанное с землей-матерью... А земля с той поры и стала безпризорной...»³. Из 200 млн га старопахотных угодий половина запустела⁴. Поэт А.Я. Яшин замечал, что «опозоренная, разграбленная, неграмотная, но сказочно богатая самобытностью, одаренная, изнасилованная, обиженная, много-терпеливая русская деревня» погибает. Открылась картина «разогнанных деревень, заросших полей, отравленных рек и морей, изувеченных душ людей...»⁵.

В 1990-х годах началось губительное истощение почвы. В нее вносилось лишь 10% удобрений, применяемых до реформы. Даже в приусадебных хозяйствах, где все «мое», исчезали грамотно возделанные участки. Земля теряла свою «окультуренность». В возникших акционерных структурах на захваченных у колхозов землях стали работать сельские рабочие, которые были еще более отчуждены от земли, чем крестьяне советского времени. Эти хозяйства не смогли производить продукцию в необходимом количестве. Созданные же индивидуальные хозяйства были мелкотоварными. Только 14% крестьян имели землю в собственности. Все хозяйства – крестьянские, фермер-

¹ Сёмин А. Минус «фермеризация» // ЛГ. 2009. № 45. С. 3.

² Гамаюнов И. Артельный хлеб // ЛГ. 2008. № 23. С. 13; Арцыбашев А. И дорога телушка, и дорог перевоз // ЛГ. 2008. № 42. С. 4.

³ Цит. по: ЛГ. 2009. № 9. С. 13.

⁴ Арцыбашев А. Указ. соч. С. 4; Он же. Во поле березкам не стояти // ЛГ. 2008. № 44. С. 4.

⁵ Яшина Н.А. Воин Александр // Лад. 2006. № 1.

ские, индивидуальные – давали вместе 7-9% продукции¹. Фермерские хозяйства к тому же стали погибать. Западная модель фермерства не приживалась в России не только из-за сложных климатических условий, но и из-за абсурдной аграрной политики. Даже крупные предприятия – сельскохозяйственные кооперативы и холдинги – выживали не все.

Осуществлявшаяся аграрная политика (отсутствие надлежащего финансирования, реализации продукции, государственной поддержки крестьян) «отбивала» всякое желание работы. Крестьяне издревле обжитых территорий в нормальных условиях могли бы наладить производство, создать рынок и прокормить значительную часть россиян. Исключительное значение имели когда-то северное льноводство и лесопереработка. Самыми престижными были лен и «Вологодское масло», «требующие северных земель и климата»². Крестьяне переставали кормить народ, обустривать землю, рожать детей, был виден конец их «исторической миссии».

На этом общем фоне переживает социальную катастрофу и современная северная деревня. Все многовековые затраты на освоение этих крайних рубежей в таких условиях стали бессмысленны. Север потерял свое традиционное значение, так как стал совершенно не конкурентен на российском рынке. Прежняя освоенность и распаханность земель исчезает. Земля пустеет, зарастает лесом. Крушение хозяйственной системы в ряде случаев вызывает у сельского населения депрессию, «разлившуюся ныне по Русскому Северу»³. Кризис в аграрной сфере, начавшийся еще в советский период, усугубившийся позднее, а также усилившаяся урбанизация уничтожили «извечный крестьянский общинный коммунизм». Молодежь, из сознания которой постепенно исчезала коллективная память о сплоченности общества в трудные моменты жизни, теряла старые пред-

¹ Сёмин А. Указ. соч. С. 3.

² Бобров А. Болеутоляющее // ЛГ. 2009. № 2. С. 4; Белова Н.Б. Убрать с глаз долой? // Там же. С. 4; Арцыбашев А. Молочные реки, зыбкие берега // ЛГ. 2008. № 43. С. 3.

³ Покровский Н. Средство от фантомных болей // ЛГ. 2008. № 48. С. 3.

ставления о коллективизме, необходимом в жизнедеятельности деревни¹. Такая ситуация на селе «подрывает национальную правительственную программу продовольственной безопасности», – писали В.В. Путину животноводы одного из хозяйств Всеволожского р-на Ленинградской обл.²

Неразрешимость аграрных проблем в России приводит сейчас к дилемме – брать землю в собственность крестьянам или не брать. Крестьяне северного Нечерноземья имеют свою точку зрения по этому вопросу. Так, в своих мемуарах хлеборобы Кичменьгско-Городецкого р-на Вологодской обл. писали: «...передать землю в собственность... – для работающего [человека] хорошо, для лентяя – плохо». По мнению этих крестьян, «сейчас землю в собственность никто не возьмет», так как «кто на земле остался? Чем ее обработать? Нет машин, лошадей... От частной собственности отучали 70 лет. Нет сейчас хозяина на земле»³. В сознании крестьян не только северных, а и других русских районов, как показывают этнографические наблюдения последних лет, до сих пор устойчиво представление о праве собственности на ту землю, которую они обрабатывали из поколения в поколение, даже независимо от того, имеют ли они документы, подтверждающие это право.

Крестьяне не готовы «брать землю», не идут на предлагаемую им модель фермерства через разрушение привычной формы коллективного хозяйства, апробированного веками и доказавшего свою жизнеспособность в наших российских условиях. Сельское население и сейчас «держится за землю (обработанную своим трудом. – *И.В.*)... в силу традиционных установок крестьянского менталитета». Такое понимание крестьянами значения труда в притязаниях на земельную собственность, зафиксированное при экспедиционных обследованиях в центральных русских районах, аналогично традиционным право-

¹ Кара-Мурза С. Жестокие уроки // ЛГ. 2010. № 11. С. 2; Белова Н.Б. Указ. соч. С. 4; Арцыбашев А. И дорогá телушка... С. 4.

² Открытое письмо... С. 8.

³ Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 29–30.

вым взглядам сельчан вообще, северян в том числе¹. Вопрос о собственниках земли остается и по сию пору неразрешенной проблемой, потому что теперешние владельцы земельных паев – это пенсионеры, которые раньше работали в колхозах, а также более молодое население, получившее эти паи по наследству, но чаще всего проживающее в городах. По заключению исследователя российской деревни С.В. Кузнецова, «с собственностью в полном смысле слова мы сталкиваемся, когда собственник, распорядитель и пользователь... совпадают в одном лице» (см. выше о взглядах на собственность в XVII–XVIII вв.). «В настоящей ситуации класс земельных собственников до конца не сформировался, что отразилось в первую очередь в ментальности сельского жителя, который отрицательно относится к закону о частной собственности на землю»².

Частное земельное право и формирующиеся на его основе поземельные отношения не усвоены правовым сознанием сельского населения. Тем более, что крестьянство не является сторонником отчуждения земли, особенно в виде купли-продажи. Такое мнение обусловлено крестьянской «корневой связью с землей, с деревней». Полярная точка зрения на частную земельную собственность существует у немногочисленных предпринимателей-фермеров, которые являются сторонниками собственности на землю вплоть до ее отчуждения³. Но наиболее предпочтительной формой частного правового регулирования оборота земли является ее передача в аренду. Земельная собственность остается у сельскохозяйственных предприятий (лишь в долевой (общей) форме), фермеров и крестьян – держателей личных приусадебных участков, так как существование собственности в условиях не сложившегося еще рынка оборота

¹ Крюкова С.С. Конфликты и способы их разрешения: опыт измерения правовой повседневности современной российской деревни // ПИИЭА 2003. М., 2005. С. 53; Кузнецов С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских: XIX – начало XX в. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 136.

² Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 135.

³ Там же. С. 136–137.

земли ни один из представителей этих земельных укладов не выдержит. Они не готовы ни технически, ни организационно, ни культурно-психологически быть полноценными частными собственниками¹. Такое отношение крестьян к собственности отразил еще в 1980-х годах в своих произведениях писатель Ф.А. Абрамов, предупреждавший о последствиях частнособственнического развития русской деревни: «Нельзя доводить принцип частной собственности до крайности. Полное разъединение людей. Духовное обнищание. Помешательство на копейке... Превращение человека в свою противоположность...»².

Правовая культура землепользования в конце XX – начале XXI в.

Как видно, реальная повседневность в землепользовании к настоящему моменту состоит в следующем. Для нее характерно наличие трех укладов: 1) сельскохозяйственные предприятия (производственные кооперативы) и близкие к ним акционерные структуры с размытой формой собственности (АООТ, АОЗТ); 2) частный сектор – личные подсобные хозяйства; 3) фермерские хозяйства, которые начали возникать в 1990-е годы и были тогда предпочтительными³, но почти все разорились еще в середине 1990-х годов. В Нечерноземье преобладают личные подсобные хозяйства и акционерные структуры. Для поземельных отношений здесь свойственна «неформальная практика землепользования», обусловленная ценностями земледельческой культуры, которые были выработаны веками. Они заключаются в осмыслении места человека в системе этих ценностей, социальных и нравственных норм жизни сельского коллектива⁴.

В 1990-е годы, когда начали формироваться в сельском хозяйстве эти три уклада, стала снижаться численность рабочих, занятых на госпредприятиях. В акционерных предприятиях она

¹ Там же. С. 152.

² Цит. по: Яковлев А. А будет ли человек // ЛГ. 2010. № 8. С. 10.

³ Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996. С. 103–105, 171.

⁴ Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 130–131.

росла, но затем число желающих работать в них стало снижаться из-за неэффективности таких предприятий. Увеличивалась занятость и в частных структурах, а в колхозах и совхозах, тогда еще существовавших, она снижалась. Число фермерских хозяйств, как уже отмечалось выше, также начало убывать в виду ставших перед ними трудностей и неспособностью их преодоления из-за низкотоварного характера таких хозяйств. Личные подсобные хозяйства становились основными для обеспечения каждой семьи. Хотя в сознании крестьян первенство в те годы отдавалось частному предпринимательству, но невозможность работать в непригодных для этого финансовых, экономических и прочих условиях, сводила эти начинания на нет¹.

Сельское население не мыслит свое существование без земли. Для каждого крестьянина даже его земельный пай в коллективно-долевой собственности имеет не столько материальное, сколько морально-психологическое значение, ибо с землей есть стабильность².

Тем не менее единственно реальным путем к восстановлению и крестьянства, и сельского хозяйства, как считает большинство социологов, экономистов, правоведов, историков, является «денационализация собственности» на землю, особенно «мелкого крестьянского землевладения... промысловых и кустарных предприятий». Отношение к собственности должно стать «обязательством перед государством и нацией, а не привилегией» (это в духе русского крестьянина). Такой путь реален, так как именно крестьянство из всех слоев российского общества дольше всех «сохраняло в наименее испорченном виде государственное и религиозное сознание». Его корпоративность продемонстрировала силу и стойкость на протяжении веков. В начале XX в. крестьянская кооперация достигла значительных аграрных успехов, и скорее всего, будущее за сельской кооперацией всех видов. Все это может быть достигнуто не только экономическими и законодатель-

¹ *Беляева Л.А.* Трансформация социальной структуры // *Динамика ценностей...* С. 102–104.

² *Кузнецов С.В.* Указ. соч. С. 134, 143.

ными мерами, но и в большей степени воспитанием новых поколений крестьян, относящихся к земле по-хозяйски¹. И здесь на первый план выступают вопросы такого воспитания людей, которое должно возродить в крестьянине ответственное отношение к земле, к своему труду на ней, как это в прошлом осуществляли русские крестьяне, передававшие последующим поколениям «свое мастерство, любовь и привязанность к земле, ее понимание»².

О необходимости воспитания хозяина-земледельца так говорится в современном севернорусском фольклоре:

А ты кушай, ягодка, и расти.
Вырастёшь большой – ой!...
Потом с Витёй, с Васёй – троё
Поедité в поле, да и спроситё:
А кто тут хозяин?³

Чувствовать, понимать, беречь землю – такое отношение к ней формировалось при тесном общении с природой. Именно «жизнь заодно с природой, любовное участие в ее трудах и преобразованиях делают человека проще, мягче, добрее, – писал А.Я. Яшин. – Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека»⁴. Нравственное воспитание нового крестьянина, по мнению писателя В.Г. Распутина, «происходит благодаря близости к земле, работе в поле, в огороде». Необходимо, чтобы человек работал, «шевелил мозгами»⁵. В нашей деревне сейчас много людей искалеченных только потому, что их оторвали от земли. Для северного крестьянина, по замечанию Ф.А. Абрамова, слова «жить» и «работать» равноценны. «Дай только что-нибудь поделать, – говорит героиня в одной из его повестей. – Я ведь жить хочу»⁶. Главной зада-

¹ Солоневич И. Указ. соч. С. 151, 154–155.

² Ананьев А. Советский фермер // Октябрь. 1988. № 11. С. 9.

³ Тутунджан Д. Листы-разговоры из серии «По правде, по совести» // ВГМЗ. Экспозиция 1991 г.

⁴ Яшин А.Я. Угощаю рябиной // Слуга народа. С. 414.

⁵ Распутин В. Указ соч. С. 3.

⁶ Цит. по: ЛГ. 2010. № 8. С. 10.

чей сейчас, исходя из ситуации, становится воспитание крестьянских детей, которые не повторяют ошибки последних десятилетий, а будут нацелены на создание полнокровного крестьянского уклада, так как без него «не будет в деревне лада»¹.

Земля в системе крестьянского мировоззрения понималась как категория правовая, экономическая и морально-религиозная. За последние десятилетия XX в. она существенно изменила свое смысловое значение. Такому же переосмыслению подверглось и понятие «хозяина земли». В крестьянских представлениях хозяин земли – это, прежде всего, энергичный, предприимчивый, инициативный труженик. Необходимость «ориентироваться на более умелого, знающего» в земельных делах – «коренная черта крестьянской культуры», так как чтобы «заниматься землей, надо иметь задатки [такого] хозяина». Не каждый может быть этим «хозяином земли», как показывает многовековой крестьянский опыт². Для этого нужны самодисциплина и ответственность. Такими были принципы работы крестьянских коллективов (артелей), и в нашей глубинке эти принципы, «здоровый смысл и предприимчивость в критической ситуации неизбежно [брали] верх»³.

Известно, что крестьянская культура «базируется... на традиции и подражании», а эти традиции были сильны духовно-нравственным содержанием. Они все еще живы в деревне, что говорит не о «недоразвитости» крестьян, а о их «высоком развитии в культурно-нравственном смысле»⁴. Удивительно наблюдать сейчас, что крестьянская культура не уничтожена окончательно, поскольку она была основана на многовековом опыте, а главное – на нравственном отношении крестьян к земле. Подтверждение живучести этой культуры и крестьянского сознания находим, например, в многочисленных наблюдениях, осуществленных при этнографических полевых обследованиях

¹ Арцыбашев А. И дорога телушка... С. 4.

² Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 135, 139.

³ Гамаюнов И. Указ. соч. С. 13.

⁴ Никольский С.А. Две стороны ограды // Родина. 1993. № 5–6. С. 41–43.

на Русском Севере в последние десятилетия¹. По ним видно, что в постоянном общении с природой и постоянном труде отношения людей «наполняются большим духовным содержанием», что и является «самым добрым, самым верным наследством, которое надо оставить детям»². Этим может быть сильна и нынешняя деревня, если при воспитании молодых людей такое миропонимание брать за основу крестьянского осознания роли земли и труда в крестьянской жизни.

Нельзя забывать, что крестьянское мировоззрение, действия крестьян, обычно-правовая практика в том числе, находились «в соответствии с идеалами православия», поэтому крестьянский менталитет, как считает исследователь социальной истории России Б.Н. Миронов, было бы правильно назвать «православно-христианским». Не случайно «крестьянин» (землепашец) означает в русском языке «крещеный», «православный»³. Христианскому менталитету крестьян были присущи в отношении друг к другу, к своему обществу христианские понятия — терпение, самопожертвование, солидарность, равенство, взаимопомощь. Религиозно-нравственные представления, лежавшие в основе взглядов крестьян на землю и труд, повлияли, как показал рассмотренный материал, и на складывание норм обычного права. По этому праву, осмысленному в духе православия, осуществлялось регулирование земельных и хозяйственных дел⁴. Такие ментальные черты в значительной степени оставались и в период, когда началась капиталистическая перестройка деревни, особенно когда с развитием отходничества на смену этим взглядам приходили расчет, рационализм. Но традиционные черты менталитета, поддерживаемые общественным мнением, держались долго.

Полевые наблюдения разных исследователей и разных лет над жизнью северной деревни в XX в. дают богатый материал о

¹ АИЭА. ВЭ ВО. 1984–2000 гг. Д. 8710, 8334 и др.; Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001.

² Цит. по: Яшина Н. «Из распутия...». С. 14.

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 331, 453–454.

⁴ Кузнецов С.В. Вера и обрядность... С. 286.

сохранности исконных черт в характере людей, об их поступках и действиях, как завещали им отцы и деды. Крестьянская общинно-уравнительная ментальность проявлялась и в период революции, и после нее какое-то время. Вся деревенская жизнь шла в значительной мере по традиционному образу вплоть до коллективизации. По-прежнему ни одно событие не было скрытым. Об этом свидетельствует вся обрядово-праздничная культура северян и их религиозно-общественный быт того времени, зафиксированные в недавнем описании этнографии Русского Севера¹. Обрядами, обычаями, традициями и ритуалами, многие из которых имели отношение к земле, к труду на ней, к почитанию земли, идеологически закреплялось групповое (коллективное) сознание в деревне. Да и сам труд, хозяйствование на земле были переосмыслены с христианских, религиозно-нравственных позиций, что и отразилось в обрядовой культуре крестьян. О сохранении в ряде случаев религиозного отношения к земле свидетельствует и современная практика. В полевых наблюдениях исследователя центрального Нечерноземья С.В. Кузнецова отражены факты формирования такого отношения даже у некоторых предпринимателей-фермеров. Их представления почерпнуты из прежних крестьянских понятий о земле и труде: земля – это живой организм, но ей «нужен хозяин, который ею болеет. Раньше мужик относился к земле как к матушке-кормилице», поэтому надо думать не только о том, «как получить деньги, но и как ее [землю] сохранить»².

Дожили до наших дней христианские представления о деревенской взаимопомощи (в основном в помочах), но как чисто человеческие отношения. Интересно, что элементы такой трудовой взаимопомощи «проявляются» сейчас в отношениях крестьян и новых аграрных структур, возникших в деревне. Об этом свидетельствует полевое обследование, проведенное в некоторых русских регионах в последние годы, при котором были

¹ Русский Север... Гл. 9–12; *Витов М.В.* Этнография Русского Севера. М.: ИЭА РАН, 1997.

² *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции... С. 138.

зафиксированы различные формы взаимопомощи и отработок у крестьян и фермеров. «Объем [таких] работ определяется приблизительно и никогда не выражается в денежном эквиваленте», как это было и в традиционных русских помочах¹.

Но есть и несколько иные виды взаимопомощи. Их вызывает к жизни существование в достаточно замкнутом пространстве (в микросоциуме). Теперь они проявляются при работах на приусадебных участках, например, в виде найма работника вспахать, посадить, выкопать картошку, напилить дров, починить забор или крышу и т.п. И хотя эти виды помочи не обходятся без оплаты труда (вместо прежнего пира-гуляния после общественных работ), все же, по свидетельству крестьян, «торга не бывает»: такие работники «лишнего не возьмут». Так обычное право, иногда в измененном виде, но вызванное нуждой, состраданием и взаимопомощью, продолжает жить, поскольку опирается на реальные ценности деревенского мира, нередко сохраняющиеся «в скрытой форме неисповеданного православия»².

У современных фермеров и немногочисленных крестьян-собственников было наметилось и некоторое восстановление крестьянской психологии в направлении проявлений инициативы и самостоятельности. Но у таких хозяйственников, особенно из числа бывших колхозников, до сих пор нет земли в собственности. Они не могут свободно распоряжаться ею и вести хозяйство по своему усмотрению. Кроме того, в деревне остались преимущественно те, кто не может самостоятельно обрабатывать землю – немолодые люди, не имеющие ни средств, ни техники³.

Появился в современной нечерноземной деревне еще один контингент жителей – выходцы из города. До недавнего времени это была так называемая «дачная эмиграция» на период весны-лета. Затем некоторые горожане начали осваивать сельскую

¹ Там же. С. 145–146.

² Там же. С. 151–152; АИЭА. ВЭ ВО. Д. 8710 (1986 г.), 8334 (1987 г.).

³ Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 141–142.

местность и для постоянного проживания, что происходило в 300-400 км вокруг крупных городов. Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская области становились «резервуарами новых форм хозяйственной деятельности и нового населения». В результате идет новая культура в деревню, появляются новые информационные технологии. И такого населения в северных деревнях, по некоторым подсчетам социологов, уже более 30%¹. Но эта картина наблюдается далеко не по всему Северу. «Никакими красотами не заманишь городского жителя переехать в деревню»², считают крестьяне, так как все более деревня, а не город, становится непригодной для нормальной жизни из-за своей неблагоустроенности.

Нарушение крестьянского сознания, начавшееся в советскую эпоху, продолжалось и далее в связи с изменением состава сельского населения при различного рода миграциях. Но в то же время сохранялись элементы прежнего сознания. Это отражено, например, в сельских мемуарах по Кичменьгско-Городецкому р-ну Вологодской обл.: «Нравственные качества людей были выше. Люди друг друга не оскорбляли, уважали, называли по имени-отчеству. Дети... здоровались со взрослыми... тяжелая была и их доля. После школы шли в колхоз на работу, но зато знали цену хлебушку»³. Сила русского крестьянина, его живучесть основывалась на его ментальных чертах – жить по принципам традиционной трудовой этики и по христианским заповедям, что, к счастью, не удалось изжить до конца.

Проявление крестьянских ментальных черт можно усмотреть еще в некоторых действиях крестьян в наши дни. Из-за нерешенности многих аграрных проблем, несовершенности законов в этой сфере возникают различные конфликтные ситуации «через землю», как подметила при своей полевой практике С.С. Крюкова. Ею прослежены споры (они были типичны для русской деревни и в прошлом) при размежевании усадебных, огородных участков, сенокосов, земельных паев и т.п., которые

¹ Покровский Н. Указ. соч. С. 3.

² Белова Н.Б. Указ. соч. С. 4.

³ Голоса крестьян... С. 26.

экономически значимы для каждого сельского двора. Традиционность межевых споров особенно проявляется при распределении сенокосов, когда и сейчас «бросают жребий», чтобы уравнивать пай, ибо земли неполноценны и по своему местоположению, и по качеству. Случается и в наши дни самовольное сенокосение чужих участков. Оно «карается» жестокими мерами – сжиганием стогов¹.

Такие проявления наблюдались и в северных деревнях. Так, героиня повести А.Я. Яшина «Вологодская свадьба» сожгла соседский стожок на лесной дербе, а «дерёбку эту она скашивала сама не по один год, а тут приходит – сено сметано... ну и подожгла»². Так или иначе, претензии на землю и сейчас подкрепляются обычно-правовыми представлениями о праве на нее, если налицо многолетнее пользование ею.

Не обходится и без парадоксальных ситуаций, что всегда бывает в кризисные периоды: при прагматическом отношении к земельным делам у сельских жителей бытуют суеверия, вера в сглаз, колдовство, привороты; они могут прибегать к помощи профессиональных колдунов и магов. Всему этому противостоят некоторые нормы православной этики: например, запрет при ссорах и общедеревенских конфликтах «прибегать к помощи нечистой силы», тогда как употреблять ненормативную лексику – это в обычных правилах, не вызывающих сомнений³. Несмотря на такую практику в разрешении деревенских ссор, неоспоримыми доводами для их прекращения является и сейчас факт «трудового участия [кого-либо] в обработке конкретной доли земельного участка...»⁴. Из всего этого видно, как живуче традиционное крестьянское сознание и как некоторые крестьянские устои дают о себе знать в нынешних условиях.

К сожалению, современное реформирование пытается изменить и психологию народа в целом, и крестьянскую, не думая воссоздать снова русского крестьянина, хозяйствующего на

¹ Крюкова С.С. Конфликты и способы их разрешения... С. 52–61.

² Яшин А.Я. Вологодская свадьба // Слуга народа. С. 499.

³ Крюкова С.С. Указ. соч. С. 52–61.

⁴ Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 149.

земле. При этом реформировании не учитывается «общинное наследие в крестьянской ментальности» современной России, состоящее в приоритете трудового пользования землей, равенства прав на землю тех, кто ее обрабатывает, так как труд на земле – основа жизни людей. Кроме того, общинная крестьянская ментальность, пришедшая к нам по наследству, выработала принципы демократии, социальной справедливости, коллективности, без которых нельзя реформировать деревню. А ведь именно в России, в ее условиях, общинное начало приобрело особый характер. Правда, традиционная ментальность не принадлежит современной стадии развития общества, поэтому она исторически ограничена, но в ней сохраняются те ценности (коллективизм, демократизм, взаимопомощь, равенство), созданные крестьянскими общинами, которые могут быть задействованы и сейчас в нашем обществе¹.

Сельскохозяйственные кооперативы с их традиционными артельностью и коллективизмом вполне могли бы вписаться в рынок, как это было на заре их развития в начале XX в., и они это доказали. Нынешние же реформаторы не рассматривают их с этих позиций, так как «заботятся не о рынке сельскохозяйственных товаров, а о рынке земли»². Все это ведет к разрушению крестьянского мира: наши крестьяне – носители своих культурных ценностей не могут далее передавать эти ценности молодым, поскольку наперерез им идет вторжение новых «ценностей». Крестьянство же по своему положению между обществом и природой выработало свой тип поведения, только ему присущий, свою культуру, ставшую духовной составляющей их сознания³. И все это без надлежащих условий и воспитания по принципам народной педагогики остается втуне, а ведь крестьянский мир – это вековые заповеди, кладезь народной мудрости.

¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Указ. соч. С. 38–39.

² Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие... С. 345.

³ Никольский С.А. Деколлективизация как раскрестьянивание: современная бюрократия и крестьянские ментальности // Менталитет и аграрное развитие... С. 351–352.

В современной повседневности нужна новая аграрная политика, при этом никто не отрицает, что должны создаваться и крупные агроструктуры (холдинги), и крупные кооперативы, возможно, и фермерству надо дать дорогу, если оно оказывается приемлемым и целесообразным. Конечно, конкурентоспособными могут быть крупные товаропроизводители, поскольку они способны применять суперсовременную технику и технологии. У России есть потенциал для такого развития, и его надо правильно использовать¹. Даже в Вологодской земле, нашем Северном Нечерноземье, уже есть островки, где сочетаются все формы хозяйствования (Кирилловский р-н и др.), которые не изживаются, а дополняют друг друга. Наряду с агропоселками возникли фермерские хозяйства, в которых появились новые подходы в работе. И хотя их доля в производстве продукции мала в сравнении с долями крупных агрокомплексов, они сумели учесть конъюнктуру рынка и перестроиться. Есть там и люди, которые могут умно и толково хозяйствовать на земле, проявляя поистине «созидательное творчество народа»².

Все же решение большинства проблем следует искать в деревенских традициях. Основой жизни народа всегда была деревня. Русская нация постепенно формировалась в такой деревне. Деревенские дворы обеспечивали освоение евразийских пространств. Утрата нашего потенциала была обусловлена коммунистическим коллективизмом. Выздоровление всей аграрной сферы, ее выход из кризиса может идти через производственно-поселенческие культурные формы, как в их соборном (коллективном) виде, так и в личном хозяйствовании во дворах. Наша аграрная политика нацелена лишь на создание АПК, но они одни не выведут нас к созданию нового уклада, основанного на самоорганизации сельских семей. Государственная политика «застряла» в АПК, не заинтересовавшись традиционным сельским строем, отчего пустеют хозяйственные угодья и сама деревня³.

¹ Сёмин А. Указ. соч. С. 3.

² Дементьев В. Зона риска или точка роста // ЛГ. 2009. № 3–4. С. 12.

³ Латышев В. Одна стена с двумя дверями // ЛГ. 2011. № 29. С. 3.

Законодательные меры при реформировании должны занимать не последнее место: нужна четкая программа обустройства жизни в деревне, где предусматривались бы и льготное ее кредитование, и создание современной инфраструктуры. Главное, чтобы труд крестьянина оценивался не меньше, чем горожанина. Важно, чтобы такая программа стала национальной идеей¹. На деле же сложилась другая ситуация: крестьяне оторваны от земли. Выстраивать новую аграрную политику необходимо путем создания таких производственных отношений, в основе которых должен находиться крестьянин с землей, как это было ранее в России. Нужно и правильное регулирование земельной собственности и земельного оборота. Если приобретаются сельскохозяйственные угодья в собственность, то и использовать их надо по прямому назначению. Старопахотные земли не могут долго находиться впусе, их надо обязательно вводить в сельскохозяйственный оборот. Все это должно присутствовать в разработках законов, в создании нормативно-правовой базы, с учетом антропогенных нагрузок на землю с их природоохранной и экологической регламентацией.

Сохранение и повышение почвенного плодородия было самой главной заботой крестьян, особенно на Русском Севере, где природно-климатические условия неблагоприятны и земля требовала постоянного удобрения. Другой заботой земледельцев была техника, которую они создавали применительно к своим природным и почвенным условиям, бесконечно совершенствуя ее. Сегодня нередко используются одни и те же сельхозмашины в районах с различными условиями, что губительно для почвенного плодородия. Реформировать сельское хозяйство надо, начиная «с поля за околицей». Принятая программа развития этой отрасли экономики до 2012 г. сработала плохо. «Одичалых полей все прибавляется». Работать на земле некому, никто не возвращается в деревню².

В новой аграрной политике Северу не уделено должного внимания. Основное богатство здесь, его настоящее сокровище – природная среда. Многие северные районы – это «послед-

¹ Гамаюнов И. Указ. соч. С. 13.

² Арцыбашев А. Указ. соч. // ЛГ. 2008. № 42. С. 4; № 43. С. 3.

ний резервуар чистой природной среды» не только в Европейской части России, но и в Европе в целом. Еще в Средневековье Северное Нечерноземье имело огромное значение для государства. Его земли были распаханы и окультурены на протяжении не одной сотни лет русскими крестьянами. За эти обихоженные территории «держался еще скупой Иван Калита, присоединивший их к... Московскому княжеству». Благодаря труду насельников этих земель ему удавалось крепить свою удельную вотчину¹. Вода, воздух, леса, уникальные травы здесь пока не погублены. Даже сельская архитектура «с ее фантастической привлекательностью» (храмы, крестьянские дома-хоромы, хозяйственные строения, немногочисленные бывшие помещичьи усадьбы) при продуманной реставрации и хозяйском отношении может быть восстановлена².

Но подъем Нечерноземья станет вряд ли возможен, если не будет сохранена его первозданная природа: «воздух хрустальной чистоты», флора, фауна, неискаженный исконно русский неброский сельский пейзаж³. Словом, если не будет нарушена природная среда. Вот как об этом образно сказал писатель В.Г. Распутин: «Гармонию сельского жителя прежде всего составляет природа – красота окружающего его божьего мира, леса и реки с их обитателями и дарами, сезонные работы на земле, радость от урожая, жизнь не столько по часам, сколько по солнышку, подчинение забот и хлопот годовому циклу, братство с животным миром, молитвенное замирание перед заходящим солнышком. В деревне человек самостоятельней и чувствительней, мастеровитей и полновесней. И сам он приходит здесь в этот мир точно из родной земли, и дальнейшее отцовство его и материнство – от них же, от земли и неба. Здесь он может быть дома в вековечности»⁴. В этом высказывании отражена вся сущность крестьянства, его предназначения, миропонимания и единения с этим миром.

Обустраивать северную деревню необходимо, не возвращаясь к ее старому бытию, а на новом уровне технологии с совре-

¹ Дементьев В. Указ. соч. С. 12.

² Покровский Н. Указ. соч. С. 3.

³ Бобров А. Белая дорога. Очерки. М., 1985. С. 111.

⁴ Распутин В. Указ. соч. С. 4.

менными механизмами, которые позволяют сохранить природу и не нарушать крестьянское отношение к окружающей среде. Конечно, реанимировать старое или решать современные проблемы с использованием отжившего нецелесообразно, тем более, что переосмысление новых реалий деревенского Севера уже идет. Правда, и старые представления и стереотипы еще живучи – или в надежде на возвращение колхозов, или на восстановление исчезнувших деревушек. Некоторыми исследователями современного села высказывается мысль: выход из настоящей ситуации может состоять «в выращивании [прежнего] кулака, чтобы зубами за хозяйство держался и выживал в рынке», но и таким хозяевам нужна помощь от государства, иначе люди бросят землю¹.

Наши агрореформы следует начинать с помощи крестьянину, ибо, как говорят сельчане, «много без чего можно обойтись» людям, но без хлеба и всего, что производит деревня, выжить нельзя. Без родной деревни-кормилицы, считают они, наше существование немыслимо². Именно деревню называл поэт А.Я. Яшин «спасением русского народа»:

Ты душою была для России,
Как же дальше нам жить без души?

Деревню он считал основой нашей национальной культуры. «Исток наш, Родник» – писал А.Я. Яшин. Это не только реки, леса, а и «глубина нашей души, мыслей, чувств, нашей веры, нашей любви»³.

О том, что именно таково предназначение и сущность русской деревни, можно судить по сохранившимся в сознании современного человека понятиям и представлениям о земле, о сельскохозяйственном производстве, российском селе и т.д. Для характеристики этого сегодняшнего сознания привлечем данные интереснейшего источника – «Русского ассоциативного

¹ Бобров А. Болеутоляющее... С. 4.

² Распутин В. Указ. соч. С. 3.

³ Яшина Н.А. Кто такой Яшин? // ЛГ. 2008. № 28. С. 11.

словаря»¹, в котором представлена вербальная память и языковое сознание усредненного носителя русского языка конца XX в. В течение десяти лет языковедами проводилось обследование путем анкетирования вузовских студентов первого-третьего курсов в возрасте от 17 до 25 лет, родом из разных мест, но для которых русский язык является родным. Это было предпринято с целью спрогнозировать развитие сознания тех русских, которые в ближайшие десятилетия будут определять языковую, духовную и материальную жизнь общества, и таким образом «сделать выход» в будущее сознание русских. Сейчас же выявлено сознание русских людей, принадлежащих к определенному поколению. Использование этого источника вполне правомерно, так как данные получены в ходе массового эксперимента. Это не только источник лингвистической информации, но и инструмент социологического и социально-психологического исследования, позволяющий судить о «ментальном климате» людей, предоставлявших данную информацию.

Приведем некоторые примеры такой информации. Понятия, относящиеся к сельской жизни, ассоциируются со следующими представлениями.

Деревня². Представление о ней многопланово. Во-первых, в нем сохраняется старое понимание деревни, присущее еще предшествующим поколениям, воспринимавшим ее как свой дом (*избушку* или *хату*), родину с живущей в ней *родней* и другими *крестьянами*, *родную землю* и даже *Россию*, а также как деревенское хозяйство – *поле*, *корова*, *лошадь*, *утка*, *петух*, *молоко*, *огород*, *сено*. Для многих деревня ассоциируется с природой – *лес*, *воздух*, *красивая*, *простор*, *речка*, *тишь*, *покой*, *луг*, *тополь*, *яблони*, *ягоды*. В приводимых в «Словаре» ассоциациях можно найти сведения обо всех этапах, которые проходила деревня в XX в.: сначала – *колхоз* (и *сельпо* в нем), который существовал до конца века, затем превращавшаяся в *неперспективную*, *заброшенную*, *вымирающую*, а в самые последние десяти-

¹ Русский ассоциативный словарь. М., 2002. Т. I.

² Там же. С. 162.

летия иногда – в *дачу*, с которой связаны *лето, бабушка, отдых*. Есть и неприглядные ассоциации, когда деревню воспринимают как *грязь, осень, пустошь*, что связано с отсутствием в ней благоустройства. Можно найти и представления, сложившиеся на основе знакомства с литературой, теми или иными воспоминаниями, рассказами и т.п., например, *Потемкинская деревня, глухая, далекая, забитая, захудалая, Простоквашино* (из детской литературы), *экзотическая*. Четкое восприятие деревни прослеживается именно с *русским поселением*. Почти идентичны этим и зафиксированные в «Словаре» представления о селе¹.

Земля². Крестьянское понимание земли также не исчезло. Есть понятия *родная* (в том числе *малая родина*), *мать, матушка, кормилица, колыбель, земля отцов, поле*. Ассоциируется земля и с *домом, деревней*, но более с крестьянским хозяйством – *почва, сыра, рыхлая, твердая, хлеб, огород, урожай, чернозем, сад, копать, пахота, пашня*. Даже религиозные представления о ней, живущие и сейчас, например, в поминально-похоронной обрядовой культуре, находят место в сознании современных людей – *земля пухом*. Показательно, что в понятие земли иногда заложена та или иная идентичность человека – *российская, советская, русская, волжская* (извечное представление о своей малой земле и земле-отчизне). Неудивительно, что приводимые в тексте настоящей главы высказывания писателей и стихи поэтов «вобрали» в себя эти исконные представления крестьян о земле, которые перекликаются с приводимыми в «Словаре» понятиями у современной молодежи. Встречаются также космогонические представления о земле, усвоенные при получении образования – *шар земной, космос, обетованная, земля Санникова, планета, Вселенная, вертится*.

Крестьяне³. Они предстают в нескольких понятиях, сущность которых близка к понятиям о земле, деревне. Во-первых, они

¹ Там же. С. 579.

² Там же. С. 219–220.

³ Там же. С. 276.

прямо ассоциируются с *землей, деревней, селом*, с работой на земле – *рабочие, поле, хлеб, посевная, сенокос, за плугом*. Во-вторых, остается понимание социального положения этой категории, причем ее состояния с далеких исторических времен и до последних лет: есть знания о *барине* (даже *боярах*), *крепостном праве, крепостных, крестьянском бунте, батраках, о коллективизации, колхозниках, современных фермерах*. Почерпнутые из литературы представления также находят место – «[крестьянин] торжествует», *лапоть* (забитый), *мудрый* (отличительная черта характера перекликается с поэтическими высказываниями Н.А. Некрасова). Устойчиво понятие крестьянина как *русского*, т.е. является своеобразным этнонимом, как прежде этноним «русский» и конфессионим «православный» были синонимами.

Колхоз¹. Кулак². Представления о новом советском создании – колхозах – в ряде случаев переплелись с понятиями *земли, деревни, поля, села*; с хозяйствованием там – *корова, картошка, навоз*; иногда связано их появление со временем *НЭПа*, предшествующим коллективизации, а еще глубже – их связывают с *архаикой*. Чаше всего колхозы обозначаются категориями чисто советского времени: *совхоз, миллионер, передовой, отсталый, трактор, комбайн, «имени Ленина»* (название колхоза) и т.п., *председатель* (глава колхоза), *собрание* (сельский «сход» советского времени), *бригада* (подразделение колхоза), *ферма, доска почета* (передовиков производства). Специфика работы в советское время вызвала к жизни понятия – *каторга, грязь, подшефный, целина* и современное – *рынок*. Из литературных ассоциаций есть представление о коллективизации и колхозах, связанное с героем М.А. Шолохова *Давыдовым*.

С колхозного времени осталось понимание кулака как *сельского богача, купца*, и есть знание о *репрессированном* кулаке. Встречаются определения кулака как синонима *колхоза* (результат полного незнания того и другого).

¹ Там же. С. 260.

² Там же. С. 283.

Община¹. Сельский коллектив, воплощенный в русской общине, живет в сознании людей также как неоднозначное понятие. Есть ее определения, не относящиеся к крестьянскому коллективу: *клан, людей, стадо, группа, коллектив, сплоченность, общага, общак* (последние два – жаргонные), *стая, братская, братство, народная, местная*. Некоторые знают об общине как социальной организации с древних времен – *первобытная, родовая, древняя, племя, род, село, была в крепостное время, старая*. Что касается крестьянской общины, то ее определяют чаще по структуре – *большая, семейная, соседская, сельская, собрание* (старый сход, колхозное собрание советского времени), *коммуна* (коллектив в первые годы советской власти). Существует понятие вероисповедальной общины – *религиозная, староверцев, тайная, христиан*. По профессиональному признаку определяют общину – *морскую*; *дедовщиной* называют армейский коллектив. Отрицательное отношение к этой категории выражено понятием *трясина*. Этническую окраску имеют общины *русская, еврейская*.

Кооператив². Коллективные организации в деревне иногда ассоциируются с кооперативами. Остается знание о кооперативах 1920-х годов, но преимущественно как торгово-потребительской кооперации, которые появились и в наше время с перестройкой – *ларек, магазин, палатка, торговля*. В меньшей степени сохранилось представление о них как хозяйственных объединениях в деревне – *артель*, чаще как о современных хозяйственных структурах – *АО, предприятие*. Сейчас их относят и к городским «заведениям» (особенно к финансовым) – *бизнес, банк, деньги*. Литературные знания о них сохраняются в названиях – *подпольный, «Рога и копыта»* (из произведений И. Ильфа и В. Петрова).

Деревенские хозяйственные занятия вызывают у современных людей следующие ассоциации.

¹ Там же. С. 395.

² Там же. С. 268.

Жать¹. Часть таких понятий относится к некрестьянским занятиям и связана с другой деятельностью – *руку, сок, педаль, на кнопку, тормоза*. Из крестьянских представлений этой категории остаются понятия, связанные с *урожаем*, с сельскохозяйственными культурами – *рожь, пшеница, зерно, колос* и вообще с деревенским *полем, хлебом, маслом* (способ его производства), с *серпом* (крестьянское орудие для жатвы), ошибочнее – *молотить* (это другой производственный процесс, нежели жатва) или «жать сено серпом» (а не косой, которой косят траву).

Лен². Извечное занятие северных крестьян – выращивание, обработка льна и производство из него тканей – находит и сейчас место в сознании современников. Лен понимается как культура – *трава*, как *ткань*, производимая из него, а способы его обработки сохранились в знании таких процессов, как *трепать, чесать, мять* волокна.

Навоз³. Самая большая повседневная забота северных крестьян – это удобрение полей, причем не минеральными, а органическими удобрениями, особенно навозом. В современной деревне мало занимаются этой проблемой в связи с кризисом сельского хозяйства: многое в получении, сохранении, изготовлении навозного удобрения утрачено. Но воспоминания, знание о нем существуют. Его действительно ассоциируют с понятием *удобрения*, причем *органического удобрения*, необходимого нечерноземным почвам, и этим процессом испокон веку занималась *деревня* (с ней ассоциируется это понятие), затем советский *колхоз*. Помнят, что работа с таким удобрением связана сначала с его получением от *коров, из свинарника, конюшни*, затем с перевозкой его *на возах, телегах в поле перед севом*. Часть людей, не имеющих отношения к крестьянским делам, воспринимает навоз как *грязь, дерьмо, помет, вонь* и даже связывает его с *навозным жуком*.

¹ Там же. С. 192.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 342.

Ржаной¹. Это понятие ассоциируется с *хлебом, полем, караваем, мукой*; несведущие люди путают его с *пшеничным*, или дают отрицательную характеристику – *черный, черствый*, не зная, что когда-то это был основной хлеб, по крайней мере на Севере Руси до XVIII в., и экспорт ржи за границу исчислялся немалыми величинами.

Ячменный². Представление о нем нашло отражение в большем числе понятий, нежели **ржаной**. Основная его сущность, судя по приведенным в «Словаре» примерам, связана с *коло-сом, полем, хлебом, зерном, соломой, севом, урожаем*, с приготовленными из него *крупой, кашей, пивом, квасом, пирогом, супом*, даже с *самогоном, спиртом*, а теперь и с *кофе*; иногда путают с *кукурузным*.

Сельскохозяйственный³. Это общее понятие связывают со *скульптурой В. Мухиной, с ВДНХ, колхозом, коровой, льном, Мальцевым* (знаменитая «мальцевская пахота» народного агронома).

В использованных примерах даны словарные представления в основном жителей Нечерноземья. Аграрные понятия людей других зон России, конечно, также существуют, особенно понятия *чернозема* или *целинных земель* советского времени и др. Даже исходя из этого краткого перечня приведенных понятий видно, что «Словарь» в целом способствует созданию модели, в которой содержатся знания о русской земледельческой культуре и с помощью которой формируются представления о фрагментах образа мира в этой культуре. Эта модель знаковой языковой системы позволяет уловить процессы речевого воздействия, мотивации, поведение, характер ценностных ориентаций, закономерности социализации.

Из рассмотрения материалов настоящей главы можно заключить, что народное понимание земли, труда на ней, земельной собственности, проявлявшееся в повседневной жизни в

¹ Там же. С. 556.

² Там же. С. 745.

³ Там же. С. 580.

прошлом, полезно иметь в виду при проведении аграрной политики, совершенствовании земельного законодательства в настоящее время. Нужны также исследования экономистов, правоведов, социологов, специалистов по аграрной истории и этнографов — о современном состоянии деревни, в которых присутствовал бы анализ разнообразных данных, наряду с учетом истинно народных знаний, опыта, нравственных ценностей. Все это может помочь найти выход из кризисного состояния, а главное, способствовать воспитанию нового хозяина земли с его подлинно крестьянским мышлением. Необходимо и правильно применить опыт русского крестьянина к сегодняшнему дню в новых условиях с новыми технологиями. Наше сельское хозяйство, крестьянские знания и опыт — это не только экономика, а и состояние сознания, образ мышления, без обращения к которым невозможно строить новую жизнь.

Глава IV

Семейно-родственное сознание севернорусского крестьянства

В настоящей главе обратимся еще к одному виду народного сознания – семейно-родственному крестьянскому сознанию северян, и попытаемся показать, как оно отразилось в их брачных отношениях, семейном строе и укладе, в демографическом поведении и народно-семейной педагогике.

Брак и семья, семейно-брачные отношения и быт – это важнейшая часть культуры народа. Поскольку она соприкасается со всеми сторонами жизни и деятельности людей, ее рассмотрение позволяет лучше понять историко-культурный облик народа и способствует выявлению различных этнографических явлений во всей их взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того, и брачные, и семейные отношения любого народа или населения регионов обладают устойчивым этническим, конфессиональным, социальным своеобразием. Сформировавшиеся в семейно-родственной среде и закреплённые обычно-правовыми нормами, эти отношения передаются именно в этой среде из поколения в поколение. Здесь и кроются причины устойчивости многих семейно-брачных установок и традиций, «поддерживающих территориальное и временное единство людей в пределах их этнической принадлежности»¹ и таким образом способствующих воспроизводству и стабилизации численности народа. Но, с другой стороны, эти отношения, будучи связаны с общественным развитием, отражают изменения, происходящие в обществе, и более, чем другие сферы культуры и быта, подвержены трансформации, модернизации.

¹ Шмелева М.Н. Народные традиции в развитии современной городской семьи у русских: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. С. 3–4.

Представления северян о семье и семейно-родовых связях ранних периодов истории

Обратимся к рассмотрению всех этих проблем на примере семейно-брачных отношений северян. При современном этнографическом обследовании населения любой местности можно обнаружить интерес жителей к истории своего края, к появлению первых его насельников, к основанию ими родов-семей. В исторических представлениях севернорусских крестьян такое знание занимало значительное место. Эти представления можно почерпнуть из местных легенд, преданий, фольклорных произведений, сохранявшихся на протяжении длительного времени. С ними можно было «встретиться» и в XX в., они известны и сейчас. Правда, исторические знания могли появиться у местных жителей при знакомстве с литературой, при получении образования, но они «легли» на благодатную почву, поскольку такие знания подспудно «спрятаны» в человеческом осознании себя и окружающей среды.

На Русском Севере всегда жили предания о ранних этапах его заселения, о встречах пришельцев-славян с местной *чудью* (чудскими племенами). Такие предания были зафиксированы и древними летописями. На основе преданий складывались представления, откуда пошло местное население и даже отдельные семьи-роды. Так, в одном из районов Севера – в Белозерье – до XX в. бытовали легенды, повествующие о «варяжском» периоде его истории. Там, по преданиям, между Белозерским и Кирилловским уездами у д. Росляково находилось захоронение Синеуса, брата Рюрика, – «Синеусов курган». По известной еще и в XIX в. легенде, в этом крае «...преже ко беша Словене и Чудь...», затем появились варяги – «пришельцы те суть», которых «праотцы наши словени... изгнаши», а по прошествии тысячи лет там остался лишь курган, где лежит «какой-то ... Синий Ус...»¹.

Точно так же в другом северном районе – в местности Троицина бывшего Кадниковского у. – в конце XIX в. вспоминали

¹ *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М., 1850. Ч. II. С. 61–63.

легенду о «нашествии воинственного народа – чуди». А в Тихмангской вол. Вытегорского у., по преданию, шла «Аминтова дорога», по которой чудь продвинулась в Каргополье, где у озера Лаче ее вождь Аминт был разбит славянами¹.

Предания, легенды, мифы скрывают в себе информацию о синтезе славянских и чудских (в данном случае – финно-угорских) компонентов в составе населения Севера и в его культуре. В народе долго жила память о «чудских следах». Знали люди и от какого корня происходили та или иная семья или род. Так, о чудском происхождении нескольких семей было известно еще и в начале XX в. в Шведеницкой вол. на Кокшеньеге, в Вельском и Тотемском уездах².

Память об основателях родов-семей сохранялась веками и вошла в топонимическую систему Севера. Известно, что характерной чертой сельского расселения на Севере являлись *гнезда* поселений, которые располагались по берегам рек и озер и в лесных рощистях, особенно в ранний период его освоения³. Эти гнезда были сначала населены родственными коллективами (*патронимиями*), отчего и названия некоторых гнезд произошли от имен или прозвищ их основателей и известны в собирательной форме – *Маркуши, Захарята, Давыдята, Ермаковицина, Микулята, Денисята, Корнилята, Хомяковицина*. С течением лет от таких топонимов возникали родовые и семейные фамилии.

На Севере бытовали легенды о происхождении семей или отдельных людей и в более поздние периоды, нежели «чудское» и «варяжское» времена. В литературе XIX в. появились сведения о вкраплении с XVII в. западных выходцев в состав населения Севера, главным образом в местах по Сухоне. Это

¹ Шустиков А. Троичина Кадниковского уезда // ЖС. 1892. Вып. II. С. 115; Пятунин П. Каргопольщина в прошлом и настоящем. Каргополь, 1924. С. 16–18; ВГВ. 1885. № 44. С. 8.

² Едемский М.Б. Из кокшеньгских преданий // ЖС. 1905. Вып. 1–2. С. 75–76.

³ Витов М.В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // СЭ. 1955. № 1.

связывалось со временем Смуты, когда происходило нашествие польско-литовских военных отрядов. С тех времен в народе появились легенды о «поляках», о «панах», зафиксированные даже в местных летописях. В «Вологодском летописце» под 1613 г. записано: «...В Прилуцком монастыре польские и литовские люди... с казаками... воевали села и деревни...». О военных действиях с «литвой» существовали легенды в Тордоксе (в гнезде деревень) по Вожеозеру. Было известно о разбитых под Москвой и в «страхе заполонивших чужой речью» берега Шексны гонимых польско-литовских отрядах: «...и видела их церковь Параскевы Пятницы Рыбной (у шекснинских рыбаков. – *И.В.*)». Никольское Городище Спасской вол. на Кокшеньге также защищалось от «панов». В Великом Устье в «Панском болоте» утонули в то время отряды панов. В одной народной песне в Никольском у. пелось: «паны пиво выпили, а хозяев выбили»¹.

Военные действия, разбой и грабежи прошли под Вологдой, в Кадниковском (волости Грибцовская, Корнеевская, Заднесельская), Вельском, Устюгском, Сольвычегодском уездах, в Кичменьгском Городке, в Шекснинско-Белозерском крае. Здесь хозяйничали отряды казаков пана Голеневского и гетмана Баловича. Эти разбойничьи отряды и отождествлялись в народе с поляками («пан», «барин» – в Вельском у.). Якобы с тех времен у местных жителей появились польские фамилии, т.е. семьи считались польского происхождения. Но это неверное представление, так как оседания в русских селениях польских людей не происходило, а шли военные действия, и эти отряды были разбиты и изгнаны. К тому же фамилии вообще – явление позднее. Польские фамилии у местных жителей стали появляться, когда после разделов Польши сюда попадали высланные поляки. Именно с той поры в Кадниковском у. жили известные семьи Пижаевских-Марковичей, Симановских, Нико-

¹ Вологодский летописец. Вологда, 1874. С. 28; *Мерцалов А.Е.* Предания о панах // Русская старина. СПб., 1883. Т. XXIX. № 9. С. 654–655; *Савеличев А.* Переборы // Наш современник. 1989. № 2. С. 95; *Дементьев В.* Великое Устье. М., 1972. С. 261.

польских и др. Кроме польских фамилий, отмечалось некоторое западное влияние в народной культуре и в языке («ляшские» черты в костюме, акающий говор), до конца необъяснимое и в наши дни.

В науке существует мнение, что проникновение какой-то части населения с запада на Русский Север было еще в древнерусский период или еще ранее, и с тех пор, возможно, под западным влиянием формировалась в языке и культуре местная специфика¹. Есть еще одно мнение о причинах появления в северной культуре и языке западных черт. И это также связано с миграционными волнами из западных земель на Вологодчину. Туда в XVII в. переселялись, получая во владение земли, служилые люди, которые переводили сюда крестьян из своих западных имений². Но, так или иначе, западный (польский или другой) элемент в любой период истории Севера не мог оказать существенного влияния на этносостав его населения.

Зная о своем происхождении, жители любых мест находили, чем они отличались от соседей, а особенно, если они были представителями разных народов, разных социальных групп, даже отдельных категорий крестьян (см. примеры в гл. 5). Так, большое своеобразие в центре вологодских земель, по сравнению с другим населением, имели *кокишары* – жители Кокшеньги, которые испытали на себе влияние не только древних *чуди* и *мери* (XII–XV вв.), но и двух миграционных потоков славян – ростовцев и новгородцев. Согласно легенде, новгородцы, имевшие прозвища Сила и Бусый, основали здесь свои роды-семьи, получившие фамилии Силинских и Бусыревых. Бытовало мнение, что здешние жители – «потомки Новгорода со времен Марфы Посадницы». Потомками новгородцев считали себя

¹ Шустиков А.А. Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк // ЖС. 1895. Вып. II. С. 184; Едемский М.Б. Говор жителей Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии // ЖС. 1905. Вып. 1–2. С. 103; Филин Ф.П. К вопросу о происхождении аканья // Диалектологический сборник. Вологда, 1941. Вып. II, ч. II. С. 146–160.

² Слепцова И.С. Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 356.

в Устюгском у. жители Кичменьгского Городка, Халезских Городков и Андангских Починков. По их землям прошел когда-то на Каму, как гласит предание, новгородский посадник Анфал, где воевал с чудью, а жители Андангских Починков и до сих пор носят фамилию Новгородцевы¹.

Во многих местах долго помнили о новгородцах и летописной чуди. Эта память облекалась в прозвища семей. В начале XX в. жители некоторых деревень на Кокшеньге назывались «Чудью» «по их чудской природе» (Батововы и др. в деревнях Подгорная, Ильинская, Скребиха). Родовое прозвище «Чудь» имели жители д. Ричка в Озерецковском приходе, отличаясь от своих соседей кокшаров, у которых и в облике, и в характере было больше черт новгородских, нежели чудских. Иногда со временем чудской или мерянский след исчезал, особенно к концу XIX – началу XX в., его замещали следы мордвы, коми-зырян, карелов, существование которых для местных жителей на то время было реальностью; отсюда и происхождение некоторых семейных прозвищ – «Мордва» (д. Наумовская Спасской вол. Тотемского у.), «Корела», «Зырь», «Зыряна» в том же уезде в деревнях Первая Корелинская (Боярская), Вторая Корелинская (Володино). Все это говорит о том, что в составе местных жителей существовал, кроме славянского, финно-угорский компонент², и некоторые семьи были потомками представителей последнего.

В древности люди всегда интересовались, «какого роду-племени» тот или иной человек, особенно пришедший издалека. Общее происхождение какого-либо сообщества от одного определенного предка облекалось в слово «племя», равное по значению однокоренному слову «плод», т.е. «рождение». На Руси бытовал обычай в день Узорешительницы 4 января вспоминать о роде-племени русском и славить мать-Родительницу³.

¹ ВГВ. 1846. № 13–14. С. 139; 1848. № 36. С. 408; 1855. № 27. С. 235; 1885. № 44. С. 8; 1912. № 16. С. 403–404.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 об.; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 221. Л. 54; Шустиков А.А. Тавреньга... С. 184; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 62. Л. 26 об.; Р. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.; Д. 100. Л. 68.

³ Рожнова П. Русский короб: Поэтические произведения. Очерки о русском народном календаре. Вологда: Книжное наследие, 2008. С. 189.

Сведения о происхождении крестьян и отдельных семей от первых насельников бытовали широко и до сих пор известны. К этому типу относится, например, рассказ о возникновении с. Усть-Алексеевского Устюгского р-на Вологодской обл., согласно которому сюда пришли два брата – Иван и Алексей. Шли они, по рассказам, из центра Руси «за свободной землей» и обосновались здесь: «один на одном завраге, другой – на другом, через овраг да речку». К ним подселялись другие крестьяне, строились, обзаводились семьями. Так здесь появились Олёксы, Афанасьевы, Митревы, Васильевы, Степановы. Названия возникшим двум деревням дали от имен братьев – Иваново и Алексеево, позже из них образовалось с. Устье по расположению его в устье р. Варжи. Деревня Иваново составляла северную часть села, которая сейчас является центром с. Усть-Алексеевского, а д. Алексеево стала южной его частью. Обе эти части села и сейчас выглядят как две деревни. Аналогичным было заселение и соседней д. Матлоево, куда сначала пришли два крестьянина – некие Беляев и Четвериков, «от них пошли дети (семьи. – *И.В.*), и в деревне стало 13 домов». Точно так же, по рассказам, пришел из Великого Устюга первый житель в д. Белозерово – некто Кудрявцев. Он якобы имел большую семью и «взял в дом» зятя Елфимова из д. Нечайково. От этого зятя в деревне пошли Елфимовы, а от его тестя – Кудрявцевы¹. Все эти примеры свидетельствуют о том, что раньше семейно-родственное крестьянское сознание включало многое из исторических представлений и сохранялось в генетической памяти.

Не случайно в древности у каждого рода существовал образ своего Древа жизни, своих корней, от которых с течением времени росли другие деревья, превращаясь в лес. Такие Древа жизни на Севере изображались в росписях по дереву, в вышивках, в тканых изделиях, и в их ветвях обитали сказочные птицы (образ Жар-птицы, Чар-птицы, Царь-птицы или вещуньи Стрефил-птицы). По народному поверью, эти изображения давали,

¹ Власова И.В. Поселения и состав населения в центральных районах Русского Севера (по материалам экспедиций 1986–1994 годов) // ПИИЭА. М., 2001. С. 198–199.

например, готовящей свое приданое девушке «силу и желание зачать дитя», способствовали охранению любви¹.

Иногда воспоминания о первопоселенцах связывались с историей семейного жилища, построенного предком и основавшего целый род, к которому стали подселяться и строить свои дома другие роды. Вообще дом (на Севере изба) – это родовое обозначение жилья. С древних времен слово «дом» имело значение «хранитель рода, семьи, хозяйства», «созданная своими родными силами и убереженная жизнь». Существовали древние обычаи, согласно которым 1 января полагалось поклониться родной земле, 2 января – родному дому². В историях о «родовом доме», по свидетельству исследовательницы семьи у северян И.А. Разумовой, выражены судьбы определенных семей, их состояние в различные периоды, отложившиеся в семейной памяти и явившиеся одним из факторов формирования родственных связей, отношений и семейного сознания³.

Интерес к событиям и фактам, связанным с исторической и генетической памятью, снова появился и все более возрастает у северян сейчас, в условиях активизации народного сознания. Это происходит путем обращения людей к памяти родных и близких, к их жизни и деятельности, к их опыту и нравственному «багажу», которые составляли основу миропонимания не только отдельных семей-родов, но и целых поколений⁴.

Представления крестьян о значимости брака в жизнедеятельности сельского мира

Особенности семейно-родственного сознания севернорусского крестьянского населения можно рассмотреть полнее на материалах более поздних, нежели относящихся к чудскому,

¹ Рожнова П. Указ. соч. С. 560–561.

² Там же. С. 188.

³ Разумова И.А. Потайное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. С. 130.

⁴ Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1999. С. 131.

варяжскому, раннеславянскому периодам истории Севера. Судить о брачных отношениях и семейном строе северян, осознании ими своего семейного уклада и взглядов на семью и брак позволяют источники с XVII в. С началом писцового дела (переписей) на Руси фиксировались отдельные моменты, по которым, хотя и не в полной мере, можно выявлять существовавшие семейно-брачные отношения. В таких материалах более полно представлены данные о семейном строе, форме семьи, ее поколенном и численном составе и менее полно – о брачных отношениях, предшествующих созданию и жизни семей. При ретроспективном рассмотрении более поздних материалов (конца XVIII – XIX вв.) можно сделать вывод о становлении семейно-брачных отношений на более ранних этапах, о стойкости различных традиций.

Проблема брака и брачных отношений предполагает рассмотрение вопросов правового, морально-нравственного, экономического, бытового, этнического характера и раскрывается при выявлении условий, мотивации, форм заключения брака, брачных ориентаций и ценностных установок, характера добрачных отношений и добрачного времяпрепровождения (досуга), брачного возраста и связанных с ним ранних или поздних браков, повторных браков и, наконец, браков неравных (по возрасту и положению), браков смешанных в сословном, этническом или конфессиональном отношениях, взглядов разных слоев населения на брак и на развод.

Обратимся к конкретному рассмотрению брачных отношений северян, выявляя осознанность ими этих отношений, глубину понимания роли и значимости брака для жизнедеятельности не только создаваемой отдельной семьи, но и всего сельского мира.

В браке крестьян, по традиции, всегда наблюдался расчет, ибо условия существования деревенской семьи, ее хозяйство, повседневные заботы и труд неизбежно заставляли думать о сохранении налаженной жизни, о продлении рода человеческого. Поэтому столь велика была роль родителей и общественного мнения, их опыта в браке молодых, которым фактически было отказано в праве выбора. Такое положение существовало на

протяжении не одного столетия. Родители выбирали жениха или невесту, а общество высказывало свое суждение о каждой брачной паре («подходят ли друг другу»). Отсюда вытекают те брачные институты-обычаи (*сватовство, сговоры, рукобитья, пропой*), которые имели правовое значение при брачных договорах, и те формы заключения самих браков, о которых находим свидетельства в источниках. Все это происходило по нормам обычного права, в чем проявлялось правосознание крестьян.

Итак, обычным для северян, как и жителей других русских районов, был выбор брачной пары родителями, достижение ими договоренности о браке во время народных брачных обычаев, обязательное венчание после таких мероприятий и устройство свадьбы (*пира*)¹. Такой брак был зарегистрирован в обысковой книге 1778 г. Спас-Преображенской Кокшеньгской церкви, когда женился дворцовый крестьянин Семен Кичигин из д. Борисовской Спасской вол. Кокшеньгской чети Важского у. на дочери дворцового же крестьянина Евдокии Кондратьевой. При регистрации брака в церковных книгах, как правило, стояла примерно такая приписка: «оба православной веры, первым браком, родства, свойства, кумовства, крестного братства не имевшие»².

Были, конечно, и отклонения от нормы, например, тайные (*убёгом, уводом*) или насильственные браки (против воли молодых). Насильственный брак был осуществлен в 1658 г. в селении Шуйский Ям, когда бобыля Сеньку Иванова венчали против его воли и отдали за него «девку слепую и беремену», о чем он подал архиепископу Маркелу жалобу-челобитную на сельских церковных причетников и пономаря³. Но более всего граничили с отклонениями от нормы браки северных старообрядцев, не признававших венчание. О таких браках раскольни-

¹ Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере. СПб., 1785. С. 25; Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русский Север... С. 473–574.

² Бурцев Е. Спас на Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии: Историко-статистический очерк. Вологда, 1912. С. 29.

³ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 23. Д. 4. Л. 1.

ков Каргопольского у. в 1730 г. сообщалось в Синод: «...жили с беглыми девками, не венчались, детей не крестили»¹. Это касалось старообрядцев-безбрачников, у которых был такой вероисповедальный принцип в вопросе о браке.

Своеобразными были и браки крепостных крестьян в XVIII в. В них последнее слово оставалось не столько за родителями или самими молодыми, сколько за баринем. Помещики были не заинтересованы в браках крестьян на стороне, чтобы не лишаться рабочих рук. Поэтому они зачастую сами подбирали брачные пары и очень редко «отпускали на свободу» своих подопечных при женитьбе. «Девки крестьянских на сторону не отдавать, а кому отпускная подписана будет, выводу брать наперед по 5 руб., а в своей вотчине, у кого с кем по согласию сойдетца, отдавать без выводу», – такой вердикт подписал в 1730 г. граф П.П. Бестужев-Рюмин в инструкции приказчику в принадлежавшем ему с. Городище Череповецкого у.² Согласно таким правилам выдавали замуж и женили своих крестьян и другие владельцы. Так, в 1777 г. помещик Г. Калинин (Вологодский у.) отдал свою дворовую девку Ульяну Петрову за дворового человека помещицы П.Я. Мятлевой. По приказу помещика А.И. Скорятина в том же уезде была насильно повенчана его беглая крепостная Анна Иванова с крестьянином из с. Березовка Михаилом Парфеновым³.

Каждый помещик в браках своих крепостных искал выгоду прежде всего для себя. Крестьянам же было отказано самим решать свою судьбу. Но действия помещиков могли быть и наказуемы, если они не исполняли предписанных церковью правил, примером чего может служить повенчанный в 1783 г. брак дворового человека Петра Данилова, принадлежавшего помещику Кирилловского у. А. Ушакову. Жених *уводом* взял невесту из отцовского дома, «посадил в сани к своей матери в

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 11. Т. X. Д. 383. Л. 630–631.

² *Осьминский Т.И.* Материалы по истории местного края. Вологда, 1951. С. 134.

³ *Титов А.* Указы Вологодской духовной консистории 1783 г. // ЧОИДР. М., 1908. Кн. III. Разд. IV. С. 37–39.

колени и привез к помещику, а тот их отправил в церковь» в Череповецкий у. За брак в чужом приходе суд наказал П. Данилова плетью, священника и дьячка послал в «монастырские труды», помещика оштрафовал и расторгнул брак крепостных¹.

Вообще брак нельзя было расторгнуть по чьему-либо желанию. Для развода необходимо было найти исключительные причины, сам же развод осуществлялся по решению Синода, а поэтому в крестьянской среде не было практики разводов и заключения после этого повторных браков. Последние разрешались лишь вдовым людям, ибо ведение крестьянского хозяйства требовало, чтобы в доме наличествовали и мужские, и женские рабочие руки. Тогда крестьянин сознательно шел на второй или третий брак, чтобы не подвергать риску свое дворовое хозяйство и семейное положение, особенно когда после смерти того или иного родителя оставались сироты. Повторные браки, зафиксированные документами XVII–XVIII вв., были браками вдовцов или вдов. В «Писцовой книге вотчин Вологодского архиерейского дома для переписи крепостных крестьян» (XVII в.) отмечено: «Двор пуст Андрея Агеева (умер. – И.В.), а жена его вышла замуж в д. Паново за Якимку Микифорова»², и таких браков в книге на год ее составления более не записано, что говорит о редкости повторных браков.

Несколько вторичных браков можно выявить по «Ревизским сказкам о числе душ помещичьих крестьян Вологодского уезда» 1782 г.³ В д. Ромашиной, принадлежавшей генерал-поручику П.С. Свиньину в Кубенской трети уезда, крестьянка после смерти мужа вышла замуж снова в с. Огарково Комельской вол. Грязовецкого у. (принадлежало этому же владельцу). Аналогичный случай был в д. Лебзина Сямской вол. (губернского секретаря С.Я. Юрьева), когда вдовая крестьянка вышла замуж; или в вотчине майора П.А. Хоненова в Кубенской трети вдова была выдана замуж вторично за крестьянина той же волости. В д. Тупициной Бохтюжской вол. (вотчина прапорщика

¹ Там же. С. 36.

² ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 200. Л. 14 об.

³ Там же. Д. 134. Л. 158–175.

князя М.Л. Львова) в повторные браки вступили крестьяне – вдовец и вдова. В вотчине помещицы Е.В. Григорьевой в Толшенской трети Пуркаловской вол. вдовых крестьян выдавали замуж и женили снова, в Здвиженской вол. той же вотчины отмечено еще несколько повторных браков вдовцов.

Такие же браки вдовых людей записаны в книге «V ревизия. О купцах и мещанах г. Вологды» (1795 г.). Мещане города часто вступали в браки с крестьянами подгородных дворцовых сел Фрязино и Турунтаево или бывших монастырских сел Прилуцкого и Спас-Каменного монастырей. В этой среде в 1795 г. отмечено несколько случаев повторных браков вдовых людей. О некоторых из них так записано в книге: «Приписные из дворцового с. Фрязинова Василий Петрович Рыбников 28 лет и его третья жена из посадских 23 годов. От его второй жены у него дочь двух годов»; «Бывшие вотчины Лопотова монастыря д. Коржи Макар Ильич Пупышев 34 лет, его первая жена вологодского архиерейского служителя дочь умерла в 1790 г., у него вторая жена 21 года из посацких. От первой жены сыновья 11 и 7 лет, от второй сын 30 недель»¹. Повторные браки, в основном в случаях вдовства, в северодвинских деревнях констатировал и историк Севера XVIII в. В.В. Крестинин².

Кроме запретов на вторичные браки, в русской среде существовали и другие брачные ограничения. Правда, для ранних периодов свидетельств о них немного. Одним из них было стремление избежать заключения смешанных браков разного характера – сословных, этнических, конфессиональных. Запреты на такие браки возникли давно. Известия об этом находим даже в одном былинном сюжете – «Добрыня и Маринка», в котором зафиксировано осознание невозможности брака с «инородным» человеком: в силу его «чужой» («неверной») природы (в данном случае – с Маринкой) идея брака с нею оказалась несостоятельной³.

¹ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4369. Л. 77–90.

² Крестинин В.В. Указ. соч. С. 29.

³ Мадлевская Е.Л. Противоборство мужского и женского персонажей в былине «Добрыня и Маринка» // Мужской сборник.

Об этносмешанных браках северян известия появлялись со времени расселения славян на Севере и их контактов с финскими народами. По местным северным преданиям и легендам, еще «новгородцы в XII в. женились на чудинках» (Никольский у.)¹. Предания о браках славян с девицами «финского племени» долго жили и в местах русско-карельского расселения. Первые славяне, пришедшие на Север, были, как правило, холостыми и брали в жены местных женщин; позднее, когда в новых местах сложилось свое постоянное население благодаря переселению не одиночек, а целых семей, такие смешения прекращались².

Гораздо более имеется сведений о браках посадских людей (мещан) с крестьянами. Так, в книге «V ревизия. О купцах и мещанах г. Вологды» (1795 г.) записано: «Вдова Катерина Иванова дочь Ивановская жена Шахова из вологодского дворцового с. Турунтаева по отпускну (из крестьян. – *И.В.*) 45 лет, у нее дети Самсон 23 лет, Ксенофонт 22 лет и Дмитрий 18 лет. У Самсона жена Парасковья Семенова дочь г. Вологды посацкая 22 лет, у них дочь 8 месяцев»; «Отпущен на волю от девицы (помещицы. – *И.В.*) Т. Свечиной крестьянин Василий Иванов 30 лет, у него жена Московской Слободы ямщицкая дочь 25 лет. У них дети сыновья 8 и 5 лет и дочь одного года». Мещанин Ив. Дм. Рожин 60 лет женился «на крестьянке из дворцового с. Фрязинова, у них дочь 45 лет». «Из Прилуцкого монастыря с. Богородицкого крестьянин Андрей Митрофанов 55 лет взял в жены вологодского архиерейского служителя дочь 44 лет, у них сын 22 лет и дочь 15 лет» и т.д.³ Правда, случаи любых смешений были нечасты. По традиции и обычным нормам, предпочитали жениться в однородной среде, осознавая, что необходимо избежать возможных осложнений морального, экономического, религиозного порядка при вступлении в брак с «нервной» и тем самым достичь стабильности в создаваемой семье.

Вып. 2: Мужское в современном и традиционном обществе. М., 2004. С. 134.

¹ ВГВ. 1885. № 44. С. 8.

² *Ефименко П.С.* Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 41.

³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4369. Л. 43–335.

Одним из брачных запретов, действовавших во все периоды, был биологически обусловленный запрет вступать в брак близким родственникам. Официальное законодательство регулировало этот процесс, разрешая жениться на родственниках не ближе 4–6 колена. Для того чтобы заключить такой брак, необходимо было специальное разрешение. Так, в 1695 г. ямщик из Шуйского Яма (Тотемский у.) Лазарь Абросимов подал челобитную архиепископу Гаврилу с просьбой разрешить его сыну взять в жены крестьянку, с которой они находились в дальнем родстве. При этом прилагалась «Роспись родству», по которой устанавливалась степень родства вступающих в брак¹.

Брачные связи – круг, где осуществлялись браки, в XVII–XVIII вв. были нешироки, ибо простирались в пределах волости, близлежащих деревень и редко выходили в другую волость или уезд. Этим, возможно, и определялось многочисленное родство, проживавшее на ограниченном пространстве. Брачные связи могли расширяться при браках крепостных, отдаваемых владельцами в дальние или чужие имения. Так, в 1782 г. крестьянин из д. Андроновой Перебашкинской вол. Кубенской трети Вологодского у., принадлежавшей генерал-поручику П.С. Свинину, взял в жены крестьянку «со стороны», из вотчины князя С.А. Голицына из д. Пырка². Аналогичные примеры можно встретить в переписях крепостного населения различных имений, но и они остаются нечастыми.

Таким образом, по рассматриваемым материалам ранних периодов, брак напоминал более «имущественную сделку», нежели эмоционально-нравственный союз любящих и уважающих друг друга людей. Это был, прежде всего, хозяйственный союз, поскольку главным составляющим в нем был экономический расчет³. Если в XVIII в. для городских верхов и дворянства произошел «сдвиг» в нормах заключения брака – предпочтение венчания над сговором (обручением), то для крестьянства все

¹ Там же. Ф. 1260. Оп. 23. Д. 31. Л. 1.

² Там же. Ф. 883. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. С. 44.

оставалось по-старому. Брак для деревни по-прежнему был имущественной, хозяйственной сделкой, ибо этого требовали условия существования деревенской семьи. Точно так же у крестьян остались прежние брачные установки: родительский диктат в выборе брачных пар для детей, помещичьи указания по отношению к бракам крепостных; остались старыми основания для развода и т.д.¹

Наиболее полная картина брачных отношений выступает по описаниям XIX – начала XX в. Этот хронологический отрезок достаточно большой, поэтому в нем можно выделить отдельные этапы (первая половина века, вторая половина, конец XIX – начало XX в.), в течение которых народная культура брака и семьи развивалась с какими-либо особенностями, обусловленными разнопорядковыми факторами. В начальном периоде (первая половина XIX в.) брак, его формы, мотивации и условия, в которых он заключался, еще не претерпели значительных изменений. Точно так же и сознание крестьян в отношении брачных установок и воплощения их в жизнь во многом оставалось прежним. Осознание всего этого крестьянами зафиксировано источниками: оно проявлялось в речевых формулах, в названиях отдельных явлений и элементов семейно-брачных традиций (в специфических терминах), в разных фольклорных жанрах.

Обратимся к конкретному материалу о браках и брачных отношениях севернорусских крестьян в XIX – начале XX в. Знакомства и встречи молодежи, предшествующие бракам, на Русском Севере, как и в других русских регионах, происходили в деревнях на досуге, на гуляниях и праздниках, время которым было четко определено в годовом аграрном цикле крестьянской жизни (поговорка «делу время, а потехе час»). Осенью после окончания полевых работ и зимой вечерами устраивались деревенские посиделки (*беседы*, или *повады*, по-местному). Для этого молодежь сообща нанимала «просторную избу, где и собирались ежедневно – девушки прясть, парни для увеселения» (Устюженский, Вологодский, Вытегорский, Каргопольский, Белозерский, Тотемский уезды). Во время посиделок происхо-

¹ Там же. С. 45–46.

дили *супрядки* (пряли). Летом же одним из видов проведения досуга были гулянья – *хороводы*¹.

Девушкам разрешалось посещать беседы с 14 лет и до замужества. Беседы были неоднородны по составу участников – «каждый возраст [ходил] на свою беседу». *Большая беседа* случалась на Филипповский пост, после чего девиц просватывали. Это было заведено с умыслом, поскольку в зимний сезон не было страды и можно было посвятить время таким важным делам, как заботы о будущих браках. На Филиппки девицы отправлялись в разные деревни к родственникам и знакомым, «гостили» недели по две до конца поста; и все это время длилось *веселье*, показывались и обсуждались наряды невест, парни также приходили «щёголями» в нарядных костюмах². По всей Вологодской губ. молодежь «особенно гуляла» во время праздников-*молебнов*: приходили и знакомства, и выбор суженых. Так, на Святой неделе исполнялись своеобразные обычаи при разного рода развлечениях и играх, например, *звонить в колокола*. «Колокольни были наполнены разряженным народом, и звон не умолкал с утра и до вечера. Здесь выказывают удаль свою сельские женихи и по-своему кокетничают красные девушки, так как отыскать суженого или суженую на колокольне и при звоне считается самым благоприятным предвестием будущего супружеского счастья»³.

Дозволялись ухаживание парней за девушками и встречи полюбивших друг друга и вне бесед.

Захотелось мне проведать,
Где любезная живет:
Где живет моя милая...
Через эту полу воду
Легку лодочку найму...
Перееду за реку...

¹ АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 об.; Д. 25. Л. 70; Р. 25. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об.–2; ВГВ. 1866. № 31. С. 304; 1875. № 99. С. 10.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–1 об.

³ *Услар П.К.* Вологодская губерния // Военно-историческое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. II, ч. III. С. 265.

– пелось в одной народной песне о встречах молодых¹. Такие встречи не были предосудительными «в глазах» общественного мнения, и «заниматься» (ухаживать) с той девушкой, на которой парень хотел жениться, было допустимо в течение трех лет. В это время с ведома родителей молодые люди могли делать друг другу подарки: девушки дарили пояса, вышитые полотенца, парни – платки или кольца. На летних гуляниях и зимних вечеринках такая пара могла танцевать только друг с другом, иначе, по обычаю, мог произойти «разрыв занятия»; прекращалось ухаживание и в том случае, если выявлялось «несходство» молодых людей (Тотемский у.)². Отношения полов в добрачное время при встречах и гуляниях, как отмечали многие наблюдатели, были «упрощенные, но сдержанные» и «без разврата, как в фабричных местах»³.

Во второй половине XIX в. характер деревенских посиделок несколько изменился: на них присутствовал более широкий круг посетителей, разнообразнее становились забавы и игры, привносились элементы городского досуга. Вот описания некоторых *бесед* в Кадниковском у. На Святках проходят *игрища*, а в обычные дни – посиделки с работой. Когда девицы заняты работой, парни играют в карты в «Носки» или в «Дурака». Перед праздниками ребята собирали деньги, брали для таких вечеринок большую избу в аренду, привозили дрова, девицы ее топили ежедневно. Покупали свечи, хотя избы освещались лучиной. С чужих посетителей брали за вход плату по две-четыре копейки (только с парней). Привозили девиц из других деревень, где игрищ «по малочисленности» жителей и невест не бывало⁴.

Городские заимствования в посиделках отмечались у дворовых людей в барских имениях. В одном из поместий в Вологодском у. (1860-е годы) на беседы ходили дочери дворовых и горничные, надевая кисейные и ситцевые платья с фартучками,

¹ Шевырев С. Указ. соч. М., 1850. Ч. I. С. 97–98.

² Левитский П. Черты нравов крестьян Тотемского уезда // ЭС ИРГО. СПб., 1862. Вып. 7. С. 57.

³ Шустиков А.А. Плоды досуга: Бытовые очерки, картинки и рассказы из севернорусской жизни. Ярославль, 1900. С. 35.

⁴ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 67. Л. 3 об.–4; Д. 62. Л. 3–3 об.

коленкоровые юбки, шелковые мантильи. Играли в те же игры, что и крестьяне, но чаще в одну – «Солдатский набор». Иногда у дворовых отличался от крестьянского песенный и игровой репертуар, у них были свои песни, городские романсы, стихи, игры¹. Менялся досуг молодежи из подгородных деревень. В 1870-е годы вместо сельских посиделок молодые люди из окрестных деревень г. Лальска ходили в гостиницу «Америка» и играли на бильярде². В крупных селах деревенская жизнь становилась похожей на городскую. «На городской манер» жили в с. Устье Кадниковского у. Молодежный досуг там стал проходить с 1890-х годов не на посиделках, а в общественном саду, в Народном доме, где устраивались даже музыкальные концерты, и за них брали плату на благотворительные цели³. Да и не в крупных селениях в Святки вместо посиделок с игрищами парни шли в «шинки», где пили и играли в карты. Летом же еще ходили на гулянья с гармонью, с песнями, играли в «Городки» и устраивали борьбу (состязания) (Лапшинская вол. Никольского у.)⁴.

Одаривание молодых во время ухаживания стало в этот период другим. Не парень дарил девушке подарки, а она ему, причем характер подарков стал совершенно иным. Если раньше девушка дарила вышитые ею изделия или вытканные пояса, то, по наблюдениям бытописателей, в 1880-е годы в Бережнослободской вол. Тотемского у. эти подарки состояли из кисетов, водки, украшений на шапки⁵. Менялся вид людей, приходивших на деревенские гулянья и беседы:

...девица идет,
Вроде как дворянка:
Платье длинно с кринолином,
Рукава косые;

¹ Там же. Д. 65. Л. 5–6 об.

² Там же. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 245. Л. 3 об.

³ Там же. Ф. 883. Оп. 1. Д. 214. Л. 66 об.–67.

⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 291. Л. 20–21.

⁵ *Скворцов Л.* Бережнослободская волость Тотемского уезда (этнографический очерк) // Вологодский сборник. Вологда, 1881. Вып. II. С. 39–40.

Перелинка на плечах
И брезлетки (браслеты. – И.В.) на руках.
(Песня из подгородных деревень)

Или:

Здесь девицы форсистые,
Молодицы щёглеватые,

– говорилось в причете запоручной невесты из Кокшеньги (Тотемский у.)¹.

И все же молодежный досуг в основном оставался прежним и в более позднее время – в конце XIX – начале XX в. – вечерины, игрища, беседы, супрядки, качели, хороводы были везде. «Без них и замуж не выйти», – говорили в деревнях. Несмотря на различные ограничения со стороны родителей и деревенского общества, молодые люди влюблялись и ухаживали за девушками. По их понятиям, «любовь – чувство, с которым шутить нельзя».

То ли милую не тешил,
То ли я не уважал.
Каждый вечер со беседушки
До дому провожал,

– пелось в частушках (Устюженский у.). Манеры ухаживания были разные, прибегали даже к привораживанию².

Досуг в предбрачное время иногда не ограничивался играми, забавами и мог привести к близости молодежи, к добрачным связям. Отношение к такому явлению в деревенской среде было разное, поскольку с этим было связано будущее девиц и рожденных ими до брака детей. Вот о чем свидетельствуют описания

¹ *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXIX: Тр. Этнограф. отдела. М., 1890. Т. XI. Вып. I–III. С. 20; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

² *Судаков И.* Несколько замечаний об особенностях говора в Устюженском уезде Новгородской губернии // ЖС. 1903. Вып. 1–2. С. 447; *Иваницкий Н.А.* Указ. соч. С. 64–66; *Дмитровская Е.* Русские крестьяне Олонецкой губернии // ЖС. 1902. Вып. 2. С. 134.

добрачного поведения молодежи вологодских деревень¹. «Невоздержаны в женской слабости, и каждая до свадьбы с будущим мужем приживает детей, – сообщалось в ответе на анкету РГО в 1848 г. из Череповецкого у. – Это причина того, что будущая жена (если такой невесте после этого удастся выйти замуж. – *И.В.*) старше мужа 5–10-ю годами, и после между ними не бывает мира и тишины». В деревнях Кадниковского у. (1870-е годы) считали, что «девице нельзя рожать» – это большой грех, поэтому на вечерах и беседах «нет распутства». В местности Митрополье в Тотемском у. (бывшая вотчина митрополита, в 1880-е годы экономические крестьяне), где жизнь не была замкнутой, близкие отношения молодежи в предбрачный период допускались, и «девицы без застенчивости именовали себя “подругами” избранных ребят». В Рабанге Вологодского у. в этот же период случаев появления детей до брака родителей почти не встречалось; девиц, «приживших детей», общество клеймило позорным прозвищем «потаскушек», и им после этого редко удавалось выйти замуж, если только «за солдатов или старых вдовцов».

Во второй половине XIX в. и в начале XX в. поведение молодежи стало более свободным, и случаи добрачных связей встречались чаще. Это было связано с ломкой всей крестьянской жизни и крестьянского отношения к семье, когда в деревне после 1861 г. участился отход в города, что приводило к нарушению заведенного порядка. Но поведение молодежи все же зачастую еще оставалось традиционным и соответствовало существовавшим искони нормам обычного права. Вот некоторые примеры описаний того, как сочеталось привычное добрачное поведение и различные новшества². Так, в Кадников-

¹ АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 3 об.; Д. 63. Л. 1; Д. 67. Л. 3 об.; ВГВ. 1875. № 99. С. 9.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 2; Д. 220. Л. 37; Д. 253. Л. 4; Д. 254. Л. 26; Д. 273. Л. 5; Д. 347. Л. 9, 13; Д. 352. Л. 9; Д. 395. Л. 2; Д. 686. Л. 20; Д. 697. Л. 28–30; Д. 718. Л. 3 об.; Д. 814. Л. 3, 11; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 47. Л. 1; Ф. 496. Оп. 1. Д. 18187. Л. 69; *Арсеньев Ф.А.* Крестьянские игры и свадьбы в Янгосоре Вологодского уезда (Бытовой этюд) // Вологодский сб. Вологда, 1879. Вып. 1. С. 11; *Иваницкий Н.А.* Указ. соч. С. 21, 66–68; *Судаков И.* Указ. соч.

ском у. к концу XIX в. случаи добрачных связей участились, особенно, когда ездили на ярмарку и в дороге «ночевали вместе парни и девки, вступая в близкие отношения», да и после посиделок «редкая девица сохраняла невинность», так что рождение детей до брака было обыкновенным явлением. «Интимные сближения», как сообщалось из Кадниковского у., происходили и при «домовничанье», которое бывало часто: в отсутствие старших собиралось несколько молодых пар, сначала просто сидели, а потом – «по полатям и на печь».

За тебя, миленочек,
Меня стала маменька бранить,
Но мне, девчонке, нипочем,
Буду воровски любить,

– пели девушки частушки. Но осознавая такое свое поведение, несоответствующее местным обычаям, обращались к парням:

На вечеринке посиди,
Провожать-то не ходи,
Меня, молоденьку девчонку,
Во славу (в позор. – *И.В.*) не вводи.

Общественное мнение по-прежнему еще что-то значило для молодежи и, боясь осуждения, деревенские девушки говорили:

У меня, молодешеньки,
Походочку выхулят,
Поговорочку выдразнят¹.

В деревнях Белозерского у. потеря девственности «не считалась преступлением», а «только позором для потерявшей» ее. Молодые парни «держались с такой девушкой вольно», но если она выходила замуж, то это забывалось, «лишь бы была работящей и доброй». Вообще «девица, прижившая ребенка, не могла рассчитывать на равный брак». В деревнях же Грязовецкого у. отношение к потерявшей невинность девушке было снисходительным. В отличие от добрачных связей, внебрачные отношения (вне семьи) и рождение

С. 446, 449; *Симаков В.И.* Жизнь крестьянской девушки-северянки по народным частушкам // Изв. АОИРС. 1911. № 7. С. 582, 586; *Абрамов Ф.А.* Собр. соч. Т. 3. Л., 1991. С. 30, 338.

¹ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 144. Л. 2.

детей на стороне были совсем редкими, т.е. взгляд на такие явления у семейных людей был строже. Молодежные отношения по старинке старались не афишировать. Хотя добрачные связи и существовали, «незаконных» детей рождалось мало, так как стали пользоваться известными к тому времени «секретами» (недопущение беременности) или «грех покрывали браком», обычно выдавая девицу за вдовца (Кадниковский, Тотемский, Грязовецкий уезды). Девственность новобрачной тем не менее ценили; правда, доказательств таковой не требовали. «...блюди себя. Честь, говорю, девичья превыше всего, – вспоминала о далеких временах героиня повести Ф.А. Абрамова “Деревянные кони”. – ...чего хошь теряй на чужой стороне, доченька, только честь девичью домой приноси. Так, бывало, в хороших-то семьях наказывали» (Пинега Архангельской губ.). В некоторых деревнях Вологодского у., хотя и осуждали добрачную жизнь молодежи, искали выход из положения, иногда склоняясь к браку «гулявших», к их повенчанию. Вообще же «на гулянья молодежи родители все чаще стали смотреть легко». Но «бедствием» для девиц был отход на артельные лесосплавные работы (1880-е годы), после чего девицы приносили домой «плотовщиков» (детей). В белозерских, кирилловских и череповецких деревнях по-прежнему считали, что если у девицы есть ребенок, то «ее жизнь загублена»: оставалось ждать либо бедного жениха, либо вдовца; добрачные связи там осуждались. Иное отношение к этому было в устюжских деревнях. «Парни теряют целомудрие до брака в 20 лет, – сообщалось в Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева из Шемогодской вол. – Обращение молодежи свободное, даже циничное. Добрачные связи случаются ... на посиделках, бывают и ночные свидания». Такие же случаи отмечены и в соседних устьсысольских деревнях (у коми), где «открыто при родителях молодежь живет до брака». Но у коми эти явления были другого порядка и обуславливались своеобразными установками и взглядами на брак.

«Добрачные гуляния» молодых людей происходили и тогда, когда парней брали в солдаты:

Девки – беда
И ребята беда;

Ребят-то во солдаты,
Девок-то куда.

(Из песни подгородных деревень).

В основном же вели себя скромно, «на посиделках лишь целовались, а играя, парни садились к девкам на колени» (если наоборот, – то это считалось неприличным – в Троиchine Кадниковского у.); и лишь в Никольском у., в Корбальской и Никольской волостях Кадниковского у. мог быть «на посиделках и разврат». На Кокшеньге *вечерины* молодежи происходили по-старинке в домах, где есть девушки. На беседы парни приходили с гармошкой, все вместе пели и танцевали. Иногда допускали «вольность в обращении» – парни обнимали девиц, клали головы или садились к ним на колени. По сравнению с кокшеньгскими, нравы деревень на Сухоне в этом же уезде были менее строги. Там проходили вечеринки малые и большие (различные по возрастному составу участников); на больших были самые взрослые девицы, на малых – с 15–16 лет. С малых бесед на большие «переводили по общему совету». Парням дозволялось провожать девушек с вечерин.

При том, что поведение молодежи становилось более свободным, пренебрегавшим общественным мнением («Не судите, бабоньки, / Мы вас не боимся: / Мы за ваших сыновей / Замуж норовимся»), ценилась скромность молодежи: «Говорила я Ивану, / Не садись со мной при маме, / Сядь с крестовой (крестовой сестрой. – *И.В.*), не ко мне, / Крестова скажет после мне».

Несмотря на перемены в добрачном поведении молодежи, рождение детей до и вне брака в деревне было нечастым.

Как и в прежние времена, в браке молодых продолжали играть существенную роль родители. Они все так же составляли брачные договоры, подбирая пары детям.

Меня тятенька просватал,
Засевавши в поле рожь:
Постройка нова, хлеба много,
Только парень не хорош¹.

(Частушки невест Устюженского у.).

¹ ЖС. 1903. Вып. IV. С. 457.

«Отдал ты меня, батюшка, да приневолил», – говорилось в заплачке невесты из Архангельской губ. Заплачка – это прощание невесты с родителями и плач о своей судьбе¹. Родительское благословение на брак, по православному обычаю, было обязательным, иначе могла не состояться жизнь новой семьи: «родительское благословение или проклятие имело большую силу, особенно сильна молитва матери». Если не было в живых родителей, то благославляли на брак крёстные мать и отец (Кадниковский у.)².

Мне не нужно, мой батюшка,
Ни злата, ни серебра,
Ни приданого великого.
Только дай мне, батюшка,
Благословенье...³,

– пелось в свадебной песне крестьян Устюжского у. С этой родительской ролью были связаны брачные ориентации и мотивации, в какой-то степени брачный возраст молодых, правовые договоры и обычаи в предбрачное время, наконец, формы заключения браков и размеры девичьего приданого.

Многочисленные этнографические описания свидетельствуют обо всех этих традициях. В 1840-е годы из многих вологодских районов сообщалось в РГО⁴ о том, что молодежь, например, в Верховажье, «без воли родителей не женится», только с их благословения. В Череповецком у. свадьбы совершались «с согласия родителей». Родители смотрели на невесту сына как на товар – «покупали» работницу в дом, таков был хозяйственный расчет, поэтому необходимым качеством неве-

¹ Цит. по: Крестьянское правосудие: Обычное право российского крестьянства в XIX – начале XX века. М., 2003. С. 122.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 171. Л. 17; Д. 273. Л. 11; *Иваницкий Н.А.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // ЖС. 1898. Вып. 1. С. 61.

³ ЖС. 1903. Вып. IV. С. 513.

⁴ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 62. Л. 69; Р. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–4 об.; Д. 15. Л. 33 об.; *Ардашев В.Д.* Описание Устюжского уезда и городов Устюга и Лальска // ЖМВД. 1857. Ч. 24, № 5. С. 66; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144. Л. 44–46; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 171. Л. 11.

сты считалось, «чтобы была работающей». Этот взгляд иногда приводил к тому, что «не обращали внимания ни на лета, ни на какие ее достоинства (кроме работоспособности. – *И.В.*), даже “покупали” невесту в другой деревне», отчего и случалось, что жена бывала старше мужа, а «узы супружества от этого не прочны» (Череповецкий у.). На Кокшеньге родительский выбор в браке детей был также главным, дети подчинялись их решению «без ропота».

В соответствии с православной традицией родительскую договоренность о браке завершало венчание в церкви. Это было общепринятой нормой. Отклонением же от нее были *уводы* невест из дома, *самоходки*, тайные венчания, кражи невест и т.д. В череповецких, мезенских, пинежских, шенкурских деревнях, по сообщениям 1840-х годов, иногда невеста самостоятельно решала свою судьбу, уходила в дом жениха, «забрав свои пожитки, если родители медлили с браком». В Вологодском у. девицы уходили тайком – самоходкой, если родители не соглашались на брак.

Место родителей в браке крепостных крестьян, как уже упоминалось, занимал помещик, который следил за достижением молодежью брачного возраста (совершеннолетия, иначе молодые были не готовы к физическому труду), своевременным созданием семей, принятием тягла (способности и обязанности работать на барина). С этой целью велись реестры женихам и невестам. За девиц старше 17 лет, не вышедших замуж, бралась в пользу владельца плата – *окупные*, а в специальных рекрутских книгах учитывались парни брачного возраста, которым «грозила» солдатчина¹.

Известия об обязательности разрешения родителей на брак молодых поступали с мест и во второй половине XIX в. Значит, эта традиция еще держалась. В Рабанге Вологодского у. молодежь женили в 18–19 лет. Родители выбирали сыновьям «крепких, выносливых, высокорослых невест», чтобы могли «косить, жать, молотить, наряду с мужчинами». В Устьянщине (Кадниковский у.), где жили зажиточно и «на городской манер», «приискивали красивых женщин, на которых женили сыновей, что-

¹ Андреевский Л.И. Из архива села Никольского Вологодской губернии // Северный край. 1922. Вып. 1. С. 34.

бы не измелъчало потомство». В Янгосоре (Вологодский у.) родители также устраивали браки детей. В Тотемском у. после *рукобитья* (просватанья и договора о свадьбе) невесту *пропивали* (обычай пропоя), чем закрепляли брачный договор. В Устюгском у. (Городецко-Никольский приход), если родительский договор нарушался, то жених оплачивал все брачные расходы. В Кадниковском у. после брачной договоренности по старинке соблюдали еще один обычай: совершали как бы кражу невесты – «лóвлю ее в поле» женихом¹. О родительском разрешении на брак и благословении много говорилось в свадебном фольклоре:

На лесенку подымается...
 Мой родимый батюшка...
 Мне несет, мне-ко, батюшко, да
 На левой-то рученьке, да
 Платьицё поднечное (подвенечное. – И.В.), ой,
 У него на правой-то рученьке у
 Ёго крёст да евангельне... да...
 Благословение великое².

(Нюксеница).

В архангельских уездах согласие родителей на брак детей и благословение считалось также важным³.

Конечно, случалось и в этот период, что дети не слушали родителей и совершали браки *уходом* – «кражу невест», что иногда делалось для вида, а в действительности для того, чтобы сократить расходы на свадьбу, не устраивая пир. В таких случаях священники становились посредниками между родителями и молодыми, и родители прощали новобрачных за уход, благословляя их (Кадниковский у.)⁴.

¹ ВГВ. 1875. № 99. С. 10; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.; *Арсеньев Ф.А.* Крестьянские игры... С. 12–13; *Левитский П.* Указ. соч. С. 57; *Ивановский К.* Свадебные обычаи в Городецко-Никольском приходе // Вологодский сб. Вологда, 1881. Вып. 2. С. 45; *Балов А.* О свадебных обычаях в селе Корбанке Кадниковского уезда Вологодской губернии // ЖС. 1894. Вып. 1. С. 99.

² *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. М., 1980. С. 287.

³ Крестьянское правосудие... С. 120–121.

⁴ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–4 об.; Крестьянское правосудие... С. 121–122.

Роль родителей, проявление их воли в устройстве брака детей по-прежнему были обусловлены хозяйственными соображениями и расчетом и также сообразовывались с религиозными требованиями. Все свои пожелания родители с обеих сторон оговаривали в предбрачное время. Для этого и существовали своеобразные обычаи – смотрины невест, сватовство, рукобитье, сговор о свадьбе и о приданом¹. О таком сватовстве и рукобитье говорилось в причитаниях невест:

...Що не ключики брякнули,
Не замоцики щовкнули,
По рукам ударили,
Тут меня запросватали,
Запорузив жо батюшко за поруки за крепкие...²
(Кадниковский у.)

Во время сговоров подробно оговаривались все «выкупы и платы сторон». Так, в одной из деревень, выкупая приданое невесты, жених поставлял два ведра вина и полведра водки. Кроме того, к свадебному пиру он должен был доставить «для кушанья печень коровью, ноги поросячьи на студень» (1840-е годы)³. Договаривались обо всех расходах на свадьбу, на подарки молодым. После сговора расторгнуть решение о браке было невозможно, иначе девушке грозил позор и невыход замуж, и тогда семья жениха должна была возместить моральный урон и материальные издержки платой.

О брачных обычаях и роли родителей в них образно говорится в повести Ф.А. Абрамова «Деревянные кони», где героиня вспоминает, как ее просватали в 16 лет: «Я плачу. Братья плачут, в ногах у отца валяются: татя, пощади Авдотью. Мама плачет, тоже по мне. А отец – заладил, слова не скажи. А почему заладил? А потому, что богатым считался, а богатства-то никакого не было у меня, у невесты ни шубы, ни шали не было. А раньше какая невеста, коли у нее ни шубы, ни шали нету. А

¹ Услар П.К. Указ. соч. С. 270; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 4; Д. 77. Л. 1; АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 82.

² ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 210.

³ РНБ. РО. FXVII–69. Л. 7 об.; Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 336, 338.

Васька-то Грива сам богатый: так, говорит, без шали и шубы беру». Были и другие женихи у этой невесты. «И опять ни тот, ни другой со мной не говорили. Раньше было так. Девка поглянулась – иди к отцу. А то, глянешься ты или не глянешься ей, – второе дело»¹ (Пинега Архангельской губ.).

Кроме смотрин, сватовства и сговоров в доме невесты, устраивали общественные смотрины и выбор невест. В Вологодском у. в Филиппов пост на посиделках начинали сватать девиц, которые собирались из окрестных деревень и привозили свое приданое для показа. Такие же смотрины устраивались и в Кадниковском у. на Крещение. Этот обычай назывался там *показ подолов* и состоял в том, что парни вместе с пожилой женщиной подходили к девицам, и та «задирала» у них сарафаны, показывая подолы рубах, на которых была вышивка. Тут же объяснялись «фигуры» вышивки и орнамент. Девыцы при этом стояли, как «статуи». По подолом женихи судили о невестах – умеют ли ткать, прясть, шить, плести кружева. Всем нравился этот обычай: девыцы любили стоять «на публике во всей красоте, щеголять нарядами, женихам доставляло развлечение»².

Повсеместным в северных губерниях был *обычай столбов* на Масленице, когда молодежь выстраивалась «столбами» вдоль деревни и демонстрировала всенародно свою привязанность друг к другу. Здесь и происходили общественные смотрины невест, как и на святочных игрищах и весенне-летних *мэтищах* (собраниях молодежи). Такие смотрины имели санкционирующее значение на ухаживания и браки молодежи³.

Общественные смотрины невест в Сольвычегодском у. проходили на Прокопьевскую ярмарку. Крестьянских девиц привозили в город, чтобы их выбирали женихи. Девиц «везли по Вычегде в лодках, квартируют [они] под городом у родных, знакомых, к ним приходят женихи, спрашивают о желании невест и о при-

¹ Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 337.

² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 65. Л. 4 об.; Д. 67. Л. 9–10; Крестьянское правосудие... С. 122–126.

³ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 113, 126.

даном, когда согласие получают, венчаются в церкви». Если выбор не состоится, то уезжают обратно в деревни. «Невест распутных здесь мало случается, а большей частью к домашней и крестьянской экономии бывают оне радетельны и трудолюбивы», – писал о брачных обычаях историк Сольвычегодска А.И. Соскин¹. Везде продолжали ценить работоспособность девиц: в кадниковских деревнях очень редко женили сыновей «ради соблюдения их нравственности», главным было привести работницу, чтобы «не только работать могла, но и в дом принесла больше лопоти (приданого, одежды. – *И.В.*) и рукоделия». В устюжских и тотемских деревнях на невесту смотрели как на приобретенную рабочую силу. Главным в ней считались «дородство, работоспособность, рукодельничанье и хорошая ее семья. На качества жениха обращали меньше внимания»². Зная, что невесту не трудно и «ославить» (опозорить), женихи в кирилловско-белозерских деревнях обращались к обществу, чтобы похвалили невест:

Уж я по́ду,
Про тя спр́ошу.
Соседушки, собранушки,
Похвалите вы ее:
Ёна славна, ёна проста,
Не дурна ёна...³

В целом во второй половине XIX в. брачность в сельской местности была достаточно высокой. Брачный возраст равнялся 21–25 годам. В сравнительно раннем возрасте заключали браки в конце XIX – начале XX в.: в 21–23 года – мужчины, в 17–23 года – женщины. Ранние браки предпочтительными были в тотемских деревнях; чтобы как можно раньше привлекать детей к работе, здесь женили с 18 лет⁴.

¹ *Соскин А.И.* История города Соли-Вычегодской древних и нынешних времен // ВЕВ. 1881. № 14–24. С. 355.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–2; Д. 267. Л. 4; Д. 347. Л. 14.

³ *Шевырев С.* Указ. соч. Ч. II. С. 110.

⁴ *Арсеньев Ф.А.* Движение населения Вологодской губернии за десятилетний период (с 1867 по 1877 г.) // ВГВ. 1880. № 7. С. 1; № 8. С. 1–2; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 391. Л. 2; Д. 347. Л. 15.

Ранние браки, особенно для девиц, стали практиковаться после 1861 г., когда появилось отходничество. Такие браки соответствовали понятиям и нуждам крестьянской семьи: в дом приходила работница – жена сына-отходника, который был таким образом «привязан» к своей сельской семье, к своему дому и посылал ей часть своего заработка. Правда, если молодые люди уходили на заработки холостыми, то жениться и выбрать себе пару они могли без разрешения родителей¹.

В некоторых местах, например, в Череповецком у., браки в 1880-е годы преимущественно были поздние: они совершались в возрасте от 25 до 30 лет. Лишь третья часть их была заключена в более раннем возрасте. Считалось, что «при малом земледелии» (у тех, кто в основном занимался промыслами) не было «необходимости в жене-работнице», поэтому у них существовали «немолодые» браки, к тому же «при скудном пропитании» здесь позднее происходило физическое развитие людей. Вообще к концу XIX в. брачный возраст в череповецких деревнях уже не нормировался обычаем, он все более зависел от семейного положения. Если в доме была нужна работница, то сына женили рано (даже и до 18 лет). Уходящие на службу в армию вступали в брак в 20–23 года. Для девиц нормой были браки в возрасте 18–21 года. Если же в семье была одна дочь, то ее выдавали поздно, чтобы не потерять ее как работницу².

В Вологодском у. в 1878 г. по метрической книге Иоанно-Богословской церкви на Тошне было зафиксировано 34 брака; почти в половине их брачный возраст равен 21–25 годам (13 браков у мужчин и 16 у женщин), достаточно много браков до 20 лет (13 у женщин и 8 у мужчин), остальные – у людей более старшего возраста. В 40 лет и старше браки были повторными (у вдовых людей). Позднее, в 1900-е годы, в этом

¹ *Энгел Б.А.* Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 78–79.

² *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 91–94; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807-а. Л. 2.

уезде, судя по обысковой книге Святолуцкого прихода, брачный возраст не изменился¹.

Аналогичным брачный возраст был и у крестьян одного из приходов Кадниковского у.: в 1884–1886 гг. в 21–25 лет заключили браки 19 мужчин и 29 женщин (из 52 браков). Много и ранних браков (11 мужчин и 19 женщин), а браки в 26–30 лет были у 13 мужчин. При сохранении обычного брачного возраста в кадниковских деревнях и позднее – в начале XX в. – случались ранние браки, судя по данным обысковой книги Азлецкой вол. 1911 г., когда 19 мужчин женились в 18 лет и 17 женщин были выданы замуж в 16 лет².

На Кокшеньге, где жизнь проходила довольно замкнуто, девиц редко выдавали замуж до 20 лет (только если она жила с мачехой), обычно – в 20–23 года. Их старались удержать дома, так как они выполняли все домашние работы и даже некоторые полевые – боронили, иногда и пахали³. Ранние браки в архангельских уездах практиковались также редко, лишь в случаях, когда родители были старые, «не могущие работать или обесиленные детьми женского пола и при том еще не богатые»⁴.

Повторные браки в конце XIX – начале XX в. по-прежнему заключались в основном вдовами и вдовцами⁵. Такие браки совершались, как сообщалось из Череповецкого и Грязовецкого уездов, «не по любви, а по необходимости», из-за недостатка рабочих рук, и проходили они без сватовства и свадебных обрядов. Вступить в такой брак разрешалось, по обычаю, не ранее 40 дней после смерти супруга. Если умирал муж, то невестка оставалась жить в семье свекра до 6 недель по смерти супруга. Жизнь в повторном браке у вдовых людей, как правило, «была согласной», так как они «соединялись по своему выбору»; было еще лучше, когда они подходили друг другу и по возрасту. Но

¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 406. Л. 33 об.–130; Оп. 1. Т. IX. Д. 18201. Л. 1–121.

² Там же. Оп. 36. Д. 1. Л. 48 об.–381 об.; Оп. 4. Д. 19154. Л. 6–71.

³ Там же. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144. Л. 44.

⁴ Крестьянское правосудие... С. 119.

⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 814. Л. 27; Д. 215. Л. 2–3.

иногда случалась большая разница в годах супругов, тогда жизнь налаживалась труднее. Еще сложнее было, когда случались неравные браки не в возрастном, а в имущественном отношении, хотя таковые совершались нечасто (Череповецкий, Тотемский, Кадниковский, Мезенский уезды)¹. По наблюдениям бытописателей конца XIX в., бедняки в кадниковских деревнях все же женились на бедных или таких, «чья репутация пошатнулась, или имеющих какой-либо физический недостаток. Богатые скорее находили себе ровню». Неравные браки могли совершаться и по влечению людей. Такой брак, когда холостой парень женился на вдове с детьми, отмечен в метрической книге 1904 г. по Вологодскому у. Родители вынуждены были дать согласие на этот брак, но не было «на свадьбе ни обеда, ни гостей», лишь отец благословил их перед венчанием. В крестьянской среде по-прежнему бытовал обычай «однородных» браков:

Милой, сватайся, не сватайся
За тебя родитель не отдаст:
Сиротиночка ты бедный,
Богач тятенька-то наш²,

— пелось в народной частушке. В Пинежском у. также, как обычно, вступая в брак, «брали ровню»³.

Различные брачные запреты продолжали существовать в конце XIX – начале XX в. Так, всегда старались соблюдать очередность в браках детей: старших женить раньше младших, дочерей выдавать замуж до женитьбы сыновей. В Кадниковском у., как сообщалось в бюро В.Н. Тенишева, в многодетных семьях, в которых было много дочерей, парней долго не женили, пока не выдадут сестер, а младшие братья ждали, пока не женятся старшие. В Устюжском у. соблюдалась очередность при выдаче замуж дочерей, «так что, если их много, последняя

¹ Дилакторский С.А. Экономический быт крестьян Двиницкой волости Кадниковского уезда // ВГВ. 1899. № 31. С. 6; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 814. Л. 23; Д. 807-а. Л. 3 об.; Д. 347. Л. 18; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18187. Л. 69; Крестьянское правосудие... С. 122.

² Симаков В.И. Указ. соч. С. 584.

³ Крестьянское правосудие... С. 119.

может выйти замуж, когда ей за 25 лет». То же наблюдалось при браках детей у крестьян Тотемского у. Из Череповецкого у. сообщалось: «младших дочерей не выдают раньше старших»¹.

Продолжали существовать и запреты на браки с близкими родственниками и свойственниками, с людьми, находившимися в духовном родстве. Об этом говорилось в корреспонденциях из различных уездов². Так, в Вологодском у. в Нефедовской вол. в 1904 г. были повенчаны крестьянская вдова и воспитанник ее сына, т.е. они находились в духовном родстве; их брак долго не утверждался консисторией, и на них была наложена епитимья на несколько лет. В 1912 г. крестьянин Грязовецкого у. Степуриной вол. Александр Новожилов просил разрешения у епископа на брак с двоюродной сестрой – крестьянкой этой же деревни Анной Новожиловой, в чем ему было отказано из-за близкого родства и проживания этого крестьянина в Петербурге в отходе, где он «имел сношения с людьми другого вероисповедания». В 1912 г. просьбу крестьянина Вологодского у. Вотлановской вол. Александра Майкова-вдовца с девятью детьми о вступлении в брак со вдовой-фельдшерницей Натальей Селюниной отклонили в высших инстанциях, так как они были в духовном родстве (она «принимала из купели» его младшую дочь). Губернская консистория руководствовалась при разрешении родственных браков указом, по которому дозволялось вступление в брак в четвертой степени родства (ранее было – до 4-6 колена), кроме брака с сестрой невестки и с сестрой зятя. Поэтому в Череповецком у. за разрешением близкородственных браков обращались к архиерею. Кумовство, побратимство мешало брачным отношениям жителей и этого уезда. В конце XIX в. браков ближе шестой степени родства (троюродных) там не наблюдалось. Даже однофамильные браки не практиковались, поскольку обычно носители одной фамилии находились в родстве. О нарушении духовных связей пели в

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 273. Л. 9, 11; Д. 391. Л. 2; Д. 347. Л. 15; Д. 810. Л. 14.

² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18187. Л. 7–121 об.; Д. 19309. Л. 2, 5; Д. 18097. Л. 1; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807-а. Л. 3 об.; Д. 814. Л. 25.

частушках в Устюженском у.:

Мы, крестовая (сестра – *посестримство*. – И.В.), с тобой
Буйные головушки,
Попадай ко мне во снохи,
Я к тебе в золовушки...

Или:

Куманька любить не грех,
Куманька и сватушка...¹

Долго держались у крестьян конфессиональные запреты на брак. Люди разной веры предпочитали не создавать семью. Единственное, что иногда случалось, то это вступление в брак близких по вере людей – православных мирян и старообрядцев, при этом последние «присоединялись к православию» (переходили в единоверие). Если в расколе был жених, то его «присоединение» часто было формальным, но бывало, когда и девица «не соглашалась обвенчаться по-раскольничьи». Перейти в одну веру было необходимо, иначе такой брак не признавался ни церковью, ни законом, и их детей не крестили.

Формальный переход из раскола в официальное православие мог стать препятствием к венчанию. Так, в 1903 г. крестьянин Грязовецкого у. д. Шумейкино Петр Лыжанов не был повенчан с православной крестьянкой, так как священник знал, что он «прикидывается, будто перешел в православную церковь», ибо уже дважды женился и дважды давал подписку «быть православным», не переставая верить по-раскольничьи. У него умерли жена и дочь, и обеих он хоронил «по старому обряду», хотя «жена была из православной семьи», а дочь похоронена даже «в лесу по-странству» (старообрядцы-*странники*). Аналогичных случаев отмечалось много и в Кадниковском, и в Сольвычегодском уездах. А вот в 1906 г. брак крестьянина Вологодского у. Карачевского прихода Федора Локалова 37 лет с православной девицей был разрешен консисторией, так как жених «отпал от раскола уже 15 лет». В епархиальных отчетах по Вологодской губ. за 1902 г. отмечалось, что «там, где в браки вступали с

¹ ЖС. 1903. Вып. IV. С. 445–450.

православными, раскол вымирает», т.е. перекрещивались в православие. Тем не менее такие смешанные браки заключались на Севере повсеместно, и во многих местах женитьба старовера на «мирской» девице не считалась предосудительной. При этом соблюдали следующие обычаи. На шесть недель «отлучались» от старой веры («ходили в православных»), а после женитьбы обручавший молодых *начетник* налагал на них шестинедельный пост, затем молодые опять «обращались в раскол и делались настоящими по вере». Бывало и такое, когда вступив в брак с православной, старовер «возимел супружеское сожитие», а потом снова переходил в свою веру¹.

Случались затруднения при браках, когда они были смешанными одновременно и в этническом, и в вероисповедальном отношениях. «Иноверцев» требовалось крестить, прежде чем обвенчать. Такой брак был совершен в 1906 г. в Устюжском у. в Усть-Алексеевской вол. в д. Липовец, когда венчали крестьянина католической веры Франциска Рженко, предварительно крестив его под именем Александр. При единой вере этносмешанные браки были не столь затруднительны и совершались, хотя и редко, особенно в местах близкого проживания разных народов. Русские и карелы в Олонецкой губ., живущие в одних селениях, «роднились посредством браков». О редкости же смешанных по конфессии браков свидетельствует и официальная статистика по Устюженскому, Кирилловскому и Череповецкому уездам: в 1865 г. в каждом из них было по одному такому браку².

Чаще наблюдались смешения в сословном отношении, когда заключались браки крестьян разных категорий или крестьян с городскими жителями. Выше уже говорилось о браках мещан Вологды и крестьян из подгородных сел. В 1830-е годы в

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807-а. Л. 3 об.; Д. 814. Л. 25; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18127. Л. 1–4; ВЕВ. 1904. № 5. С. 109; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. XXX: Тр. Этнограф. отдела. М., 1877–1878. Кн. V, вып. I–II. С. 215.

² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18335. Л. 14, 20; *Лесков Н.* О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // ЖС. 1892. Вып. IV. С. 97; Новгородский сб. Новгород, 1866. Вып. IV. С.40.

«Списке г. Вологды обывателей» отмечено несколько таких браков: мещанин Иванов Федор Иванович 38 годов женат на крестьянской дочери 27 лет; его однофамилец Иванов Всеволод Иванович 20 лет был приписан в мещанство из отпущенных на волю, так как женился на мещанке Елизавете Михайловой 19 лет. В метрической книге Вологодской консистории по Вологодскому у. Иоано-Богословской церкви на р. Тошне в 1878 г. зафиксировано несколько смешанных браков. В Благовещанской вол. в брак вступал крестьянин д. Еремеевой Анфиноген Иванов 23 лет и брал в жены «временно обязанную помещику Засецкому д. Смольева крестьянскую дочь Наталью Алферову 20 лет». Такой же брак был в д. Межек у крестьянина Ивана Александрова 22 лет и временно обязанной помещику Г. Дашкову крестьянки д. Исправина Елизаветы Завариной 19 лет. Крестьянин д. Водогино той же волости Прохор Ильин 21 года женился на крестьянке из экономической вотчины Марии Петровой 21 года. И таких браков между казенными и бывшими помещичьими крестьянами здесь заключалось немало. Был отмечен также брак крестьянина-собственника (выкупил после реформы свой надел) из д. Марсиной на крестьянке той же волости из семьи, временно обязанной государству¹.

Сведений о семейных разводах в северных деревнях в конце XIX – начале XX в. было немного, так как они по-прежнему случались редко и были, кроме исключительных случаев («измена жены мужу», «дурное обращение мужа с женой», «отлучка из дома», «чувство ненависти», «пьянство и разврат»), запрещены. Но «прелюбодеяствия считались позором». Формальный развод, как здесь говорили, в крестьянском быту не бывает². По статистике конца XIX в., в северных уездах разведенные во всех группах людей, состоящих в браке, составили сотые доли процента³.

¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 171. Л. 85 об.–89; Ф. 496. Оп. 8. Д. 406. Л. 36 об.–82 об.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 263. Л. 24; Д. 215. Л. 11–14; Д. 697. Л. 28.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1901. Т. VII. Тетр. I. С. V.

Таким образом, для брака северных крестьян в XIX – начале XX в., как и в прежнее время, были характерны три стадии – брачный *сговор* (соглашение), венчание и свадьба. При сговоре соблюдались старые обычаи – *рукобитье*, молитва, угощение. И хотя с мнением детей при заключении брака стали считаться более, чем прежде, родительские выбор и благословение оставались решающими. Но все же, даже у крестьян, к началу XX в. брак постепенно становился союзом людей, вступавших в него, так как начал утрачивать черты только имущественной сделки¹.

Брачные связи русских крестьян, в том числе и северян, в ранние периоды довольно узкие, стали с течением времени расширяться. Уже не преобладали браки, заключенные в своей деревне или в соседних деревнях. Такие связи могли простирались за пределы волости или уезда, а изредка – и в другие уезды и губернии². О расширенных брачных связях говорилось и в местном фольклоре: «Одна дума с ума не идет – цюжа дальняя сторона» (в причитании невесты Кадниковского у.), или в частушках Устюженского у.:

Нам не надо чужо-дальних,
У нас ближние сидят...

...Неужели нас не парочка
С тобой, мой дорогой,
Из деревни, – я с другой...

В свадебных песнях той поры уже стали обычными слова: «Выдают меня, молодешеньку, / Во чужую дальнюю сторонушку...» (Яренский у.)³. Для выявления этих связей очень многое дает сопоставление фамильного состава жителей в селениях. Наличие однофамильцев – показатель узости брачных связей. В XVIII–XIX вв. в русских деревнях существовало обилие однофамильных семей, считавших себя родственниками в

¹ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 46, 73–74.

² Жомова В.К. Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении // Вопросы антропологии. 1965. Вып. 21. С. 113.

³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 310. Л. 47; Д. 263. Л. 24; Д. 214. Л. 3–13; ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 406. Л. 33 об.–130; Оп. 36. Д. 1. Л. 48 об.–381.

той или иной степени близости. Для большинства селений была характерна устойчивость исконных, самых старых, фамилий жителей и их количественное преобладание над остальными фамилиями. Ситуация начала меняться в XX в.

Брак и брачные отношения северян, как и во всей России, в корне изменились после революции 1917 г. Социально-экономические, политические, культурные преобразования создавали условия для формирования новых брачных отношений. Но эта перестройка началась не сразу. В 1920-е годы и до коллективизации деревенская жизнь сохраняла много старого, обычного, хотя в некоторых отношениях и измененного еще в предшествующий период. Так, молодежный досуг в добрачное время по-прежнему проходил на посиделках и гуляньях. В Ведерковской вол. Грязовецкого у. «девушки с прялками вечером собираются в избе, – отмечали бытописатели в 1924 г. – Собираются те, у кого есть зазноба. У кого ее нет, уходят в чужие деревни». Молодежь на *беседах* пела и плясала, особенно любили местные пляски – «зайчика елизаровского, березки и боровецкую кадрили». Но город уже «заразил деревню своей культурой»: на *беседах* играли в карты, а «девки нынче бойкие стали, как стрекозы»; теперь плясали не под деревенские тальянки, а под появившиеся баяны. Парни открыто провожали девиц после *вечорок* домой. На праздничных гуляньях случались пьяные драки, и в некоторых деревнях стали «назначать на гулянья дубинщиков» (дежурных), которые разнимали дерущихся. Было в деревнях и оружие, сохранившееся со времен гражданской войны¹.

Новые формы досуга стали появляться в 1920-е годы в вологодских, кадниковских, каргопольских деревнях с организацией просветительских кружков, изб-читален. Но не во всех деревнях были клубы, поэтому основной досуг проходил на вече-

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 176. Л. 2–2 об.; Д. 178. Л. 1–6 об.; Д. 146. Л. 32; Д. 179. Л. 2 об.; Д. 166. Л. 1; Д. 218. Л. 6 об.–28; Д. 219. Л. 13 об., 51 об.; Синкевич Г.П. Бытовой алкоголизм Вологодской губернии: Опыт обследования двух селений // Социальная гигиена. М.; Л., 1926. № 7. С. 21.

ринках, на которых распевали старинные песни и частушки, да и в предсвадебный период невесты исполняли прежние причитания, как, например, в Ведерковской вол. Грязовецкого у.:

Мне нечесть, красной девице,
Целовать добра молодца
При своих при родителях,
При подружках голубушках,
При суседях соседушках
И соседних малых ребятушках¹.

В поведении молодежи, особенно девушек, еще усматривалось много старого. «Всю жизнь [они провели] в темноте, – писал в 1925 г. корреспондент в «Крестьянскую газету» из д. Быково Светицкого сельсовета Нюксенского р-на Северодвинского округа. – Девушки в то время мало учились, все их заботы сводились к тому, чтобы «припасти больше тканей (для приданого. – *И.В.*) и выйти замуж». Тогда в деревнях проходили собрания жителей, которые посещали молодые люди, но девушки на них не ходили, так как «родители не пускали». Не посещала ни одна девушка в одиночку, без подруг, и клубы, где устраивались спектакли. «Все деревенские девушки, проснитесь, – призывал этот корреспондент, – и учитесь, вам поможет комсомол в деле»². Так изменения в жизни начинали влиять на сознание крестьян.

Поведение молодежи становилось все свободнее, правда, добрачные связи считались по-прежнему грехом. «Беременность деревенской девушки, – сообщали из Грязовецкого у. в Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК), – ложится черным пятном и позором в глазах других на всю ее семью и “природу” (родню)». Девичья целомудренность считалась достоинством:

Сама себя не обесцестила,
Батюшку да матушку не опозорила,
Всей родни не опозорила.

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 171. Л. 2 об.

² Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 187.

Я жила, бедна, честнѣхонько,
Честнѣхонько да смиРНѣхонько¹.

Тем не менее брачный выбор выходил из-под контроля родителей, становился для молодых их собственным делом. «Каждая девушка стремится подыскать себе жениха, который бы нравился, и чтобы быть любой в его семьюшке чужой. Если парень понравился, то девушка старается его завлечь» (Грязовецкий у.). Несмотря на это, родительское благословение было и в 1920-е годы обязательным. Даже брак *самоходкой* теперь происходил с согласия родителей, и на это «старые люди смотрели с пренебрежением» и называли такой брак «супрятками» (спрятавшись от людей – Кадниковский у.). Родители, благословляя детей на брак, спрашивали их желание (Вологодский у.)². Таким образом, родительское участие в брачном выборе молодежи становилось менее заметным, чем ранее.

Советский декрет о гражданской регистрации брачных союзов изменил формы заключения брака. Церковный брак лишился юридического значения, признавался брак, заключенный в государственном органе – ЗАГС'е. В те годы появилось много нерегистрированных браков, а в 1926 г. они по правовому значению приравнивались к бракам зарегистрированным. Молодежь начинала «склоняться» к гражданскому браку (Вологодский, Вельский, Тотемский уезды).

Наряду с новшествами традиционные формы брака и предбрачные обычаи еще бытовали. Сговоры, сватовство, свадьбы с *князьями, дружками, тысяцкими*, «уговоры» о свадьбе и приданом не были забыты (Каргопольский у.). Случалось, что после ЗАГС'а венчались. В целом церковных браков еще было до двух третей (Тотемский у.). И в то же время «брачное дело», как определяли сами крестьяне, «стало вольное: кто как хочет». Даже появились «красные свадьбы» (комсомольские). У раскольников старые обычаи сохранялись там, где в селениях жи-

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 178. Л. 6, 9; АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г. Записи И.В. Власовой.

² ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 171. Л. 2; Д. 147. Л. 1, 4; Д. 179. Л. 4 об.; Д. 218. Л. 6 об., 33 об.; Д. 188. Л. 11; Д. 220. Л. 83 об.–88 об.

ли только они, а в тех деревнях, где они проживали вместе с «мирскими», все переходили к гражданским формам брака¹.

Оставались живучими и хозяйственные соображения при вступлении в браки. Не переставали ценить «справность» семьи, куда отдавали невесту:

Семейка там советная,
Советная да согласная²,

– говорилось в свадебных причетах невест Вологодского у. Выбирая невест, женихи по-прежнему «неумех замуж не брали»; при женитьбе смотрели, «из какого роду-племени невеста», «смотрели, чтобы поприводнее был человек» (учитывали красоту, статью, фигуру, «выговор», семейное положение выбранной девушки). Но по любви могли взять и бедную³. В целом же хозяйственный расчет начинал играть меньшее значение, чем «влечение молодых» друг к другу (Кадниковский у.).

Расторжение брачных договоров оставалось нежелательным:

У нас дело это сделано (договор о свадьбе. – *И.В.*).
По рукам уж мы ударили (рукобיתье. – *И.В.*)
И дарами задарили всех⁴,

– такого мнения придерживались родители девушки, считая, что отказ от брачной договоренности – это «бесчестье и позор», а более всего боясь, что «случится злая печаль» и их дочь станет «мужу-ворону, свекру злому и брюзгливому и свекрови-людоедице» (Янгосорь Вологодского у.).

Оставались в деревнях и некоторые старые брачные запреты. Обычай старшинства в браке (нельзя женить младших де-

¹ Там же. Д. 151. Л. 3–3 об.; Д. 188. Л. 7 об.–10; Д. 218. Л. 12 об.; Д. 220. Л. 3 об.; Д. 219. Л. 19–77; АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г. Записи И.В. Власовой.

² ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 25; Д. 179. Л. 4 об.; Д. 220. Л. 56 об.; Д. 221. Л. 3 об.

³ Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 38.

⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 247. Л. 9 об.

тей раньше старших, позже сыновей отдавать замуж дочерей) еще жил. По полевым наблюдениям в северных деревнях в 1970–1980-е годы, люди, родившиеся в 1920-е годы, вспоминали, что этого обычая еще придерживались их родители¹. Таким переплетением старого и нового были пронизаны брачные отношения крестьян в 1920-е годы. Проводимое Этнографическим отделом Русского музея обследование деревень в 1919–1925 гг. (в том числе и в северных Вологодской и Череповецкой губерниях) вскрыло меняющиеся брачные установки крестьян. Разводы, гражданские браки, «легкое отношение к замужней жизни», сожителство без венчания, самостоятельность молодежи, поколебленный авторитет старших и отсутствие новых устоев говорили о «разложении старины», как отмечалось в этнографических наблюдениях музейных экспедиций. Деревня была «остановлена, – писал участник этих экспедиций Д.А. Золотарев, – в языке, общественном сознании, в навыках», что и сказалось на быте в целом. Уходила религиозность, а без нее в обрядности было более привычки, нежели веры, а вся свадебная обрядность, например, становилась «забавой, развлечением»².

Такие явления еще более усугубились в период коллективизации. Повсеместно в предбрачный досуг молодежи все больше входили новые формы, ощутимее становилась роль деревенских клубов, а общение молодежи по-старинному постепенно исчезало. В 1930-е годы еще более росла самостоятельность молодежи, и брачный выбор, судя по этнографическим данным, становился свободным и независимым и от родителей, и от деревенского общества. Родительская роль ограничивалась советом, одобрением, реже заключалась в непризнании выбора детей. Все это повлекло за собой изменение брачного возраста. Если ранее на Севере браки людей заключались в основном после 20 лет, а чаще к 22–25 годам, то теперь при самостоятельном вы-

¹ Там же. Д. 247. Л. 9 об.; АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой.

² Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925 гг.) // Русский музей: Материалы по этнографии Этнографического отдела. Л., 1926. Т. III, вып. I. С. 145, 152–157.

боре стало меньше поздних браков (особенно у женщин), а брачный возраст мужчин и женщин стал выравниваться¹.

Отмечалось и распространение нерегистрированных браков, было узаконено свободное их расторжение. Влияние законодательства на семью и ее внутреннюю жизнь в этот период было сильным. Этнографические материалы дают возможность представить, как менялись формы заключения браков. К 1930-м годам в Вологодской обл., например, церковное венчание стало заметно уступать регистрации браков в сельсоветах. Не регистрировались лишь браки людей, не достигших совершеннолетия – до 17 лет. В это же время, помимо церковного венчания, сватовства и брачных обычаев, большая часть браков совершалась *самоходкой* («сошлись без свадьбы») – без согласия родителей и *уводом* невесты женихом.

Вся привычная жизнь была нарушена в военные и послевоенные 1940-е годы. В семейно-брачных отношениях тех лет наблюдалось следующее². Прекратились деревенские посиделки, да и клубы порой бездействовали; мужчины ушли на фронт, многие из них не вернулись после войны; о досуге не могло быть и речи. С восстановлением хозяйственной и культурной жизни в деревне снова появились разные формы досугового общения. И хотя к прежним посиделкам не вернулись, главным местом знакомства и досуга молодежи стали сельские клубы, библиотеки (там, где они действовали). Повсюду изменился брачный возраст, что было вызвано последствиями войны 1941–1945 гг., приведшей к диспропорции полов и поздним бракам. В последующее время шло постепенное перераспределение брачных партнеров по возрасту. Так, повысилась брачность женщин со сверстниками, с более молодыми, чем они, мужчинами, а также с разведенными и вдовцами. Но в послевоенное время сократилась и доля ранних браков у женщин рождения 1913–1920-х годов.

Добрачные связи молодежи с этого времени местами стали общепринятыми. В белозерских деревнях (современный Ваш-

¹ АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой.

² Там же.

кинский р-н Вологодчины), например, такие встречи парней и девиц могли проходить в домах крёстных родителей, иногда и не в своей деревне, но они не афишировались, сохранялись втайне. Иначе эти отношения могли стать поводом для «стыда девушек», прежде всего перед их матерями¹.

Формой заключения брака окончательно стала регистрация в ЗАГС^е. Появились *сводные* браки (сходились без брака). В те трудные годы в северных деревнях были вызваны к жизни и некоторые старые формы – брак *самоходкой* (почти тайным уходом из дома) и браки по принуждению родителей. Последний был зарегистрирован в одной из северных деревень, когда родители насильно выдали дочь замуж в город, чтобы устроить ее там на работу.

Изменились взгляды на брак неофициальный, получивший одинаковую силу в глазах общественного мнения с браком законным, так как основным критерием семьи стала считаться общность проживания и хозяйства, а не форма заключения брака. Изменилось и положение внебрачных детей. Такие дети перестали считаться находящимися вне закона, их имущественные права стали такими же, как и у остальных членов семьи. Правда, в некоторых деревнях сохранилось осуждение матерей, родивших детей вне брака, а оставаться целомудренной в предбрачное время по-прежнему считалось добродетелью².

Во время войны и после нее, когда резко понизился уровень брачности, редкие браки сопровождались свадебными обрядами и вечеринками. Кроме того, в браки вступали иногда молодые люди, особенно это касалось женщин. Перестали соблюдаться старые обычаи и запреты – очередность в браке детей, социальные, этнические, религиозные ограничения, поскольку изменились условия жизни. Не стали признавать вероисповедальные различия: кругом «царило» всеобщее безверие. Были ликвидированы сословные группы населения, и в деревне все стали колхозниками, но появилось неравенство людей в про-

¹ Адоньева С.Б. Женщина как территория (анима в мужском автобиографическом тексте) // Мужской сб. М., 2004. Вып. 2. С. 103, 107.

² Там же. С. 104.

фессионально-образовательном отношении. В 1920–1930-е годы число социально-смешанных браков было еще небольшим. В военные 1940-е годы, когда в деревнях был дефицит мужчин и браки были редкими, разный профессиональный уровень вступающих в брак (выше он был у женщин) вполне объясним. С послевоенного времени такие браки еще более участились, и снова профессионально-образовательный уровень у женщин был выше, чем у мужчин.

Насколько изменились брачные ценности и мотивации в те годы, позволяет судить описание этого явления в повести Ф. Абрамова «Вокруг да около»: «В деревне сейчас принято: если ты в колхозе работаешь, то жену подыскивай из служащих, так чтобы в доме всегда была копейка... Это получило даже свое название: “жениться на буханке”... если хорошенько вдуматься, складывается особый тип семьи, где экономический фактор играет далеко не последнюю роль»¹.

О том, какой становилась семейно-брачная жизнь с послевоенных лет и до настоящих дней, позволяют судить экспедиционные материалы по северным районам 1970-х – 2000-х годов². В этот период в деревне по-прежнему оставалась значительной «роль улицы» в знакомстве и встречах молодежи, действенными были и такие факторы, как соседство («жили по соседству»), совместная учеба в сельских школах, работа в колхозе или в совхозе и в различных современных агрообъединениях. С 1960-х годов можно отметить и новые виды знакомства и проведения досуга, связанные с расширением брачно-семейных связей. К ним относятся приезды на каникулы, в отпуск, на праздники, в гости к родственникам, друзьям, знакомым, приезды по направлению на работу и т.д. По полевым данным 1986 г., в Бекетовском сельсовете Вожегодского р-на Вологодской обл. участились браки с жителями соседних Архангельской, Ленинградской, Мурманской областей, Коми республики, Прибалтики, есть браки и совсем дальние – с людьми из Украины (Дон-

¹ Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 212.

² АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой.

басса), из Тамбовщины, из Сибири (Новосибирска, Тобольска, Сургута, Усть-Кута). В Усть-Алексеевском сельсовете Устюгского р-на Вологодчины, по данным 1987 г., брачные связи стали простирались в соседние с Вологодской области, в центральные районы страны и в различные республики. О расширении брачных связей говорит и семейный состав жителей деревень. Так, в Тордоксе (Вожегодский р-н) из 73 фамилий людей существует повторяемость всего двух фамилий (в трех деревнях) и других шести фамилий – в двух деревнях.

К настоящему времени участие родителей в браках молодых минимальное: их знакомят с выбранным женихом или невестой накануне брака или ставят в известность о нем, а родительские возражения нередко игнорируются. Суть этих возражений со временем менялась. Если раньше выдвигали экономические суждения, то теперь стали ограничиваться высказыванием мнения о паре сына или дочери (неодобрение в случае раннего брака и т.п.). Экономический же расчет, наряду с личными чувствами и отношением к брачному партнеру, в деревне есть всегда. Но его проявление стало происходить иначе, так как молодежь придает большее значение ценностям духовного порядка, нежели материального. А о современной молодежи, свободной в своем выборе, говорят сами жители северных деревень:

Топерь молодежь вольней,
А раньше были верней.

Или: «Люди нынче балованные. Легкой жизни хотят»¹.

Происходило в это время и дальнейшее выравнивание брачного возраста у мужчин и женщин. К 1960-м годам женщины вступали в брак с 18 лет, местами с 20, мужчины – в 20–29 лет. В целом за годы советской власти уменьшилось число поздних браков, и к 1980-м годам брак снова «помолодел», особенно сельский. Это объясняется тем, что сельская молодежь в возрасте 18–22 лет экономически была более самостоятельна, чем городская.

¹ Тутунджан Д. Листы-разговоры: Из серии «По правде, по совести» // ВГМЗ. Экспозиция 1991 г.; Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 301.

С конца 1950-х – начала 1960-х годов на селе увеличилось число браков по сравнению с предшествующим периодом. В условиях миграций в стране в 1950–1980-е годы расширились брачные связи и стали возможны браки не только между жителями разных областей и республик, но и этнически, и конфессионально смешанные, а также браки людей с разным профессионально-образовательным уровнем. На Русском Севере также появились такие смешанные браки¹.

К этому времени претерпели изменения некоторые брачные запреты. Теперь и в среде сельского населения, наиболее хранившего традиции, они стали нарушаться. Соблюдается лишь запрет вступать в брак с близкими родственниками. Обычаи старшинства и очередности вступления в брак, социальные, конфессиональные и этнические ограничения перестали существовать, особенно в районах, близких к экономическим и культурным центрам.

Таким образом, к настоящему времени можно наблюдать кардинальные изменения в брачных отношениях, происшедшие за советский период нашей истории как в целом в русских регионах, так и на Русском Севере.

За вторую половину XX в. и к началу XXI в. в стране, и на Севере в том числе, снизился уровень брачности, поскольку с 1960-х годов в сознании людей происходило умаление значимости «репродуктивных установок». Тип поведения – потребность в малодетности – стал преобладающим и остается таковым и теперь. Необходимость иметь хотя бы двоих детей свойственна сейчас 30–40% семей. Это происходит, по мнению демографов, оттого, что «уровни притязаний к брачным партнерам растут в плане взаимных претензий и под прямым влиянием внесемейных ориентаций», отсюда – снижается ценность брака, происходит увеличение незарегистрированных сожительства и рост среднего брачного возраста². Растет по-прежнему и разводимость семейных пар. К началу XXI в., как

¹ АИЭА. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой.

² Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000. С. 99.

свидетельствуют социологические исследования, мы на одном из первых мест в Европе по доле людей, которые когда-либо разводились. Повторные браки разведенных у нас нечасты, поскольку идеалы «пожизненного брака» и «зарегистрированного брака» устарели. Среди мужчин в повторном браке состоит немного больше половины разведенных, среди женщин – менее трети. К тому же такие браки дают гораздо больше разводов, поскольку они еще менее устойчивы, чем браки первичные¹.

Изменение брачных отношений было обусловлено социально-экономическими процессами и привело к трансформации норм и ценностей в этой сфере. К настоящему моменту можно наблюдать сосуществование в сознании людей представлений как традиционных, так и новых. Но все же основу брачной мотивации пока составляет ценностное отношение к семье. По социологическим исследованиям конца 1990-х – начала 2000-х годов, превалирующим мотивом для вступления в брак и у женщин, и у мужчин разного семейного статуса оказалось стремление к правильному, здоровому образу жизни: из общего числа опрошенных – 49,8 и 49,2% соответственно. Второе место среди мотивов заняла романтическая ориентация, связывающая вступление в брак «с большой любовью» (16,8 и 18,0%). Традиционный мотив – для рождения и воспитания детей – сохраняется у людей, состоящих в браке, и незамужних женщин (9,6% женщин и 8,4% мужчин). Другой традиционный взгляд – человек обязательно должен вступить в брак – находит приверженцев лишь у 4,2% женщин и 3,7% мужчин. Большие расхождения у разведенных мужчин (21,1%) и разведенных женщин (2,1%) в мотивации брака как «целесообразной формы удовлетворения важнейших человеческих потребностей» (выше показатель у мужчин), что, возможно, связано с тем, что разведенные мужчины, особенно в зрелом возрасте, испытывают неудобства, потеряв семью. У людей со сниженным уровнем притязаний к партнеру выявилась позиция, что для брака достаточно встретить человека, «с которым можно найти общий язык»,

¹ Синельников А. Разведенные – не семейные / Круглый стол «Будем жить?» // ЛГ. 2009. № 11. С. 3.

но эта позиция может негативно сказаться на качестве брака, так как она – следствие разочарования в браке, неверия в существование любви в нем и прагматических взглядов на жизнь¹.

На изменение брачной мотивации влияет и уровень образования людей. С его ростом снижается удельный вес суждений, связывающих семейный статус с правильным образом жизни, и увеличивается доля тех, кто убежден в необходимости брака для реализации человеческих потребностей. Таким образом, повышение образовательного уровня привело к снижению количества нормативных представлений о необходимости, обязательности брака.

Такой психологический фактор, как одиночество, на мотивацию брака у женщин и мужчин «работает» противоположно, а именно разными являются мотивы обязательной семейной жизни и брака как условия рождения и воспитания детей. Другие мотивы у одиноких мужчин и женщин не отличаются друг от друга.

Менялись не только мотивы и ценностные установки при вступлении в брак, но и добрачное поведение молодежи. По социологическим данным конца 1990-х годов, у значительной части молодых супругов в регионах Европейской части страны первый ребенок родился в результате добрачной беременности из-за широкого распространения в тот период добрачных половых связей².

С изменением ролевых функций в семьях, на что значительное влияние оказывает фактор образования супругов, появились и отличные от традиционных взгляды на брак и развод. С повышением претензий к партнеру и у мужчин, и у женщин все же последние, имеющие высшее образование, проявляют «более решительное поведение» в вопросе о разводе. Именно в таком типе семьи, где у жены выше уровень образования, бывают расхождения ролевых ожиданий мужей и жен,

¹ Копыстьянская К.Р., Острова Н.В. Мотивы создания семьи и отказа от вступления в брак // *Семья в представлениях современного человека*. М.: Ин-т социологии РАН, 1990. С. 23–31.

² Гурко Т.А. Ролевые ожидания молодых супругов в различных типах семей // *Семья в представлениях...* С. 46.

разногласия между ними и дестабилизация браков¹. Так обстоят дела с браками в основном у людей среднего возраста.

О представлениях современной молодежи в вопросе о браках и брачных отношениях находим данные в «Русском ассоциативном словаре»², который зафиксировал языковое сознание носителей русского языка в XX в. В нем содержится массовый материал, полученный путем опросов людей 17–25 лет, родом из разных мест, в том числе и с Севера, для которых русский язык является родным. Таким образом, в «Словаре» отражено развитие сознания молодежи, которая в ближайшее время будет определять языковую, духовную и материальную жизнь общества, и делается «выход» в будущее сознание русских. «Словарь» – источник не только лингвистической информации, но и социально-психологической. В этом исследовании находим следующие данные о брачных отношениях.

Брак воспринимается молодежью по-разному. Встречается его понимание, близкое к традиционному: это *ценность*, предполагает *свадьбу*, он *навек*, *постоянный*, *законный*, *семейный* союз, *пара (семья)*, *супруги*; есть и романтическое восприятие брака: он *заключается на небе*, это *счастье*. В отличие от таких представлений существует и негативное понимание, вероятно, связанное с неудачными браками. Прежде всего это относится к формам заключения брака – *по расчету*, *неравный*, *фиктивный*, *формальный*, граничит с *разводом*; а также к его характеру – *несчастный*, *неудачный*, *цепь*. В советский период сформировалось представление о том, что брак *состоялся* или *не состоялся*, заключен *по-советски*, в удачном браке жену считали *товарищем*. Из кинематографических образов называют брак *потальянски*.

Аналогично всему этому понимание категорий **брачность**, **брачный**. Это, прежде всего, *союз*, *контракт* (соврем.), *договор* (как и традиционный), предполагает наличие *партнера*, *период* (время, предшествующее его заключению). Суть брачности связана с понятием *семейной*, *долга*; форма заключения

¹ Там же. С. 47, 65.

² Русский ассоциативный словарь. М., 2002. Т. I.

брака – в ЗАГС'е, с партнером, это обряд, связанный со свадьбой и ее атрибутами – кольцом, костюмом, нарядом, пиром, с пирогами, со вступлением в половую жизнь – сексом, с брачной ночью (старое традиционное представление), у некоторых такое представление связано со страхом. Есть и понятие о природном (биологическом) брачном сезоне и брачных танцах (у животных). Противоположностью брачности называют развод¹. Понимание брака стоит в ряду с понятием до гроба, которое ассоциируется с любовью, верностью, обязанностью; ср. – *память до гроба*².

Близки к таким представлениям понятия женитьбы и замужества. **Женитьба** связывается со свадьбой, невестой, браком. Характер ее, живущий в представлениях современников, разный. У одних это – гулянка, веселье, праздник, радость, счастье, удачная, в деревне. У других – неудача в жизни: тюрьма, ярмо, горе, [осуществлена] зря, оковы, последнее дело. Форма женитьбы воспринимается также по-разному (много негативно) – по расчету, быстрая, по контракту, рано, скорая, странная, к разводу. Есть литературные и кинематографические образы женитьбы: Фигаро, Бальзамина, Гоголя (пьеса «Женитьба»), [«Свадьба»] в Малиновке³.

Замуж (-ество) связывается, как и женитьба, со свадьбой, с девушкой (вступающей в брак), с невестой, предполагает наличие поры (брачной) и создание семьи. Мотивация замужества чаще всего представлена в высмеивающих, критических образах: не терпел, хочу, хочется, не берут. О форме выхода замуж – рано, вынужденно, о характере его есть разные представления – за любимым, ад, за козла⁴.

Как видно, во взглядах современной молодежи на брак и брачные отношения можно найти и элементы традиционных представлений, и привнесенные временем новшества, меняющие их характер и влияющие на сознание и память об этих ка-

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 209.

тегориях. Бытуют и образы, полученные в результате знакомства с литературой и современным искусством (кино, театр).

Строй семейной жизни и представления крестьян о родине – семейном доме

Обратимся теперь к рассмотрению семейных отношений и некоторых сторон семейного уклада крестьян Русского Севера, к их изменениям в разные исторические периоды, поскольку в таких явлениях явственно проступает семейно-родственное крестьянское сознание. Семейные отношения, существующие в быту, их изменяемость или стойкость произрастают из природы семьи, которая является, с одной стороны, социальным институтом с определенными правовыми нормами, и с другой, – особой малой группой, основанной на родстве ее членов. Проявления этих отношений у севернорусского населения удастся проследить с XVII–XVIII вв., но наиболее полно – с XIX – начала XX в.

Северная крестьянская семья периода XVII–XVIII вв. характеризуется средними размерами – 6,8 чел., по преобладающему типу оказывается малой, простой, состоящей из родителей-детей, последних в среднем в ней было около четырех¹. Конечно, существовало немало и более многочисленных семей, с большим числом детей и более сложного состава, чем малая семья: это семьи с прямым родством – *отцовские* (родители-дети-внуки) и с боковым родством – *братские* (братья-дети, братья-дети-внуки), или состоящие из дядей и племянников с их детьми, или такие, в которых кроме родственников могли быть и свойственники и др. Исследователь Севера XVIII в. В.В. Крестинин отметил у северодвинских жителей сложные братские семьи. Братья, по-старинному «братеники», как он

¹ Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI–XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 122–123; Власова И.В. Семья и семейные отношения // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 182–192.

указывал, жили «в вотчине своей единодомно без всякого раздела», и их деревенские земли долго не переделывали и дети¹.

Самой характерной чертой крестьянской семьи у русских, у северян в том числе, было главенство в них старших по возрасту мужчин. Семью могли возглавлять, по нормам обычного права, лишь дед, отец или взрослый сын. Историко-этнографические материалы XVII–XVIII вв. свидетельствуют: если главный умирал и в семье не было больше взрослых мужчин, функции главы выполняла старшая женщина-вдова (свекровь в отцовской семье, жена умершего главы в малой, жена старшего брата – в братской). Нигде не встречалось указаний, чтобы такую семью возглавляла, например, сноха (невестка); младшее поколение женщин, по обычному народному праву, к этому не допускалось. Другое дело было с зятем, который жил в семье тестя и тещи. В русской деревне существовал обычай приема в дом зятя – мужа дочери, если не было своих сыновей. Зять-примак был обязан исполнять тягло за тестя, ходить на «мирские службы», обрабатывать его землю, т.е. фактически он становился работником в принявшей его семье. По договору, составлявшемуся при приеме зятя в дом, он наследовал за тестем все имущество, дом и землю в случае смерти последнего, или пай-долю при жизни тестя для его содержания, когда тот становился немощным. Для обозначения явления примачества в русской деревне существовали свои понятия. Так, у северян в Кадниковском у. зятьев-примаков называли *подживотниками* (от понятия «живот» – дом, хозяйство), в других местах – *домовиками*, *влазеньями* и др. На Кокшеньге примачами в семьях считались мужчины, принятые в дом вдовами; их называли *домовиками*, *животниками*. Такое примачество – «идти в животы» – там дожило до XX в. Но были в кокшеньгских деревнях и зятья-примаки в домах родителей жен, если у последних не было сыновей. Этих зятьев называли *приемышами*. Правда, случаи примачества в северных деревнях в XVII–XVIII вв. были редкими².

¹ Крестинин В.В. Указ. соч. С. 18.

² Там же. С. 25; Угрюмов А.А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992. С. 37, 68.

В то время иногда встречались и другие приемыши – усыновленные дети при отсутствии своих детей или приемные сироты-родственники. Были в семьях при повторных браках родителей и «незаконнорожденные» дети (рожденные вне или до брака), считавшиеся также приемышами. Последнее в сельской среде встречалось редко, ибо общественное мнение осуждало рождение детей вне брака. Участь матери, имевшей «незаконнорожденного» ребенка, была тяжелой, такой ребенок не имел в семье равных прав с детьми, рожденными в браке, и всю жизнь подвергался насмешкам, а иногда и оскорблениям.

В XIX – начале XX в. существовали семьи простого и сложного состава с прямым и боковым родством и свойством, хотя преобладали малые семьи (родители-дети) и их варианты (один из родителей и дети). Главенствовали в семьях по-прежнему, на основе обычного права, старшие по возрасту мужчины-*большаки*: деды, отцы, старшие братья. Женскую часть семьи возглавляла *большуха* (жена главного), и если происходили ссоры между нею и невестками, то семья делилась. Внутрисемейные отношения в ту пору, как писали в Этнографический отдел РГО из Череповецкого у., были «патриархально простыми», все во всем следовало «примеру предков и не скоро свыкались с нововведениями»¹. Из Рабанги Вологодского у. сообщалось, что управлял жизнью в семье ее глава, и все ему подчинялись. И хотя жены большаков ведали домашними делами, для семейных отношений было характерно «порабощение [всех] женщин отцами, мужьями, свекрами, дядьями и другими родственниками» (Кокшеньга и Маныловский приход Тотемского у.)².

¹ АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.; Д. 15. Л. 33 об.; Р. 25. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об.; *Евдокимов И.* Старый быт // Изв. ВОИСК. Вологда, 1915. Вып. II. С. 4; *Логинов К.К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Ун-т Дм. Пожарского, 2010. С. 24–26.

² ВГВ. 1875. № 99. С. 9; 1866. № 31. С. 303; 1876. № 8. С. 5; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Л. 26.

Во внутрисемейных отношениях сохранялось много старых традиций. Все функции членов семьи были основаны на обычном праве¹. Старший в доме управлял хозяйством, исправлял общественные дела, платил подати и повинности за двор в общине, «держал совет» с большухой, хранил семейную кассу, даже деньги, заработанные членами семьи, уходившими в отход, или вырученные за «промыслы и от продажи» домашних продуктов; он судил своим судом всех домочадцев (Кадниковский, Тотемский, Вельский уезды). Звание большака (его функции) оставалось наследственным. Вдовы-женщины с малолетними детьми заменяли умерших мужей-глав семей и даже участвовали в деревенских сходах. Ограниченными были права главы, если их исполнял брат или дядя (а не отец): на его поступки и решения необходимо было разрешение остальных (Череповецкий у.)².

Роль и функции главы дома-семьи начали формироваться в славянском мире в далеком прошлом. По характеру этих функций некоторые исследователи приписывают хозяину дома ритуальную и магическую роль, аналогичную роли жреца, поскольку он устанавливал порядок в доме, направлял жизнь семьи, обеспечивал исполнение всеми ее членами необходимых для поддержания их здоровья и благополучия хозяйственных и ритуальных действий. Последнее ярко проявлялось при празднично-обрядовой жизни дома-семьи³.

В сознании крестьян закрепилось и сохранялось долгие столетия понимание главы дома, обеспечивающего жизнь семьи как в материальном отношении – распоряжение имуществом, средствами производства, судьбами членов семьи (женить и выдавать замуж детей, содержать престарелых), участвовать в

¹ Российская семья: Энциклопедия. М.: РГСУ, 2008. С. 243–251; *Логинов К.К.* Указ. соч. С. 28–36.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 121. Л. 33; Д. 128. Л. 24; Д. 251. Л. 17–18; Д. 257. Л. 2 об.; Д. 276. Л. 4 об.; Д. 344. Л. 13; Д. 356. Л. 23; Д. 786. Л. 12; Д. 810. Л. 1–4; Ф. 1. Оп. 2. Д. 433-а. Л. 192.

³ *Левкиевская Е.Е.* Магические функции хозяина в восточнославянской традиционной культуре // Мужской сб. М., 2001. Вып. 1. С. 108.

общественной жизни деревни, так и в духовном – выполнение различных ритуалов и практик, особенно связанных с аграрной магией. Смерть хозяина дома считалась опасной для семьи: бытовало мнение, что умерший хозяин способен «утянуть» за собой все, что есть в хозяйстве (урожай, скот), а также здоровье близких. Для предотвращения этого существовали разные обрядовые практики. Но еще обязательным считалось беречь хозяина дома при жизни, помогать ему и беспрекословно слушаться его. Образ «мужика» (мужа – главы дома) всегда сливался с образом «хозяина»-земледелца и семьянина, несущего заботы хозяйственные и семейные, а в целом с образом народной русской силы. Существовал и день 9 января, когда почитали этот образ заботящегося о хозяйстве и семье, – Степанов день и Степановы труды¹.

Судя по источникам XIX – начала XX в., остальные члены семьи имели также свои права и обязанности и соблюдали субординацию по отношению друг к другу. *Большуха* (жена, мать) «правила миром» в доме и не ходила на общесемейные работы (Кадниковский у.). Другие женщины в семье были у нее в подчинении; им лишь разрешалось самостоятельно распоряжаться своим имуществом (*приданым*) или деньгами, вырученными от продажи производимых ими домашних продуктов и от заработков на стороне (Грязовецкий у.). От детей требовали строгого повиновения старшим, которые были во всем «примером» для них (такое было представление о нравственности в народной педагогике); ссоры старших «вредно сказывались на детях». Братья и сестры сохраняли родственные отношения и после выхода из родительской семьи; оставшись без родителей, заботу о сестрах и их детях брали на себя братья (Вологодский у.).

Дети-мальчики были опекаемы матерями до 12 лет, после чего воспитывались под присмотром отцов, уходя с ними на работы в поле, в лес. Дочери до своего замужества находились более с матерью, а выйдя замуж, попадали «под власть мужей». Овдовевшие дочери (особенно без детей) чаще возвращались в родительский дом. Воспитывались дети в основном дома, но к

¹ Рожнова П. Указ. соч. С. 198.

началу XX в. в деревне уже происходило не только их домашнее воспитание, но и обучение в школе (приходской или земской)¹.

Самым незавидным в большой семье оставалось в конце XIX – начале XX в. положение снох и зятьев-примаков (*домовиков, привальней*), поскольку и тех, и других считали работниками. Зятья выполняли все, что было оговорено при приеме их в дом. Сохранились частушки крестьян Устюженского у., певшиеся от лица зятьев-примаков, уходивших в чужой дом:

Остается тятя (родному отцу. – *И.В.*) бóльшина (пай в доме),
Соха и борона,
А мне, несчастному мальчишке,
Чужая сторона².

Снохи были обязаны работать в доме и в поле и обеспечивать своих мужей и детей всем необходимым; из общего семейного имущества им ничего не принадлежало. Их «недолюбливали», так как в это время именно снохи становились инициаторами семейных разделов, желая быть самостоятельными. В случае смерти мужа сноха могла жить и дальше у свекра, если не выходила вторично замуж, в противном случае – ее дети оставались у деда или дяди (главы дома). Вдовство было бедствием для женщин, и вдовья доля вызывала сочувствие:

То не кустышки в поле расстоналися,
Не кукушка серая на жизнь плачется,
То у нас в селе вдова народилася...³

В целом семья была крепка своими домочадцами. Издавна существовал и День домочадцев 10 января, когда вспоминали или почитали всех, кто жил и живет вместе, разделяет судьбу в радости и в бедах, несет лад и мир в дом. «Вся семья вместе, так и душа на месте», – говорили о таком ладе среди домочад-

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–17; Д. 214. Л. 16–46; Д. 697. Л. 26–28; Д. 257. Л. 3; Д. 693. Л. 24–32; Д. 344. Л. 14 об.; Д. 349. Л. 4–13; Д. 786. Л. 10–19; Д. 810. Л. 4–16.

² ЖС. 1903. Вып. III–IV. С. 457.

³ *Абрамов Ф.А.* Указ. соч. С. 72.

цев¹. И не случайно «осколком рая на земле», а значит и «Церкви, государства, мироздания считалась семья, а ее опорой во все времена была женщина, святость которой была воспета в веках»².

Положение женщин в северной семье, да и в обществе, было особым. Существовало ее почитание, связанное с выполнением ею определенных функций. Северное хозяйствование не было чисто земледельческим, в нем немалую долю составляли промыслы, а у архангельских поморов промыслы были основными занятиями. Женщины участвовали в некоторых работах наряду с мужчинами, замещали мужчин в различных административных делах (например, в сельских сходах), когда те были в отходе. Это вело к равноправию полов и более уважительному отношению к женщинам по сравнению с таковым в чисто земледельческих районах³.

Такое отношение к женщине кроется в выработанном веками понимании ее предназначения. Она считалась «главным, связующим звеном общежития» (семьи). Ей всегда была свойственна привязанность к обычаям, традициям и устоявшимся нравам, к выполнению правил, ритуалов и их охранению. В русской традиции женщина – хранительница «внутреннего пространства семьи, семейного очага» (древний культ *берегини рода*), духовного мира всех домочадцев. Именно благодаря ей осуществлялась преемственность поколений. Предназначение мужчины – хранить внутренние границы семьи, он – защитник, добытчик, кормилец. Такое разделение функций было естественным во всех традиционных обществах⁴.

В семейных отношениях в конце XIX – начале XX в. очень редко, но имели место, судя по источникам, связи супругов на стороне, следствием чего становилось появление внебрачных детей. Внебрачная жизнь по-прежнему не поощрялась, а винов-

¹ Рожнова П. Указ. соч. С. 198–199.

² Ирзабеков В.(Ф). Тайна русского слова: Заметки нерусского человека. М.: Даниловский благовестник, 2008. С. 47.

³ Российская семья: Энциклопедия. С. 250.

⁴ Бочков А.С. Вологодские нестяжатели. М.; Вологда: Луч, 2011. С. 136–138.

ники наказывались всеобщим презрением и осмеянием. Но в условиях отхода, найма на работы и большей самостоятельности людей внесемейное общение происходило чаще, хотя его старались скрывать¹. При уходах мужей из дома на работы или на службу в армию случалось и такое отклонение от норм семейной жизни, как *снохачество* (связь свекра и снохи), иногда к этому принуждали снох свекры. Но неверность супругов и в это время считалась у крестьян грехом, преступлением, особенно, когда это совершалось среди родных или свойственников (Череповецкий, Грязовецкий, Тотемский, Кадниковский, Белозерский уезды). Жизнь внебрачных детей и их матерей была тяжелой. Было трудно найти крёстного отца для такого ребенка. Он получал обидное прозвище – «сколоток», «придамыш», «притычка». С матерями таких детей обращались деспотически и в семье, и в деревне, даже могли выслать из родных мест. Если же женщина с ребенком выходила замуж, то ребенку давалось «имя» (фамилия) ее мужа, хотя обидное прозвище он носил всю жизнь (Вельский у.). В Белозерском у. «незаконный» ребенок («богоданович» – по-местному) лишался имущественных прав и с 8-10 лет должен был «добывать хлеб» (собирал милостыню, работал в няньках, в пастухах); по достижении совершеннолетия он нередко покидал семью и шел в батраки.

Лишь с конца XIX – начала XX в. приемные дети в семьях по правам стали приравняться к родным. Деревенское общество стало порицать тех, кто обижал приемышей: «Нехорошо...! Не своего бьешь – сироту», – считали в таких случаях герои повести Ф.А. Абрамова «Безотцовщина»². Но доли приемных детей в общесемейном имуществе распределялись по-разному. Кровные братья (родные по отцу) имели равные наследственные права и доли в имуществе; единокровные братья (родные по матери) не могли иметь равных прав с кровными, особенно, если у отчима были и свои дети; если же таковых

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 253. Л. 4; Д. 254. Л. 26; Д. 263. Л. 24; Д. 814. Л. 29–32; Д. 352. Л. 13; Д. 107. Л. 1–7; ГАВО. Ф. 883. Оп 1. Д. 214. Л. 57 об.

² Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 158.

не было, они получали права родных детей. Дети-рекруты оставляли за собой свои семейные права, в случае смерти солдата этот пай отдавался его жене, а если ее не было, оставался у родителей (Грязовецкий, Тотемский, Череповецкий, Белозерский уезды).

Таким образом, в рассматриваемое время межпоколенные отношения в семье строились еще по обычаю, и лишь в конце XIX в. стали нарушаться, правда, сохраняя многие черты отношений предшествующих периодов. Старый домашний уклад был заметно разрушен к 1917 г. Немалую роль в этом сыграл отход крестьян в города. Влияние города и городской культуры сказывалось на всей общественной и семейной жизни в деревне. Менялись взаимоотношения членов семей, более независимой становилась женщина, исчезла «забитость» младшего поколения, слабела власть старшего в семье.

Сразу после 1917 г. семья и ее внутренняя жизнь представляли собой сочетание традиций и новшеств¹. Еще стойко держалось понимание главенства старшего в доме мужчины – отца, его помощницы и советницы – матери. «У нас... мужик всему голова, – считали жители северных деревень»². Не совсем забыли и послушание старшим младших поколений (Вологодский у.). Мало того, иногда крестьяне, не желая семейных разладов, стремились к совместной жизни родственников, избегали дробления семей. В десятилетие от революции до коллективизации, когда земля давалась на едоков (а не на рабочие руки), когда крестьяне должны были по декрету о земле стать хозяевами своих земельных наделов, большинство из них мечтало, несмотря на донэповские продразверстки и продналоги времени НЭП'а, о заведении крепких хозяйств.

¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 179. Л. 3; Д. 188. Л. 3; Д. 147. Л. 9; Д. 212. Л. 40–40 об.; Д. 273. Л. 4–27; Д. 247. Л. 10 об.; Д. 218. Л. 92 об.; Д. 221. Л. 3 об., 45 об.; *Синкевич Г.П.* Крестьянская изба Вологодского уезда // Социальная гигиена... С. 80–82; *Бачурихин А.Н.* Сельское хозяйство Северо-Двинской губернии на рубеже 1926 г. // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1927. С. 62; *Пятунин П.* Указ. соч. С. 33.

² *Абрамов Ф.А.* Указ. соч. С. 274.

Неразделенные семьи, коих тогда было еще немало, имели в составе несколько поколений родственников или свойственников. Есть упоминания в материалах после 1917 г. и до 1930-х годов о таких членах семей, как зятя-примаки, невестки. Правовое положение их оставалось прежним, и невестки, идя в семью свекра, как и раньше, считали:

... во чужих-то во многих людях
Надо жить-то умеючи,
Да говорить-то разумеючи,
Куда идти – надо спроситися
И притти откуд – надо сказатися!

(Кадниковский у.).

Или:

И посмотришь – все не ладно им,
Слово молвишь – им не нравится,
На пол ступишь – не как следует.

(Янгосорь Вологодского у.)¹.

Отношения невесток и свекровей в таких семьях были напряженными, и, как отмечали наблюдатели, невестка в 25–30 лет могла выглядеть, как 50-летняя (Каргополье).

Об изменении нравов свидетельствуют факты, когда отделившиеся от родительской семьи дети отказывали затем в приюте своим старикам. По анкетным данным ВОЙСК 1927–1928 гг., молодежь становилась непочтительной к старшим, а зачастую ее взгляды шли «вразрез с родителями». Отцы уже не были «деспотами», как раньше, а функции главы были ограничены размерами малой семьи. И хотя старшие не любили новшества, но, видя что-либо «хорошее у молодежи, [шли] навстречу ей». Неприязнь старших и молодых сохранялась в вопросах религии. Политика большевиков, крушение устоев православия «сеяли» эту рознь².

Положение женщин в семьях становилось иным. При проведении земельной реформы в 1918 г. изменилось их наслед-

¹ Русский Север... С. 460.

² ГАВО. Ф. 439. Оп. 1. Д. 166. Л. 3; Д. 218. Л. 12 об.–100 об.; Д. 219. Л. 4 об.–56 об.; Д. 220. Л. 12–87 об.; Д. 221. Л. 3 об.–88 об.

ственное право, которое ранее определялось обычным правом. После 1918 г. по смерти мужа или отца женщина в неразделенной семье могла стать во главе ее и наследовать имущество и землю. Даже если женщина оставалась в доме не главной, она получала долю наследства наравне с остальными. Невестки в трех-, четырехпоколенных семьях выходили из подчинения свекровям, а вдовы-невестки уходили из семьи покойного мужа, при этом обеспечивались всем необходимым даже без наличия детей. Женщины-вдовы в малых семьях могли возглавить семью и при взрослых сыновьях. Кроме новых имущественных прав, женщины получили право трудиться наравне с мужчинами, многие из них привлекались на общественные работы, особенно если в деревне существовала кооперация. Все это привело к тому, что в семейных отношениях стала появляться и свобода, и непринужденность.

Дальнейшие изменения претерпела и сама крестьянская семья в период коллективизации с конца 1920-х и в 1930-е годы. Одной из важных причин перемен были миграции населения из села в город. В это время начались интенсивные семейные разделы. Если в 1920-е годы молодые, иногда временно, оставались жить в доме родителей (не были самостоятельны, жила традиция патрилокального брака), то теперь предпочитали полностью отделиться.

Локальными особенностями в период коллективизации и до 1940-х годов отличались семьи крестьян в районе строительства «Беломорканала». Их долгое время не раскулачивали, так как на них, местных бурлаках, держалась сухопутная дорога вдоль канала по берегам Шексны и Мологи. Эти крестьяне, сообразив, что объединение с родственниками поможет устоять в коллективизацию, сохраняли и создавали вновь многочисленные семейные коллективы. О таких крестьянах писал А. Савеличев в романе «Потоп»: «Иные мужики после первой коллективизации, оглядевшись, к паре своих лошадок прибавляли еще пару – записывали на свата или зятя, под хорошее настроение – и на куму. А там, глядишь, ко второй паре и третья подросла – сын оженился... Всего в семейном роду до двух десятков лошадей насчитывалось»¹.

¹ Савеличев А. Потоп // Наш современник. 1992. № 11. С. 100–102.

В военные 1940-е годы шли изменения в составе семей из-за потери людей в войну. Лишь в 1950-е годы началась компенсация людских потерь, повысилась брачность населения, стала постепенно расти рождаемость, выравнивалась половозрастная структура. Но последствия войны еще долго сказывались: в деревнях было много вдовьих семей, одиноких людей, особенно женщин, не вышедших замуж, матерей-одиночек с детьми, существовало нарушенное соответствие возрастов супругов (жены часто были старше мужей), так как случались браки женщин с молодыми людьми или прием в дом молодых мужей; повторные браки разведенных, официально не оформленные и т.п.¹ В 1960–1980-е годы снова преобладающими были малые семьи, состоящие из родителей и детей.

Чем ближе к нашему времени, как отмечают социологи и психологи, тем чаще семья стала приближаться к шведской («стокгольмской») системе, когда исчезает желание вступать в брак, иметь детей и в лучшем случае ограничиваются одним ребенком. Наблюдается тенденция – скоро большая часть населения будет находиться вне брака, а рождение детей (а значит и прирост населения) будет происходить у матерей-одиночек или родителей, не состоящих в браках². Об этом свидетельствует иерархия семейных ценностей у современного населения. Семья в таких ориентациях сейчас, особенно у молодых людей, на 3–4 месте, а зарегистрированный брак на 7–8. Семейная жизнь представляется как временный союз двух свободных людей-индивидуумов (например, «гостевая семья», «свингерские отношения»), а не как общественный институт³.

¹ АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой.

² Антонов А. Роковой триумф индивида / Круглый стол «Будем жить?» // ЛГ. 2009. № 11. С. 3.

³ Зверева Н. Спасти семью! / Круглый стол «Будем жить?» // ЛГ. 2009. № 11. С. 3.

Межпоколенные отношения в семьях не оставались неизменными¹. В 1950–1980-х годах они различались у людей разного возраста, образования, характера труда. Фактическое главенство в семье стало определяться ролью того или иного члена в делах семьи, его авторитетом, способностями, общественным и производственным положением. Об этом говорит главенство представителей молодого поколения: женатого сына, замужней дочери, невестки, зятя, а в связи с последним – отмирание института примачества в русской семье, даже в деревне. По данным переписи населения 1959 г., в северных деревнях традиционное главенство мужчин оставалось в половине семей, около 37% было с главами-женщинами.

Отношения родителей и детей стали выглядеть следующим образом. Старые родители ограничивались советами и нечасто вмешивались в ведение хозяйства. Семейные дела обычно решались всеми членами сообща, учитывались пожелания молодежи, а нередко именно мнение молодых приводило к тому или иному решению. Сложнее строились взаимоотношения в трехпоколенных семьях. Там возникали противоречия, особенно, когда в семье, кроме родителей и женатых детей, были холостые дети (проявлялись различия интересов и запросов). Оставались и противоречия, связанные с двумя ролями женщин, – в обществе и в семье, с трудностями совмещения этих ролей. К семейным конфликтам иногда приводило неравномерное распределение домашнего труда. Это свидетельствовало о сохранении фактического неравенства полов. Существовали противоречия, связанные с повышением требовательности друг к другу, к браку, к семье.

Каково же восприятие семьи и внутрисемейных отношений у людей в настоящее время? Еще не потеряно окончательно представление о семье, отождествляемой с домом. Так, в сознании жителей рассматриваемых северных районов сохраня-

¹ АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой; Харчев А. Быт и семья как категории исторического материализма // Проблемы быта, брака, семьи. Вильнюс, 1970. С. 18–20.

ются элементы традиционного понимания сущности семьи. Об этом свидетельствуют фольклорно-этнографические материалы 2000-х годов, приводимые в исследовании И.А. Разумовой. В них содержатся речевые формулировки молодого поколения, говорящие о понимании единства семьи, ее локализации: это место, «где тебя ждут»; «сюда можно придти и поделиться...»; «место в жизни, куда я смогу вернуться... где всегда мне будут искренне рады» и т.п. Кровнородственное единство у северных крестьян и сейчас соответствует пространственному: совместное проживание идентифицирует семейную группу. Регулярные поездки к «дальним» родственникам расширяют это пространство. Уход из дома (из жизни) и даже отъезд в другое место кого-либо из молодых родственников порождает у какого-нибудь оставшегося в доме старого родного человека миф о смерти (метафорически). Семья-дом для родных в пространственном отношении – это «родина». Слово «дом» в какой-то мере традиционно используется и сейчас как синоним «родины». Для семьи же оно – жилище. И здесь это не только топографический, но и символический заместитель семьи¹.

Немаловажное значение в восприятии родины-дома у современных людей, как и прежде, имеет тот факт, что дом выстроен «своими руками», кем-то из родоначальников, образ которого живет во многих поколениях. Такой дом – это «образ рода, летопись семьи, вместилище памяти». В нем живет «история семьи, предания пращуров». Это родовое гнездо держится связью поколений. Для сохранения душевного здоровья в сознании людей должны жить представления о крепком родном доме². Остается и старое представление, что такой дом – принадлежность той или иной семьи («свой», «собственный»), а предки имели определенный имущественно-земельный статус, поскольку дом указывает на социально-сословную принадлежность в прошлом, например, на степень зажиточности или бедности, о чем говорят размеры и тип дома, его декор, его использование в настоящее время – остается ли он домашним семейным жилищем или в нем разме-

¹ Разумова И.А. Указ соч. С. 124–125, 132–133.

² Бочков А.С. Указ. соч. С. 180.

щаются какие-либо деревенские объекты (администрация села, библиотека, клуб, магазин и т.п.). Наконец, дом не только соотносится с идеей крепости, прочности рода-семьи, но может аккумулировать черты общенародной культуры: жители северных деревень, по свидетельству И.А. Разумовой, рассказывают, что их дома часто принимают за «образец русской избы»¹. Северный поэт Н.А. Клюев считал русскую избу «мирозданием», сравнивая «избяную Русь» с несметным обозом, в котором хранится ее «непостижимая судьба»².

В упоминавшемся выше «Русском ассоциативном словаре» зафиксировано аналогичное восприятие дома. Но для современной молодежи (а именно ее восприятие отражено в «Словаре») такое понимание разнообразнее. Это не только дом – *родной, большой, в деревне, семья, тепло, гостеприимный, уют, порядок, свет, праздник*, но и прямо противоположное – *темно, пожар, пусто*. Последние образы возникают, когда в жизни человека произошли какие-либо беды. Присутствуют и образы дома-«крепости»: *жилище, жить, защита, очаг с трубой, построен самими, родина, у бабушки* (связь поколений). Представляется дом и как архитектурное сооружение вообще: *кирпичный, крыша, с мезонином, высокий, калитка, забор*. Отличается северное жилище от южного – *изба* от *хаты*, *дерево* от *кирпича* и *черепицы*; от современных сооружений – *виллы, дачи*. Остаются отрицательные эмоции в восприятии дома – *пуст, заколоченный*, причем иногда связанные с литературными образами – *казенный*³.

В «Словаре» зафиксированы ассоциации семейного дома и под понятием **быта**. И хотя быт воспринимается так же, как дом, *домашний, сельский, семейный*, в него привнесли черты, связанные непосредственно с характером быта – от широкого *жизнь, повседневный* до его многообразия во всех хороших и плохих проявлениях⁴.

¹ Разумова И.А. Указ. соч. С. 128–130.

² Цит. по: Рожнова П. Указ. соч. С. 8.

³ Русский ассоциативный словарь... С. 175.

⁴ Там же. С. 73.

Близко к пониманию дома стоит **двор**, особенно в деревне. Сохраняется его восприятие как *дома, большого, родного, чистого* (дом-двор как родина), как *детства* (жизни в семье). Такой двор обязательно имеет *крыльцо, лавочку, забор*, в нем проживает и *дворняжка*, ходят *куры*, есть *качели*, но встречается и другое понимание двора, соотнесенного с *деревней*, с *друзьями*, со *школой* (школьный двор), *около дома*. Более всего ассоциаций по поводу двора возникает в связи с образом и местом жизни, с характером занятий в противовес двора – семейного дома: двор *общий, скотный, хозяйственный, колхозный, подворье*. Противоположностью двору сельскому служит двор городской: в нем главное лицо – *дворник*, двор как *подъезд* городского дома, *огороженный участок*, детская *песочница* во дворе. Присутствуют у молодежи и литературные ассоциации: понимание двора в столичном городе – *замоскворецкий, московский, монетный*; нередких заведений в городах, где есть *тюремный двор, двор-плац, постоянный двор*. Остаются ассоциации литературного происхождения, в которых наличествуют описания прошлых времен о помещичьих *усадеб*ах, о семейных домах *дворян*, и даже о *королевских дворах*, о *царском доме*. Негативные стороны двора как семейного дома-очага также присутствуют: *старый, грязный, заброшенный, сор*¹.

Близко к дому и понимание **жилища** как *семейного дома*. Поэтому чаще всего люди называют жилище *домом, уютom, теплым, удобным, с очагом, большим* (с большой семьей). Есть и только городское понимание семейного жилища как *квартиры* или жизни отдельных членов семьи в *общегитии*. А к отрицательным, нежелательным образам жилища относят *хижину, шалаш, убогое, плохое, бедное*².

Самое близкое понимание семейного дома, по крайней мере у северян, относится к **избе**. Она напрямую соотносится с *домом*, который для Севера представляется *деревянным, с печью и трубой, с углами* (с их функциями в интерьере дома), чаще *пятистенный* (характерный тип жилого дома на Севере с

¹ Там же. С. 155.

² Там же. С. 199.

XIX в.), *рубленый* (способ постройки сруба), с домашним уютом, где непременно атрибутом является *самовар*. В географическом отношении такая изба отличается от южного семейного дома – *хаты*. Изба воспринимается как принадлежность и отличительная черта *деревни*. Негативные представления о ней также имеются – *хибара*, *хижина*. Остаются в умах людей и понятия сказочные, мифические – *сказка*, *на курьих ножках*. Появился образ избы советского времени – *избы-читальни*, в которой находился клуб и библиотека, где сельчане проводили досуг¹.

Кров. С этим понятием у современной молодежи ассоциируется *дом*, *крыша*, *жилище*, *двор* с характерными чертами – *отчий*, *теплый*, *родительский*, *с очагом*, *печью*, *с дровами* (для северян), *с семьей*, *уютом*. Ассоциируется такой кров не только с отдельной семьей, но и с *родиной* как малой, так и той, за которую, «за Родину», шли в бой. Для северян понимание крова с печью, с очагом и *около него двора с хлебом*, *коровой* отличается от представлений о *хате*².

Понимание самой **семьи** поколением конца 1990-х – начала 2000-х годов довольно разностороннее, включающее в себя различные характеристики семейных коллективов от сохраняющихся старых, традиционных, до приобретенных в новое время. Прежде всего семью понимают как *большую*, *родную*, *крепкую*, *дружную*, *счастливую*, у которой есть *дом*, где *дети*, *гармония*, *единство*, *родня*, *очаг*, *тепло*, *уют*, *собака*, т.е. как *должную*, *идеальную*, как коллектив *с отцом и матерью в браке*, *с детьми*. Есть и понимание ее как определенного общественного института – *ячейки*. Называют отличительные особенности городской и сельской семьи: *деревенская*, *многодетная* (для села), *из трех человек* (для города). Состояние семьи в наши дни (отсутствие брака, разводы) вызывает появление таких эмоций и понятий, как *неполная*, *одинокчество*, *зачем нужна*, *не понимаю*. Широко бытует понимание этой категории как несемейного коллектива, в котором много воспринято из лите-

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 278.

ратуры и жизни нашего общества, например, просто *коллектив*, [семья] *историков, колхозников, народов* или фамилий-династий – *Ульяновых, цирковая* и т.п.¹

И, наконец, **фамилия**, под которой, кроме непосредственного ее понимания, разносторонней характеристики фамилии, ее сокращения в виде *ФИО* и структуры этого образования, существуют у современников образы – *семья, большая* и т.п.²

Как видно, в этих образах сохраняется многое из традиционного восприятия, но оно становится сейчас шире, так как впитывает черты времени, когда традиционное уступало место новому, особенно в советский период, и появлялись образы, заимствованные из литературных произведений. Но в скором времени, как предупреждают психологи и социологи, у сельчан могут исчезнуть и последние представления о семье-доме и понятие «родового гнезда», чему немало способствуют наши аграрные реформы. Все большее отчуждение российских крестьян от земли, захват ее пришлыми хозяевами, ее продажа ведут напрямую к распаду сельской семьи, ее дроблению и уничтожению таких гнезд³, а с ними и к искоренению из сознания и памяти людей всех этих понятий.

Семейно-брачные отношения и детность семьи

Для полной характеристики семейно-брачных отношений, их изменений в разные исторические периоды и отражении в них крестьянского сознания нелишне рассмотреть демографическое поведение деревенской семьи. В этой семье, как и в семье других сословий, происходил медленный переход от нерегулируемой рождаемости ранних периодов к регулируемой, ставшей заметной уже в конце XIX в. Это было началом перехода от традиционной семьи к современной, «более эффективной с точки зрения материальных, психологических и физических затрат со стороны родителей и общества модели воспроизводства населения»⁴.

¹ Там же. С. 581.

² Там же. С. 699.

³ Яшина Н.А. Воин Александр // Лад. 2006. № 1.

⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 284.

Взгляды северян на детность, рождаемость претерпевали изменения в этом же направлении. Размеры их семей определялись не только общим числом членов, но и числом детей. В силу специфики северных условий семьи в ранние периоды, в XVII–XVIII вв., как уже указывалось, были невелики по размеру (в среднем 6,8 чел.). Детность таких семей также была мала – около 4-х детей на семью. Конечно, были семьи и более многочисленные. В ту пору демографические ориентации крестьян определялись религиозным сознанием и этническими традициями. В целом же рождаемость не ограничивалась, и существовало мнение, что в доме должно быть несколько детей, ибо постепенно по мере их взросления появлялось много рабочих рук, что было необходимо для нормального существования семьи и ее хозяйства.

Но все же можно говорить, что уже и тогда становилось осознанным демографическое поведение в народе, и была выработана своя «демографическая политика». Об этом свидетельствуют такие факты: исключительную роль в браке детей играли родители, обязательным было их согласие и благословение на брак, да и выбор брачных пар детям был их делом, а невыдача замуж дочери грозила родителям штрафом. Все брачные мероприятия происходили вполне осознанно и продуманно.

Такой взгляд начал меняться в конце XIX – начале XX в., особенно, когда сильно развился отход на заработки. Крестьяне в этих условиях начинали понимать, что большое хозяйство в доме не нужно, так как существенную часть доходов приносили отходники. Следовательно, уже не нужны были многочисленные рабочие руки. Прежнее демографическое поведение семьи нарушалось – сокращалась ее детность, а многодетность теряла экономическое значение. Участились семейные разделы, в результате стали преобладать семьи в 3–5 чел. обоего пола, несложного поколенного состава¹. Данные сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. показали такой простой и не-

¹ ГАВО. Ф. 653. Оп. 1. Д. 378. Л. 1–20; Д. 384. Л. 1–6; Д. 377. Л. 1–23; Д. 376. Л. 1–25; Оп. 1–4. Д. 325. Л. 42–44; *Энгел Б.А.* Указ. соч. С. 82; *Логинов К.К.* Указ. соч. С. 151.

многочисленный состав семей. По этим данным, на одно хозяйство (семью) в северных районах приходилось в среднем 5,4 чел., в том числе 2,6 чел. мужчин, из них 1,3 – трудоспособные мужчины. Семьи с 8–10 детьми были единичными¹.

Крах семьи с большим числом детей и пожизненного нерасторжимого брака начался в российском обществе с конца XIX – начала XX в. и был исторически обусловлен ослаблением этого института, разрушением семейного производства (хозяйства) и «превращением членов семьи в наемных работников, не имеющих... рыночных стимулов к рождению детей»². Таким образом, демографическое поведение крестьян теперь не обеспечивало прежний высокий уровень брачности и высокую детность семьи. Она снижалась и в последующие 1920–1930-е годы. Удар по семье как общественному институту нанесла Гражданская война, а через несколько лет коллективизация, которая была ничем иным, как «рассеиванием» крестьянства³.

Особенно стало заметным снижение рождаемости в 1931–1936 гг. и в 1940-е годы. Была высока детская смертность, что также вело к небольшой детности в семье. Этнографические данные этих лет показывают уменьшение числа детей в семьях по сравнению с предшествующими временами. Многодетные семьи даже в деревне встречались гораздо реже, чем в 1920-е годы, когда, по выражению крестьян, «детей рожали столько, сколько доведется»; тогда еще действовали старые нормы детности.

Красноречивое описание быта послевоенных 1920-х годов дал А.П. Платонов: «Поселок Средние Болтаи по ночам выходил на лога и перелески и бродил по следам минувших сражений, ища хозяйственных вещей. Многим перепало кое-что: этот промысел разборки гражданской войны существовал не убыточно... орудия войны разымались по деталям и превраща-

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 21; Саблин В.А. Демографические изменения в деревне Европейского Севера за годы гражданской войны // Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда, 1993. С. 81–85.

² Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С. 395.

³ Антонов А.И. Роковой триумф... С. 3.

лись в механизмы мирных занятий — к пулемету с водяным охлаждением пристраивался чугунок, и получалась самогонная система, походные кухни вмазывались в деревенские бани, некоторые части трехдюймовок шли шерстобитам, а из замков пушек делали пал-брицы для мельничных поставов... видел на одном дворе женскую рубашку, сшитую из английского флага»¹. Такая ситуация была во многих местах, через которые прошла война. Разруха, голод, а особенно полная неразбериха в головах людей не способствовали нормальному семейному быту и осуществлению мечты о продлении рода человеческого.

И в дальнейшем шло уменьшение численного состава семьи в результате резкого падения рождаемости; уже в конце 1940-х годов семьи имели в среднем до двух детей. После войны северные деревни представляли собой «женское царство», так как большинство мужчин не вернулось с войны. На полях, лесоповалах и в цехах их заменили «изнуренные горем, голодом и непосильной работой женщины»². Тогда после войны нередко вступали в брак в немолодом возрасте, поэтому не могли иметь больше детей.

В 1950-е годы на Севере еще были неблагоприятные условия для повышения рождаемости: в деревне в основном жили люди старших возрастов — шло «постарение» села. Число членов в семьях не превышало трех-четырех человек, в них было по одному-два ребенка, преобладал женский состав семей. Такая ситуация не изменилась и в 1960-е, и лишь в 1970-е годы заметной стала ориентация на большее число детей в семьях — до трех человек (у людей со средним и средним специальным образованием). У сельской интеллигенции осталась ориентация на одно- и двухдетную семью. Многодетные семьи были в основном у людей неквалифицированного труда³. Во второй по-

¹ Платонов А.П. Чевенгур // Платонов А.П. Котлован. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 178.

² Бочков А.С. Указ. соч. С. 132.

³ АИЭА. ВЭ. С-ЗО. 1984 г.; ВО. 1986 г. Д. 8334; ВО. 1987 г. Д. 8710. Записи И.В. Власовой; Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость,

ловине XX в., как уже отмечалось, постепенно исчезало желание вступать в браки, а у заключавших их не стало стремления иметь несколько детей – ограничивались одним ребенком¹.

Статистика 1980-х годов отметила во всех районах Нечерноземья, северных в том числе, небольшой средний размер семьи – 3,8 чел.; в Вологодской обл., например, – 3,2 чел. (в 1959 г. – 3,9 чел., в 1970 г. – 3,7). Как видно, все семьи стали небольшого размера, стало меньше детей. Если у старшего поколения жителей было когда-то до 5–9 детей, то у молодого – по 1–2, реже 3 ребенка². Колебания в уровне рождаемости, происходившие в советский период, как и прежде, были связаны с общим социально-экономическим, политическим, культурным развитием в стране. Резкое падение этого уровня происходило во время войн 1918–1920, 1941–1945 гг., в условиях сильных миграций в 1920–1930-е, 1950–1960-е, 1980–2000-е годы. До сих пор рождаемость падает как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах, у северян в том числе: по-прежнему сокращается размер семьи, упрощается ее состав (сводится к формам родители и дети, супруги без детей)³. При этом «качество» семьи становится другим: она теряет ведущую роль в социализации подрастающих поколений, ослабляется родительский авторитет; ее ресурсы не способны обеспечить социальные функции по рождению и воспитанию детей; нарушается прежняя соединенность всех видов домашнего поведения, что и «ведет к репродуктивной, сексуальной, контрацептивной и бракоразводной “революциям”». В результате уже к 1994 г. в целом по стране в семьях стало по 1,7–1,9 ребенка⁴. Такая ориентация современной семьи на небольшое число детей обусловлена отсутствием социальной и материальной стабильности в нашем обществе⁵.

смертность в России и СССР. М., 1977. С. 17; Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С. 99–100.

¹ Антонов А.И. Роковой триумф... С. 3.

² Русский Север... С. 466.

³ Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С. 96–97.

⁴ Там же. С. 100, 104, 107.

⁵ Савоскул С.С. Локальное самосознание современного русского населения Центральной России (по материалам Переславль-Залес-

Низкая рождаемость продолжается и далее – 1,4 на женщину, тогда как для простого воспроизводства населения нужен коэффициент не менее 2,4. К 2000-м годам почти половина семей в России стала бездетной и только 12% их – по медицинским причинам. Чуть более половины мужчин состоят в законном или гражданском браке, а женщин в браке еще меньше. Половина браков заканчивается разводами, результатом чего является беспризорность, превысившая уровень, характерный для периода после Гражданской войны. Существует 25 млн одиноких людей, не состоявших в браке (почти пятая часть населения). 30% детей воспитывается матерями-одиночками, лишь 1% остаются жить у отцов. Уровень смертности у незамужних женщин на 50% больше, чем у замужних. Мужчины-холостяки умирают в 2,5 раз чаще, чем женатые, т.е. брак продлевает жизнь¹. В XX в. отошло на второй план основополагающее понятие рода, чувство ответственности перед предками и потомками, со сменой поколений перестало осуществляться накопление жизненного потенциала, положительного и отрицательного опыта².

Чем ближе к нашим дням, тем меньше становится людей, настроенных на семейную жизнь, домашний уют, воспитание детей. Пугающие моменты в современном демографическом состоянии семьи – ее нестабильность, следствием чего стало сокращение рождаемости. Это грозит депопуляцией и вымиранием населения в целом. Кризис, характерный для всей европейской цивилизации, в России приобрел крайние формы. Латентная депопуляция, как считают демографы, началась уже в 1960-е годы, причиной чего, прежде всего, явилась сверхнизкая рождаемость. Это, в свою очередь, связано с кризисом семьи, ибо в «центре всей социальной жизни сегодня встал индивид, ... его карьера, его успехи, его болячки» (а не семья как институт). По прогнозам демографов, к середине XXI в. в

ского) // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. Очерк 4.

¹ Еременко В.Н. Россия начинается с семьи // ЛГ. 2008. № 48.

² Бочков А.С. Указ. соч. С. 134.

мире не останется ни одной страны, где в семьях будет более двух детей, в России в том числе¹.

Социологические обследования Центра по изучению народонаселения экономического факультета МГУ, ведущиеся с 2003 г., стабильно отражают, что всегда и везде у всех возрастных групп предпочтительной является семья с одним ребенком (в основном в так называемых неопределенных семьях), в браках зарегистрированных – с двумя детьми, и на последнем месте – семья с тремя детьми². Значит, в государственных «семейных» программах необходимо подчеркивать важность зарегистрированного брака и жизни в семье.

Существующая сейчас в России демографическая политика стимулирует лишь рождаемость, но не затрагивает брачные отношения, а значит не способствует поднятию престижа института семьи, да и как поднять рождаемость, если половина населения в репродуктивном возрасте не состоит в браке³. Вся наша демографическая политика нацелена на сбережение населения в целом, не затрагивая важные и острые проблемы сбережения того или иного народа, в частности русского. А в его состоянии и статусе есть много нерешенных проблем. Его сбережение предполагает «целую систему гуманизации жизни, социальных отношений, *бытовой* (курсив мой. – *И.В.*) культуры». В современных проектах речь идет в основном «о хлебе насущном», но не слышно ничего «о глубинном человеческом благоустройстве», нет озабоченности духовностью, призыва к диалогу народов. Необходимо думать не только о количественном воспроизводстве народа (населения), но и о качественном, чтобы остановить депопуляцию⁴.

В постсоветское время в обществе начал обсуждаться вопрос о значении семьи. Сделаны конкретные шаги для решения

¹ Антонов А.И. Роковой триумф... С. 3.

² Зверева Н. Спасти семью! С. 3.

³ Синельников А. Разведенные – не семейные... С. 3.

⁴ Гуревич П. Тяжких дум избыток / Дискуссия «Возвращаясь к Солженицыну» // ЛГ. 2010. № 37. С. 3; Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М., 2012. С. 290.

этого вопроса – поднятия престижа семьи, возвращения к ее утраченным ценностям и повышения рождаемости: учрежден «материнский капитал», «ипотека для молодой семьи», назначены субсидии за рождение второго ребенка, работают многочисленные правительственные и общественные «семейные программы». В 2008 г. проводился «Год семьи» и другие мероприятия. В очередном «Обращении Президента к Совету Федерации» (30.11.2010) говорилось о необходимости выделения земельных участков многодетным семьям и о других мерах. Одной из общественных семейных программ был проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза», доказавший свою востребованность. Его организаторы считают, что в поисках национальной идеи образ-идея Деда Мороза может стать «объединяющим началом, символом добра для каждого ребенка и каждой семьи». Этот проект воспринимался как серьезная социальная программа во всех российских регионах¹.

По сравнению с 1990-ми годами стало заметнее понимание людьми необходимости семьи, возвращение к старым понятиям ее сущности, ее старому восприятию как дома-очага. Дом в русской культуре всегда был ключевым, определяющим единство и единение членов семьи. Сейчас снова стал заметен возврат этих эмоций в отношении дома и семейной жизни в нем: наличие согласия, любви и счастья. Таким образом, видны изменения в восприятии семьи по сравнению с таковыми в период распада СССР, снова возрастают семейные ценности. Во внутрисемейных отношениях эти изменения менее заметны. Родители, конечно, заботятся о детях, думают о их будущем, но все менее выполняют «долг» по отношению к своим родителям (предкам), вырастившим их. А это должно быть важным принципом при воспитании детей. Сыновняя (дочерняя) почтительность к родителям сейчас, к сожалению, иногда отходит на второй план. Необходимо вернуться к традиционному пониманию семьи-дома как «храма любви»: родителей к детям, детей к родителям, старших к младшим, младших к старшим².

¹ Сельменьгин Б. Деду Морозу кризис не страшен // ЛГ. 2008. № 47. С. 1.

² Бочков А.С. Указ. соч. С. 180.

Существенных положительных изменений в положении семьи к настоящему времени все же не произошло. Причиной такого состояния является тот факт, что все программы не учитывают многовековую народную традицию и идут вразрез с исторической системой русских ценностей. На Западе низкая рождаемость является социокультурной особенностью европейской семьи. В России такая рождаемость – это «патология», не соответствующая семейным ценностям. Психологи считают, что у русского народа всегда был низок уровень «самосохранительного поведения». Еще М.В. Ломоносов, поняв это, написал трактат «О сохранении и размножении народа российского». В русских семьях в то время бывало и до 15–18 детей, но выжидали лишь 2–3 ребенка. Во времена Екатерины II была разработана программа по искоренению пороков в образе жизни, мешавших воспроизводству населения. В результате с конца XVIII по конец XIX в. население в стране выросло вдвое. В наши дни эту проблему поднял А.И. Солженицын, говоря о задачах «сбережения народа».

В семейных программах XX в. русскую семью пытались «подтянуть» к европейским стандартам дважды – в начале века и в 1990-е годы – путем насаждения ценностей, противоречащих народным¹. В перспективе выход из семейного демографического тупика может быть найден в использовании наших внутренних ресурсов – в повышении рождаемости, снижении смертности, т.е. создании таких условий, при которых восстановятся исконные ценности русской семьи, а вместе с этим возрастет ее институциональная роль в нашем обществе. Для этого необходимы комплексные меры в решении «семейного вопроса» и прежде всего создание заново привлекательной модели семьи, разработка нового законодательства с учетом государственных, религиозных, медийных мер и новой программы «Материнство и родительство». Последние должны стать профессиональными занятиями². Дом-семья и народ связаны между собой. Если есть крепкий дом, крепкая семья, то будет

¹ Носкова А. Вразрез с историей / Круглый стол... С. 3.

² Круглый стол «Будем жить?» // ЛГ. 2009. № 11. С. 3.

крепнуть и страна, и это делает возможным возрождение русского народа¹.

Все рассмотренные выше наблюдения о развитии современной семьи сделаны социологами или психологами на основе регулярных обследований-опросов в последние 15–20 лет. Этнографические исследования в этом плане уступают им, поскольку в их арсенале нет массового и сопоставимого материала по этой проблеме. Но были отдельные региональные исследования, посвященные трансформациям в развитии этого социального института. К таким исследованиям, в частности, принадлежат соответствующие разделы монографии «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века» (М.: Наука, 2001; 2004), а также исследования И.А. Разумовой, материалы которых использованы в настоящей работе («Потаянные знания современной русской семьи. Быт. Фольклор. История». М.: Индрик, 2001). Ее работа построена на фольклорно-этнографических данных, имеющих массовый характер и отражающих семейно-родственное сознание севернорусского населения разного половозрастного, поколенного, этнического, количественного состава, этнолокальной и социо-профессиональной принадлежности². Перед исследовательницей стояла задача выявления «универсального, семейно-уникального и специфического (в отношениях социальном, региональном, этническом, профессиональном и т.п.) в культуре современной семьи». Материал был собран ею в северо-западных и северных районах – в Карелии, в Ленинградской, Мурманской, Вологодской, Архангельской областях. В этом материале зафиксирован семейный фольклор, представляющий собой явление речевой практики, функционирующей в быту в процессе внутрисемейных отношений и специфических внесемейных контактов. Подобный материал живо отражает семейно-родственное сознание, представления людей о родстве и наследственности, пространственно-временных параметрах, предметном мире, событийной

¹ Бочков А.С. Указ. соч. С. 183.

² Разумова И.А. Указ. соч.

жизни семейно-родственных коллективов¹. Все это говорит о правомерности использования подобных исследований и в других научных построениях, в частности, в настоящей работе.

Семейное воспитание детей

Изменения условий, в которых существовала семья, и перемены в семейно-родственном сознании людей сказались и на семейной «воспитательной политике». В народной педагогике веками выкристаллизовывались принципы, которым следовала семья при воспитании детей. Народная мудрость была основой педагогики, выражавшей ценности семейной жизни. Эти ценности составляли «нравственно-практическую народную философию»². Такие принципы у севернорусского населения еще в XVIII в. сформулировал В.В. Крестинин. «Воспитывать должно, – писал он в 1785 г., – и приучать к основательным и приличествующим состоянию их (крестьян. – *И.В.*) правилам, охоту к трудолюбию, страху к праздности, учтивости, благопристойности, соболезнованию бедным, обучать всякому домостроительству во всех полезностях, в отвращении от мотовства», чтобы вырастали «полезные граждане общества»³. При проведении свадебных мероприятий сельское общество оценивало, какое трудовое и нравственное воспитание получили молодые, как они были подготовлены к семейной жизни. Отсюда исходили «испытания», которым они подвергались во время свадебных обрядов.

Следуя воспитательным установкам, крестьяне приучали детей к труду сызмальства. Труд становился для них необходимостью. В труде воспитывались будущие родители новых поколений, готовились к своей семейной жизни с малых лет. Для крестьянской семьи ранних периодов, как уже указывалось, было важно иметь детей, поэтому каждая семья была нацелена вы-

¹ Разумова И.А. Указ. соч. С. 10, 320.

² Болотова М.И. Культура воспитания в русских семьях // Проблемы этнокультурного развития русского народа. Оренбург, 2004. С. 332.

³ Крестинин В.В. Указ. соч. С. 50.

растить себе смену, т.е. демографическое поведение семьи, ее детность определялись необходимостью постоянного крестьянского труда. Становится понятным, почему детей приучали овладевать трудовыми навыками и думать о своем будущем.

Этнографические материалы последующих XIX – начала XX в. свидетельствуют о том, что эти взгляды крестьян на воспитание детей не изменились. Вообще «концепции семейной педагогики... в различные исторические периоды при различных общественных устройствах... оставались неизменными»¹, так как включали общечеловеческие ценности, многие из которых были сформулированы еще в библейских заповедях. Всегда отчетливо проступала осознанность крестьянских воспитательных мер и правил, поскольку крестьяне знали, какими они хотят вырастить своих детей. Так, по сообщениям из северных районов в Этнографический отдел РГО (вторая половина XIX в.) и в Этнографическое бюро В.Н. Тенишева (конец XIX – начало XX в.) становится ясно, что проявлялась строгость в отношении к детям, иначе, как считалось, не получатся из них будущие хозяева и хорошие работники. Воспитание и мальчиков, и девочек нацеливалось на то, чтобы они стали семьянинами. Девушки должны были думать о своем будущем семейном положении. Все их свободное время уходило на создание приданого, которое они приносили в дом мужа и которым обеспечивалась их отдельная семейная пара. Приданое считалось их собственностью даже в случаях разделов семьи и семейных разводов. Известны случаи в XVII–XVIII вв., когда девицы получали в приданое, кроме обычных предметов, изготовленных ими самими, и землю или выкуп за нее. Правда, чаще это было в семьях землевладельцев, а у крестьян в том случае, если у них были участки в лесу, не подлежащие перераспределению. Так, в 1647 г. в роде северодвинских землевладельцев Вахониных жена одного из них, выходя замуж, получила «по дельной крепости от дядьев своих за деревенский участок в приданое вено» (выкуп), кроме одежды, белья, домашних тканей, украшений,

¹ Болотова М.И. Указ. соч. С. 333.

денег¹. Приданое и в XIX – начале XX в. состояло из предметов и вещей, изготовленных невестой или купленных на заработанные ею деньги от продажи производимых ею же продуктов. Это были одежда для себя и будущего мужа, белье, ткани домашнего изготовления, постель. Иногда в приданое давали скот, деньги, земельные участки; например, один крестьянин в Усть-Моше (Олонецкая губ.) отдал в приданое сестре пожню – участок лесного сенокоса. Типичное приданое невесты описано П.И. Савваитовым в его этнографических материалах 1840 г. по Вологодской губ.: в него входили «две кофты, два зипуна, трое лаптей, двое онучей, трое чулок, двое рукавиц-кожаниц, три надолонки, войлок да из пелевы подушки», т.е. одежда и постель. Вообще же приданое невесты собиралось «по состоянию семьи» и было «из платья и белья, скота и денег в нем [как правило] не было». Если «позволяли капиталы», то покупали городское платье (Череповецкий, Каргопольский, Вытегорский уезды)².

Одинаковое воспитание с родными детьми получали усыновленные. Ими были «приемыши из сирот или незаконнорожденные», и брали их бездетные семьи, в которых они находились «в положении кровных детей». Таких детей в Устюженском у. называли *богодановичами*, иногда их женили и отдавали замуж за родных детей (за *сводных* братьев или сестер), и таким образом оставляли рабочие руки в семье³.

Первостепенное значение при воспитании придавалось именно труду. В крестьянской среде исстари существовало половозрастное разделение труда. Наряду с мужскими и женскими занятиями существовали и детские. Традиционное разделение труда предполагало и дифференцированный подход к воспитанию девочек и мальчиков. Эти различия были не только в трудовом, но и в нравственном, эстетическом и физическом их воспитании⁴. В приведенных выше этнографических материа-

¹ Крестинин В.В. Указ. соч. С. 20–21.

² АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.; РНБ. РО. F XVII–69. Л. 7 об.

³ АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

⁴ Болотова М.И. Указ. соч. С. 335; Российская семья: Энциклопедия. С. 251–255.

лах сообщалось¹, что наряду со взрослыми трудились и дети. В Бережнослободской вол. Тотемского у. их начинали приучать к работе с 5 лет, а подростки с 12 лет уже делали все, что и взрослые, особенно летом. «Шести годиков повела меня мама в поле рожь жать серпиком, – вспоминали старые люди в одной из тотемской деревень. – Народ-от спрашивает: “Чьи эти сивенькие, из-за снопов не видать”»².

Вообще дети считались полноправными работниками с 10–14 лет. Мальчики участвовали в работах мужчин – боронили, косили; подростков иногда отправляли в отход. Девочки работали вместе с женщинами, а также по найму на разных работах. Они рано начинали нянчить младших братьев и сестер, и тогда их называли *пестуньями*. Иногда их отдавали на лето в наем нянчить чужих детей, за что им платили хлебом, реже деньгами – 2–3 руб. серебром (Тотемский, Вельский уезды). Детей до 15 лет заставляли помогать взрослым плести рыболовные снасти, сети, мережи, оханы и т.п. (Вологодский у.). Девушки выполняли и полевые работы (жатва, сенокос). В причитании невесты из Кадниковского у., уехавшей в дом жениха, говорилось:

Що не будет же на лето
У моих у родителей
На полоске-то жнеюшки,
На постатке гребенюшки,
Во лугах сенокосенки³.

Такое разделение труда оставалось для крестьянской семьи традиционным и необходимым. Существовали работы, когда

¹ ВГВ. 1880. № 18. С. 1; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 106. Л. 3; Д. 352. Л. 11; Д. 100. Л. 20–21; Д. 682. Л. 32–33; Д. 693. Л. 31; Д. 338. Л. 11; Д. 347. Л. 21; Д. 809. Л. 1–2; Д. 807-а. Л. 3 об.; Д. 810. Л. 48; Д. 220. Л. 28; Д. 289. Л. 1–25; Д. 210. Л. 2–3; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 38. Л. 69 об.–74; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 188. Л. 12; Ф. 652. Оп. 1. Д. 104. Л. 2; Д. 101. Л. 7; *Дилакторский С.А.* Указ. соч. С. 2; *Иваницкий Н.А.* Сольвычегодский крестьянин... С. 60–61.

² *Тутунджан Д.* Указ. соч.

³ ЖС. 1903. Вып. 1–2. С. 211.

выходили трудиться всей семьей. Так, обычно в июне вывозился на паровые поля навоз, накопленный в крестьянских дворах. Эти работы в Кадниковском у. называли *назemiцей*. Мужчины наметывали навоз на телеги-одноколки, дети отвозили их на лошадях на поля, там женщины сгребали его с телег железными крюками и раскидывали вилами по загонам (полоскам поля), затем мужчины «заваливали» навоз, повторно распахивая поле. Коллективными были работы и на сенокосе. В семейных работах проявлялись и межпоколенные отношения, происходила социализация молодых, дети воспитывались на примере старших.

О предназначении семьи и ее роли в воспитании детей говорил в 1920-х годах эмигрант-философ И.А. Ильин. По его мнению, «семья вырастает из любви», а это «первая школа любви и жертвенности». Понимание этих качеств семья дает не только непосредственно своему «союзу», но и обществу в целом. «Кто убивает семью, – писал он, – тот гасит любовь в своей стране». Он сформулировал и ее принципы. Семья как «хранилище национального характера» должна быть его «школой... для своих детей». Это «*трудовой очаг, трудовое* (курсив мой. – И.В.), наследственное единение людей». Через образы любящей матери и сильного отца «душа учится прикрепляться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу»¹.

Перемены, начавшиеся в жизни страны после 1917 г., в корне изменили не только самих крестьян, крестьянскую семью, но и крестьянское семейно-родственное сознание. Гражданская война и революция, пережитые народом, привели к формированию новых понятий, ценностей и интересов, отразившихся в настроениях и на всем жизненном укладе. По данным этнографических экспедиций Русского музея в 1920-е годы, особенно пагубно все это отражалось на детях: у них появились игры в войну, в реквизиции, в обыск, расстрелы; примером для них становились не старшие родственники, а героико-комиссары, красноармейцы, что не воспитывало в них прежних хозяев-земледельцев².

¹ Ильин И. Семья // Ильин И. Собр. соч. М., 1999. Т. 9–10. С. 365–367.

² Золотарев Д.А. Указ. соч. С. 152–157.

Об этих же годах писал и А. Платонов в повести «Чевенгур», подчеркивая, что военные годы отложили печать на детях, их психологии в отсутствии должного воспитания в тех условиях: «Дети... за годы голода постарели и, как большие, думали только о добыче хлеба. Две девочки походили уже на баб: они носили длинные материны юбки, кофты, имели шпильки в волосах и сплетничали. Странно было видеть маленьких умных озабоченных женщин, действующих вполне целесообразно, но еще не имеющих чувства размножения». И далее: «Мальчики скинули свои ветхие овчинки, но под овчинками не было ни штанов, ни рубашек. Тогда они голые залезли на лавку у стола и сели на корточки. Наверное, к такому сбережению одежды дети были приучены сестрой...»¹.

Негативные явления в «воспитательной политике» семьи еще более усугубились в период коллективизации, когда началась кардинальная ломка деревни и превращение ее в советские колхозы с окончательным отрывом крестьянина от земли, изменением его нравственного отношения к ней, что повлекло огромные перемены в семейно-брачной жизни и общественном быту. Та семья, которая сформировалась за советские годы, была мало похожа на традиционную крестьянскую семью. Этнографические экспедиции (Института этнографии, ныне Института этнологии и антропологии РАН) на Русском Севере в 1960–2000-е годы зафиксировали все эти изменения, и в частности то, каким стало домашнее воспитание детей у северных жителей. В их семьях, как и в семьях других районов страны, все реже разделялся труд мужской и женский: многое выполнялось совместно или подменой друг друга («кто свободен, тот и делает работу», – говорили в северных деревнях о сменной работе в колхозе и о домашней работе). Основная домашняя работа ложилась на плечи женщин (у людей, родившихся в 1930-е годы). Дети участвовали в семейных делах меньше, чем это было в прежние времена. В школьные каникулы они выполняли посильные работы на полях и фермах, пасли скот, помогали старшим на сенокосе. Но в целом занятость детей стала

¹ Платонов А. Указ. соч. С. 150–151.

меньше, поскольку они учились, нередко жили вне дома (в школах-интернатах, находившихся в крупных селениях и райцентрах).

Воспитание детей, пока они были младшего возраста, всегда было делом матерей и бабушек. Мужчины начинали участвовать в этом, когда дети подрастали. Такое положение на селе оставалось и в советские годы. Нередко именно бабушки и деды являлись главными, кто передавал семейные традиции и опыт, особенно трудовые навыки, внукам. Все большую роль в деревне стало играть общественное воспитание детей. Правда, оно в достаточной мере осуществлялось лишь в крупных колхозах и совхозах.

Как считал русский эмигрант И.Л. Солоневич, педагогика в стране в советские годы стала «отсталой отраслью знания», так как образование преобладало над воспитанием. Все силы были брошены на получение формальных знаний («знание техники жизни»), а при воспитании, и семейном, и общенациональном, надо, чтобы «все входило в национальное сознание каждого русского», и школа должна быть воспитывающей и образовательно-национальной с уклоном той или иной отрасли знания¹.

И школьным, и семейным воспитанием надо достигать единения и родственного общения между людьми. В процессе обучения детей следует, давая им знания, отмечать их усердие и труд словом, а не только оценкой. Слово более, чем оценка, имеет значение и силу, и влияет на формирование личностных качеств у детей. Еще в древнерусском, да и в церковнославянском языке, цифры обозначались буквами (словом). Оттуда идут наши истоки и корни, поэтому так значима оценка словом для каждого ребенка. Сила слова приобретает огромное воспитательное значение².

На воспитании детей, особенно на формировании их качеств как граждан страны, неблагоприятно сказалось превращение семьи из многопоколенной в малочисленную по своему составу. Поэтому современные дети, живущие только с родителями,

¹ Солоневич И. Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12. С. 155–156.

² Яшина Н.А. Кто такой Яшин? // ЛГ. 2008. № 28. С. 15.

да еще если в семье детей не более двух, долго не взрослеют. К тому же сейчас нет преемственности семейного и школьного воспитания. С конца 1990-х годов, подмечено в социологических исследованиях, школа не воспринимается как продолжение воспитания в семье. Не способствует качественному воспитанию и нарушение внешних связей семьи. Раньше ребенок, особенно в деревне, воспитывался не только под присмотром членов своей семьи, но и различных родственников, проживающих в пределах своей деревни или вне ее, да и под контролем всего деревенского общества. Теперь такая ситуация отсутствует, ибо семья стала обособленной, замкнутой.

Отход от народной педагогики еще более сказывается сейчас на качестве воспитания в крестьянских семьях. Это усугубляется кризисом в нашем сельском хозяйстве и неразрешенностью аграрного вопроса. Результатом всей аграрной политики XX в. стало раскрестьянивание сельского населения, потерявшего и теряющего до сих пор основную свою ценность – землю, значительные площади которой выведены из сельскохозяйственного оборота или используются с нарушением законов. Крестьяне «отвернулись от земли», поскольку она «стала им чужой», а они сами остаются «не у дел». Вот уж воистину «одни поколения приумножают богатство и славу Отечества, другие – проматывают до последней нитки»¹. А если нет земли, то нет и ее хранителя – землепашца. Нынешняя деревня и деревенская семья не воспитывают этого землепашца, что осуществляли старая традиционная русская семья и деревня.

И все же и сейчас надо «воспитывать детей как будущих семьянинов. Мальчиков – как глав семей, девочек – как будущих матерей, хранительниц семейного очага», ибо «слишком многое в жизни каждого человека и всего народа в целом завязано на семье»². Разрушение семейных устоев напрямую связано с ослаблением государства и угрозой национальной безопасности (см. выше: представления крестьян о предназначении семьи и ее роли в жизни народа).

¹ Арцыбашев А. Земельный недуг // ЛГ. 2006. № 6. С. 3.

² Цит. по: ЛГ. 2008. № 48.

Еще один тревожный момент, характерный для нынешней семьи, и не только сельской, – «девальвация в современном российском обществе материнства» и большая проблема родителей-мужчин, не участвующих в воспитании детей. Отсюда проистекает явление безотцовщины, а иногда и полное детское сиротство. Существующая сейчас воспитательная практика демонстрирует отход от традиционной модели, в результате многие дети получают либо одностороннее воспитание (в случае, если в семье только один родитель), либо, что еще хуже, у мальчиков при женском воспитании вырабатываются немужские жизненные стереотипы, у девочек могут появиться установки на выполнение ролей неженских, а также формируются односторонние взгляды на воспитание своих детей, тогда как необходимо и мужское, и женское влияние. Некоторые функции отцовства (материальное обеспечение семьи) сейчас могут выполнять оба родителя, а функции материнства (эмоциональная поддержка детей, их психологическое благополучие) – только мать¹.

Жизнь показала, что необходимо прекратить принятую в ходе реформ одностороннюю государственную поддержку только женщин: нужен не «материнский», а «семейный» капитал. Взгляд на семью, заведомо неполную, крылся в парадигме «материнство и детство». Отцовство не менее существенно в жизни семьи и в воспитании детей. Для этого необходимо менять законодательство, особенно в отношении разводов, определять при их совершении судьбу детей. Это решение на практике не должно быть только в пользу женщин².

Рассмотренные современные явления в сфере семьи и семейно-родственном сознании свидетельствуют о кризисном состоянии этого института. Но разрешение такой ситуации лежит не столько в социальной политике по отношению к семье, сколько в специальных семейно-демографических и воспитатель-

¹ Семенова Л.Э. Воспитание мужчины как будущего родителя: состояние проблемы в современной России // «Мужское» в традиционном и современном обществе: Материалы науч. конф. 16–18 апр. 2003 г. М., 2003. С. 67–68.

² Синельников А. Указ. соч. С. 3.

ных мерах, главным отличием которых должна стать их «просе-
мейная направленность». В условиях современной экономической
системы необходимо «создать рыночную мотивацию к обузаведе-
нию семьей и детьми. Материнство и отцовство, если следовать
логике рынка, должны стать профессиональным занятием»¹.

Изменения в представлениях крестьян о сущности семьи и семейно-брачных отношений

Приведенный в главе материал позволяет понять, почему в
российском обществе произошел кризис в сфере семьи, семей-
ных отношений и поведения, хотя здесь и рассмотрены глав-
ным образом данные о семье севернорусского населения. Это
становится ясно, если обратиться к вопросу о том, как в созна-
нии людей менялись взгляды на сущность семьи и семейно-
брачных отношений в разные исторические периоды.

Судя по материалам XVII–XVIII вв., крестьяне считали се-
мью незыблемой, в ней видели залог хорошего воспитания де-
тей, средство передачи молодым житейского и хозяйственного
опыта, морали и нравственности. У крестьян веками вырабаты-
вался взгляд, что семья – «священный союз», непременное
условие жизни для всех. И действительно, в этом союзе человек
поднимался до духовного единения и к таким его «формам, как
Родина и Государство», понимая, что «семья – первооснова Ро-
дины», и если «поражена семья..., то наступает духовный кри-
зис и в народе». Семья составляла внутреннюю сущность кре-
стьянствования, именно в ней возникали узы духовного народ-
ного единения, памяти народа и общей его судьбы².

Еще в 1920-х годах русский эмигрант-философ И.А. Ильин в
сочинении «Творческие уроки русской истории» писал о своем
понимании сущности семьи: «Семья есть первая родина. Роди-
на есть великая, национальная семья»; «...жизнь народа состо-

¹ Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С. 396.

² Шипунов Ф. Великая замятня // Наш современник. 1990. № 3.
С. 120, 127.

ит из семей...»¹. Такое понимание семьи-дома-родины, значимость межпоколенных связей людей, проявляющихся не только в семейных отношениях, очень точно передал в свое время писатель В.Г. Короленко: «Мне страшно подумать, что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним – и мои понятия, мечты, стремления, моя любовь к своей бедной природе, к деревне, к своей стране, которой, хорошо ли, плохо ли, служишь сам»².

Особенностью крестьянской семьи являлось то, что она была хозяйственным объединением, нередко нескольких малых семей и лиц, не обязательно связанных кровным родством. У русских крестьян и в XX в. сохранялись те элементы системы родства, которые у других сословий выходили из употребления³. В прежние века довольно широким был круг лиц, признаваемых северянами родственниками, так как этот круг включал не только кровных родных по прямой и боковой линиям, но и родных по браку (свойственников). Близким родством признавалось также духовное и искусственное родство (крёстные и крестники, кумовство, побратимство и т.п.)⁴. И все они были взаимосвязаны, осуществляли постоянную взаимопомощь и поддержку и выполняли одни и те же функции – воспитание детей, их социализация, а следовательно, воспроизводство не только новых поколений, но и воспроизводство этноса и его традиций. «И детей рожали потому, что без детей нельзя. Все у них [у родителей]... уходило в одно – в заботу о куске хлеба. И женитьба, и замужество – это прежде всего совместная борьба за жизнь», – считали герои повести Ф. Абрамова «Пелагея»⁵.

Родственники кровные и духовные, свойственники принимали самое непосредственное участие в создании молодых семей. Многие из них выступали на свадьбах в качестве *свадебных чинов*. О них – *посаженных родителей, дружках, тысяцких, князьях, поезжанах* – много свидетельств в фольклоре. Везде в

¹ Ильин И. Семья // Ильин И. Собр. соч. М., 1999. Т. 9–10. С. 365.

² Цит. по: Ирзабеков В.(Ф.). Указ. соч. С. 46.

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 73.

⁴ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

⁵ Абрамов Ф.А. Указ. соч. С. 368.

почете были сваты – «наш лесливой-от сватонько...». На брачные договоры и свадьбу собиралось большое «родственное» общество:

Ой, посмотрю я, молодешенька,
По всей светлой-то светлице,
Ой, по столовой по горнице-да
У нас все-то во собранице-да
Все и гости, и гостеньки...
Все дядья да и тетушки...¹

Поезжане (свадебный поезд) находились также в составе гостей. Родственный круг охватывал еще и таких свойственников, как *сватьюшки* – сестры жен двоюродных братьев, а также и других родных, даже и из соседних деревень. Брачные связи в то время были тесными (в основном в пределах близкой округи), поэтому «родство» было многочисленным.

Семьи на Севере были достаточно крепкими, ибо если добрачная жизнь молодежи местами и случалась, то внебрачные связи были редки; жизнь каждой семьи была «под присмотром» деревенского общества, осуждение со стороны которого становилось «тяжелым приговором». Поэтому и случаи внебрачной жизни того или иного супруга были крайне редки. Отношение к неверным супругам было как к «порченным», и порицание таких людей происходило в разных жизненных ситуациях. Осмеяние «неверной» жены отразилось в одном из северных фольклорных произведений:

Скуем, скуем
Под сапожки скобоцьки.
Шшо молода жена попортилася,
Що на этих на скобоцьках
Ко своему дружку ушла,
Що сфатил как ветвину...²

По таким «скобоцькам» узнавали «неверную» жену.

Устои семьи начали колебаться к концу XIX в. Слабели родственные связи: они «в отношении детей к родителям и наобо-

¹ Ефименкова Б.Б. Указ. соч. С. 269, 287.

² Шевырев С. Указ. соч. Ч. II. С. 109.

рот [становились] не тесные» (Рабанга Вологодского у.), что было следствием отхода, большей самостоятельности детей, выходящих из-под воли родителей. Невестки-снохи также чувствовали приближение «свободы» и были склонны к разделам больших родительских семей. Отход и работы на фабриках и заводах вели к отрыву крестьян-мужчин от земледельческого труда. Таким образом, семейные отношения супругов, родителей и детей, братьев и сестер становились иными, менее зависимыми от старших, изменились семейные ценности и взгляды на предназначение семьи, не стало необходимости иметь много рабочих рук и особенно рожать много детей, ибо все более необходимым, кроме крестьянского, становился и труд на стороне¹.

Слабость семейных уз сказалась в изменении имущественных прав членов семьи, и это наглядно проявлялось в семейных разделах. Правда, кровные связи, хотя и слабели, но не прерывались окончательно. Все, что было в доме, делили на пай, в том числе и полевою землю. В старом доме оставался отец с «облюбованным сыном» (по обычаю – младшим). Усадьба и скот делились по *толикам* («сколько кому на пай»). Дочерям и незамужним женщинам давали один пай на всех. Сыновья, ушедшие в *примаки*, ничего не получали, невесткам при разделе отдавали приданое. Племянники – дети умерших братьев – получали доли своих отцов; сестры, оставшиеся жить с братьями, не получали пая; если не было братьев, то имущество наследовали сестры. Братские семьи делили «краюшку пополам», т.е. поровну. Некоторое имущество оставалось в общем пользовании – постройки и заведение (домашние заводы), мельницы, гумна, овины. Зятья-*владени* (примаки) в принявшей их семье и другие приемыши при разделах получали пай «по согласию» семьи, меньшие по сравнению с паями кровных родственников (Грязовецкий у.). Дядья и племянники делили все на равные части «полюбовно». Вдова наследовала пай мужа. Вдовец отдавал приданое жены ее родителям, либо оставлял детям. Принципы раздела

¹ ВГВ. 1875. № 99. С. 9; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Л. 19–19 об.

имущества, хозяйства и скота были одинаковы во всех уездах и основывались на обычном праве.

Судя по материалам о межпоколенных отношениях и жизни семьи, обычное для крестьян понятие родства во второй половине XIX в. еще не изменилось¹. В число близких родных по-прежнему включали сватов, кумовьев, крёстных (*божатко*, *батько*) и других свойственников – деверьев, зятьев, шуринов. Существовали северные диалектные названия для обозначения некоторых родственников и свойственников: *свесть*, *свисть* (свояченица), *брателко*, *братейко* (родной брат), *сродник* и *братан* (двоюродный брат), *сватушки* (родня далее двоюродной), *зеть* (зять) и др. Свадебные чины сохранили свои старинные наименования: *князь* и *княгиня* (жених и невеста), *тысяцкий* (посажённый отец), *дружка* (друг жениха), *поезжане-бояре* (свадебный поезд – сопровождение молодых на венчание).

Как на наши сени новые
Налетели сизы голуби...
А ино всё князя-бояре
Бояре всё незнаемые,

– пели в свадебных песнях Яренского у.
Или:

Наехали бояре со княжым со поездом...
У местной-то у сватьяшки золотой кокошничек...
(Устюгский у.)².

Но понятие родства и родственных связей со временем, конечно, менялось, и в конце XIX в. было несколько иным, чем ранее. О кровном родстве (в том числе двоюродном, троюродном) понятие сохранялось. О родстве духовном, об усыновлении, побратимстве – представление «смутное». «Из кумовства, – сообщалось в Тенишевское бюро из Кадниковского у., – не вытекает особых отношений». Для обозначения родства любой сте-

¹ АГВ. 1852. № 21. С. 162; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 87. Л. 2–11; *Казанский И., Ярославцев Н.* Устьмошане. Красновский погост // Олонецкий сб. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 48.

² ЖС. 1903. Вып. IV. С. 509, 511.

пени использовали термины «порода», «родня», «сродственник». Свойство отличали от кровного родства, довольно дальнее свойство называли общими понятиями – «сваты», «сваты» (Кадниковский, Белозерский, Тотемский уезды). О родственном и близком круге в причете кокшеньгской невесты говорилось так:

Здесь соседки-то тётеньки
И соседи-то дяденьки,
Кумоньки да и кумушки.
Встретятся, низко поклонятся,
Постоят да поговорят¹.

Даже соседские отношения воспринимались в народе как довольно близкие. Однофамильцы же в деревнях считались в дальнем родстве (Никольский у.). Крёстный и крёстная понимались как вторые родители, поэтому не были исключены из родственного круга, например, у крестьян Сольвычегодского у. Грязовецкие же крестьяне перестали придавать большое значение духовному родству: к крёстным стали относиться равнодушнее, не признавая их «особо близкими». И только в наши дни крёстные снова «в чести» у населения, принимающего веру. Это связано с тем, что снова возобновляются представления о кровном родстве, «освященном духовным родством»². «Чужесть» проявлялась и по отношению к усыновленным детям. Побратимство также «не считалось ни за что». Тем не менее родственники, которых признавали за таковых, «почитались лучше чужих».

В условиях расширения брачных связей с конца XIX – начала XX в., когда при отходе для крестьян был неизбежным отрыв от деревни, все уже становился свой деревенский родственный круг, ограничиваемый малой семьей. Вступление в браки с людьми из дальней округи приводило к тому, что в состав семей стали входить люди из мест, где культурная традиция отличалась от таковой в их новом проживании. Создание семей с приезжими свидетельствовало об изменении жизненных установок и ценностных ориентаций. Эти процессы усугубились в XX в. после 1917 г. В сознании северян все более

¹ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

² Разумова И.А. Указ. соч. С. 324.

укреплялось понятие, что семья состоит из тех, кто живет в одном доме и ведет одно хозяйство, в основном из близких кровных родственников. Такое понимание сути семьи сохраняется в крестьянской среде и теперь. Отделившиеся от родительской семьи братья, сестры, двоюродные родственники, дядя, тетки считаются близкими, троюродные – более дальними; и те, и другие не входят в каждую данную семью. Правда, у местного населения особую роль всегда играли дяди и тети, некоторые из них становились крестными племянников и назывались *божат* и *божа*, и таким образом к кровному родству по-прежнему добавлялось родство духовное.

Конечно, сейчас эта картина меняется. Но у северян, которым посвящена настоящая работа, еще достаточно глубока историческая память. Там, по свидетельству И.А. Разумовой, помнят родство от трех поколений до протяженных генеалогий, начинающихся с XIII–XIV вв. В массовом же сознании эта глубина составляет четыре-пять поколений – «до прародителей прародителей». Если существуют межпоколенные связи, то такой отрезок времени реконструируется, так как сохраняются живые предания о поколениях и семьях. Семейное пространство современных северян, констатирует исследовательница, ограничено этими четырьмя-пятью поколениями по вертикали и тремя степенями родства по горизонтали. Такая система родства представляет собой структуру в виде креста: осуществляются связи через поколение, а также взаимодополнительность родственных признаков смежных поколений и разных линий родства¹. Фольклорные тексты и речевые формулировки, приводимые этим автором, отражают такие связи и отношения. Основными из них являются мать – ребенок, муж – жена, прародители – внуки, свекровь – невестка и т.п. В первой связи преобладает семантика биологического единства; для прародителей – внуков характерна мифологизация образов первых; для свойственников (родных по браку) – возможное отражение конфликтов².

¹ Разумова И.А. Указ. соч. С. 322.

² Там же. С. 323.

Данные использованного в настоящей работе «Русского ассоциативного словаря» подтверждают такие наблюдения и свидетельствуют о сохранности степеней родства-свойства, внутренних и внешних семейных связей и отношений у молодого поколения к началу XXI в. Непосредственными родственниками, как зафиксировано в «Словаре», признаются следующие. **Брат.** Эта категория ассоциируется напрямую с родством – *родной, родня, родственник, любимый, близкий, член семьи, дома, по крови, кровный*, а если не кровный, то может быть *названный, сводный*; по возрастному статусу – *старший, младший*; более дальний – *двоюродный*; по характеру отношений – *друг, враг, Каин, опора, выродок, далекий, надоед, иждивенец, по оружию, защита*; с эмоционально-религиозной окраской – *во Христе, крёстный, по духу*. Существуют противопоставления типа: *брат-сват, брат-сестра*¹.

Бабушка почти всегда ассоциируется с детством в своем доме – *дом в деревне, рядышком с дедушкой, вязать, пироги, тепло, каникулы*. Всегда с положительными эмоциями – *моя, любимая, родная, моя бабуля*. Даже и сейчас в таких ассоциациях находим подтверждение огромной роли бабушек в воспитании внуков². А восприятие **дедушек**, наряду с подобным бабушкам, включает в себя и другие понятия. Прежде всего, это старший *родственник, старый, борода, лыс*; вместе с *бабкой*; затем его восприятие соотносится с местом – *в деревне, в огороде*, или временем – *встречаешься с ним на каникулах* (говорит о непрерывности семейных связей); по эмоциональному восприятию – *ворчливый, уважение, в семь шуб одет, дедуля*; по характеру его занятий – *связано с медом, лесовик*. Из литературных образов остаются: *Мороз, Мазай, большевик, буденовец, Щукарь*³.

Дети. Чаше возникают ассоциации с *семьей* (члены ее), с чувством счастья – *радость, радость жизни, цветы жизни, счастье, будущее, дети любви, от Бога, желанные, любимые*; с заботами *родителей* – *соска, пеленки, заботы, сети* (обуза); с

¹ Русский ассоциативный словарь... С. 66–67.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 158.

воспитанием детей – *детсад, двор, игрушки, играют, книги, улица, песочница, краски, ясли-сад*. Есть и негативные представления, связанные с трудностями воспитания или с нежеланием иметь их – *баловни, беготня, балбесы, аборт*. Остаются в памяти понятия о детях разных эпох, пережитых нами в XX в., а также литературные образы: *подземелья, Арбата, капитана Гранта, сталинизма, войны, старого мира*. Близки ко всем этим ассоциациям понятия **детство** и **дитя**¹.

Образы конкретных детей представлены в «Словаре» в понятиях – сын, дочь. **Дочь** – с ней возникают представления о своем кровном, желанном ребенке: *моя, мать-дети, дочери-матери, родная, любимая, кровинушка, помощница, мамкина*; в отличие от родной – *приемная*. Отрицательные образы возникают в результате недостойного поведения дочери – *блудная, вышла замуж* (без согласия на то родителей), *непутевая*, или рожденная вне семьи – *внебрачная*. Встречается и литературный образ – *капитанская*².

Сын по аналогии с дочерью представлен образами – *родной, мамин, надежда, солдат, счастье, старший*. Имеются некоторые сетования по поводу отсутствия родного отца, связанные с воспитанием *отчимом*. Отрицательные эмоции заключены в других образах – *блудный, лодырь, неудачник, сукин, тунеядец*. Литературные образы – *полка, Родины*³.

Представления современной молодежи о родственниках по браку (свойственниках) также зафиксированы «Словарем». **Жена** предстает в самых разнообразных понятиях: прежде всего это понятие связано с *семьей, заключенным браком, при муже, с домом*. Есть и жена *верная, любимая, друг, любовь, хозяйка, мать, умница, подруга жизни, ждет, обед, половина*; не соответствующая таким понятиям – *ушла, чужая, злая, стерва, хомут*, и в придачу к ней есть *теща*⁴. **Теща** часто традиционно воспринимается негативно: *злая, враг, вредная, убить, зануда, дура, зверь, змея, пилит, сварливая*. Реже к ней проявляется

¹ Русский ассоциативный словарь... С. 164–167.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 644.

⁴ Там же. С. 194.

спокойное или доброжелательное отношение: *родственница*, у нее есть *зять*, при ней *тесть*, *добрая*, *блины*, *любимая*. Соответственно **тесть** предстает как *родственник*, *отец*, *второй папа*, *ласковый*, *любимый*, но как и теща, бывает *злой*, *вредный* или *пьяница*¹. Понятие **зятя** связано прежде всего с *тещей* и *тестем*, для которых он *муж дочери*, *чужак в семье жены*².

О сохранении связей с непрямыми родственниками также есть свидетельства в «Словаре». Из таковых *двоюродное родство* считается более близким, и относится, главным образом, к *брату*, *кузену* и предполагает наличие при нем *дяди*, *родного* человека. **Дядя**, как и **тетя**, признаются *родственниками*. Существуют литературные коннотации этих категорий – *дядя Сэм*, *дядя самых честных правил*, *тетя из Бразилии*³. Из неродственников, которые ранее входили в семейно-родственный круг и поддерживали связи с семьей, остаются сейчас *сват* (*сватья*), *сваха*, *кум*. **Сват** ассоциируется с *братом*, *кумом*, *зятем* (в зависимости от их роли в жизни семьи и степени свойства-родства), а вообще – с *родней*, с *брательником* (диалект., часто – двоюродный брат), со *здешином* как *братом*, *кунаком* (восточ.), *посредником*, *родичем*, при этом приходят на ум атрибуты свадебного обряда – *полотенце* (по обряду – спускается через плечо на грудь свата), *песня* (свадебный фольклор)⁴. **Сваха** также ассоциируется со *свадьбой*, *женитьбой*, с *женихом* и *невестой*, с *браком*, с *тещей* или *свекровью* (выполнявшей роль свахи), *сводницей-бабкой*, *старухой*, *теткой*, при недоброжелательном к ней отношении – с *плохой женщиной*, *сплетницей*, с *раздором*; но есть представления, по которым она считается *родней*. Литературные образы свах живут в памяти молодых людей – *Бабариха* (в сказке Пушкина), *Лидия Смирнова* (роль свахи в «Женитьбе Бальзамина»), *Ханума* (в театральной постановке)⁵. Родственником до сих пор считают **кума**. В созна-

¹ Русский ассоциативный словарь... С. 655–656.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 156, 655.

⁴ Там же. С. 571.

⁵ Там же. С. 571.

нии людей он предстает как *сват*, иногда *зять* (ложн.), но более связан с *крестинами* и является *крёстным отцом* для крестника и кумом его родителям; в целом бытует понятие, что он *родня* (духовная)¹.

О семейных связях современной семьи свидетельствуют разные понятия, представленные в «Словаре» под выражением «В гости». Это и связи непосредственно с родными, к которым ходят в гости, например, *к деду*, к ближайшим друзьям и родственникам (внешние семейные связи) – *к подруге, с девушкой, с мужем*. Представляется такое мероприятие *праздником*, *звать* на него, *день рождения*, это *радость*, *светлый день*, с *застольем* (повод *напиться*), с *цветами*².

В семье, без нее и вне ее могли оставаться вдовые люди. В представлениях о них проявляется сочувствие, сопереживание. **Вдова:** это *горе, одинокая, траур, в черном, смерть, покойник, беда, война, драма, жалость, убитая горем*. **Вдовец** – *один, несчастный, бедняга, бездетный, бобыль, плохо, разведенный*. Но возникают и образы недоброжелательные или критичные. Вдова – *черная, веселая, богатая, ведьма, свободная, молодая, снова замуж, солдатка, соломенная* или вдовец – *пароход* (лит. – «Вдовый пароход»), правда, в нем – речь о женщинах-вдовах), *бирюк* (одиноким волк без стаи), *свободный, солдат, изба, клад, радость, разгильдяй, свадьба, соломенный*³. Не только вдовье состояние, но и **одиночество** (без семьи) вызывает чувство *безысходности, тоски, печали, скуки, страха, ужаса, грызет*⁴.

В целом все рассматриваемые в этой работе материалы говорят о том, что семья, ее самосознание поддерживаются представлениями об общем происхождении родственников, которое возводится к определенному месту (территории), к этнической или социальной общности, к общим предкам, знание о которых сохраняется в преданиях, рассказах о происхождении фамилий.

¹ Русский ассоциативный словарь... С. 283.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 400.

Итак, вопреки всем революциям и реформам XX в., которые приводили к изменениям в семье и семейно-родственном сознании людей, современная русская крестьянская семья (в том числе и севернорусская) остается у большинства людей главной человеческой ценностью, и в их представлениях жизнь без семьи или вне ее лишена смысла¹. Образ семьи понемногу снова воспринимается как высшая моральная ценность: с ней связаны любовь, счастье, радость, благополучие, гармония. Опять в ней видят возможность продолжения рода. Представление о семье-доме-очаге иногда, как и раньше, ассоциируется с крупной семьей, правда, в XXI в. большинство людей не мечтает о многодетности. Тем не менее нормой семейных отношений стала и возобновляемая необходимость периодических общих сборов родственников, различных общих мероприятий и ситуаций (праздники, досуг, дни рождений, именин, скорбных ритуалов). Это свидетельствует о неокончательной утрате семейных связей, о возобновлении их в жизни².

Материал, приведенный в этой работе, по крайней мере о семье жителей Русского Севера, говорит о том, что, видимо, процесс дезинтеграции семьи прекратится. Об этом свидетельствуют тенденции возобновления родственных связей, утверждение их приоритета перед всеми остальными, попытки отыскать «корни рода», составление генеалогий, восстановление «истинной» этнической, конфессиональной, сословной (до 1917 г.) идентичности на основе семейных преданий, рассказов, фольклорных сюжетов³. И это несмотря на то, что пока семья теряет ведущую социализирующую роль в условиях ослабления родительского авторитета, союза родителей и детей и их хозяйственного объединения. Даже в сельской среде потерян этот союз семейного производства, что совершенно противоречит сути деревенского семейного сообщества, что произошло из-за утраты мотивации к обзаведению прочной (навек) семьей со многими детьми. Полный отказ от старого семейного об-

¹ Крюкова С.С. Конфликты и способы их разрешения: опыт измерения правовой повседневности современной российской деревни // ПИИЭА 2003. М., 2005. С. 64.

² Разумова И.А. Указ. соч. С. 324.

³ Там же. С. 321.

раза жизни ведет к потере семейной преемственности и родства и направлен на формирование индивидуальных ценностей¹.

Таким образом, тот путь, который проходит современная русская семья (и городская, и сельская) всех краев и регионов, обусловлен едиными социально-экономическими и правовыми основами, существовавшими для развития семьи в государстве в целом. Городская и сельская семьи и семейно-родственное сознание горожан и сельчан связаны с одними и теми же традициями у того и другого населения, объединяющими всех их в одно этническое целое – русский народ². Если рассматривать семью не только с точки зрения социального института общества, но и как «семейно-бытовой комплекс» народной культуры, то в ней до сих пор можно найти «черты традиционности и этничности», которые могут быть задействованы в преодолении кризисных явлений в настоящей сфере и дадут возможность для развития и возрастания значимости этой главной человеческой ценности.

¹ Антонов А.И., Сорокин С.А. Указ. соч. С. 396–398.

² Шмелева М.Н. Указ. соч. С. 51.

Исторические представления и самоопределение северян

Самоопределение народа/населения является одним из компонентов народного сознания. Под ним в этнологической науке чаще понимается этническое сознание, которое может сосуществовать, а иногда и быть заменяемым другими видами традиционного самосознания. Для русских оно становилось синонимом православного сознания, а для крестьян могло быть тождественным крестьянской (общинной – «мирской») принадлежности и др. В современном обществоведении и публицистике термины «самосознание» и «самоопределение» заменяются на понятие «идентичность» (тождество), т.е. соотносимость себя с тем или иным видом народного сознания. Все эти понятия употребляются в значении «самосознания», которое может иметь несколько видов. В таком же понимании эти термины употребляются и в этой работе.

На формирование народного сознания оказывает влияние множество факторов, среди которых важное значение имеют факторы исторического, культурного, религиозного, экологического, этнопсихологического характера. Мировоззренческая и психологическая сторона человеческой деятельности запечатлена в картине мира того или иного народа (сообщества), в характере его самосознания и позволяет выявить «этническое лицо» людей и их социальную психологию¹. Ощущение своей принадлежности к определенному сообществу, отождествление (соотнесение) себя с ним – явление «социокультурного содержания и глубоких исторических корней». Оно присуще любой эпохе и выступает в той или иной форме тождества (идентичности), в которой зафиксированы «способы адапта-

¹ Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала.* СПб., 1994. С. 53–54.

ции и самоопределения исторического человека в окружающем его мире»¹.

Различные материалы по этнокультурному развитию русских, относящиеся к прошлым векам и к современности, содержат данные о формировании их этносознания, о его видоизменении в разные исторические эпохи, приобретении им черт религиозного или крестьянского самосознания. До XVII в. в общественном сознании русских, севернорусских в том числе, преобладала вера, православное сознание, хотя временами проявлялся и «языческий след». С XVII в., со становлением человека индивидуального на смену человеку «родовому», происходило замещение веры культурой. В XVIII в., когда в культуре утверждалась светскость, русское этносознание вместе с культурой претерпевало изменения и реагировало на меняющийся мир через традиционные культурные формы, приобретая этнокультурную идентичность. Сложные процессы происходили в развитии самосознания в XIX в., в связи с историческим и общественным развитием государства и формированием гражданского сознания. Наконец, XX в., главным образом советский период, кардинально изменил и всю жизнь, и все устои, и традиции, что привело к становлению общего сознания русских и других наших народов как сознания *советского народа*. Именно тогда русское сознание утрачивало черты своей этничности.

Это очень схематичная картина развития русского народного сознания. Конкретное рассмотрение этого процесса подводит к пониманию закономерностей в формировании самосознания как русских в целом, так и их региональной группы – севернорусского населения. Европейский Север, где формировалось это население, был периферией государства, что наложило отпечаток на весь облик, психический склад, мировоззрение и мироощущение северян. В их сознании и восприятии «своего мира» и окружающего более широкого пространства вырабатывалась своеобраз-

¹ Малыгина И.В. Национализм и этнокультурная идентичность // Современные трансформации российской культуры. М., 2005. С. 253.

разная «идеология, принимавшая различные формы маргинальности и оппозиции»¹ по отношению к общерусскому единству.

Корни самоопределения северян уходят в глубокую древность, когда формировалось и развивалось самосознание русских, вырастая сначала из осознания славянского единства, а затем из его обособления у восточных славян. Русское самосознание начало проявляться в раннем Средневековье. С этого времени известен этноним *русские*, определяющий этническое сознание древнерусской народности. Понятия *Русь*, *Русская земля* ассоциировались со всей территорией восточнославянских племен от низовьев Дуная до Ладожского и Онежского озер, от верховий Западной Двины до Волго-Окского междуречья, т.е. с областью расселения древнерусской народности XI–XIV вв. В это время еще сохранялось представление о Руси как этнополитическом единстве восточных славян и о «русском языке» как особом народе, включающем всех этих славян². Природа *русскости* проистекала и выкристаллизовывалась из разноплеменности.

Помимо укрепления самосознания и возникновения самоназваний *Русь*, *русский* произошло разобщение в целом славянского мира и формирование на другом, нежели этничность, основании двух культурно-исторических зон: восточнохристианской (православной) и западнохристианской (католической). По мере христианизации восточных славян осознание принадлежности к православию (мы – *православные*) все больше входило в этническое самосознание людей. На ранних этапах этническое

¹ Матонин В.Н. Священное пространство Поонежья и Онежского Поморья (вторая половина XIX – 30-е годы XX в.) // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 28.

² Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 43; Толстая С.М. Языковая ситуация в Польше в XII–XIV веках // Развитие этнического сознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 280; Ульянов Н. Русское и великорусское // Русская идея. М., 1994. Т. II. С. 341–342.

превалировало над религиозным, но постепенно этноним и конфессионим становились иногда тождественными, иногда взаимозаменяемыми. В этих средневековых понятиях крылись многообразные этносоциальные и религиозные процессы, происходившие в среде складывавшихся этнокультурных общностей. Этническое сознание этого периода было уже на нескольких уровнях – и как единство этническое, и как единство православных христиан. Эта многокомпонентность сознания в раннефеодальную эпоху была выражена осознанием причастности к православному ареалу и славянской языково-племенной общности, а в период зрелого Средневековья – принадлежности к конкретной славянской народности, например, к *руским*, а также узколокальным отождествлением себя (например, *новгородцы*, *ростовцы*, *суздальцы* и т.п.). Это уже свидетельство укрепления компонента *русская народность* и ослабления племенной осознанности¹.

Начало становления самосознания северян

В средневековый период шло освоение Русского Севера, создание там постоянного русского населения и формирование его самосознания. Разнообразные материалы свидетельствуют о происхождении северян, их контактах, осознании их себя северянами. Знание и память о своем славянском происхождении население этих земель оставило в сообщениях еще первых русских летописей, а также в преданиях и легендах, сохранившихся до XX в. Показателем развития их самосознания и явилось это знание собственного происхождения и заселения новых земель. В «Новгородской первой летописи» отразилось самоощущение славян, отличавших себя от племен *ями*, *веси*, *чуди заволоцкой*, *перми*, *печоры*, *угры*, которые в летописи назывались собирательно *чудью*, *чудскими племенами*. Центральные районы Севера занимали *весь* и *чудь заволоцкая*: «а на Белом озере сидит весь»; «И посади Святослав сына своего Глеба... и бежа за Волоч (в

¹ Иванов Вяч.Вс. Введение // Развитие этнического сознания... С. 9–13.

Заволочье. – И.В.) и убиша его»¹. С *весью* и *чудью* *заволоцкой* встретились проникшие сюда из Новгорода *ильменьские словене* и *кривичи* с Верхней Волги. Славяне четко разграничивали себя с чудью, и следы этого в народной памяти жили на протяжении многих последующих веков. Особенно богаты такими воспоминаниями народные предания о чуди, ее «убежищах» (*ямах*), «чудских кладах», о встречах и взаимоотношениях славян и чуди. Понимание славянами своей специфики при сопоставлении с другой этносредой становилось уже в тот ранний период истории северных народов компонентом их этнического сознания.

Довольно значимыми для изучения этого периода истории Русского Севера являются археологические находки, обнаруженные на северо-востоке Белозерья, в бассейне Ваги (Корбала, Усть-Пуй), по рекам Кулою и Кокшеньге, по Шексне около Череповца, у поселка Векса на Сухоне, около Великого Устюга и др.² Археологические находки говорят об этнических процессах, даже о характере их, следовательно, могут свидетельствовать и о становлении самосознания у севернорусского населения. Так, ко времени сообщений первых русских летописей контакты славян с чудью в центральных северных районах заканчиваются ассимиляцией славянами племен *веси* в Белозерье, по Мологе, Колпи, Шексне уже к X–XI вв. и включением их в состав древнерусской народности. Об этом ярко говорит вещевой археологический материал (орудия труда, керамика, одежда, украшения). Не менее значимы в этом отношении находки, свидетельствующие о христианизации населения региона. Известно, что интеграции этнической среды способствовала единая религия. Разное же вероисповедание служило этнокультурным разделителем. Ассимиляционные способности славян/русских были сильны при их религи-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 97, 347, 355.

² Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 125–134; Он же. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 175–176.

озности и особенно, когда свою веру они могли передать иным этносам¹. Уже на самом раннем этапе совместной истории народов Севера происходило распространение среди них христианства². Взаимовлияния при формировании местной культуры этносов вели к синтезу черт в ней, что было результатом быстрого смешения народов при совместном проживании и постепенной ассимиляции при чересполосном расселении. И то, и другое вело к возникновению единого самосознания, и таким образом севернорусское население в тот ранний период стало осознавать себя не только славянским, отличая себя от чуди, но и, можно думать, православным, да и славянская ассимиляция веси и чуди ускорялась принятием последними христианских норм жизни и обрядности. На данном этапе приход к одной вере способствовал тому, что вера теряла значение культурного разделителя, и у северных народов обнаруживалось все больше общих культурных черт.

Еще один процесс стал заметным в этот период. В обществе росло социальное разделение. В таких условиях самосознание народности – комплекс этнических представлений о себе как членах этносоциального организма с его этнической, социальной и политической структурой – различалось у социальных слоев – у феодальной верхушки и крестьян. Различия проявлялись в эмоциональной сфере, а значит, и в культуре, которая с этого времени стала переживать дифференциацию³.

Начиная с XIV в., при новгородско-ростовском соперничестве на Севере, вмешательстве московских князей и включении края в XV в. в состав Великого княжества Московского, мест-

¹ Лурье С.В. Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия?... М., 1996. Вып. 3. С. 257; Власов В.Г. Христианство: проблема Востока и Запада // Религиоведение. 2002. № 2. С. 5; Харузин Н. Об ассимилятивной способности русского народа // ЭО. 1894. Кн. XXIII, № 4. С. 45–78.

² Макаров Н.А. Население Русского Севера... С. 27, 29, 32, 43–44, 128.

³ Примеры этого см.: Русские. М., 1997 (Народы и культуры).

ные славяне превращались в севернорусское население, которое, судя по историческим документам, осознавало себя частью всего русского народа. Подтверждением этого служат и политическая история, и военные события XIII–XIV вв., зафиксированные в общерусских и местных летописях, когда северное население вместе со всем народом участвовало в военных действиях против общего врага. Несмотря на осознание такого единства, северяне стали именовать себя не как прежде – *славяне* и *чудь*, а областными (локальными) названиями, отражавшими их территориальное размещение: *двиняне*, *важяне*, *белозерцы*, *устюжане*, *тотьмичи*, *воложане*, *вычегжане*. Именно жителями этих земель – по Двине, Ваге, Вычегде, Белоозеру и т.д. – ощущало себя их население, и такие их самоназвания играли в то время роль своеобразных локальных этнонимов.

Данные многочисленных актов и поздних русских летописей XV–XVI вв. отразили этот этап этнической истории края, давая возможность понять суть этнопроцессов в различных районах: будь то ассимиляция, этносмешения, оттеснение одного этноса другим, а значит, в последнем случае, – минимум этноконтактов. Более подробная этническая история и этнические процессы в регионе рассматривались в гл. 1, в которой путем сопоставления данных разных дисциплин показано формирование севернорусского населения, его культуры и развитие его самосознания. Все это было обусловлено характером славянской колонизации, контактами славян и финно-угров, т.е. конкретными этническими процессами. Так, быстрая ассимиляция финно-угров славянами (следовательно, сложение славянского населения) происходила в районах по Двине, Ваге, Сухоне, Шексне, в Белозерье. Быстрой ассимиляции предшествовало массовое славянское проникновение на эти земли. Медленная, постепенная ассимиляция местных жителей славянами наблюдалась в местах, где в XIII–XV вв. не было такого крестьянского продвижения – по Онеге, Верхней Пинеге, Верхней Тойме, Верхней Сухоне, Вычегде. Об этом есть свидетельства в антропологическом и диалектологическом материалах (см. гл. 1), показавших наличие у

населения Севера разных антропологических типов (физического облика) и разных говоров¹.

Совершались процессы и иного характера. Иногда устанавливались тесные родственные связи у местных финно-угров и славян путем этносмешений, например, по Сухоне в районе будущей Шуйской вол., где эти народы, как считало местное население, «слились в один народ». Когда же со временем русские появлялись в неосвоенных местах не в одиночку, как в древности, а семьями, тогда смешения с финнами сходили на нет. Следы смешений раньше всего стали исчезать на пространстве от Водлоозера к Каргополю, т.е. в местах наиболее раннего расселения новгородцев².

Судьбы севернорусской территориальной общности и ее локальных групп

С вхождением северных районов в Московскую Русь стали наблюдаться нивелирующие явления во всех сторонах жизни, что обуславливалось начавшимся единым социально-экономическим и этническим развитием этих районов. На основной территории Севера сформировалась северная группа русских, а на его окраинах – народы финно-угорского происхождения. Севернорусские представляли собой своеобразную этнотерриториальную общность, обладавшую культурным своеобразием и особым самосознанием.

Со второй половины XV в., с образованием единого государства, собиравшего земли вокруг Москвы, происходило

¹ Витов М.В. Русские Севера в этническом отношении (современный состав и происхождение основных компонентов) // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 162–172; Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 60; Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4; Касаткин Л.Л. Русские диалекты // Русские. С. 80–90.

² Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 41; Поляков И.С. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии // Зап. РГО. Отделение этнографии. 1873. Т. III. С. 68–70.

дальнейшее развитие русского этнического сознания. Возможно, это еще не было сознание гражданское, но его становление уже наметилось. Далее, в XVI–XVII вв., когда русские стали осваивать евразийские территории и там складывалось постоянное русское население, его этническое сознание выполняло консолидирующую роль в этой среде, четко отделяя себя от окружающей действительности, главным образом от иноязычного населения (представления «мы – они», «свое – чужое»). В материальном выражении это были представления «освоенное» или «неосвоенное» пространство (земля), т.е. сознание стало адаптироваться к реалиям внешнего мира, «кристаллизоваться» в каждой такой зоне и вырабатывать этнокультурные варианты, приспособленные к конкретным локальным условиям¹. Мало того, освоенные земли со всем населением в сознании людей стали восприниматься как территории, принадлежащие своему Русскому государству, т.е. начиналась идентификация себя с принадлежностью к этому государству. Политический компонент в народном сознании выражался в преданности родине, отечеству, престолу и вере. Он не исключал этнического компонента, не замещал его. И тот, и другой были в том или ином соотношении друг к другу в разных исторических ситуациях².

Далее, в эпоху Петра I и особенно позднее, во времена М.В. Ломоносова, появились понятия *россияне*, *российский народ*. Название «Россия» – западного происхождения, не сразу прижившееся и уступавшее место господствовавшему понятию «русский». В течение всего XVIII в. происходила конкуренция этих названий, иногда – вытеснение «русского» «российским». В это же время стали появляться названия «отечество» и «гражданин»³. В начале XIX в. понятия «русские» и «россияне»

¹ Лурье С.В. Метаморфозы... С. 52–54, 58.

² Иванов Вяч.Вс., Литаврин Г.Г. Некоторые общие наблюдения // Развитие этнического самосознания... С. 324.

³ Трубачев О.Н. Русский – российский: История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995. С. 31–33.

становятся синонимами. Так, Н.М. Карамзин понимал «российскость» с присущими ей русской культурой и православием, основываясь на восприятии синонимичности этих терминов, и не исключал из этой сферы культуру других российских народов¹. Понятие «русский» означало этничность, понятие «российский» – зависимость от государственно-территориального статуса (включало в себя и нерусских россиян). Оба эти начала взаимно дополняют и обогащают друг друга и ни в коем случае не должны быть противопоставлены². Мыслители начала XX в. П.Б. Струве, И.А. Ильин, Г.П. Федотов понятия «российское» и «русское» употребляли еще как синонимы и также не исключали из них культуру и веру других наших народов³. Они понимали, что Россия накануне 1917 г. была и империей, и национальным государством на основе многонародной нации, и видели, как развивались и тождественность русских, и их российское сознание, из чего они «произрастают» и к чему должны идти.

Северяне, как и весь народ, к этому времени осознавали себя русскими/православными (и россиянами), но в ходе их этнической истории у них, как и в других регионах, сложилось много мелких локальных сообществ со своим самосознанием, самоназванием и другими чертами, отличающими их от остального населения. Как отмечалось выше, на Севере в XIV–XVI вв. существовали группы русских, именовавшиеся по местам рассе-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книжный сад, 1993. Кн. 1. Т. I–II. С. 18–19, 24.

² Троицкий Е. Теоретические и политические аспекты изучения соборной роли русского народа в многонациональной России // Русская нация... С. 14.

³ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи: Из глубины. М.: Правда. 1991. С. 473, 476–477; Ильин И.А. Творческие уроки русской истории // Ильин И.А. Собр. соч. М., 1999. Т. 9–10. С. 330; Он же. О путях России // Русская идея. М., 1994. Т. II. С. 130; Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб.; София, 1991. Т. I. С. 128; Т. II. С. 179–180, 305.

ления (онежане, белозерцы, двиняне и т.п.). В их состав вошли новгородцы, *низовцы* (ростовцы) и другие этноэлементы. На их формирование влияли как зональное размещение, так и вхождение разных этнических элементов в их состав. К тому же времени относится существование в северодвинских землях *Ростовщины* (ростовских владений), клином врезавшейся в новгородское Заволочье. Население Ростовщины по происхождению было связано с низовцами и жило в Белозерье, на северо-восточном берегу Кубенского озера (Заозерье), в северо-восточной части уделов ярославских князей (Бохтюжская вол. Кадниковского у. и Авнежская вол. Грязовецкого у.), в правобережье Северной Двины с притоками – Кокшеньгой, Велью, Вагой, Сухоней. Ростовщина на Сухоне занимала будущую Шуйскую вол. Тотемского у. – *Ростовское митрополье* (владение ростовского митрополита), – и за здешними жителями закрепилось название *митрополы* (существовало в значении локального этнонима). Таким образом, и население Ростовщины, и отдельные группы новгородского происхождения были этнолокальными общностями, а владельческое население митрополита – сословным образованием.

На Севере были и более крупные территориальные группы русских. К ним относятся известные *поморы* – потомки новгородцев, частично низовцев, отличающиеся от других северян хозяйственным бытом, но близкие к ним другими чертами народной культуры. В их среде сформировались две более мелкие группы – *устыцилёмы* и *пустозёры* на Печоре, по происхождению – потомки новгородцев с некоторой примесью местных финно-угров; по быту и те, и другие близки к Новгороду. Формирование поморов происходило при освоении Русского Севера новгородскими (ильменьскими) славянами, хотя упоминание о их земле как о «Поморье» относится к 1459 г., а само название «поморы» появилось во второй половине XVIII в. Правда, ранее, в документах XVI в., уже был известен похожий термин – «поморцы». Консолидация поморов началась, видимо, с этого века, а с основанием Архангельска как экономического центра Севера их хозяйственная деятельность была ориентирована на северный рынок, где реализовывалась продукция их

морского зверобойного промысла и рыболовства. Тогда этих жителей побережий Баренцева и Белого морей от Онеги до Кемь и стали называть *поморами*. Их формирование завершилось к XVIII в.¹

Данные разных научных дисциплин говорят о том, что поморы принадлежат к севернорусскому населению и обладают как региональным, так и локальным самосознанием. Физический (антропологический) тип поморов тот же, что и у остальных русских северных территорий, которые в древнее время стали зоной влияния Новгорода Великого. В диалектологическом отношении их говор принадлежит к поморской (архангельской) группе севернорусских говоров, к которой относится и язык русских восточной части Карельского полуострова, жителей Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры. В этнографическом (культурном) отношении они отличаются от остальных севернорусских лишь одним признаком, что и закрепило за ними понятие жителей морских побережий («поморы» от «по морю»): в природных условиях побережий они выработали своеобразный тип промыслового приморского хозяйства, занимаясь морским рыболовством и мореходством. По другим культурным признакам они едины с прочими северянами, но, как и на всем Севере, у поморов есть свои локальные культурные особенности².

В низовьях Печоры размещается малочисленная группа *устыцилёмов*, которые как бы обособились от поморов и формировались с середины XVI в. так же, как и последние, на основе новгородских славян. Но в их этносостав вошла неболь-

¹ Ануфриев В.В. Русские поморы: Культурно-историческая идентичность. Архангельск, 2008. С. 33–51.

² Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; Булатов В. Русский Север. Архангельск, 1999. Кн. 3: Поморье (XV – начало XVIII в.); Власова И.В. О терминах для обозначения этнических категорий // ЭО. 2009. № 4. С. 121–122, 125–127; Дронова Т.И., Шабает Ю.П., Шаронов В.Э. Комижемцы, поморы и устыцилемцы: модели культурных трансформаций // ЭО. 2010. № 5. С. 135–136.

шая доля финно-угорского компонента¹. У этой группы появилась конфессиональная специфика, поскольку в места ее обитания с конца XVII в. стали проникать превосходящие ее по численности староверы из центральных и северо-западных русских районов. Местное старожильческое население «растворилось» среди этого вновь прибывшего населения². К XVIII в. у жителей Нижней Печоры распространилось поморское беспоповское согласие раскола. Их самоназвание, производное от локальной территории (Усть-Цильма и ее округа), не отражало самосознание, а это последнее подразумевало конфессиональную принадлежность, противопоставление соседнему иноэтничному (коми) и иновероисповедальному (мирское православие) окружению.

Большим своеобразием в пределах бассейна Кокшеньги, притока р. Ваги, отличались *кокшары*. Они вобрали в себя все черты составляющих их этнокомпонентов. Самоназвание отражало место их размещения. Для кокшаров был характерен антропологический тип, «проникший» из Ростова – так называемый *верхневолжский* тип, распространенный у русских Верхней Волги. От Новгорода они взяли «бойкий характер» и многие формы народной культуры (например, *гнездовое* расположение деревень, севернорусское жилище и костюм и др.), их диалект – *вологодско-вятский*, распространенный от Белозерья по Средней Двине к Вятке, но ранняя топонимия, как и все ранние названия местностей на Севере, финно-угорская, а самоназвание *кокша*, *кокшары* – от марийского «лысый», «сухой»; их земля входила в Ростовщину, а позднее здесь развилось дворцовое землевладение. Своим бытом, нравами и обычаями они значительно отличались от остальных насельников вологодских районов, в состав которых входила их территория. Они не воспринимали ничего «чужеродного» (четко держалось противостояние «свои» – «чужие»). В этом виден пример стойкого

¹ Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непременным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 363–369.

² Дронова Т.И., Шабаетов Ю.П., Шаранов В.Э. Указ соч. С. 136–137.

сохранения своего самосознания и миропонимания¹. В Важско-Кокшеньгско-Тоймском бассейне выделялись еще более мелкие образования, нежели кокшары, долго сохранявшие самоназвания и собственный менталитет, явившийся следствием адаптации к сугубо местным условиям и осознания своего окружения. Так, из среды кокшаров выделились *илежане* по р. Илезе, перенявшие культуру от беглых переселенцев, в отличие от кокшаров, формировавших ее в своей среде, и *руфичи* (*руфенки*) по Верхней Кокшеньге, родоначальником которых был некий Руф².

К этнотерриториальным образованиям севернорусской историко-культурной зоны можно отнести небольшую группу, жившую в соседстве с вологодскими жителями, – население по р. Сить в Моложском у. Ярославской губ., известное своим самоназванием *сицкари*. По формированию они связаны с ростово-суздальским продвижением на Север, но в них влились и другие этноэлементы. В удельное время их земли были славянскими (князей Сицких), в Смутное время сюда попала часть карелов из-за Свейского рубежа, а в XVI–XVII вв. переселилась часть русских из Центра (московские ткачи-*хамовники*), позднее, в XIX в. – снова карелы из Тверской и Новгородской губерний. Из своего центра сицкари попали на Шексну и Мологу (теперешние вологодские пределы), но тогда их обособленность уже была нарушена; население же и Шексны, и Мологи приобрело от них в говоре *дзеканье* (западная черта), *аканье* (южнорусское), *цоканье* (новгородское влияние)³.

Известны мелкие группы на окраинных территориях Русского Севера. К таким относятся, например, *водлозёры* в Карелии, сохранявшие свою этничность, основанием чего являлась четко очерченная территория их группового расселения и хозяй-

¹ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 об.; Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 437; Витов М.В. Указ. соч. С. 162–172.

² Финченко А.Е. Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, усьян и ваганов в конце XIX – первой трети XX в.: Общие черты и некоторые локальные особенности // Русский Север: Арёалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 34–35.

³ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 363–369, 509.

ственная деятельность, обусловленная проживанием в озерном крае. Их самоназвание – «озерные люди», а прозвища, полученные от соседей – «озёра» (по месту расселения) и «рибушники» (от бедных старых одежд, т.е. от их сословного состояния)¹.

Имелась еще одна группа русских, которая отличалась своеобразием, но ее судьба в течение XVII–XIX вв., а особенно современное состояние, мало исследованы. Речь идет о группе, сохраняющей свое русское самосознание, а самоназвание – от района, где она живет, – *юрлинцы* в Северном Прикамье, в Юмо-Лопвинском округе (Юрлинский р-н Пермского края). Северное Прикамье в XVII–XVIII вв. было одним из районов Европейского Севера. Заселение района русскими началось с конца XVII в., более интенсивно шло в XVIII в., и происходило оно путем поселения на необжитых землях в соседстве с коми-пермяками. Историческое развитие Юрлинского р-на привело к сложению там населения, осознающего себя русским. Но в его формировании в разное время принимали участие различные компоненты. В дореволюционных исследованиях высказывалось мнение, что юрлинцы – это обрусевшие пермяки (по некоторым диалектным и топонимическим данным). Исследования же последних лет приводят к выводу, что это население всегда считало себя русским, говорило по-русски, не пользовалось языком коми и, по данным этнографии, сохраняло русскую культуру². Причины образования этого «русского острова» среди коми специфичны. Если на Русском Севере демографический фактор – численное преобладание славянских пришельцев уже в первые века освоения ими северных земель – играл значительную роль в этнических процессах и способствовал ассимиляции финно-угров, то в прикамском Юрлинском крае, освоение которого шло поздно двумя уже сформировавшимися

¹ *Логинов К.К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозёрья: обряды, обычаи и конфликты. Петрозаводск: Ун-т Дм. Пожарского, 2010. С. 10–12.

² На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 23–24; *Власова И.В.* К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // ПИИЭ 1980–1981 гг. М., 1989. С. 3–11.

народами со своим этносознанием, языком и культурой, этническая история шла по-другому: ассимиляции, а следовательно, обрусения пермяков, к тому же численно превосходивших пришельцев, произойти не могло. Тесное же совместное проживание в крае приводило к некоторому смешению, взаимовлияниям во всех областях жизни, появлению общих черт в культуре, чему немало способствовала и единая вера, а в данном случае все усугублялось принятием старообрядчества и русскими, и коми. Но «загадка» юрлинцев ждет своего окончательного решения, поскольку они недостаточно изучены.

На Севере существовали также небольшие группы русских, формирование которых было связано с другими моментами, нежели участие тех или иных этносов и характер этноконтактов. В юго-западной части региона отличалась от всего населения в языковом отношении группа *ягутков* (*ягунов*), происшедшая от бурлаков Волги. *Яго* вместо «его» и *каго* вместо «кого» (*кагоканье*) – черты бурлацкого говора, проникшего к населению Череповецкого, Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губ. (теперь Вологодской земли). Эта группа населения – профессионального происхождения, занималась бурлацким промыслом и получила свое название от прозвища¹.

Обращает на себя внимание обособленная общность русских, имевшая вероисповедальные отличия от основной массы православных, – старообрядцы. Церковный раскол XVII в. привел к тому, что к Белому морю и Соловецкому монастырю потянулись убежавшие от правительственных преследований раскольники. Беглецы наводнили олонекские, каргопольские, западные и северо-восточные вологодские земли вплоть до Печоры. Их кельи и скиты появились в глухих непроходимых местах около маленьких рек и озер. На востоке региона раскол распространился к середине XVIII в., причем не только у русских, но и у христианизированных еще в XVI в. зырян. Северные старообрядцы в основном были представлены беспоповцами (даниловское и поморское согласия, федосеевцы, филипповцы, странни-

¹ Там же.

ки, бегуны), в меньшей степени поповцами (беглопоповцы, не-товщина, австрийская вера)¹.

С чем было связано появление отдельных групп единого населения регионов, в том числе и на Русском Севере? Освоение земель проходило путем адаптации поселенцев не только к природной среде. Они неизбежно сталкивались с иной, человеческой средой, особенно, если совместно заселяли какие-либо земли. Им необходимо было приспосабливаться к этой другой социокультурной и психологической среде. В таких условиях каждая культура формировала свой адаптированный «образ реальности», и при этом взаимодействии у разных групп поселенцев возникали и утверждались в жизни свои ценности, действовали свои морально-нравственные нормы, несмотря на то, что в основе их были общие, единые мотивы и действия. Тогда в формировавшейся культурной традиции могли возникнуть внутренние альтернативы – локальные варианты общей традиции, вызванные потребностями адаптации. В локальных вариантах имели место различия в общей, свойственной всему народу картине мира, по-разному проявлялось традиционное сознание. Различия в культуре, облике, характере, поведении, в языке и наблюдались у таких отдельных сообществ единого народа².

Механизм создания традиций и особенностей регионально-го самосознания состоит в следующем. При осознании единой принадлежности ко всему народу русские жители отдельных земель и краев помнили о своей потомственной связи с предками и на основе опыта и знаний последних представляли, как надо в данной природной среде органично и умело хозяйствовать, взаимодействуя с этой средой, осознавали особенность своего положения в этих условиях. Поэтому у русских насельников разных областей и складывались такие устойчивые понятия, как *поморы, сибиряки, казаки, уральцы* и т.п., стано-

¹ Липранди И.П. Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект. М., 1870. С. 11–21; Дружинин В.Г. Старообрядческая колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. С. 69–75.

² Лурье С.В. Метаморфозы... С. 61–62.

вившиеся своеобразными этнонимами, а на самом деле отражавшие более широкие, чем этнические, связи, за которыми стояли и их опыт, и способность приспособления к любым условиям¹.

Самоопределение жителей любого региона или отдельных их групп не бывает независимым от того, как та или иная группа воспринимается другими. Постоянное проявление сопоставления «мы – они», «свой – чужой», т.е. взаимозависимости между определением других и определением себя – это тот механизм, который влияет на мысли и поступки людей. Существует множество этнографических свидетельств и различных описаний, которые отразили наличие этого механизма. Поступки людей выражались в действиях согласно их нравственным нормам, принципам и ценностям. В отличие от действий-поступков, самосознание чаще всего было выражено в словесных, речевых, антропонимических (именах, прозвищах) формах, в фольклорных жанрах, в которых и даются характеристики себе и другим².

Свидетельства осознания, например, северянами себя и соседей, своих и чужих поступков, действий, поведения многочисленны. Можно привести лишь некоторые из них, содержащиеся в материалах по Русскому Северу³. Так, жители бывшего Череповецкого у. в XIX в. в вероисповедальном отношении разделялись на *мирских* и *старообрядцев*. И те, и другие жили по большей части компактно, отдельно друг от друга. В этническом отношении все они были русскими, и тем не менее различали друг друга по разным признакам – по внешности (колотой у старообрядцев), обычаям, речи. Местные мирские

¹ Александров В.А. Кто мы, русские? // Русские: Историко-этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 12; Лурье С.В. Метаморфозы... С. 34–36, 54; Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М, 2012. С. 249, 279, 298.

² Власова И.В. Народное сознание и культура севернорусского населения // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 113–196.

³ Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. Гл. 4.

находили в себе «следы чуди» (финские черты), о которой они знали, и это знание передавалось из поколения в поколение. В раскольниках же они видели все «чисто русское». Замкнутый образ жизни, немногочисленные контакты с окружающим миром обусловили эту «чистоту». Имелся в виду их «русский» облик и соблюдение ими исконно русских традиций. Но «чудские черты» и не могли быть у старообрядцев, ибо сюда они стали проникать намного позднее (с конца XVII в.), чем древние пришельцы, которые здесь встретили летописную *чудь* и взаимодействовали с нею (XI–XII вв.).

В другом районе Севера – в Каргополье, где происходила сильная ассимиляция финно-угорского населения пришлыми славянами, в местном населении по-разному сочетались черты тех и других народов. «Финские черты» оставались в облике каргопольцев, хотя они считались русскими, но соседи, зная, что они чем-то отличаются от остальных русских, шутливо говорили о них: «Красна рожа, рвана одёжа, рот пол – верно, каргопол». Про жителей Усть-Мошья на Каргопольщине их соседи говорили: «Устьмошане – не крестьяне, бесподошвенники, устьмошанки – залокотницы, не работницы, нет ни соли, ни муки, был бы перстень на руки. Не хватило табаку, променяли на муку». Во всех этих объяснениях видно проявление представления «свои – чужие».

Жители других северных мест – деревень в Тотемском у. – различали себя с соседями в Грязовецком и Солигаличском уездах – «рознились» с ними по говору, способу ведения хозяйства, по устройству жилища, и причиной этой «розни» было их благополучие – незнание ими в прошлом крепостничества. Это были экономические крестьяне (монастырские), которые, как и государственные, были более свободны в своих действиях, нежели крепостные. Отсутствие зависимости от владельца они выражали понятием – «простота воли», в то же время у них был «миролюбивый нрав, они были тихи и немстительны». У своих соседей в Грязовецком у. они находили «особую суровость характера». Последнее могло быть связано с религиозными установками местных старообрядцев, какими были жители некоторых грязовецких селений.

От всех них отличалось население центральных районов Вологодчины, например, зажиточного села Устья Кубенского (Кадниковский у.), которые были предприимчивы, богаты («живут на городской манер»), они не знали праздности, любили разные нововведения; в остальных жителях этого же уезда они видели «религиозность, честность, трудолюбие, веселость, склонность к шуткам». В их обычаях было «много хорошего, гуманного, разумного». Жители другого района – *кокишары* (в тотемской Кокшеньге) считали себя людьми «особого душевного склада»: «живут... особняком, у них иные обычаи, нежели у соседей; к ним не проникает ничего чужого». А вот древние «чудины», «чудь», о которой у них жили предания даже и в XIX в., по их мнению, совсем другие люди, с которыми они якобы не имеют ничего общего: «чудин – это невзрачный человек, обросший волосами, с белыми глазами, дикий» (летописная *чудь белоглазая* со светлой пигментацией волос и глаз). Потомки «чудин» отличались от кокшаров: «не забывают обид, очень выдержаны, честны».

Различия между собой и соседями находили и жители устюжских и сольвычегодских деревень, считая себя «народом рослым, красивым, бойким», живущим в «веселых красных деревнях» (избы здесь строили из сосны красного цвета). Жители же болотистых мест Вологодского, Кадниковского и Тотемского уездов казались им «низкорослыми, некрасивыми, бедно одетыми плюгавыми мужичонками, лапотниками», у которых «чахлые бабы и дохлые дети», и ютились они в серых низких избах и «килейках» по болотистым местам.

И, конечно, русское население северных уездов отличало себя от своих финских соседей, хотя и у тех, и у других было много общего и в культуре, и в физическом облике, поскольку они жили и формировались в тесном соседстве и в одинаковых природных, социальных и других условиях. Так, крестьяне Вологодской губ. – и русские, и зыряне – «отличались крепким телосложением, имели рост более средний, лица редко правильные». Отдельными чертами облика и характера они все же различались. Русские были «открыты и откровенны, размашисты даже в своих пороках; зыряне – недоверчивы,

скрытны; первые – рассудительны, смышлены, любят новинку, уважают промышленность, деятельны; вторые – необщительны, слепо привязаны к родине и старине, честны в отношении к своему брату, но не таковы с теми, кого не знают, и враги всего чужого».

Характеристики «своих» и «чужих» можно увидеть в прозвищах, которые давали люди себе и своим соседям. Северяне долго сохраняли свои прозвища и даже целые волостные прозвания. Так, в деревнях по р. Вожеге были прозвищные наименования крестьян: в Тавеньге – «лодыжники» (старая игра в лодыжки, кости), в Подчеварах – «лапотники», в Огибалове – «скипидарники» (производили его), в д. Нижней – «фараоны» (от карточной игры), в Тордоксе – «японцы» (по ложной этимологии, якобы «боролись за власть в волости»), в Бекетовской – «водохлебы» (их затопляло в половодье), а жителей д. Тигино называли просто «тигарями»¹. У красноборских крестьян (быв. Устюгский у., ныне Сольвычегодский р-н) долго держалось прозвание «кушачники» (знаменитый промысел плетеных кушаков). Точно так же за мезенскими крестьянами закрепилось прозвище «черепки» (гончарный промысел). Там же жили и старообрядцы по прозвищу «скрытники» (крайний толк беспоповского направления раскола). Поморы получили от соседей названия – «кишкоброды», «кишкоеды», «наважьи головы» (от занятия рыболовством и охотой на морского зверя). Волостным прозванием ошевенцев (Каргополье) было «кафтанники» (шили кафтаны), крестьян Вельского у. – «смолокуры» (от занятий смолокурением). Все архангельцы (особенно по Северной Двине) назывались «трескоедами» – в их питании треска занимала важное место. Такое же значение у мурманчан и онежан имела репа, отчего их называли «репниками», а шенкурцев, охотившихся на белку («векшу»), которая присутствовала в их рационе, – «векшеедами»².

¹ АИЭА. ВЭ. ВО. 1986 г. Д. 8334. Л. 9; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 146. Л. 8.

² Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. С. 48–231.

Сохранились прозвища и у отдельных селений: в Кумуксе (Кондопога) жили «звонари» (болтуны, пустозвоны); в д. Пингиша (Холмогоры) – «кислорепые» (у них в наводнение проки-сала репа, которую они выращивали); в д. Химаново (Шенкур-ский у.) – «рожки» (промысел пастушьих рожков); в д. Долго-щелье (Мезенский у.) – «турки» (жили далеко от центра); в д. Кимжа того же уезда – «чернотропы» (топили избы *по-черному*, хотя «тропы» в их сознании ассоциировались с «по-лем»)¹. Прозвище «водохлебы» распространялось на многие деревни, затопляемые в половодье (озера Лаче, Воже, Белое), а также на крестьян, занимавшихся сплавом леса по рекам (Вага, Пинега, Двина и др.).

Существовали и названия, возникшие от занятий или веро-ваний тех или иных жителей: в с. Койда (Мезенский у.) и в Кар-гополье – «богомазы» (иконописцы), в каргопольской д. Ольси-ево отдельный околоток называли «Безбожники», так как здесь долго сохранялось язычество. За пинежанами укрепилось про-звище «икотники»: по деревенским понятиям, они насылали порчу в виде болезни «икотницы», т.е. занимались ворожбой, колдовством².

Самое интересное, что отразили подобные прозвища, – названия отдельных деревень или целых групп-гнезд. Это сви-детельствует о долгом сохранении локальных идентичностей северян, выраженных в прозвищных (антропонимических) формах, а иногда и в фольклорных жанрах. Существующая си-стема таких языковых форм выполняла функции поддержки группового единства, отмежевания своих от чужих, причем от-ношение к последним, как правило, было негативное, неуважи-тельное, осмеивающее, критикующее. Так, своих соседей *ваган* (жителей по р. Ваге) кокшары называли «толстобрюхими» (среднего роста, крепкого приземистого телосложения), но от-мечали, что они «смелы, к физическому труду привычны, про-ворны, любят петь». От соседей получили имена архангельцы – «морякоеды» (питались морской рыбой); вологжане – «телят-

¹ Там же. С. 68–69.

² Там же. С. 84, 112–113.

ники» (известно предание, что они съели теленка с подковой), шенкурцы по Ваге – «ваги кособрюхие» (носили пояс низко на животе). Совсем уничижительное, карикатурное описание каргопольцев и устьмошан, приведенное выше, дали их соседи. В характеристике первых «повинен» их внешний облик, а вторых – их лень, нетрудолюбие, праздность¹.

Проявления соотношения «мы – они» четко проглядываются во взглядах крестьян на старообрядцев. В основном к последним складывалось терпимое отношение, но бывали случаи, когда проявлялось их неприятие и даже презрение к ним². По воспоминаниям красноторского крестьянина И.С. Карпова, мирское население считало староверов гордыми, надменными, греховными, порой «бесноватыми». Старообрядцы же «хулили и ругали» церковь и тех, кто ходил туда, называли «погаными», а себя – «чистыми и святыми»³. Крестьяне Кубенской вол. Вологодского у. также неприязненно относились к местным старообрядцам из-за их вероисповедальных устоев⁴.

Во всех подобных высказываниях и наречениях проглядывают ментальные и мировоззренческие стереотипы. Каждая из групп чувствовала себя жителями определенного пространства, ландшафта, что и закрепилось в их самоназваниях, прозвищах, а главное, в самоощущениях, т.е. в самоидентификации. Для всех этих территориальных мелких и крупных групп свойственно сравнение своего сообщества с другим, с оценками того и другого, выраженное в речевых формах, а поскольку у них складывалось такое оценочное сравнение, то и вырабатывалось каждой группой определенное поведение по отношению к сво-

¹ Русский Север: этническая история... С. 127–130.

² Матвеев А.В. Мобилизация русской идентичности в конце XIX – начале XX веков (на материалах Вологодской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 19–20.

³ Карпов И.С. По волнам житейского моря: Воспоминания // Новый мир. 1992. № 1. С. 31.

⁴ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы / Материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5, ч. 1: Вологодская губерния. С. 234–235.

ему и чужому. В основе прозвищ лежат культурно-хозяйственные и культурно-исторические особенности, а также психические действия, поведение, а поэтому в них находим характеристику окружающей среды, работоспособности людей, уровня их развития.

Локальные идентичности, выраженные в самоназваниях, как бы «обострялись» и активизировались в пограничных местах¹. Во всех этих характеристиках можно заметить либо «природосообразность» (пространственно-селенческие характеристики общностей), либо «соотнесенность» с нею «мировоззренческих представлений и поведенческих стереотипов» людей². Эта сообразность и соотнесенность с характерными чертами, поступками жителей тех или иных мест и запечатлелась в тех оценках, которые они давали себе и другим. Так, «унылыми и вялыми» находили жителей болот их приречные соседи. «Неприветливыми и угрюмыми» считали людей в глухих волостях между Кирилловским и Кадниковским уездами. От русских, как видно, отличались зыряне, их соседи в северо-восточных уездах Вологодчины. На первый взгляд, зыряне были «вялы, тщедушны, робки, пасмурны», на самом деле «оказывались выносливыми к суровому климату, смелыми, к тому же хранящими обычаи дедов, честными, а если же были расположены к человеку, то гостеприимными, радушными, хлебосольными»³.

Приведенные суждения северян о себе и «других», относящиеся к концу XIX – началу XX в., позволяют судить, каким стало их самосознание к этому времени. Их суждения разделя-

¹ Дранникова Н.В. Указ. соч. С. 280–283; Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье. Поморье. М.: МГУ, 1998. С. 40–63; Васькина А.С. Пищевой код в коллективных прозвищах (Каргопольский и Няндомский районы Архангельской области) // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб.: Алетейя, 2011. С. 26.

² Орфинский В.П. Заключение // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 353.

³ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 101. Л. 5 об.; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 146. Л. 17; Д. 208. Л. 10–12; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 877. Л. 8.

ются как бы на два вида: физические признаки людей (биологическое) и их характер, поведение (социальное). И то, и другое является определителем не только их самосознания, или понимания «мы – они», даже в одноэтничной среде, в пределах расселения одного этноса, но и образа жизни, различий в занятиях, обусловленных особенностями их природного окружения, а потому и хозяйственной деятельности; отсюда – определителем и сознания северянина-земледельца или промысловика. Эти материалы говорят, что и в XIX, и в начале XX в. севернорусское и соседнее с ним инонаселение осознавало, кто оно, каково его происхождение, чем все они отличаются друг от друга. Таким образом, самоидентификация осуществлялась через признание своей отличительности и взаимоисключаемой оппозиции. Во всем этом проявлялась и региональная (северная) идентичность, и локальная – у отдельных мелких образований среди северян. На бытовом уровне преобладал последний вид самосознания, поскольку в повседневности чаще возникали взаимоотношения между разными группами, да и сам повседневный опыт взаимодействий способствовал формированию локального сознания. Этот локальный уровень самоопределения зафиксирован в источниках личностного происхождения – дневниках, воспоминаниях, письмах, например, в дневнике писаря Черевковского сельского общества Сольвычегодского у. А.Е. Петрова, в воспоминаниях упомянутого красноборского крестьянина И.С. Карпова, в дневниках тотемского крестьянина А.А. Замаараева, пежемца И.Г. Глотова и др.¹ Наряду с личностным сознанием в его локальном выражении отмечается и дру-

¹ Дневник волостного писаря А.Е. Петрова (1895–1906) // Русская литература. 2005. № 2. С. 127–170; № 3. С. 151–185; *Карпов И.С.* Указ. соч. С. 7–76; Дневник тотемского крестьянина А.А. Замаараева. 1906–1922 // Тотьма: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 245–517; На разломе жизни: Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М., 1997; Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2002. С. 192–230.

гой его уровень – общинный, коллективный, который можно выявить, к примеру, по материалам, хранящимся в архиве «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева¹. Маркером такого сознания чаще всего служили представления о происхождении своей или чужой группы, о культурно-бытовых традициях, о вере и т.п.

Соотношение севернорусского самосознания с общерусской и российской идентичностью

В самосознании северян конца XIX – начала XX в. можно обнаружить и след общерусского и даже общегражданского (русского) сознания. Особенно такой его характер проявлялся в критических ситуациях и в случае угрозы существованию народа и государства. Так, во время двух войн – Русско-японской и Первой мировой – формировался образ «врага» (иноверца, инородца), «стремящегося погубить русский народ, православие и Русь как государственно-этническую общность». Государственный враг в сознании крестьян был врагом и этническим. Жила у северян и историческая память. Они помнили о событиях прошлых (Смутное время, Отечественная война 1812 г., русско-турецкие войны и др.) и нынешних, знали выдающихся личностей общегосударственного масштаба (Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерину Великую, спасителей Руси К. Минина и Д. Пожарского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, русских царей XIX в. и др.). Самоидентификация с русским народом на уровне исторической памяти вызвала у них чувство патриотизма и гордости за свой народ, сострадание к нему².

Идентичность северян к XX в. находилась в полном соответствии с общерусским сознанием. Уже давно понятия «русский»

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Материалы по Северу опубликованы в кн.: Русские крестьяне... Вологодская губ. СПб., 2007.

² Матвеев А.В. Указ. соч. С. 20; Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова... С. 208; Дневник тотемского крестьянина А.А. Замаева... С. 416–417, 420, 422.

и «православный» стали тождественными. Даже свою национальную принадлежность, которая сложилась в конце XIX – начале XX в., русские, в отличие от других народов, стали определять не понятием «кто я», а «какой я», т.е. наметилось предпочтение не биологического (кровного) основания в их этносознании, а качественной категории. В такой качественной *русскости* состоит феномен этого явления, который определяется не столько кровным родством, сколько единокровием. Не случайно у православных русских самыми почитаемыми святыми стали образы Николая Чудотворца и других святых, несмотря на то, что они возникли не в русских землях и не были изначально русскими. Главным было единение души¹. Об этом духовном содержании русскости (сущности души) говорили многие мыслители, публицисты, писатели. Недаром И.А. Бунин сформулировал такое понимание: «Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного настроения) есть нечто нераздельное». Словосочетание «великий русский народ» включает в себя не только демографическую составляющую, но и величие духовное, историческое, культурное². Приведенные материалы свидетельствуют о разнохарактерности и ситуативности идентичности северян в рассматриваемый период. Так, маркером их самосознания при взаимоотношениях с народами другой конфессии становилась прежде всего религиозность, работали и этнические стереотипы. При взаимоотношениях между отдельными локальными группами на Севере выступали вперед культурные различия. При такого рода бытовых взаимоотношениях доминировало этнокультурное сознание, в отличие от социально-политических ситуаций, когда начинали появляться черты гражданско-национального сознания³.

В этническом сознании русских многое изменилось в советский период истории. После 1917 г., с началом нациестроительства, под «русскими» понимались только бывшие великороссы.

¹ Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М.: Даниловский благовестник, 2008. С. 91–95.

² Там же. С. 112.

³ Матвеев А.В. Указ. соч. С. 19–22.

Но это последнее название исчезало из самосознания и общественной практики и заменялось на «русские». Состояние государственности повлияло на понимание этих терминов. Национальная государственность была отнесена к этнотерриториальным автономиям и союзным республикам. На основе сознания этнических общностей или религиозно-племенных групп этих республик были сконструированы социалистические нации и шло становление единого *советского народа* с его интернационализмом и дружбой народов, ставшего гражданской нацией. СССР как государство явилось продолжением Российского государства, хотя слово «Россия» исчезло из его названия и перестали употребляться понятия «российский народ», «россияне». За советскими народами закрепилось понятие «нации», «национальности». Такие понятия стали употребляться в двух значениях – и как гражданские нации (соотнесенность с Советским государством), и в этническом смысле (этнос, этничность)¹.

В состоянии «советского народа» русские теряли свое этно-сознание и превращались в «старшего брата» среди других народов страны. Развитие их самосознания во всех регионах, в том числе и на Русском Севере, шло по единому пути. У них формировались те стороны сознания, которые свидетельствовали о свойственной им «психологии полиэтнуса». Причинами такого осознания и мироощущения были не только их численное большинство в стране, огромная территория расселения, повсеместное употребление русского языка, но и отсутствие политического статуса русских и в СССР, и в РСФСР. В таких условиях у них интенсивнее, чем у других народов, проявилось представление о своей стране как о собственной этнотерритории, о своей родине, а отсюда возникало и безразличие к этноспецифике и своей, и другой. У них формировалось общесоюзное самосознание, и именно у русских оно проявилось наиболее интенсивно². Их собственное осознание становилось все более

¹ Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 559–597.

² Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001. С. 79.

размытым. XX в. с его катастрофами, войнами, бесконечными экономическими, социальными, культурными экспериментами не способствовал сохранению в неприкосновенности русского самосознания. Неизбежными были перемены и в нем, и в характере народа. Несмотря на это, русскость, «русский характер» и ментальность начинали работать в экстремальных условиях, когда народ видел угрозу своему существованию. Тогда он был способен мобилизовать силы и оказать сопротивление всему, что могло уничтожить его жизненное устройство, как, например, это было в войну 1941–1945 гг. В таких условиях самосознание русских «просыпалось», особенно если было подкреплено «сильной исторической памятью»¹.

С распадом СССР самосознание всех народов снова начало меняться. Россия пошла по пути развития гражданского государства с его многоэтничной нацией, в состав которой входят вместе с русскими другие народы. Современное развитие России – это становление национального государства в политическом смысле. Единство россиян в нем сложилось давно на основе исторических и социальных ценностей, культуры, языка, патриотизма². Но наряду с формированием общероссийской идентичности происходят изменения и в этносознании народов, и в том числе русских. Можно заметить две тенденции, проявившиеся за последние десятилетия. С одной стороны, идет возврат к традиционной России, и иногда в чем-то можно уловить рост русского этнического сознания. С другой, видны размытые традиции, унификация образа жизни, что неизбежно приведет к единообразию народного сознания³. Обе тенденции отражают изменения в самоопределении русских и связаны с начавшимся формированием новой российской идентичности. Русские находятся на промежутке между распадающимся советским этническим «сознанием» и не состоявшимся пока национальным российским.

¹ Русские. Гл. 1; *Савоскул С.С.* Указ. соч. С. 424–425, 427.

² *Тишков В.А.* Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007. № 104. С. 5; *Он же.* Российская нация... С. 561–585.

³ *Бызов Л.* Холодное и живое // ЛГ. 2008. № 45. С. 12.

Русское же самосознание сейчас более проявляется у отдельных групп/сообществ, сформировавшихся когда-то в среде народа и активизирующихся вновь. Группы народа с их культурной спецификой и своим самосознанием возникали вплоть до начала XX в., когда происходило освоение все новых земель. Некоторые из групп к тому времени уже не проявляли себя, «растворились» среди окружающего населения, главным образом это те, которые формировались еще в XIV–XVII вв. Другие же, спокойно просуществовав весь XX в., лишь помнили о собственном своеобразии и происхождении, а в 1980-х годах заявили о своем существовании. Изменения в самосознании происходили у всех таких групп во время «перестройки» и после нее. У этих групп в условиях недостатка социальных связей и в отсутствии качественной общегражданской национальной идентичности возникала идея этничности (иногда общности по крови)¹. То же самое происходит и с самосознанием русских Севера. Их идентичность соответствует, как правило, региональному или локальному сознанию. И такие виды сознания в будущем еще могут сохраняться².

Особенно активизировали свое самосознание севернорусские поморы, часть которых стала претендовать на статус отдельного от русских коренного народа Севера. В советские годы поморские хозяйства были превращены в рыболовецкие колхозы. Их деятельность стала отраслью промыслового хозяйства, их снабдили новой техникой и транспортными средствами. Традиционные орудия лова и суда применялись лишь для собственных нужд в местах их проживания, но и те претерпели изменения, так как появились новые материалы для изготовления орудий лова, а их лодки и другие суда заменены на катера с моторным управлением и т.п. Из сознания поморов постепенно уходила сакральность, которая была связана с особым восприятием моря и морской деятельности. Тем не менее в настоящее время с «возрождением» поморской идентичности началось в

¹ Бызов Л. Переосмыслить себя // ЛГ. 2009. № 49. С. 3.

² Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 262.

какой-то мере возвращение к своей бытовой культуре и древнему промысловому календарю. Но в большей степени это возрождение относится к проведению общественных мероприятий, к музейной деятельности, к празднованию определенных дат и т.п. Что касается их хозяйственной жизни, то она подорвана и не может конкурировать с морскими промыслами крупных предприятий. Среда их обитания («кормящий ландшафт») уничтожается, так как ликвидирована экономическая основа поморских поселений, тем более что по законодательству о рыболовстве с 2007 г. для них введена минимальная квота на природопользование по сравнению с той, которую имеют малочисленные народы Севера¹, несмотря на то, что поморы, как и эти северные народы, являются жителями морских побережий. Тут и кроется причина «перехода» поморов к «новому сознанию» – требованию причисления их к коренным малочисленным народам с целью получения полноценных квот. Все эти процессы приводят к внутригрупповому сплочению поморов и возникновению их новой идентичности, вернее, нескольких ее видов. Существует даже понимание их как «особого финно-угорского сообщества»; или как «отдельного славянского сообщества» (более древнего, нежели русские); или как субэтноса – «русские поморы», который воспринимается сейчас не как этническое, а как региональное и локальное сообщество². Лидеры Поморской национально-культурной автономии призывают поморов считать себя отдельным народом. К их призыву прислушивается небольшая часть людей. Большая же часть называющих себя поморами считает себя русскими. При этом они знают о своем происхождении от предков-поморов, и хотя положительно воспринимают современную «поморскую идею», но вкладывают в нее не этнический смысл, а культурно-хозяйственную специфику и ищут возможность для экономического развития в поморских культурных ресурсах. От прежней идентичности, свя-

¹ Тулаева С.А. Поморская идея: возникновение и развитие // ЭО. 2009. № 4. С. 3–16.

² Дронова Т.И., Шабает Ю.П., Шаронов В.Э. Указ. соч. С. 139–140.

занной с восприятием моря и соответствующих проявлений в жизни и сознании, остается мифологизация поморов и моря, ассоциация поморской территории с форпостом русской культуры на Севере. Все же для большинства людей причисление к особому сообществу не втискивается в идеологические рамки, сконструированные лидерами автономии¹.

Активность стала проявлять и северная группа *устыцилёмов*. За годы советской власти самосознание этой группы также было ослаблено, но не исчезло совсем. Их самоназвание, как и у поморов, стало этнокультурным маркером. На особую этничность они не претендуют: «Ни коми, ни русский, а устыцилём» (скорее, локальная идентичность). И хотя происходит «возрождение» устыцилёмского сообщества с определенной культурно-религиозной спецификой и самосознанием, в этой цилёмской идентичности преобладает соотнесение себя с русскими².

В современной действительности общероссийская идентичность еще формируется и вступает в конкуренцию с этнической идентичностью. Последняя же проявляется сильнее, как видим, у разных отдельных образований народа, поэтому, проясняя вопрос о статусе этих образований, необходимо учитывать состояние самосознания таких групп и рассматривать соотношение их идентичностей с общерусским самосознанием, а также обращать внимание на уже уловимый сейчас процесс формирования российской гражданственности. Пока же наша реальность состоит в следующем. Существует единство при сохранении этнокультурного разнообразия россиян, но нет еще представления о едином народе, его национальных интересах и национальной культуре³. В целом «главенствует русскоцентричный взгляд на мир»⁴. Самые последние социологические опросы, проведенные в разных регионах, показали, что в основном граждане страны идентифицируют себя с кон-

¹ Там же. С. 140.

² Там же. С. 141–142.

³ *Тишков В.А.* Российская нация... С. 584.

⁴ *Сергеев С.* Обращение в пустоту / Возвращаясь к Солженицыну // ЛГ. 2010. № 37. С. 3.

кретным народом и не отказываются от своей этнической принадлежности¹.

В этом отношении показателен новый праздник – День единения 4 ноября, вернее его празднование, которое происходит с 2004 г. Однако, по данным «Левада-центра», несмотря на то, что об этом празднике знает сейчас больше людей, чем в 2004 г. (41% населения против 8%), он не стал праздником единения, так как этого единения нет, а праздник нам «спущен сверху». К тому же его учредители не знают нашу историю. Праздник приурочили к «Дню победы в освободительной войне 1612 г.». Но эта победа была достигнута в несколько хронологических этапов: 4 ноября был лишь первый «приступ» литовцев и поляков на Москву, 6 ноября сдались осажденные, и только 7 ноября русские войска вошли в Кремль и освободили столицу².

Кроме социологических опросов, можно обратиться еще к одному источнику, в котором есть сведения о сознании молодого поколения конца 1990-х – начала 2000-х годов. Некоторые черты его сознания в отношении идентичности улавливаются в материалах «Русского ассоциативного словаря» (М., 2002), составленного на основе опросов людей 17–25-летнего возраста, родом из разных регионов России. Данные из этого издания свидетельствуют о том, как формируются представления молодежи о русской культуре, языке, как в целом создается образ нашего мира, о ценностных ориентациях, мотивациях и поведении в этом мире, по каким законам идет социализация молодых людей. Их взгляды представлены в «Словаре» в усредненном виде. Вот некоторые из таких представлений.

Отечество. Это понятие ассоциируется прежде всего с *родиной*, с чем-то *родным*, *моим*, более широко – со *страной*, *Россией*, *Москвой*, *нашим*, с *СССР*, с *социалистическим*, *свободным*, *священным*, с долгом каждого *служить ему*. В этом слове выражены и патриотические чувства – ассоциируются напрямую с *патриотом* отечества или выражением *его не*

¹ ЛГ. 2012. № 4. С. 3.

² Грегоров М. В день народного единства единством не пахло // Мир новостей. 2011. № 46. С. 2.

*продают. Оно может оказаться в опасности, отсюда возникают представления о войне, бое, есть знания о Второй мировой*¹.

Россия. За ней стоит понимание *страны, родины, матери, романтическое – березка; знание нашей истории – многострадальная, терпение, Русь, свободная; ассоциируется с Москвой; связана с патриотическими чувствами – флаг, держава, великая, гордость; с недавней историей – СНГ, с некоторыми объектами, в частности с концертным залом «Россия». В то же время выражается надежда на будущее, а пока молодая, но больная*².

Русский язык ассоциируется с *родиной, Россией, является национальным языком, родным; в связи с этими понятиями возникают патриотические чувства – великий, могучий, богатый. У части людей – это только предмет, трудный, школа, а также наша литература*³.

Таким образом, в немногочисленных понятиях, приведенных здесь, выражены сохраняющиеся традиционные представления, и таких немало; исторические категории, связанные как с прошлыми эпохами, так и современные; характеризуются особенности советского периода и «постперестроечного» времени. Эти понятия, отражающие представления молодежи, свидетельствуют, что чувство патриотизма не утрачено. Осознаются трудности настоящего переходного периода и кризисных ситуаций в развитии страны.

Национальная идентичность с ее сложной структурой проявляется в национализме, который имеет несколько видов, поскольку может быть обусловлен либо архаическими, либо этнокультурными, либо политическими основаниями консолидации народа, а именно уникальным историческим опытом и культурным развитием, являющимися главными в тот или иной период. Специфические черты русского национализма – следствие такого этноментального опыта народа и

¹ Русский ассоциативный словарь. М., 2002. Т. 1. С. 420.

² Там же. С. 561.

³ Там же. С. 564.

особенностей нашего исторического и социокультурного развития¹.

Формы проявления национализма многообразны в зависимости от того, какой из его видов «исповедует» данное сообщество. Социологи фиксируют сейчас рост националистических настроений. По данным «Левада-центра», опрошенные в 2011 г. 1600 чел., старше 18-летнего возраста, жители 130 поселений 45 регионов, отвечали на вопрос, что является причиной такого роста. Если в 2002 г. 25% опрошенных видели эту причину в вызывающем поведении представителей других национальностей, то в 2011 г. их стало 47%. 20% ответов принадлежит тем, кто «за Россию для русских», т.е. враждебны к другим национальностям². Такую тенденцию и на Русском Севере можно было подметить, например, в событиях 2006 г. в карельской Кондопоге, проявившихся в межэтническом конфликте между местным населением и мигрантами из южных республик. Выход из этого положения может быть, как полагают социологи, в межэтнической интеграции³.

Некоторые современные мыслители предлагают этнонационализм в качестве «спасательной идеи для гибнущего русского этноса». Но этнонационализм считает нацией только «своих членов», а не всех граждан страны. Такое понимание этничности (народа, нации) является основанием для требований собственной государственности или привилегированного статуса среди населения. Если государственный национализм основан на признании многообразного единства, то этнический – на идеологии отрицания его. Последний открывает путь радикальному национализму от имени меньшинства и может провозгла-

¹ Малыгина И.В. Указ. соч. С. 260.

² Грегоров М. Указ. соч. С. 2.

³ Арутюнян Ю.В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М., 2011. С. 221–222; *Он же*. Москвичи: Этносоциологическое исследование. М., 2007. С. 43; *Он же*. Россияне: Проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 96.

сдать выход из общего государства или объявить государственность одной группы¹. Русский этнонационализм – это средство для разрушения исторической России, он не имеет отношения к представлению о настоящей русскости. Русскость – это сознание внутренней, глубинной общности, не примитивный национализм, а широкое понятие бережного отношения к своей истории и культуре и призыв к другим уважать их².

Крайне негативная идеология национализма (радикалы, национал-патриоты, неонацисты) не находит поддержки в обществе. Правда, нет и принимаемого всеми «русского национализма», который сейчас пребывает в форме «стихийного» интернационализма. В этом сказывается история нашей страны как многонационального государства³. В противовес провозглашаемому сверху консолидирующему народ национализму существует либеральный национализм, который связан с формированием «русской идеи». Основанием ее должно стать духовное возрождение русского народа путем возвращения к истокам религиозного сознания. Скорее всего, национальная идея (государственная идеология) должна быть понятна всем: например, *величие России*, которое может проявляться не только в военной мощи, но и в экономике, науке, культуре. Чтобы прийти действительно к великой России, всем нужно думать прежде всего о ней, о ее проблемах⁴.

Истинный национализм должен стать идеей, «объединяющей и воспитывающей нацию к исполнению ее исторической миссии на земле»⁵, и способствовать становлению нашей общенациональной идентичности. Только многонациональное взаимодействие, продолжение дела исторического государства мо-

¹ Казин А. Еще раз о национальной идее // ЛГ. 2011. № 21. С. 12; Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: МГУ, 2011. С. 59–70, 81, 84.

² Русские в меняющемся мире // ЛГ. 2012. № 4. С. 3.

³ Малыгина И.В. Указ. соч. С. 263.

⁴ Никитин Н. Поможет сначала себе // ЛГ. 2011. № 29. С. 9; Сергеев С. Чего хотят русские? // ЛГ. 2011. № 39. С. 3.

⁵ Солоневич И.Л. Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12. С. 139.

жет способствовать такому становлению¹. Тогда понятие «российский народ» наполнится реальным смыслом. В этом понятии необходимо равновесие двух равноправных, взаимообусловленных начал – этничности и гражданственности. Пусть каждый, считая себя представителем своего народа, в то же время осознает себя принадлежащим к семье народов России, так как у нас у всех общая история и ценности. Такая многоуровневая идентичность и должна оставаться в России². Из природы русских вытекает сродничество с другими народами, которое в свое время позволило им сплотить огромную многоэтническую страну. Очевидно, что всем нашим народам нужно «объединиться... подумать о духовном, нравственном состоянии людей», «помириться как нации» (сплотиться в единое целое). Прежде всего должно произойти духовное примирение народов³.

Многие современные мыслители и общественные деятели полагают, что наше общество формируется на основе синтеза традиций и современности, многообразия культуры, признания приоритета коллективистских начал, социальной справедливости. Оно в результате будет сложным и многосоставным. Некоторые общекультурные ценности приспособляются к новым условиям, становятся органичными. Такие ценности – это не архаика, а путь к себе самим. Поиск новых ценностей может привести к восстановлению собственного социокультурного наследия, к «воссозданию поведенческой матрицы, генетического кода, заложенного в организм каждой нации, определяющего специфику поведения и отношения людей к власти, государству, окружающему миру». Русские традиции, хотя и утраченные во многом, все же «содержат мощный потенциал влияния на разные слои россиян». Для возрождения России и нации необходима верность своим ценностям, основанная на высочайшей морали⁴.

«Здоровым зерном» в этих рассуждениях является видение синтеза традиций и современности. Это не значит, что должно

¹ Русские в меняющемся мире... С. 3.

² Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России на современном этапе // Феномен идентичности... М., 2011. С. 261.

³ Жуков Ю., Чавчавадзе З. Единые и неделимые // ЛГ. 2009. № 26. С. 4.

⁴ Лазарев Н. Блудные дети // ЛГ. 2009. № 8. С. 4.

происходить возрождение традиций, полностью вернуться к ним нельзя. Их надо знать, изучать, анализировать, т.е. осмыслять творчески и приспосабливать к настоящей действительности. Восстановление России и самоощущения ее народа должно стать «новым рождением», а не реанимацией отжившего. Наше расколотое общество надо собирать воедино обращением к разуму, совести и памяти, из чего и появятся будущая Россия и новое российское сознание¹.

Подводя итог рассмотрению материалов по формированию самосознания севернорусского населения и его соотношению с общерусским и российским самосознанием, можно заключить следующее. Использованные в работе источники дают возможность понять, что северяне – это единое с остальными русскими население, но оно долго сохраняло в некоторых районах региона память о своем давнем своеобразии. Его самосознание ввиду сложности происхождения самого этноса слагалось путем синтеза многих компонентов. Тесное многовековое проживание на Севере не только разных групп русских, но и других народов отличалось их мирным сосуществованием, хотя и оставалось этносознание каждого из них, сохранялась во всем своя специфика. Такая жизнь в течение восьми веков не нарушена и в настоящее время. В последние десятилетия у севернорусских жителей, как и у всех русских, идет формирование общероссийского сознания, и они ощущают не только принадлежность ко всему народу, но и свою «особость», сохраняют черты, присущие им, а также приверженность памяти и опыту предков.

¹ Кара-Мурза С. Предвидеть будущее // ЛГ. 2011. № 29. С. 3.

Заключение

Анализ материалов, на основе которых написана настоящая монография, приводит к обобщениям и выводам относительно формирования этнокультурного типа и идентичности населения Севера. Предпринятое в книге рассмотрение развития региона в течение XVII–XXI вв. позволяет определить культуру его населения как уникальный вариант общерусской культуры. Несмотря на то, что она формировалась на периферии русской культуры, она вобрала в себя и сохраняла долгие столетия характер, свойственный культуре русских в целом. И для севернорусской, и для общерусской культуры присуще сосуществование разных традиций, их взаимопроникновение, напластование разновременных слоев, отразивших многообразие культурных связей.

Как показало проведенное исследование, путь развития севернорусской и общерусской культуры был общим. Новации, трансформации, утраты особенно стали заметными с конца XIX в. и главным образом в XX столетии, когда менялись условия для сохранения культурных традиций. Многие из них ушли из жизни (например, некоторые виды хозяйственных занятий, народный костюм, специфические крестьянские усадебные комплексы), другой стала семейно-бытовая жизнь, подчас утрачивались элементы празднично-досуговой и обрядовой культуры, меняя суть и смысл, превращая их в игровые мероприятия.

Тем не менее уяснение этих закономерностей дало возможность понять очевидность связи между культурой повседневности, традиционным сознанием/самосознанием и менталитетом изучаемого населения. Их взаимосвязь отражает состояние общества (в данном случае северного, крестьянского), поскольку раскрывает его образ мира, позволяет увидеть мировоззренческо-психологическую окраску человеческих действий и всей жизни. Сознание и менталитет русских крестьян коренятся в бытии и хозяйствовании на земле в общении с природой. Крестьянство стало носителем определенных культурных ценностей благодаря пограничному положению между ним как социумом и природой. Это положение и сформировало особый об-

раз жизни, тип поведения, духовную составляющую их сознания, придав всему этому такие характерные черты, как коллективизм, соборность, общинность. Черты крестьянского самосознания выявляются при рассмотрении развития отдельных форм культуры жизнеобеспечения. Эта культура являет собой пример природосообразности, соотнесенности с мировоззренческими представлениями и поведенческими стереотипами крестьян и оказывается жизнестойкой в течение многих столетий.

Обращение к таким важным проблемам, как состояние культурного наследия и присущего ему крестьянского характера, а в связи с этим – к проблемам русской деревни, и севернорусской в частности, особенно учитывая неразрешенность «аграрного вопроса», привело к заключению о сохранении в какой-то степени соционормативной практики и крестьянских взглядов на поземельное устройство в России, а главное – к выводу о необходимости создания условий для нормального хозяйствования, использования опыта и знаний русского земледельца, возрождения его сознания и представлений о крестьянствовании, становлении современного подлинного хозяина на земле, способного вести сельское хозяйство сейчас. Правосознание и ментальность крестьян в отношении землепользования были обусловлены природно-климатическим фактором, превратившим их жизнь, особенно в Нечерноземье, во многовековую борьбу за выживание. Изобретательность, находчивость, трудолюбие, поворотливость стали важнейшими чертами характера и психологии русского земледельца. Трудовая этика, способность к интенсивному труду, христианские заповеди, коллективное умонастроение, не менявшиеся радикально до начала XX в., были главными в его миропонимании и представлении о крестьянской сущности.

Удар по сознанию крестьян нанесла сплошная коллективизация 1930-х годов: изживались извечный коллективизм, инициатива при хозяйствовании на земле, которая теперь никому не принадлежала. Хлебороб был «оторван» от земли, рушилась его связь с ней, менялась крестьянская психология и отношение к земле как к чему-то живому, требующему постоянной заботы. Реформирование и эксперименты XX в. завершились суще-

ственным нарушением сельского хозяйства в 1990-е годы. В настоящее время русская деревня, северная в том числе, переживает социальную катастрофу: исчезает освоенность земель, гибнет почвенное плодородие, при новом землеустройстве не приживается фермерское хозяйство по западному образцу, а созданные на селе новые структуры не могут нормально хозяйствовать при той аграрной политике, которая сейчас ведется. Путь к преодолению всех препятствий лежит через возвращение корпоративности в деревне, через воспитание подлинных хозяев земли, которые могли бы использовать и опыт предшествующих поколений, и современные технологии. Конкретное рассмотрение жизни севернорусской деревни помогает увидеть все эти проблемы в аграрном развитии страны, обратить внимание на нужды российской деревни.

Немаловажное значение приобретает и вопрос о семье и воспитании молодых поколений. Изучение материалов о семейном строе, брачных и семейно-родственных отношениях северян в течение не одного столетия показало большие изменения в традициях и в то же время устойчивость ряда из них, которые можно задействовать для преодоления кризисных явлений в этой сфере жизни. Значительно изменились внутрисемейные отношения – родителей и детей, старших и младших, братьев и сестер, другими стали главенство в семье, детность, исчезают ее функции хозяйственного объединения родственников, теряются внешние связи с соседями, друзьями и т.п. Но в самое последнее время наблюдается тенденция к возобновлению исконных представлений о назначении семьи, об этом очаге-доме, связывающем всех родных, предпринимаются попытки восстановления утраченных связей, поиски «корней рода» и возвращение к истинной этнической, сословной, конфессиональной идентичности на основе генеалогий, семейных преданий, рассказов и даже фольклорных сюжетов. Пока семья для людей не утратила своей ценности, есть надежда на восстановление семейной преемственности человеческих поколений, поскольку в первую очередь в семье идет воспитание и социализация молодежи, формирование подрастающих поколений, способных продолжить воспроизводство и своего народа, и насе-

ления России в целом. Полный же отказ от старых семейных традиций и образа жизни ведет к потере родства, семейных связей и способствует формированию индивидуальных ценностей.

Проблема развития и сохранения русского этнокультурного типа, и севернорусского в том числе, выводит на рассмотрение вопроса об идентичности северян. Изучение этого аспекта позволило сделать вывод, что севернорусская идентичность своими корнями уходит в древний период нашей истории, когда формировалось, а затем развивалось самосознание русского народа. В течение веков у северян так же, как и у русских в целом, сохранялось несколько видов самоопределения, которые неодинаково проявлялись на разных этапах и становились основой для их консолидации. Самотождественность могла относиться к этническому или конфессиональному (православному) сознанию, к замене одного другим, могла возобладать локальная тождественность, но в то же время существовала осознанность своего крестьянского или городского состояния и так же, как у всего народа, разные виды сознания в определенные периоды соотносились в той или иной степени с общерусским сознанием. Тенденция формирования общероссийского самосознания и гражданственности, заметная в последнее время, у северян идет по тому же пути, что и у русских других регионов России¹.

Рассмотрение нескольких аспектов развития Русского Севера, предпринятое в настоящей монографии, позволяет заключить, что севернорусское население – это неотъемлемая часть русского народа с его своеобразной региональной, а порой проявляющейся и локальной, этнокультурной идентичностью.

¹ Подробнее об этих процессах см.: *Власова И.В.* Виды идентичности русских // *Русские: этнокультурная идентичность*. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 5–44.

Список научных трудов Ирины Владимировны Власовой

1968

О формах сельских поселений в Вологодской обл. // Вопросы аграрной истории. Вып.1. Вологда, 1968. С. 317–326.

1969

Топонимия междуречья Северной Двины и Волги (XVIII–XX вв.) // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск, 1969. С. 144–152.

1970

Материалы переписей населения XVIII – первой четверти XX в. как источник для изучения сельского расселения // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 109–123.

1971

Русские и субстратные основы топонимов междуречья Северной Двины и Волги в XVIII – начале XX в. // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 178–184.

Ареалы топонимов в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // Этнография имён. М.: Наука, 1971. С. 184–195.

1972

Формирование русского населения. Община и семья // Традиционная культура русского населения северных областей Европейской части СССР. Хельсинки: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1972. С. 18–71. (На финском языке).

Сельское расселение в бассейне Северной Двины // Итоги полевых работ Института этнологии за 1971 год. М.: Наука, 1972. С. 204–213.

1973

Миграции устюжских крестьян в XVIII – первой половине XIX в. // Русское заселение Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 249–261.

Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и её притоков по переписям XVIII – первой четверти XX в. //

Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1973. С. 29–47.

1974

География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1974. 190 с. [Монография]. [В соавторстве с М.В. Витовым].

Сельские поселения в Верхневолжском и Верхнедвинском бассейнах // Новое в этнографии и антропологии. Итоги полевых работ Института этнологии в 1972 г. Ч. 1. М.: Наука, 1974. С. 26–36.

1975

Поселения Забайкалья // Быт и народное искусство русского населения Восточной Сибири. Вып. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1975. С. 21–30.

1976

Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М.: Наука, 1976. 119 с. [Монография].

1977

Топонимы на *-иха* в Северном Заволжье // Русская ономастика. Рязань, 1977. С. 142–148.

1978

«Зона недоступности» для топонимов на *-иха* в Костромском Заволжье // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1978. С. 213–221.

1979

Землепользование в Поморье и Сибири XVII–XVIII вв. (Традиции и практика) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX вв. М.: Наука, 1979. С. 6–63.

1980

Структура и численность семей русских крестьян Сибири XVII – первой половины XIX в. // Советская этнография. М.: Наука, 1980. № 3. С. 37–50.

Сельские поселения в районах Пермской обл. // Полевые исследования Института этнологии 1978 г. М.: Наука, 1980. С. 3–10.

1981

Семья и семейный быт сибирского крестьянства // Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М.: Наука, 1981. С. 9–57.

1982

Семья русского крестьянского населения XVII–XIX вв. // История крестьянства Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1982. С. 182–188.

Системы земледелия // История крестьянства Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1982. С. 400–414.

География систем земледелия в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Проблемы исторической географии России. Вып. 2. Формирование экономических районов России. М., 1982. С. 26–39.

1983

«Зона недоступности» для топонимов на *-иха* в Костромском Заволжье // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.: Наука. Ленинградское отд., 1983. С. 213–221.

1984

Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1984. 232 с. [Монография].

Формирование крестьянства как общественного класса (IX–XIII вв.) // История северного крестьянства. Т. 1. Период феодализма. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1984. С. 37–65.

Культура и быт в средние века. Культура и быт в новый период русской истории. История северного крестьянства. Т. 1. Период феодализма. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1984. С. 348–421.

Топонимия Устюжского края и типы сельских поселений XVIII–XX вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 114–121.

К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Полевые исследования Института этнологии 1980–1981 гг. М.: Наука, 1984. С. 3–11.

1985

Поселения // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М.: Изд. МГУ, 1985. С. 285–303.

Источники для изучения земледельческого опыта русского населения Сибири XVII–XVIII вв. (Методика и результаты картографирования) // Земледельческое освоение Сибири конца XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1985. С. 19–31.

1986

Хозяйство русского североуральского крестьянства // Полевые исследования Института этнологии 1982 г. М.: Наука, 1986. С. 21–28.

1987

Семья // Этнография восточных славян. М.: Наука, 1987. С. 361–372.

1988

Обычное право и закон в крестьянском землепользовании Европейского Севера и Сибири в XVII–XVIII вв. // Труды XII МКАЭН. М.: Central Department of oriental Literature, 1988. С. 1–10. [На английском яз.].

1989

На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М.: Наука, 1989. С. 3–93, 176–221, 309–313. [Введение, несколько глав, заключение].

Программа для сбора полевого материала по вопросам «Община и семья» // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 326–331.

Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII–XIX вв.) // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 24–44.

Сельская топонимия северо-востока Европейской части СССР // Этнос – имя – история. М.: Наука, 1989. С. 140–151.

Семья и семейные отношения у русского сельского населения Северного Приуралья (1940–1980 гг.) // Новое в этнографии. Полевые исследования Института этнологии. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 3–11.

1990

Сельская семья у русских // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 22–46.

1991

Этнографическая характеристика населения Вологодской обл. // Проблемы создания историко-культурного атласа «Европейский Север Российской Федерации». М.: НИИ культуры, 1991. С. 40–42.

Заселение и хозяйственное освоение русскими Северного Приуралья (XVI–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1991–1994. 207 с. [Монография].

1992

Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII–XIX вв.) // Russian traditional Culture. Religion. Gender and Customary Law. N.-Y.: Edited by M. Mandelstam Balzer, 1992. P. 236–249.

Программа для сбора полевого материала по вопросам «Община и семья» // Russian traditional Culture. Religion. Gender and Customary Law. N.-Y.: Edited by M. Mandelstam Balzer, 1992. P. 265–269.

Размещение старообрядцев в Северном Приуралье и их контакты с окружающим населением // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений стран Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1992. С. 196–202.

1993

История крестьянства России с древнейших времён до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVIII в. – 1861 г.). М.: Наука, 1993. С. 232–247. [Разделы: «Семейный уклад и домашний быт крестьянства (XVII – середина XVIII в.)», «Семейный уклад и домашний быт крестьянства (середина XVIII – 1860-е гг.)». Раздел «Материальная культура земледельческих народов Восточно-Европейской равнины». В соавторстве с В.А. Александровым].

Русские сельские поселения XVIII в. // Российский этнограф. Вып. 1. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 103–141.

Традиции русской сельской общины в организации хозяйства современной деревни // Российский этнограф. Вып. 3. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 36–46.

Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы населения Северного Приуралья (XVII–XX вв.) // Российский этнограф. Вып. 9. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 173–182.

Сельскохозяйственное производство и охрана природной среды русскими крестьянами в XVIII в. // Российский этнограф. Вып. 20. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 142–151.

1994

Русские хозяйственные традиции и современность // Сельский мир. М.: Аграрный ин-т РАСХН, 1994. С. 126–140.

1995

Население Русского Севера в XII–XX вв. // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 76–90.

Русские: освоение евразийского континента // Этнополис. 1995. № 3. С. 65–179. [В соавторстве с В.А. Александровым].

К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край. Вып. 7. Кудымкар, 1995. С. 58–65.

Расселение и численность русского народа в эпоху Российской империи (XVIII – начало XX в.). Этнографические группы русского народа. Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е гг. // Русские: этнотерритория, расселение, численность, исторические судьбы (XII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1995. С. 40–67, 75–92.

1996

М.В. Витов – этнограф и антрополог (1923–1968) // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 107–118.

1997

Русские. [Серия «Народы и культуры»]. М.: Наука, 1997. С. 36–49, 107–118, 124–140, 158–183, 202–211, 416–432, 436–444. [Глава 1, раздел «Расселение и численность русских в эпоху Российской империи (конец XVIII – начало XX в.); глава 4 – «Этнографические группы русского народа»; глава 5 – «Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е гг.»; глава 7, разделы «Традиционная земледельческая и промысловая культура» и «Сельское хозяйство после 1917 г.»; глава 12,

- разделы «Брак и семья у русских (XII – начало XX в.)» и «Семейно-брачные отношения в 1917–1990-х гг.».].
- Традиционная земледельческая и промысловая культура; Сельское хозяйство после 1917 г. // Русские: народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 3–34, 67–82.
- Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы населения Северного Приуралья (XVII–XX вв.) // Русские историко-этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 57–65.
- Этнографическое изучение населения Русского Севера и Сибири // Традиционная народная культура населения Урала. Пермь, 1997. С. 12–17. [В соавторстве с И.А. Кремлевой, Т.С. Макашиной, Т.А. Листовой].
- Источники для изучения демографии и хозяйства русской крестьянской семьи Северного Приуралья XVII–XVIII вв. // Русские историко-этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 75–85.
- Вологодская земля и ее население: этническая история XII–XX вв. // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 47–62.
- Обычное право и закон в крестьянском землепользовании Европейского Севера и Сибири в XVII–XVIII вв. // Русские историко-этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 65–75.
- Программа для сбора полевого материала по вопросам «Община и семья» // Традиционная народная культура русских. Сборник программ и вопросников для этнографических исследований. Рязанский этнографический вестник. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 1997. С. 54–57.
- Отв. ред.: Русские. [Серия «Народы и культуры»]. М.: Наука, 1997. 828 с.
- Ред.: Русские: народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. М.: ИЭА РАН, 1997. 356 с.
- 1998**
- Русские Сибири в XIX в. // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 117–180.

Русские Сибири в XIX в. // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. М.; Улан-Удэ, 1999. С. 106–184.

История сельских поселений центральных районов Русского Севера (XII–XX вв.) // Расы и народы. Вып. 25. М.: Наука, 1998. С. 45–87.

Традиционное сельское хозяйство на Русском Севере // Традиционный опыт природопользования в России. М.: Наука, 1998. С. 119–138.

Ред.: В.А. Александров. Путь в историю, пути в истории (Моя жизнь). М.: ИЭА РАН, 1998. 118 с.

Ред.: Ежегодник «Расы и народы». Вып. 25. М.: Наука, 1998. 286 с.

Ред.: Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. М.: ИЭА РАН, 1998. 267 с.

1999

Расселение и численность русского народа в эпоху Российской империи (XVIII – начало XX в.). Этнографические группы русского народа. Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е гг. // Русские: этнотерритория, расселение, численность, исторические судьбы (XII–XX вв.). [Второе изд.]. М., 1999. С. 61–104, 117–144.

Отв. ред.: Русские. [Серия «Народы и культуры»]. [Второе изд.]. М.: Наука, 1999. 828 с.

Ред.: Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). Т. 1. М.: ИЭА РАН, 1999. 188 с.

2000

Русские: народная культура (история и современность). Т. 3. Семейный быт. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 3–33, 55–74. [Глава 1 – «Семья и семейный строй», разделы «Брак и семья у русских (X – начало XX в.)», «Семейно-брачные отношения у русских в 1917–1990-х гг. Сельская семья»].

Научный отчёт о работе Вологодского отряда Русской экспедиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Итоги полевых исследований. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 256–283.

Историко-этнографическое изучение севернорусского крестьянства // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. Вологда: Русь, 2000. С. 206–215.

Ред.: Русские: народная культура (история и современность).
Т. 3. Семейный быт. М.: ИЭА РАН, 2000. 293 с.

Ред.: Русские: народная культура (история и современность).
Т. 4. Общественный быт. Праздничная культура. М.: ИЭА РАН, 2000. 243 с.

2001

Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 2001. 275 с.

Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 3–280, 301–346, 425–472, 840–845. [Введение; глава 1 – «Этническая история и формирование населения Русского Севера»; глава 2 – «Сельские поселения в центральных районах Русского Севера»; глава 3 – «Население центральных районов Русского Севера»; глава 4 – «Занятия населения и хозяйственные традиции»; глава 5 (разделы 1–3) – «Севернорусская крестьянская усадьба»; глава 6 (разделы 1–2) – «Севернорусский костюм»; глава 8 – «Брак и семья у севернорусского сельского населения»; Заключение].

Поселения и состав населения в центральных районах Русского Севера (по материалам экспедиций 1986–1994 гг.) // Полевые исследования ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 196–225.

Ред.: Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. 850 с.

2002

Хозяйственные занятия и общинные традиции в деревнях Русского Севера (по материалам экспедиций конца 1980-х – начала 1990-х годов) // Полевые исследования ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 183–208.

Ред.: Русские: народная культура (история и современность).
Т. 5. Духовная культура. Народные знания. М.: ИЭА РАН, 2002. 376 с.

2003

М.В. Витов – этнограф и антрополог (1923–1968) // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 107–118.

Отв. ред.: Русские. [Серия «Народы и культуры»]. [Третье изд.]. М.: Наука, 2003. 828 с.

2004

Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 3–280, 301–346, 425–472, 840–845. [Введение; глава 1 – «Этническая история и формирование населения Русского Севера»; глава 2 – «Сельские поселения в центральных районах Русского Севера»; глава 3 – «Население центральных районов Русского Севера»; глава 4 – «Занятия населения и хозяйственные традиции»; глава 5 (разделы 1–3) – «Севернорусская крестьянская усадьба»; глава 6 (разделы 1–2) – «Севернорусский костюм»; глава 8 – «Брак и семья у севернорусского сельского населения»; Заключение].

В.А. Александров и труды по исторической этнографии отдела «Этнологии русских» ИЭА РАН // Тюменский исторический сборник. Тюмень, Тюменский гос. ун-т, 2004. Вып. 8. С. 3–12.

Брачно-семейные традиции у населения Русского Севера (по материалам экспедиций конца 1980-х – начала 1990-х годов) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2002. М.: Наука, 2004. С. 57–70.

Русские // Большая Российская энциклопедия. Россия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; СПб., Норинт, 2004. С. 177–187.

Ред.: И.А. Морозов, И.С. Слепцова. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX века). М.: Индрик, 2004. 920 с.

2005

Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. Оренбург: Комитет по делам национальностей администрации Оренбургской обл., 2005. № 1. С. 37–49.

Русские // Руссика. Школьная энциклопедия. М.: Ома-Пресс, 2005.

Отв. ред.: Русские. [Серия «Народы и культуры»]. [Четвертое изд.]. М.: Наука, 2005. 828 с.

2006

К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения (по источникам XII–XX вв.) // Мировоззрение и

культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. С. 102–144.

Ред.: Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. 387 с.

Ред.: *С.И. Дмитриева*. Традиционное искусство русских Европейского Севера. Этнографический альбом. М.: Наука, 2006. 286 с.

2007

Этапы колонизации // Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск; М.: Феория, 2007. С. 746–747.

Русские // Большая энциклопедия народов для школьников и студентов. М.: Олма, Медиа Групп, 2007. С. 447–454.

2008

Русские: история и этнография. М.: АСТ: Олимп, 2008. С. 3–6, 45–79, 101–113, 144–173, 182–192, 369–410. [Введение; глава 1 – «Расселение и численность русских в Российской империи (конец XVIII – начало XX вв.)», «Этнографические группы русского народа»; глава 2 – «Демографические процессы в 1917–1920-е годы», «Размещение и численность русских в 1930–1940-е годы», «Движение населения в 1950–1990-е годы»; глава 3 – разделы «Традиционная земледельческая и промысловая культура» и «Сельское хозяйство после 1917 года»; глава 7 – разделы «Брак и семья у русских (XII – начало XX века)» и «Семейно-брачные отношения в 1917–2000-х годах. Сельская семья»].

Русские // Народы России: Атлас культур и религий. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. С. 58–65. [Совм. с Х.В. Поплавской].

Ред.: Русские: история и этнография. М.: АСТ; Олимп, 2008. 748 с. [Совм. с В.А. Тишковым].

2009

Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 3–6, 113–196, 780–782. [Введение; очерк 5 – «Народное сознание и культура севернорусского населения»; Заключение].

О терминах для обозначения этнических категорий // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 118–129.

Ред.: Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. 787 с.

Ред.: *А.А. Желтов*. Жизненная среда и здоровье населения Вологодской земли в исторической ретроспективе (XIX – начало XX в.). Вологда: Книжное наследие, 2009. 170 с.

2010

Народная культура в трудах Отдела этнологии русского народа Института этнологии и антропологии РАН 1960–2000-х годов // Народна творчість та етнографія. Київ: Інститут містечтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2010. № 2. С. 15–20. [На украинском языке].

Судьбы русской народной культуры // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2010. № 3. С. 36–46.

2011

Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. Гл. III. Север Европейской части XII–XX веков. М.: Индрик, 2011. С. 295–328. [Раздел «Центральная и южная части»].

Ред.: *Т.И. Дронова*. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX – начало XXI в.). Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2011. 212 с.

2012

Рец. на кн.: *К.К. Логинов* «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты». СПб.; Петрозаводск: Ун-т им. Дм. Пожарского, 2010 // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 166–170.

2013

Отв. ред. и сост.: Русские этнокультурная идентичность / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013. 320 с.

Виды идентичности русских // Русские этнокультурная идентичность. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 13–44.

2014

Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014. 164 с.

2015

Экспедиция в Забайкалье // Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников РАН. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 101–105.

Список сокращений

АГВ	–	Архангельские губернские ведомости
АИЭА	–	Архив Института этнологии и антропологии РАН
АО	–	Археологическое общество
АОИРС	–	Архангельское общество изучения Русского Севера
АПК	–	Аграрно-промышленный комплекс
АРАН	–	Архив Российской академии наук
АРГО	–	Архив Русского географического общества
АРЭМ	–	Архив Российского Этнографического музея
АЭ МГУ	–	Архив кафедры этнографии исторического ф-та МГУ
ВЕВ	–	Вологодские епархиальные ведомости
ВГВ	–	Вологодские губернские ведомости
ВИ	–	Вопросы истории
ВГМЗ	–	Вологодский государственный музей-заповедник
ВОИСК	–	Вологодское общество изучения Северного края
ВО	–	Вологодский отряд
ВЭ	–	Востоčnoславянская экспедиция
ВЭ. В-КО	–	Востоčnoславянская экспедиция. Вологодско-Костромской отряд
ГААО	–	Государственный архив Архангельской области
ГАВО	–	Государственный архив Вологодской области
ЖМВД	–	Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ	–	Журнал Министерства государственных имуществ
ЖС	–	Живая старина
ИОЛЕАЭ	–	Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИЭ	–	Институт этнографии
ИЭА РАН	–	Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
КСИЭ	–	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГ	–	Литературная газета

ЛОИИ	–	Ленинградское отделение Института истории
МИА	–	Материалы и исследования по археологии
ПИИЭ	–	Полевые исследования Института этнографии
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РАО	–	Русское археологическое общество
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РГО	–	Русское Географическое общество
РНБ	–	Российская национальная библиотека
РО	–	Рукописный отдел
СА	–	Советская археология
С-ЗО	–	Северо-Западный отряд
СО	–	Сибирское отделение
СО КЭ	–	Северный отряд Комплексной экспедиции
СПб. архив РАН	–	Санкт-Петербургский архив Российской академии наук
СЭ	–	Советская этнография
Уч. зап.	–	Ученые записки
ФСИН	–	Федеральная служба исполнения наказаний
ЧОИДР	–	Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЭС ИРГО	–	Этнографический сборник Императорского Русского географического общества

Научное издание

Ирина Владимировна Власова

**Русский Север: историко-культурное развитие
и идентичность населения**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка: *О.Г. Симонова*
Редактор: *Л.Т. Соловьева*
Художник: *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 07.12.2015.
Формат 60×84 1/16 Усл.-печ. 22 л.
Тираж 300 экз. Заказ № 74

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а